ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи
Ужъ замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28
1899

2766

ИЗДАНІЕ

Потомственнаго Почетнаго Гражданина

Александра Николаевича

МАМОНТОВА.

Тринадцатая книга *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина* оканчивается 18-мъ февраля 1855 года, днемъ блаженной кончины императора Николая I-го...

Дрéвняя мимоидóша, се бы́ша вся новá (2 Кор. V, 17).

При заключеніи, такъ сказать, Николаевскаго періода Русской Исторіи, я призналъ полезнымъ, приложить къ книгѣ тринадцатой *Азбучный Указатель именъ личныхъ, географическихъ названій, монастырей, церквей, кладбищъ и разныхъ предметовъ, въ VIII — XIII книгахъ Жизни и Трудовъ М. П. Погодина упоминаемыхъ*,—составленный сотрудникомъ Археографической Коммиссіи В. В. Майковымъ.

Въ тридцатилѣтнее царствованіе Николая I-го, Погодинъ стяжалъ себѣ неувядаемую славу въ Исторіи Русскаго Просвѣщенія.

Значеніе біографіи Погодина сознавалось еще при жизни его. Въ 1854 году, когда онъ представилъ для Словаря профессоровъ Московскаго Университета свою автобіографію, С. П. Шевыревъ писалъ: „Такія біографіи, какъ Погодина, должны быть плодотворны и для новаго поколѣнія, ибо возобновляютъ прерванныя преданія“. А. С. Хомяковъ также писалъ, что „чѣмъ любопытнѣе и самостоятельнѣе человѣкъ, тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе его автобіографія и всѣ его собственные отзывы о себѣ. Правда, что онъ часто можетъ ошибаться на свой счетъ и даже ложно понимать свои собственныя побужденія, но самыя ошибки его

полезны для тѣхъ, которые его изучаютъ. Въ правдѣ, имъ высказываемой, и даже въ его самообольщеніяхъ, узнаются такія стороны его жизни и сознанія, которыхъ со стороны нельзя угадать". Погодина,—писалъ И. С. Аксаковъ,—„за многое можно уважать, и когда умретъ этотъ человѣкъ и представится намъ вся жизнь его, какъ одно цѣлое, тогда многіе, даже враги, отдадутъ ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усѣяно лицо каждаго человѣка, даже красавицы, если разсмотрѣть въ микроскопъ, исчезнутъ, не обратятъ на себя вниманія, когда выдастся впередъ общій обликъ человѣка. Этотъ-то общій обликъ не всегда уважается людьми при жизни человѣка, впрочемъ, онъ и не ясно видимъ тогда; но вообще люди охотнѣе путешествуютъ по прыщамъ и буграмъ человѣка, чѣмъ всматриваются въ общій типъ его физіономіи. Въ Погодинѣ много и много такого хорошаго, ради котораго можно простить ему многое дурное".

Такое значеніе біографіи Погодина постоянно одушевляло меня при описаніи его *Жизни и Трудовъ*.

И вотъ, доведя трудъ свой до исхода Николаевскаго періода Русской Исторіи, я священнымъ долгомъ почитаю выразить мою глубочайшую признательность прежде всего Императорской Академіи Наукъ, которая, разсмотрѣвъ первыя семь книгъ моего сочиненія, признала ихъ заслуживающими вниманія и поощренія, и увѣнчала мой трудъ полною Уваровскою премїею.

Полученная мною академическая премія дала мнѣ возможность издать въ 1895-мъ году книгу девятую и посвятить ее памяти графа Сергія Семеновича и графа Алексѣя Сергѣевича Уваровыхъ.

Но и щедрая награда Академіи не позволила бы мнѣ продолжать печатаніе моего труда, если бы не подалъ мнѣ руку помощи изъ Москвы достопочтенный старецъ Александръ Николаевичъ Мамонтовъ, исполненный исконныхъ Московскихъ просвѣтительныхъ преданій, основанныхъ на преданности Православной Церкви, Царю и Отечеству, и вполнѣ

раздѣляющій мнѣніе С. П. Шевырева о плодотворномъ значеніи біографіи М. П. Погодина.

Александромъ Николаевичемъ сдѣлана была *добровольная* жертва на изданіе дальнѣйшихъ книгъ *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина* *).

Новое поощреніе Императорской Академіи Наукъ, увѣнчавшей и послѣдующія книги (начиная съ восьмой) біографіи Погодина полною Уваровскою преміею, преисполнило мое сердце сугубою радостію; награда сія несомнѣнно утѣшитъ также и А. Н. Мамонтова сознаніемъ, что, благодаря его *добровольной* жертвѣ, я могъ продолжать изданіе своего труда и поставить эпиграфомъ къ своей книгѣ:

Пою... дондеже есмь!

Николай Барсуковъ.

26 Сентября 1898 г.
Полтава.

---

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1896, X, I—VIII.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

СТРАН.

СТРАН.

I.

Приступаемъ къ описанію 1853, 1854 и 1855 годовъ, записанныхъ „кровавыми буквами на скрижаляхъ Русской Исторіи“.

Еще 19 ноября 1852 года, князь П. А. Вяземскій писалъ къ Плетневу, изъ Дрездена: „Сегодня, 2 декабря (20 ноября), въ Парижѣ, вѣроятно, провозглашается Имперія, а у васъ совершается панихида по томъ, который болѣе всѣхъ содѣйствовалъ паденію первой Имперіи. Замѣтьте Тютчеву это историческое сближеніе“ [1]).

Покровительство восточнымъ Христіанамъ Русскій царь считалъ принадлежностью своей короны, миссіею, завѣщанною ему отъ предковъ. Поэтому онъ не могъ оставаться равнодушнымъ, когда Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшись президентомъ Французской Республики, выговорилъ у Турціи разныя льготы и преимущества въ Святыхъ Мѣстахъ католикамъ, въ ущербъ Христіанамъ Православнымъ. Тамъ, при Святомъ Гробѣ, разразилось первое столкновеніе между Западомъ и Востокомъ и возгорѣлась первая искра, изъ которой возникъ великій пожаръ.

Въ столицу султана, императоръ Николай I отправилъ съ чрезвычайными полномочіями князя А. С. Меншикова, который съ первыхъ шаговъ своей миссіи встрѣтилъ цѣлый рядъ препятствій. Французскій посолъ де-Лакуръ и Англійскій Стратфордъ-Каннингъ приняли на себя руководство

Турецкою политикою. Князь Меншиковъ имѣлъ порученіе истребовать: 1) Особаго султанскаго фирмана, которымъ были бы подтверждены всѣ прежнія права, предоставленыя православному духовенству въ Палестинѣ и предѣлахъ Турціи вообще. 2) Другого фирмана, которымъ православному духовенству въ Палестинѣ разрѣшалась бы перестройка купола надъ храмомъ Гроба Господня и 3) Заключеніе съ Портою особой тайной конвенціи или сенеда, неуклонно обезпечивающей на будущее время неприкосновенность привилегій Православія. По совѣту Стратфорда, Блистательная Порта отвергла третье наше требованіе, какъ посягательство на верховныя права султана. Тогда князь Меншиковъ вручилъ великому визирю ультиматумъ, объявивъ, что, если черезъ четыре дня не будетъ данъ ему вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ, онъ вынужденъ будетъ покинуть Константинополь. Ультиматумъ былъ отвергнутъ и князь Меншиковъ, 9 мая 1853 года, выѣхалъ изъ Константинополя.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ князь П. А. Вяземскій за этими переговорами князя Меншикова, и 24 апрѣля 1853 года, съ проницательностью государственнаго человѣка, писалъ изъ Дрездена къ своему другу дипломату Д. П. Сѣверину: „Много гадостей дѣлается на Святой Руси. Но за то прорываются и такія дѣла, которыхъ нескоро встрѣтишь въ другихъ краяхъ. Я очень озабоченъ теперь подвигами Меншикова. Какъ все это кончится? Эти мѣстности, Царьградъ, Іерусалимъ, интересуютъ меня не только какъ и каждаго Русскаго, но и какъ путешественника и поломника. По моему скудному разумѣнію, въ негоціаціяхъ, хотя будь онѣ ведены умнымъ и хитрымъ человѣкомъ, каковъ Меншиковъ, но все успѣха намъ быть не можетъ. Англичане, заодно съ Французами, всегда насъ пересилятъ, потому что Турки имъ довѣряютъ, а намъ не вѣрятъ. Англія и Франція могутъ дѣйствовать и дѣйствуютъ на Турцію торговлею, такъ называемымъ просвѣщеніемъ, а мы не имѣемъ надъ нею этого торговаго вліянія. Мы можемъ налечь на нее только физиче-

скою силою. Слѣдовательно, когда обстоятельства того требуютъ, и нужно брать силою, а не словами. Не признается время удобнымъ для дѣйствія, то лучше смотрѣть сквозь пальцы, а не затѣвать преній, которыя кончатся побѣдою въ пользу противниковъ. Ты скажешь мнѣ, что я сажусь въ чужія сани и тоже пускаюсь напрасно въ дипломатическія пренія. Виноватъ! Тебѣ и книги въ руки".

Между тѣмъ, Ю. Ѳ. Самаринъ сообщалъ Погодину, что въ *Таймсѣ*, послѣ страстной выходки противъ Россіи, помѣщена статья, въ которой говорится, что миръ необходимъ для Европы, но условіемъ прочнаго мира должно быть: уравненіе во всѣхъ правахъ Христіанъ съ Магометанами и *федеративное устройство* Славянъ" [2]).

Одинъ русскій, пріѣхавшій въ Москву изъ Парижа, разсказывалъ митрополиту Филарету о живущемъ тамъ одномъ престарѣломъ грекѣ, который прежде былъ консуломъ Русскимъ въ Турецкихъ владѣніяхъ, но сильно дѣйствуя на христіанское народонаселеніе въ пользу Русскихъ, принужденъ былъ послѣ оставить службу и живетъ пенсіею, назначенною отъ императора Александра I. Этотъ человѣкъ, въ первые мѣсяцы 1853 года, сказалъ нашему священнику въ Парижѣ I. В. Васильеву, что настаетъ время судьбы для Константинополя; что туда посланъ будетъ Русскій вельможа, и выйдетъ оттуда съ Русскимъ посольствомъ. Когда князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя, этотъ предсказатель опять пришелъ къ священнику Васильеву и сказалъ: видите, сбылось, что̀ я вамъ сказалъ; теперь всѣ будутъ говорить о мирѣ; но будетъ жесточайшая война. „Что видимъ и слышимъ донынѣ",—писалъ по этому поводу митрополитъ Филаретъ, — „то не противорѣчитъ сему предсказанію" [3]).

Подъ 15 апрѣля Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе о Константинопольскомъ бунтѣ. Я ожидалъ его уже другой мѣсяцъ, и не понимаю, какъ могла Европейская политика не ожидать его. Читалъ Евангеліе, думалъ о грѣхахъ... Господи! Открой мнѣ грѣхи мои и дай мнѣ слезъ плакать о

грѣхахъ моихъ". На другой же день Шевыревъ писалъ Погодину: „Видно пророчеству сбыться. Говорятъ, въ Константинополѣ былъ бунтъ — и князь Меншиковъ собралъ войско и принялъ подъ свою защиту всѣхъ пословъ. Не вызовутъ ли тебя отъ Троицы Царьградскія событія"?

При самомъ возникновеніи вопроса о правахъ Православной Церкви въ Палестинѣ, императоръ Николай, по свидѣтельству князя В. И. Васильчикова, предвидѣвъ возможность столкновенія съ Европою, утѣшалъ себя мыслію противопоставить врагамъ своимъ многочисленную армію. Въ разговорѣ съ А. Е. Тимашевымъ, возражая на его замѣчаніе, что у насъ плохо вооруженіе, государь рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что у него численность войскъ будетъ такая, что онъ постоянно будетъ сильнѣе враговъ и потому никого не боится [4]).

1-го іюня 1853 года князь М. С. Воронцовъ писалъ А. П. Ермолову:

„Долго можно было полагать, что войны не будетъ; теперь есть и такіе, которые за то не ручаются. Порту преодолѣть не трудно; но будутъ ли другіе равнодушными свидѣтелями, этого и самъ мудрый Нессельроде не знаетъ. Появленіе войскъ нашихъ въ княжествахъ возбудитъ живущихъ за Дунаемъ Христіанъ, и компликація, умноживъ затрудненія, набросить на насъ подозрѣнія несправедливыя. Порта стоитъ на колѣняхъ, божется, что войны не желаетъ и даже боится; но все-таки не хочетъ, чтобы ее били въ морду. Будутъ и тебѣ занятія, на которыя ты не разсчитывалъ".

Черезъ двѣ недѣли послѣ написанія этихъ строкъ, воспослѣдовалъ, 14 іюня 1853 года, изъ Петергофа, высочайшій манифестъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
и проч., и проч., и проч.
Объявляемъ всенародно:

Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что защита Православія была искони обѣтомъ Блаженныхъ предковъ нашихъ.

Съ того самаго времени, когда Всевышнему Промыслу угодно было вручить намъ наслѣдственный Престолъ, охраненіе сихъ святыхъ обязанностей, съ нимъ неразлучныхъ, было постоянно предметомъ заботливости и попеченій нашихъ; и они, имѣя основаніемъ достославный Кайнарджійскій договоръ, подтвержденный послѣдующими торжественными трактатами съ Оттоманскою Портою, всегда направлены были къ обезпеченію правъ Церкви Православной.

Но, къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защитить неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей Православной Церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушали сіи права и грозили наконецъ совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь Православію драгоцѣннаго.

Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено.

Истощивъ всѣ убѣжденія и съ ними всѣ мѣры миролюбиваго удовлетворенія справедливыхъ нашихъ требованій, признали мы необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія Княжества, дабы доказать Портѣ, къ чему можетъ вести ея упорство. Но и теперь не намѣрены мы начинать войны; занятіемъ Княжествъ мы хотимъ имѣть въ рукахъ нашихъ такой залогъ, который бы во всякомъ случаѣ ручался намъ въ возстановленіи нашихъ правъ.

Не завоеваній ищемъ мы; въ нихъ Россія не нуждается.

Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго. Мы и теперь готовы остановить движеніе нашихъ войскъ, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви. Но если упорство и ослѣпленіе хотятъ противнаго, тогда, призвавъ Бога на помощь, Ему предоставимъ рѣшить споръ нашъ, и съ полною надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ—за Вѣру Православную.

Данъ въ Петергофѣ, въ 14-й день іюня мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третіе, Царствованія же нашего въ двадцать осьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ".

12 іюля 1853 г., С. Т. Аксаковъ, изъ своего Абрамцева, писалъ И. С. Тургеневу: „Кажется, будетъ война. Обстоятельства увлекаютъ насъ противъ воли. Исторія возьметъ свое: я ожидаю великихъ событій" [5]). О томъ же писалъ и Хомяковъ къ Погодину: „По всѣмъ слухамъ, война уже объявлена или будетъ объявлена на дняхъ. Это такое происшествіе, котораго послѣдствія трудно предвидѣть" [6]).

При извѣстіи о занятіи нашими войсками Валахіи и Молдавіи, въ Европѣ распространились слухи о завоевательныхъ намѣреніяхъ Россіи. Быть можетъ, подъ вліяніемъ этихъ слуховъ, Австрія предложила Русскому правительству свое посредничество. Императоръ Николай I, избѣгавшій войны, охотно согласился на предложеніе. Для этой цѣли открылась 12 іюля 1853 года конференція въ Вѣнѣ, въ которой приняли участіе представители Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи. Результатомъ этихъ переговоровъ была, такъ называемая, *Вѣнская нота*, по которой султанъ обязывался объявить, что онъ согласенъ на тѣ требованія, на которыя Россія имѣетъ право, на основаніи трактатовъ Кучукъ-Кайнарджійскаго (1774) и Адріанопольскаго (1829), по отношенію покровительства Христіанамъ въ предѣлахъ Турціи. Императоръ

Николай немедленно принялъ этотъ дипломатическій актъ, съ тою оговоркою, чтобы султанъ подтвердилъ его безъ всякихъ измѣненій. Султанъ, подъ вліяніемъ Англійскаго и Французскаго посланниковъ, усердно трудившихся въ пользу войны съ Россіей, отклонилъ упомянутую ноту и тѣмъ уничтожилъ всѣ усилія дипломатіи предотвратить окончательный разрывъ между Турціею и Россіею.

Старый воинъ П. Х. Граббе, подъ 10 октября 1853 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Надѣются на Германію, а демагоги на сторожѣ. А Наполеону не достаетъ военной славы; а Англія раздражена“ [7]).

Между тѣмъ, А. Ѳ. Бычковъ, изъ Петербурга, 13 октября 1853 года, писалъ Погодину: „Война, какъ кажется, неизбѣжна. Государь объявилъ объ этомъ при Дворѣ. Дивизія изъ Одессы переправлена въ Сухумъ-Кале для начатія дѣйствій въ Азіатской Турціи. Дай Богъ успѣха нашему царю и оружію! Восточный вопросъ, при настоящемъ положеніи, имѣетъ огромную историческую важность. Для Турціи въ немъ заключается Шекспировское: *быть или не быть*. Предвидится, какъ кажется, и разрывъ съ Англіею, ибо Брокъ на дняхъ призывалъ Англійскихъ негоціантовъ и отъ лица государя намекалъ имъ объ этомъ“ [8]).

Ровно черезъ недѣлю, когда написано было это письмо, т.-е. 20 октября, воспослѣдовалъ изъ Царскаго Села другой высочайшій манифестъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
и проч., и проч., и проч.
Объявляемъ всенародно:

Манифестомъ нашимъ, даннымъ въ 14-й день іюня текущаго года, мы объявили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ о причинахъ, побудившихъ насъ требовать отъ Порты Оттоманской твердаго обезпеченія на будущее время священныхъ правъ Церкви Православной.

Мы также возвѣстили имъ, что всѣ старанія наши склонить Порту, мѣрами дружескаго убѣжденія, къ чувству правоты и добросовѣстному соблюденію трактатовъ оставались безполезными, почему и признано было нами необходимымъ двинуть войска наши въ Придунайскія Княжества. Но, принявъ сію мѣру, мы сохраняли еще надежду, что Порта, въ сознаніи своихъ заблужденій, рѣшится исполнить справедливыя наши требованія.

Ожиданія наши не оправдались.

Тщетно даже главныя Европейскія державы старались своими увѣщеваніями поколебать закоснѣлое упорство Турецкаго правительства. На миролюбивыя усилія Европы, на наше долготерпѣніе, оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, исполненною извѣтовъ противъ Россіи. Наконецъ, принявъ мятежниковъ всѣхъ странъ въ ряды своихъ войскъ, Порта открыла уже военныя дѣйствія на Дунаѣ.

Россія вызвана на брань: ей остается,—возложивъ упованіе на Бога, — прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы принудить Порту къ соблюденію трактатовъ и къ удовлетворенію за тѣ оскорбленія, коими отвѣчала она на самыя умѣренныя наши требованія и на законную заботливость нашу о защитѣ на Востокѣ Православной Вѣры, исповѣдуемой и народомъ Русскимъ.

Мы твердо убѣждены, что наши вѣрноподданные соединятъ съ нами теплыя мольбы къ Всевышнему, да благословитъ Десница Его оружіе, подъятое нами за святое и правое дѣло, находившее всегда ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ благочестивыхъ предкахъ. На тя Господи уповахомъ, да не постыдимся во вѣки.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 20-ый день октября мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ пятьдесятъ третіе, Царствованія же нашего двадцать осьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ“.

По прочтеніи манифеста, митрополитъ Филаретъ писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Подлинно это можетъ быть брань библейская, брань народа Божія съ язычниками, только еслибы мы менѣе заразились языческими обычаями Запада!—Господи, прости насъ, и защити славу Твоего Имени предъ языками“ [9]).

Нелишнимъ будетъ здѣсь замѣтить, что митрополитъ Филаретъ, по поводу одной проповѣди, въ которой заключалось какое-то пророчество о Россіи, еще въ 1850 году, писалъ ректору Московской Духовной Академіи архимандриту Алексѣю: „Прочитайте, отецъ ректоръ, прилагаемое слово. Мнѣ не думается печатать. Въ приложеніи пророчества къ Россіи не мало произвольности. Въ наше время мы много хвалимся, и не довольно каемся. А время совѣтуетъ меньше хвалиться, и больше молиться“ [10]). Въ томъ же удерживалъ Филаретъ и А. Н. Муравьева. „Вы очень рѣшительно“,—писалъ онъ ему,—„предсказываете паденіе Турецкой Имперіи и ей это конечно непріятно; да и намъ надлежало бы не торжествовать заранѣе, а подумать каковъ будетъ день Господень“.

Этимъ мыслямъ митрополитъ Филаретъ остался вѣренъ и тогда, когда Россія вступала въ кровавую борьбу съ Турціею. Такъ, 10 ноября 1853 г., онъ писалъ Антонію: „Не нравится мнѣ, что въ первомъ донесеніи о начатіи войны, князь Воронцовъ сравниваетъ ее съ войною 1812 года“.

„Въ началѣ зимы 1853 — 1854 годовъ,—пишетъ князь В. П. Мещерскій,—въ числѣ часто посѣщавшихъ нашу гостиную былъ лордъ Непиръ, членъ Англійскаго посольства. ...Пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ тогда не было, всѣ мысли вращались около Турецкаго вопроса, и волею неволею лорду Непиру приходилось, какъ пріятелю Карамзинской семьи, выслушивать многое, что ему, какъ агенту Англійскаго посольства, не могло быть пріятнымъ. Въ эту роковую зиму отъ него мы узнали о тогдашней извѣстной бесѣдѣ императора Николая I съ Сеймуромъ, тогдашнимъ Англійскимъ пос-

ломъ въ Петербургѣ... Въ этой бесѣдѣ необыкновенно рельефно высказались иллюзіи Николая, а съ другой стороны его рыцарство..... Несомнѣнно было, что одинъ только Сеймуръ заговорилъ съ Николаемъ съ полною честностью друга, и обрисовалъ передъ нимъ всѣ ожидавшія его затрудненія и опасности". Сеймуръ стремился убѣдить Николая, „предпочесть дипломатическое улаженіе вопроса Европейской войнѣ"; но Николай вѣрилъ тремъ вещамъ: „своей военной силѣ, помощи Австрійцевъ и Пруссаковъ, и правотѣ своего дѣла. Николай вѣрилъ еще одному: дружбѣ королевы Викторіи къ нему".

Сеймуръ же возражалъ государю, что „королева своимъ личнымъ вліяніемъ можетъ очень мало — какъ относительно правительства и парламента, такъ и относительно общественнаго мнѣнія въ Англіи; что Восточный вопросъ есть вопросъ для Англіи самый чувствительный и острый, и что по его свѣдѣніямъ, настроеніе общественнаго мнѣнія по этому вопросу къ Россіи недоброжелательно и недовѣрчиво". Императоръ на эту дружественную откровенность Сеймура отвѣтилъ ему, что онъ не вѣритъ въ безсиліе королевы и твердо разсчитываетъ на правоту своего дѣла, на силы и преданность своего народа и на вѣрность своихъ союзниковъ въ Европѣ. Вотъ тутъ Сеймуръ сказалъ свои знаменитыя слова объ Австріи, и вставилъ потому, что, какъ онъ говорилъ послѣ, онъ себя чувствовалъ болѣе въ роли искренняго благожелателя Николая, чѣмъ Англійскаго дипломата, а ему было больно и досадно оставлять благороднаго монарха въ такомъ роковомъ для него заблужденіи относительно Австріи"... Къ сожалѣнію, доводы Сеймура не произвели желаннаго дѣйствія на Николая. „Онъ остается твердъ въ своихъ иллюзіяхъ рыцаря, и въ особенности, какъ говорилъ Сеймуръ, въ своей вѣрѣ въ свою правоту, и въ то, что за него вся Россія" [11]).

II.

25 ноября 1853 года, графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Если увидите митрополита Филарета, просите его отъ меня молиться за государя въ это критическое время, и поручить въ Лаврѣ у раки Св. Сергія молиться и о немъ и о страждущихъ народахъ соплеменныхъ, чающихъ избавленія, какъ нѣкогда ждала его Россія — и готовящихся на борьбу такую же, какъ Россія во время Св. Сергія".

Исполняя желаніе графини Блудовой, Погодинъ представилъ митрополиту выписку изъ письма ея, и немедленно же получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Добрыя слова выписали вы мнѣ изъ письма графини, чтобы въ настоящее время приносимы были особенныя молитвы за благочестивѣйшаго государя императора, и Домъ его, и воинство его, и за единовѣрныхъ страждущихъ и ожидающихъ избавленія Могу сказать на сіе, что прежде услышанія сихъ словъ уже взято за правило, что и сверхъ повелѣнныхъ при общемъ Богослуженіи молитвъ, при мощахъ преподобнаго Сергія первый молебенъ былъ о семъ совершаемъ ежедневно предъ утреннею. И призваннымъ къ оружію и не вооруженнымъ подобаетъ вооружить себя молитвою къ Господу силъ".

Въ порывѣ патріотическаго чувства, почтенный археографъ, М. А. Коркуновъ, писалъ Погодину: „Съ Турками война. Еслибы я имѣлъ хоть четверть столько денегъ, сколько ихъ у вашего Голубкова, то сейчасъ бы назначилъ премію во сто тысячъ рублей тому, кто покажетъ и докажетъ возможность завладѣть Лондономъ, а Великобританцевъ проучить какъ слѣдуетъ, за ихъ купеческія продѣлки... И повѣрьте, Лондонскіе купчики поубавили бы своей спѣси. Тамъ собираютъ митинги, шумятъ въ журналахъ, а мы молчимъ. На что это похоже!"

Въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій, писалъ Погодину слѣду-

ющее: „Почтенному Михаилу Петровичу въ новомъ лѣтѣ новыхъ благословеній отъ Господа, спасающаго правыя сердцемъ! Давно мы не бесѣдовали другъ съ другомъ: я—потому, чтс даже не зналъ, гдѣ вы да ваши странствовали; а вы—вѣрно наказывали меня за что-либо. За что̀ именно, не знаю; ибо не хотѣлъ грѣшить ни въ чемъ противу васъ; и если погрѣшилъ въ чемъ либо, то ожидаю вразумленія. Думаю, что Восточный вопросъ занимаетъ васъ не менѣе меня. Вещь важная уже по ея небывальщинѣ въ такомъ видѣ. Было-бъ о чемъ поговорить теперь, еслибы не раздѣляли насъ полторы тысячи верстъ, но во всякомъ случаѣ помолимся вкупѣ, чтобъ послѣ такого длиннаго и сложнаго приступа, къ чему то великому не окончилось все дѣло, какъ съ вашими газетными статьями бываетъ — *продолженіе впредь*. Не разъ при семъ перечитывали мы Сѣвернаго Орла вашего г. Хомякова, пришлите мнѣ его стихотворенія, и скажите ему, пожалуй и съ дружескимъ упрекомъ, — зачѣмъ онъ не пишетъ болѣе подобнаго. Вотъ такія вещи — услуга и истинная бѣднымъ собратіямъ нашимъ по вѣрѣ, крови и языку. Они дѣйствуютъ!.. Кажется, писалъ я вамъ, что мой путь на Востокъ состоялся: когда бы не этотъ несчастно-счастливый Восточный вопросъ, я былъ бы теперь, можетъ быть, уже въ Синаѣ. Но тѣмъ лучше: путешествовать послѣ бури и грома, когда очистится воздухъ, всегда пріятнѣе. Почему бы и вамъ не подумать о пути на Востокъ? Не все же таскаться по темному Западу... Особеннаго у насъ ничего: ждемъ отчасти бомбъ съ Темзы и Сены, и готовимъ простые Русскіе ядра и штыки“.

Начиная войну, Россія, не приготовленная къ ней, искала союзниковъ въ Австріи и Пруссіи, державахъ много обязанныхъ Россіи; но обѣ эти державы отклонили отъ себя союзъ съ Россіею и обязались держаться нейтралитета, и то съ тѣмъ условіемъ, чтобы Русскія войска не переходили Дунай. Первыя военныя дѣйствія начаты были Турками въ Азіи: Селимъ-паша овладѣлъ фортомъ Св. Николая на Черномъ морѣ. Но зато въ открытомъ полѣ въ этой мѣстности Турки

потерпѣли два значительныхъ пораженія: они были разбиты на голову генераломъ Андрониковымъ при Ахалцыхѣ (12 ноября) и княземъ Бебутовымъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ (19 ноября). На Дунаѣ же не произошло ничего рѣшительнаго... Завладѣвъ фортомъ Св. Николая, Турція выслала въ Черное море значительную эскадру подъ начальствомъ Османа паши и флотилія укрылась въ Синопскую гавань. Здѣсь адмиралъ Нахимовъ напалъ на Османа-пашу и послѣ непродолжительнаго боя, 16 ноября 1853 года, истребилъ Турецкій флотъ.

Синопская побѣда оживила Россію, и князь П. А. Вяземскій писалъ:

Нахимовъ, Бебутовъ—побѣды близнецы!
Въ васъ ожили въ сей день богатыри отцы.
Вы отклики громовъ, гремѣвшихъ подъ Кагуломъ,
И съ Чесмы грянувшихъ грозою надъ Стамбуломъ.
Подъемлясь изъ гробницъ, Румянцевъ и Орловъ
Благословляютъ въ васъ своихъ учениковъ и пр.

Стихотвореніе это князь П. А. Вяземскій отправилъ къ самому П. С. Нахимову при слѣдующемъ письмѣ изъ Карльсруэ, отъ 31 декабря 1853 года: „Позвольте незнакомому вамъ лицу, но Русскому и, слѣдовательно, благодарною душою, вамъ и славѣ вашей сочувствующему, принести вашему превосходительству дань слабую и подвига вашего недостойную, но, по крайней мѣрѣ, искренно выражающую, какъ съумѣлось выразить чувства, коими порадовали и ободрили вы меня на чужой сторонѣ“.

Подъ 15 февраля 1854 года князь Вяземскій отмѣтилъ въ своей *Старой Записной Книжкѣ:* „Получилъ милый, скромный отвѣтъ Нахимова на письмо и стихи мои“.

„А что Нахимовъ?—писалъ Погодину высокопреосвященный Иннокентій—Вѣдь истый Русакъ! Подобныхъ бы и на Дунай, который что-то въ нынѣшнемъ году крайне обмелѣлъ“ [12]).

Съ своей стороны и Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „Побѣда Бебутова и Синопское дѣло очень всѣхъ пора-

довали. Что-то впередъ Богъ дастъ? А по моему, узелъ дѣла въ Сербіи, и въ томъ, какъ Сербы и Черногорцы объявятъ свое отношеніе не къ тому вопросу, который мы поставили, а къ вопросу объ огражденіи Христіанъ вообще отъ разбоя и убійства. Слово Сербіи можетъ связать Англійское министерство по рукамъ и ногамъ, или поднять на него жесточайшую бурю въ парламентѣ" [13]).

„Питеру",—писалъ П. С. Савельевъ Погодину,—„теперь не до литературы: торжествуетъ три славныя побѣды. Морская то посбавитъ спѣси у Джонбуля. Говорятъ, что улизнувшій отъ гибели пароходъ, былъ Англійскій. Хорошій урокъ выходцамъ дали и сами Турки подъ Карсомъ. Большая часть изъ артиллеристовъ были ренегаты—Французы, Нѣмцы, Поляки и т. п.; дрались отлично; но когда мы смяли Турокъ штыками и они обратились въ бѣгство, то первымъ ихъ дѣломъ было переколоть своихъ артиллеристовъ!"

Филаретъ, созерцая это событіе, писалъ Антонію: „Жаль конечно, что военачальники въ самонадѣяніи думаютъ найти силу, а не въ надеждѣ на Бога. Думаютъ, что дерзость слова принадлежитъ храбрости. Не такъ думаютъ добрые воины. Замѣчено, что Веллингтонъ, въ донесеніяхъ о побѣдахъ, никогда не говорилъ о славѣ, но о исполненіи долга. Мнѣ сказывали, что Нахимовъ, выходя искать Турецкаго флота, какъ скоро выступилъ въ открытое море, поднялъ молитвенный флагъ, и на всѣхъ корабляхъ было молебствіе; потомъ онъ отдалъ пароль всему флоту: *Богъ* и *Слава*. Хотя и славу не *забылъ*; но слава Богу, что помянулъ Бога: и вотъ ему дано истребить Турецкій флотъ".

„Нахимовъ молодецъ",—писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину,—„истинный герой Русскій. Я думаю и рожа у него настоящая липовая лопата, какъ я называю князя Д. М. Пожарскаго".

Подвигъ Нахимова отозвался въ сердцахъ студентовъ Московскаго Университета и выразителемъ этихъ чувствъ явился М. А. Стаховичъ:

Въ ноябрѣ открывши святцы,
Вспомнимъ мы Синопскій бой:
Нашъ Платонъ Степанычъ, братцы,
Братъ Нахимова родной

Здравствуй, адмиралъ Нахимовъ,
Богатырь и молодецъ!
Дядя! братъ твой незабвенный
Былъ студенческій отецъ!

Мы по немъ тебѣ родные,
Благодарны за него;
Ты напомнилъ всей Россіи
Имя доброе его.

Всякъ изъ насъ и днемъ и ночью
Васъ въ молитвѣ помянетъ:
Нашъ въ тебѣ Платонъ Степанычъ
Новой славою живетъ [14]).

Синопская побѣда произвела сильное впечатлѣніе въ Европѣ.

„Послѣ истребленія Турецкой эскадры,—писалъ Филаретъ Антонію",—всѣ Англійскія газеты возопіяли противъ Россіи. Говорятъ, королева требовала отъ министровъ дознанія отъ чего это, когда Россія въ союзѣ съ Англіею, и ничѣмъ не оскорбляетъ Англіи (sic!). По дознаніи оказалось, что это по возбужденію отъ лорда Пальмерстона. Королева, говорятъ, поблагодарила его за службу, и сказала, что не имѣетъ въ немъ болѣе нужды. Теперь пишутъ, что онъ выходитъ изъ Министерства... Если это правда: да спасетъ Богъ королеву. Но можно опасаться, что Пальмерстонъ составитъ сильную оппозицію и низвергнетъ нынѣшнее Министерство; и тогда можетъ быть послѣдняя горша первыхъ. Господу помолимся о государѣ нашемъ и о Россіи [15]).

Въ *Дневникѣ* же графа П. Х. Граббе читаемъ, подъ *17 декабря:* „Пальмерстонъ вышелъ изъ Министерства вѣроятно съ тѣмъ, чтобы составить новое, свергнувъ настоящее. Это министръ войны. Персія объявила войну Турціи. Новый поводъ къ раздраженію Англіи". Подъ *24 декабря*: „Пальмерстонъ опять поступилъ въ Министерство прежнимъ званіемъ".

III.

„Искренно благодарю васъ“,—писалъ Хомяковъ къ А. Н. Попову—„за присланное вами сочиненіе о сношеніяхъ нашихъ съ Хивою. Весь разсказъ о Бековичѣ, также какъ и о посольствѣ италіанца, и тотъ страхъ, который внушала Россія всей Закаспійской области, доказываютъ великое и вѣковое наше ослѣпленіе. Все вниманіе наше постоянно было обращаемо на дѣла Европы; истинныя выгоды наши призывали насъ на сильнѣйшее дѣйствіе на Востокѣ, который достался бы намъ очень легко. Туда бы должно было отодвинуть казачество, совершенно неумѣстное на Дону. Персія была бы у насъ постоянно въ рукахъ... Петръ, кажется, понималъ дѣло; но его система насъ втянула слишкомъ глубоко въ междоусобія Европы и подавила наши *естественные инстинкты*“ [16]).

Такъ размышлялъ Хомяковъ въ то время, когда мы вступили въ войну съ Турками.

Между тѣмъ, проживавшій въ Москвѣ болгаринъ Филаретовъ обратился къ Погодину, 20 декабря 1853 года, съ слѣдующимъ письмомъ: „Спѣшу съ глубочайшею благодарностью воспользоваться вашею драгоцѣннѣйшею для меня снисходительностью. Сегодня получилъ письмо изъ Одессы отъ моего соотечественника, Николая Христофоровича Палаузова, служащаго при Одесской Таможнѣ, и все досужное отъ должностныхъ занятій время посвящающаго на то, чтобы поддержать начавшееся уже возрожденіе Новоболгарской литературы, и утѣшить страждущихъ своихъ братьевъ въ Турціи, ободряя ихъ надеждою на Бога, на милостиваго покровителя Православія царя Русскаго,—ведя по этому доброму и безкорыстному дѣлу переписку не только съ Молдо-Воложскими, но и съ Задунайскими Болгарами, руководствуясь въ своихъ усиліяхъ благоразумными совѣтами и наставленіями нашихъ доброжелателей, какъ-то преосвященнѣйшаго Иннокентія, воен-

наго тамъ генералъ-губернатора Өедорова и пр. Еще прошлою зимою познакомился я съ г. Ошмянцовымъ, о которомъ упоминаетъ г. Палаузовъ въ своемъ письмѣ. Онъ занимается исключительно изученіемъ Славянскихъ нарѣчій, и, сколько я могъ понять его до сихъ поръ, человѣкъ онъ благонамѣренный. Потому я и сообщилъ ему кое что, что̀, разумѣется, можно сообщить, не повергая на себя и другихъ какой-нибудь возможной непріятности. По этому случаю онъ вызвался начертить то, что, по его мнѣнію, должны дѣлать Болгаре при настоящихъ обстоятельствахъ. Проектикъ его я отослалъ Палаузову, которому онъ вообще понравился, и потому теперь пишетъ мнѣ, попросить г. Ошмянцова, чтобы онъ написалъ новое прошеніе, которое Болгаре намѣреваются подать государю, чрезъ князя Горчакова, излагая въ немъ нынѣшнія страданія и пытки, которымъ Турки подвергаютъ беззащитныхъ Задунайскихъ Болгаръ. Хотя я не имѣю ни малѣйшаго повода думать, сомнѣваться въ искренности и законности г. Ошмянцова, но, во всякомъ случаѣ, по достопамятнымъ и дорогимъ мнѣ вашимъ совѣтамъ, я рѣшился болѣе не говорить о такихъ щекотливыхъ вопросахъ никому, рѣшительно никому. Потому я и присылаю къ вамъ письмо Палаузова съ покорнѣйшею съ своей стороны просьбою, чтобы вы благоизволили посвятить нѣсколько минутъ для несчастныхъ Болгаръ и въ нынѣшнее бѣдственное и тяжкое для нихъ время; сообразить каково должно быть прошеніе, какъ по содержанію, такъ и по внѣшней формѣ, которое намѣреваются Болгаре подать снова. Нужно ли имъ повторять то, что ужъ изложено въ прежнемъ, поданномъ уже прошеніи, по той причинѣ, что предполагаемое новое прошеніе будетъ подписано не одними только Молдо-Воложскими Болгарами, какъ прежнее, но и многими другими, бѣжавшими недавно изъ разныхъ концовъ Болгаріи. Нужно ль къ прежнимъ прибавить и нынѣшнія жестокости, которыя совершаются въ Болгаріи и, если мнѣ будетъ позволено просить, я бы васъ просилъ и отъ души умолялъ, добрѣйшій нашъ благо-

дѣтель! написать это прошеніе. Присылаю вамъ и записку, поданную князю Меншикову, Озерову и Горчакову Ник. Хр. Палаузовымъ".

Въ это же время самъ Погодинъ велъ переписку съ графинею А. Д. Блудовою, о Болгарской депутаціи. „Благодарю очень—писала графиня Блудова Погодину—за копію прошенія Болгаръ, которое въ самомъ дѣлѣ произвело большое дѣйствіе на государя, тронуло его до слезъ и первое подало поводъ къ видимому измѣненію въ *взглядѣ политическомъ* на вопросъ Восточный. Это измѣненіе, къ несчастію, никакъ еще не проникаетъ до дипломатіи нашей, и она все находитъ средство сдѣлать вялыми и безцвѣтными самыя хорошія предположенія. Неизлечимо *западна* и *чужда* намъ вся бюрократія Иностранныхъ дѣлъ Министерства! Что за фраза—но около меня всѣ говорятъ и надобно кончить. Что касается до *депутаціи* Болгарской, постараюсь узнать, какъ бы приняли и напишу вамъ по почтѣ—или: *Нельзя* или *Очень хорошо*, не говоря о чемъ; ужъ вы помните, что эти слова будутъ относиться къ пріѣзду сюда Болгарской депутаціи, а не къ чему другому. Только нужно мнѣ самой сперва узнать объ этомъ предметѣ".

Въ другомъ письмѣ графиня Блудова писала Погодину: „На счетъ депутаціи Болгарской я еще ничего положительно не знаю, но, кажется, лучше подождать до весны, когда уже совершенно рѣшится война и ея объемъ".

Въ день Рождества Христова Шевыревъ писалъ Погодину: „Государь веселъ. Побѣды его развеселили. Война и война—нѣтъ слова на миръ. Ото всей Россіи войнѣ сочувствіе. Флигель-адъютанты доносятъ, что такихъ дивныхъ и единодушныхъ наборовъ еще никогда не бывало. Крестовый походъ. Государь самъ выразился, что ему присылаютъ Аполлоновъ Бельведерскихъ на войну: въ теченіе двадцати девяти лѣтъ онъ ничего подобнаго не видывалъ. Англичане говорятъ, что Россія своими мирными расположеніями только можетъ спасти теперешнее Министерство. Не то сядетъ лордъ Паль-

мерстонъ, и война загорится. Старая Нессельродовская партія боится ея и пугаетъ. Никогда еще мнѣнія въ Петербургѣ такъ рѣзко не высказывались, какъ теперь. Русскаго тотчасъ отличишь отъ западника. Жертвовать всѣ готовы. Есть движенія, напоминающія 12-й годъ. Не съѣздить ли тебѣ въ Питеръ? Минута великая. Теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь надобно понять вопросъ Славянскій въ народномъ смыслѣ. Съ праздникомъ поздравляю тебя и обнимаю тебя. Да возсіяетъ свѣтъ разума и въ насъ грѣшныхъ! Это день, когда молиться бы надобно всею душею о томъ, а намъ все молиться некогда. Какъ быть?—Я цѣлую ночь не спалъ. Какъ-то голова слишкомъ возбуждена. Постараюсь этими днями успокоиться" [17]).

Въ тотъ же день, П. Х. Граббе записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Праздникъ Рождества Христова съ открытою передо мною лѣтописью правленія Тиверія, при которомъ Христосъ явился *) и совершилъ свой подвигъ. И теперь, осьмнадцать столѣтій послѣ Него, Его Именемъ готовится переломъ на юго-востокѣ, исходъ котораго извѣстенъ одному Богу. Православная Россія противъ Имперіи Магомета, въ защиту притѣсненной вѣры Христовой... Католичество и Протестантство (Франція и Англія) возстали противъ Россіи въ защиту поклонниковъ Магомета... Персія Магометанская противъ Турціи".

Война приковала къ себѣ всеобщее вниманіе, въ томъ числѣ и Славянофиловъ: „Уже не церковь съ своими догматами и учрежденіями",—писалъ одинъ изъ нихъ,—„не философія Нѣмецкая, не община съ своими обычаями и установленіями, занимали насъ преимущественно. Грозныя событія приковали къ себѣ все наше вниманіе. Мы всѣ чувствовали, что бѣдствія, которыя испытывала Россія, вполнѣ заслужены, и по этому поводу Хомяковъ съ особеннымъ жаромъ и увлеченіемъ говорилъ о томъ, что безнаказанно нельзя, ни стѣснять

*) Т. е., пострадалъ. *Н. Б.*

и подавлять духъ человѣческій, ни допускать его стѣсненіе и подавленіе".

Въ томъ же духѣ писалъ и нашъ историкъ С. М. Соловьевъ: „Приходилось расплатиться... за полную остановку именно того, что нужно было болѣе всего поощрять, чего, къ несчастію, такъ мало приготовила наша Исторія, именно самостоятельнаго и общаго дѣйствія, безъ котораго самодержецъ, самый геніальный и благонамѣренный, остается безпомощнымъ, встрѣчаетъ страшныя затрудненія въ осуществленіи своихъ добрыхъ намѣреній. Нѣкоторые утѣшали себя такъ: *тяжко! всѣмъ жертвуется для матеріальной силы; но по крайней мѣрѣ мы сильны. Россія занимаетъ важное мѣсто, насъ уважаютъ и боятся.* И это утѣшеніе было отнято въ доказательство, что духъ есть *иже живитъ, плоть—ничто же пользуетъ*, въ доказательство гибельности матеріализма, въ доказательство, что сила и матерія не одно и то же" [18]).

Въ это же время Погодинъ, въ рецензіи своей на IV и V томы сочиненія Д. А. Милютина *Исторія войны Россіи съ Франціею*, замѣтилъ: „Мы опоздали нѣсколько говорить о послѣднихъ томахъ драгоцѣннаго Милютинскаго изданія, но не раскаеваемся въ своемъ замедленіи. Теперь, когда со всѣхъ сторонъ раздается звукъ оружія, еще слаще поминать Суворова, и на душѣ становится легче и веселѣе при одномъ его имени" [19]).

IV.

Въ то время, когда Отечество наше *обыде послѣдняя бездна, нѣсть избавляяй, вмѣнихомся яко овцы заколенія*, когда, по выраженію Погодина, „на сѣверѣ собирались тучи, на западѣ раздавались бранные клики и вопли, на югѣ гремѣли уже громы, когда со всѣхъ сторонъ, съ суши и моря, отступники Христовы грозились на Святую Русь",—въ это самое время, въ Москвѣ, въ Лазареву субботу, 1854 года, происходило освященіе новой единовѣрческой церкви во имя Святителя Николая, на Преображенскомъ кладбищѣ.

Событіе это произвело на Погодина сильное впечатлѣніе и онъ былъ его лѣтописцемъ.

19 марта 1854 года, Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода графу Н. А. Протасову: „Обращенное Правительствомъ вниманіе на прекращеніе безпорядковъ, на такъ называемомъ, въ Москвѣ, Преображенскомъ кладбищѣ, которое подъ видомъ богадѣльнаго дома заключало въ себѣ людей, чуждыхъ Православной Церкви, содержащихъ и распространяющихъ ученія, столь противныя Церкви, столько же предосудительныя въ отношеніи къ Правительству и общественной жизни, для разсудительныхъ послѣдователей Преображенскихъ наставниковъ сдѣлалось случаемъ къ такому движенію умовъ, по которому они начали сознавать неправильность своего положенія въ отношеніи къ вѣрѣ, и получили расположеніе къ соединенiею съ Святою Церковію [20])“.

Извѣстный собиратель древнихъ иконъ и церковный староста единовѣрческой церкви Святителя Николая, Андрей Ефимовичъ Сорокинъ, съ своей стороны, обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ, отъ 15 марта 1854 года: „Исполняя ваше желаніе, посылаю вамъ при семъ копію съ черноваго прошенія и надѣюсь быть у васъ за нею въ среду утромъ на сей недѣлѣ. Какъ будетъ пріятно всѣмъ православнымъ и погибшимъ прежде, а нынѣ обратившимся къ Святой Матери Церкви, во единомъ стадѣ и при единомъ пастырѣ воспѣть единогласно слова божественныхъ пѣснопѣній: *Общее Воскресеніе прежде Твоея Страсти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря, Христе Боже.* Не мертвы ли были всѣ загрубѣвшіе въ расколѣ и не воскресаютъ ли, вступая нынѣ въ Православіе, пріемля живую вѣру, примиряясь со Христомъ и со святою Церковію? Послѣ таковыхъ радостныхъ словъ, на другой день не менѣе того будутъ всѣ восхищены пропѣваніемъ стихѣры: „*Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси, вземше крестъ твой, глаголемъ: Благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ.* Въ со-

бытіяхъ нынѣшнихъ и въ словахъ Богослуженія великій сокрытъ Промыселъ Божій; даже самые дни поста и голода не означаютъ ли голодъ раскольниковъ въ непріобщеніи Святыхъ Таинъ, и они кончаются уже постною тріодію и смѣняются тріодію цвѣтоносною, въ которой будутъ воспѣвать таинство искупленія Христова, Тайную вечерю и самое воскресеніе и пасху Христа, и съ этого времени начнутъ многіе пріобщаться Св. Евхаристіи тамъ, гдѣ прежде она отвергалась; не есть ли и это самое переходъ отъ смерти къ жизни? Велій Господь и хваленъ зѣло и величію его нѣсть конца.

Впрочемъ, открытіе церкви хранится въ тайнѣ, дабы не помѣшать присоединяющимся и просящимъ церкви".

За симъ слѣдуетъ упоминаемое въ письмѣ прошеніе его высокопреосвященству прихожанъ Преображенскаго кладбища, присоединившихся къ единовѣрческой старообрядческой церкви и желающихъ присоединиться къ оной: „Желая почтить память своихъ предковъ, трудившихся въ основаніи Преображенскаго богадѣленнаго дома, въ усердномъ пріобрѣтеніи древнихъ святыхъ иконъ и въ собираніи древнихъ книгъ, усердствуемъ подлѣ ихъ могилъ основать имъ памятникъ изъ собственнаго ихъ труда, памятникъ вѣчный, котораго не одолѣютъ врата адовы—и тѣмъ примириться со святою церковію и положить свои кости подлѣ милыхъ нашему сердцу родныхъ могилъ; но какъ мы сами собою безъ вашего архипастырскаго участія и помощи совершить сего не можемъ, то со слезами будущей нашей радости припадаемъ къ стопамъ вашимъ и умоляемъ васъ, какъ пастыря, полагающаго душу свою за овцы Христовы, — не оставить насъ въ нижеслѣдующемъ прошеніи: богадѣленный домъ Преображенскаго кладбища нынѣ находится въ завѣдываніи гражданской власти, посему ваше высокопреосвященство не откажите намъ въ исходатайствованіи дозволенія: въ Преображенскомъ богадѣленномъ домѣ устроить святую церковь; помѣстить въ ономъ священника съ причтомъ для отправленія Богослуженія и всѣхъ установленныхъ церковію таинствъ и духовныхъ требъ,

по старопечатнымъ книгамъ и уставамъ, на тѣхъ самыхъ правахъ, каковыя высочайше дарованы единовѣрческимъ старообрядческимъ церквамъ; дозволить всѣмъ прихожанамъ Преображенскаго кладбища собираться къ общему моленію и отправленію требъ духовныхъ. Поручая мы себя архипастырскимъ вашимъ молитвамъ святымъ, усердно просимъ васъ, какъ дѣти чадолюбиваго отца, направить наше желаніе во благое исполненіе и во спасеніе наше и прочей нашей братіи" [21]).

Получивъ это прошеніе, митрополитъ Филаретъ писалъ графу Протасову: „Представившіе сіе прошеніе, объяснили, что они считаютъ донынѣ около ста душъ, имѣющихъ принадлежать къ новоучреждаемой единовѣрческой церкви, и если еще не болѣе; то потому, что они, обдумывая сіе предпріятіе, не спѣшили сдѣлать оное гласнымъ. Когда же церковь дѣйствительно откроется, можно надѣяться, что число присоединяющихся къ ней сильно возрастать будетъ. Надежду сію можно почесть основательною, между прочимъ, потому, что въ числѣ подписавшихся подъ прошеніемъ о церкви находятся значительнѣйшія лица изъ принадлежавшихъ, по вѣрованію, къ Преображенскому кладбищу, и отъ примѣра ихъ можно ожидать полезнаго дѣйствія на другихъ. Просители изъявляютъ желаніе, чтобы просимая церковь открылась, по возможности, безъ умедленія. И поелику для устроенія главнаго престола въ избранной ими каменной часовнѣ нужно пристроить къ ней олтарь, чего въ скорости сдѣлать не можно, то они желаютъ на первый разъ устроить внутри ея придѣлъ во имя Святителя Николая..... Просители обнадеживаютъ, что содержаніе причта будетъ обезпечено ихъ усердіемъ".

По всеподданѣйшемъ докладѣ сего письма, императоръ Николай, 22 марта 1854 года, высочайше начертать изволилъ: *Слава Богу. Душевно радуюсь, въ надеждѣ, что чистосердечно* [22]).

За два дня до освященія, 1 апрѣля 1854 года, А. Е. Сорокинъ, между прочимъ, писалъ Погодину: „О успѣхахъ я вамъ скажу, что въ одно время золотари, и иконники, и плот-

ники, и столяры, и слесаря, и мѣдники, и серебреники—всѣ работаютъ и работа въ ихъ рукахъ горитъ; — это надобно только видѣть и повѣрить, изъ ничего все растетъ. Иконостасъ совсѣмъ готовъ, дверь и клиросы уставляются и все ужъ почти готово. . . . . . Васъ видѣть на освященіи желаютъ всѣ; г. Алексѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ, бывши въ церкви и увидавъ меня, два раза подходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, будете ли вы на освященіи и проситъ васъ очень, не лишить освященіе вашимъ присутствіемъ. Вы, увидавъ готовность церкви, удивитесь изъ чего все это сдѣлалось. Нынче и самъ Алексѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ, увидавъ все это, обрадовался и сказалъ еще, что въ эту же Лазареву субботу будетъ освящаться церковь въ Санктпетербургѣ на Волковомъ поморскомъ кладбищѣ. Всепокорнѣйше прошу васъ удостоить и мою бѣдную хижину вашимъ посѣщеніемъ, чѣмъ премного будетъ одолженъ пребывающій къ вамъ съ истиннымъ моимъ высокопочтеніемъ и сыновнею преданностію“ [23]).

Упоминаемый въ этомъ письмѣ Алексѣй Дмитріевичъ Игнатьевъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Московскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ А. А. Закревскомъ. По отзыву митрополита Филарета, Игнатьевъ, въ своихъ служебныхъ сношеніяхъ съ раскольниками и единовѣрцами, „дѣйствовалъ съ такою благоразсудительностію, благонамѣренностію, безпристрастіемъ и доброжелательствомъ ко всѣмъ, что между тѣмъ, какъ расположенные къ единовѣрію были имъ поддерживаемы, подкрѣпляемы въ семъ расположеніи, и раскольники обращались къ нему съ довѣренностію... Внезапнымъ отозваніемъ его изъ Москвы прекращено было дѣйствованіе, принесшее значительную пользу единовѣрію, и обѣщавшее еще большую, еслибы продолжено было“ [24]).

V.

Наканунѣ того дня, когда митрополитъ Филаретъ извѣщалъ оберъ-прокурора Св. Сѵнода о совершившемся присоединеніи нѣкотораго числа раскольниковъ Преображенскаго кладбища къ единовѣрію, т.-е. 18 марта 1854 года, Погодину пришла мысль написать *Посланіе къ глаголемымъ старообрядцамъ*; а 22 марта того же 1854 года Шевыревъ уже писалъ ему: „*Посланіе* твое къ раскольникамъ должно быть хорошо“ [25]).

Написаннымъ *Посланіемъ* самъ Погодинъ остался очень доволенъ. По-видимому, хорошее впечатлѣніе произвело это *Посланіе* и на другихъ. Прежде всего Погодинъ прочелъ его графу А. П. Толстому, потомъ профессорамъ Московскаго Университета. Отъ А. Д. Игнатьева Погодинъ получаетъ извѣстіе, что его *Посланіе* „въ хорошемъ ходу“; но при этомъ извѣстіи, Погодинъ выразилъ опасеніе, чтобы это *Посланіе* „не столкнулось съ политическими его статьями“.

Въ іюнѣ 1854 года, пріѣзжалъ въ Москву чиновникъ за оберъ-прокурорскомъ столомъ въ Св. Сѵнодѣ Алексѣй Ивановичъ Войцеховичъ и сообщалъ Погодину, что его „просятъ принять участіе въ раскольничьемъ дѣлѣ Рогожскомъ“; но при этомъ Погодинъ замѣтилъ: „глупо ведутъ или продолжаютъ они его“ [26]). Съ своимъ *Посланіемъ* Погодинъ познакомилъ также и князя В. А. Черкасскаго, который 25 мая 1854 года писалъ ему: „Препровождая къ вамъ вашу Записку о раскольникахъ, прошу васъ принять выраженіе чувствительнѣйшей моей благодарности за сообщеніе ея. Жена также васъ всеусерднѣйше благодаритъ“ [27]).

Посланіе начинается привѣтствіемъ: „Возлюбленнымъ братіямъ на Преображенскомъ кладбищѣ—о Христѣ радоватися“. О своихъ отношеніяхъ къ раскольникамъ Погодинъ въ этомъ *Посланіи* говоритъ: „О себѣ говорить мнѣ много, или хвалиться предъ вами, теперь не приходится: знаете вы меня

не со вчерашняго дня, а немного, ни мало, лѣтъ двадцать посѣщалъ меня и Семенъ Кузьмичъ и Андрей Ларіоновъ и Родіонъ Григорьевъ и Егоръ Гавриловъ; жилъ я съ вами всегда по-пріятельски на распашку; всѣ мои рѣдкости и древности, рукописныя и печатныя, открывались предъ вами безъ утайки. Бывало, придетъ ко мнѣ тотъ или другой изъ васъ на цѣлый на день, возьметъ у меня ключи отъ всѣхъ замковъ и отворовъ и начнетъ разбирать служебники и требники, одинъ одинехонекъ въ моемъ книгохранилищѣ, какъ душѣ угодно. Закрытаго, запретнаго, завѣтнаго, ничего у меня для васъ не было. Случалось мнѣ для многихъ изъ васъ и послуги разныя оказывать, а главное любилъ я васъ всегда, какъ люблю и теперь, за то, что вы уважаете старину и сохранили для всего Отечества много старины драгоцѣнной. Люблю я васъ за то, что видятся мнѣ въ васъ старые Русскіе люди, какъ они были во время оно, при царяхъ Михаилѣ Θеодоровичѣ и Иванѣ Васильевичѣ, безъ всякой иностранной полуды и въ настоящей корѣ, безъ Нѣмецкой шлифовки, безъ новомоднаго, пропадай онъ, глянца".

Въ *Посланіи* своемъ Погодинъ касается и Рогожцевъ. „А кстати",—писалъ онъ,—„обращу здѣсь рѣчь и къ Рогожскимъ моимъ пріятелямъ; благо, рука размахалась. Вамъ, любезнѣйшіе, легче, чѣмъ Преображенцамъ (которыхъ вы называете перекрещенцами), ибо вы принимаете священство. Подумайте-ка о себѣ: Петръ Ермилычъ у васъ на ладанъ дышетъ; Ивана Матвѣевича вы лѣтось схоронили, а Александръ Ивановичъ перешелъ къ единовѣрію. Что же вы будете дѣлать безъ нихъ?"

Подъ *Посланіемъ* Погодинъ росписался такимъ образомъ: „Михаилъ, Петровъ сынъ, Погодинъ, чиномъ генералъ, званіемъ бытописатель, по охотѣ старины любитель, по мѣсту жительства посадскій человѣкъ на Дѣвичьемъ полѣ, куда васъ, когда кому угодно, милости прошу, а теперь желаю здравствовать" [28]).

А. В. Никитенко въ Дневникѣ своемъ (27 окт. 1854 г.)

записалъ: „Погодинъ написалъ какое-то *Посланіе* къ раскольникамъ, которое мнѣ очень хвалилъ министръ Норовъ“ [29]).

Но для насъ всего важнѣе отзывъ объ этомъ *Посланіи* протопресвитера Василія Борисовича Бажанова, который выраженъ въ слѣдующемъ письмѣ его къ Погодину: „Возвращая къ вашему превосходительству *Посланіе* ваше къ раскольникамъ, нахожу лишнимъ прописывать причину замедленія, потому что это повело бы къ длинной рѣчи. На довѣренность вашу отвѣчаю довѣренностію. Рѣчь ваша—разумная и назидательная; но какъ она касается предмета важнаго, то я желалъ бы, чтобы шутки были въ сторону, и чтобы выраженія, при всей своей простотѣ и общепонятности, были соотвѣтственны предмету. Пишу, что думаю, а правильно ли думаю, судить предоставляю вамъ“.

Посланіе Погодина появилось въ печати только въ 1868 г. и было написано имъ, къ сожалѣнію, вульгарнымъ языкомъ, что и было поставлено, какъ мы сейчасъ видѣли, протопресвитеромъ Бажановымъ на видъ автору. Мнѣ довелось прочесть это *Посланіе* одновременно съ корректурою *Древней Русской Исторіи* того же автора. Держась мысли митрополита Филарета, что народъ уважаетъ только то, что надъ нимъ возвышается, я рѣшился написать (2 октября 1868 г.) самому Погодину слѣдующее: „Если бы *Посланіе* ваше *къ глаголемымъ старообрядцамъ* было написано языкомъ вашей *Исторіи*, то оно было бы въ тысячу разъ сильнѣе“ [30]).

Приготовляясь къ освященію церкви на Преображенскомъ кладбищѣ, Филаретъ писалъ къ Антонію: „Я не знаю, какъ достанетъ у меня силы и для однодневной службы освященія, которая въ старыхъ книгахъ, въ сравненіи съ новыми, или, лучше сказать, съ истинно древними и Греческими, имѣетъ повторенія и расширенія. Трижды надобно обойти церковь и при семъ пропѣть двадцать четыре тропаря“ [31]).

Наканунѣ освященія (2 апрѣля 1854 г.), Шевыревъ извѣщалъ Погодина: „Сейчасъ получилъ приглашеніе отъ прихожанъ Преображенскаго кладбища на освященіе церкви

завтра, для тебя и для себя. Надобно ѣхать непремѣнно. Думаю, что лучше быть въ мундирѣ. Надобно показать все общественное уваженіе въ такомъ важномъ дѣлѣ“ [32]).

Наступила Лазарева суббота, 3 апрѣля 1854 г. Въ этотъ день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Съ Шевыревымъ въ Преображенское. Дорога усыпана народомъ. Ѣхали за митрополитомъ. Были тронуты до слезъ“.

Въ качествѣ лѣтописца событія, Погодинъ писалъ: „Въ Лазареву субботу происходило освященіе новой единовѣрческой церкви на Преображенскомъ кладбищѣ: сто слишкомъ возлюбленныхъ братій нашихъ, бывшихъ много лѣтъ въ разлукѣ съ нами, изъявили желаніе присоединиться къ намъ, въ отвѣтъ на вызовъ Правительства. Кто любитъ Отечество, кто понимаетъ его исторію, кто не на словахъ только называетъ себя сыномъ Православной Церкви, тотъ только можетъ оцѣнить всю важность настоящаго событія и возблагодарить достойно соотечественниковъ, подающихъ благой примѣръ. Не нужно Россіи никакихъ чуждыхъ царствъ: довольно съ нея и тѣхъ, которыя безспорно ей принадлежатъ; не нужно ей никакихъ сокровищъ: сокровища всякія тля тлитъ, и татіе подкапываютъ; не нужно ей никакихъ новыхъ силъ: ибо настоящая сила, на которую, въ самыя опасныя минуты, можно положиться всегда безъ опасенія, и которая никогда не обманетъ, — настоящая сила не въ силахъ, а въ любви, дружбѣ, согласіи и взаимной довѣренности. — Вотъ почему нынѣшнее освященіе церкви на Преображенскомъ кладбищѣ осмѣлюсь я причислить къ числу радостныхъ, приснопамятныхъ праздниковъ Московскихъ. Это праздникъ духовный, семейный, домашній, братскій, сердечный,—и потому долженъ быть дорогъ для всякаго Русскаго сердца. И съ какими знаменательными обстоятельствами, съ какими драгоцѣнными воспоминаніями, соединялось нынѣшнее освященіе! Самъ высокопреосвященный митрополитъ нашъ совершалъ Богослуженіе. Семидесяти-пяти-лѣтній старецъ, намѣстникъ преподобнаго Сергія, изнуренный трудами и подвигами на долгой

службѣ Церкви и Отечеству, получилъ какъ будто свыше новыя силы: въ продолженіи четырехъ почти часовъ онъ исполнилъ все до послѣдней іоты, что̀ требовалось по древнему уставу. А служилъ онъ въ ризахъ митрополита Макарія, собирателя нашихъ Четьихъ-Миней, а держалъ въ рукахъ онъ жезлъ древнихъ святителей. Наперсный крестъ блисталъ на немъ изъ Патріаршей Ризницы; осѣнялъ онъ крестомъ со святыми мощами, дарованными въ Чудовъ монастырь вкладомъ отъ царя Михаила Ѳеодоровича. Евангеліе читалось по изданію патріарха Іосифа. Лики пѣли точь въ точь какъ на крылосахъ царя Ивана Васильевича! Иконостасъ составленъ весь изъ иконъ наидревнѣйшихъ, наиблаголѣпнѣйшихъ, писемъ Новогородскихъ и Московскихъ царскихъ. Устроеніе снято съ первыхъ церквей, основанныхъ по введеніи Христіанства. Казалось, употреблены были устроителями всѣ усилія, чтобъ угодить возсоединяющимся! Множество народа наполняло церковь и всѣ притворы; монастырь и дворы были усыпаны народомъ — изъ Преображенскаго, Рогожской, Таганки, изъ Замоскворѣчья, отъ Серпуховскихъ и Калужскихъ воротъ, со всѣхъ концевъ нашей матушки Москвы, и изъ селъ подгородныхъ. Иные не вѣрили глазамъ своимъ, что̀ происходило предъ ними! Чудныя дѣла Твоя, Господи! восклицали они въ недоумѣніи. Нѣкоторые тутъ же просили записать ихъ имена въ число прихожанъ. О, еслибъ нынѣшній день сдѣлался началомъ полнаго, общаго соединенія! О, еслибъ за нѣкоторыми послѣдовали многіе, за многими всѣ!“

Въ заключеніе Погодинъ восклицаетъ: „Други, братья, возлюбленные, дорогіе, милые, желанные, — Преображенскіе, Рогожскіе, Поморскіе! Въ церковь, въ Успенскій соборъ, къ иконѣ Владимирской Божіей Матери, что̀ святый князь Андрей Боголюбскій привезъ изъ Кіева; къ мощамъ нашихъ молитвенниковъ, Московскихъ Чудотворцевъ, Петра, Алексія, Іоны и Филиппа! Благословенъ грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ! Благословенъ грядый во имя Господне!“

Въ настоящее грозное время, когда приближается часъ Суда Божія надъ народами и царствами, когда самъ царь нашъ, съ четырьмя своими сынами, ополчается на святую брань, за меньшихъ братій, противъ враговъ Христа и Евангелія, *соединимъ* горячія наши молитвы къ Господу объ умиленіи сердецъ, объ укрощеніи страстей, объ очищеніи чувствъ, покаемся во взаимныхъ обидахъ и прегрѣшеніяхъ, простимъ ихъ отъ искренняго сердца, и *другъ друга обымемъ*, да будетъ у насъ на святой Руси, какъ было сначала, едино стадо и единъ пастырь! Господи! доживемъ ли мы до этой радости! Буди святая воля Твоя!".

Написавши эту статью, Погодинъ прочелъ ее у Шевырева, въ присутствіи Хомякова, Самарина, Карѣевскаго. Все это избранное общество осталось „довольно". Этою статьею „совершенно доволенъ" остался и самъ митрополитъ Филаретъ [33]).

Статью свою Погодинъ отправилъ къ А. В. Головнину для прочтенія великому князю Константину Николаевичу. „Статью вашу", — писалъ Погодину Головнинъ, — „я прочту великому князю, который очень помнитъ васъ и постоянно хорошо расположенъ къ вамъ. Къ сожалѣнію, предметъ ея извѣстенъ здѣсь съ другой стороны; видны, какъ за кулисами, тайныя пружины и вообще вся механика и потому желанное очарованіе не существуетъ. Счастливы вы, что видите только блестящую сторону дѣла и можете предаваться вашимъ чувствамъ" [34]).

Получивъ это письмо, Погодинъ, подъ 23 апрѣля 1854 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Письмо отъ Головнина, изъ котораго видно, что о раскольникахъ въ Петербургѣ особые толки".

По поводу этихъ толковъ, митрополитъ Филаретъ писалъ: „Въ 1854 году, на Преображенскомъ и Рогожскомъ кладбищахъ, въ Москвѣ, присоединилось къ единовѣрію болѣе двухъ тысячъ раскольниковъ и сыны Православной Россіи отъ души радовались тому и благодарили Бога; тотчасъ послышались голоса, что они присоединились не по убѣжденію, а потому,

что не хотѣли отказаться отъ нѣкоторыхъ правъ, которыхъ раскольники лишались. Очень можно вѣрить, что нѣкоторые и, можетъ быть, многіе изъ раскольниковъ присоединились не совсѣмъ по усердію; но это могли сдѣлать только тѣ, которые не искренно, а по наружности только были раскольниками; иначе они никакъ не присоединились бы къ единовѣрію изъ-за нѣкоторыхъ маловажныхъ выгодъ. Притомъ же это можно сказать только о купцахъ, а мѣщане и крестьяне ничего не теряли, оставаясь въ расколѣ".

Совершивъ освященіе единовѣрческой церкви, митрополитъ Филаретъ, 5 апрѣля 1854 года, доносилъ Св. Сѵноду: „Въ освященіи сего храма употребленъ древній антиминсъ, освященный при святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ. Освященіе, согласно съ пунктами митрополита Платона, совершено по старопечатной книгѣ, въ точности по чину, въ ней изложенному. Приличнымъ почелъ я въ семъ священнослуженіи употребить древній саккосъ митрополита Макарія, который и былъ для сего заимствованъ изъ Сѵнодальной Ризницы. Изъ Каѳедральной Ризницы для сего священнослуженія заимствованъ былъ древній осѣняльный крестъ со святыми мощами, вкладъ царя Михаила Ѳеодоровича. Напрестольные освященные сосуды, также древніе, заимствованы были изъ другихъ ризницъ епархіальнаго вѣдомства. Въ освященіи храма и литургіи сослужили мнѣ священники существующихъ единовѣрческихъ церквей. Пѣніе псалмовъ во время освященія, и пѣніе литургіи, на правомъ клиросѣ производили облеченные въ стихари клирики единовѣрческихъ церквей, а на лѣвомъ клиросѣ пѣли единовѣрческіе пѣвчіе изъ гражданъ. Кромѣ единовѣрцевъ, при семъ священнослуженіи присутствовали приглашенныя особы высшихъ званій (г. Московскій военный генералъ-губернаторъ мною былъ приглашенъ къ сему священнослуженію, но не присутствовалъ по состоянію здоровья), граждане православные и частію принадлежащіе къ поповщинскому толку. Народъ наполнялъ храмъ и окружалъ его отвнѣ, во время троекратнаго обхожденія его по чину освященія. Число вступа-

ющихъ въ новый къ сей церкви единовѣрческій приходъ, ко дню освященія храма, возрасло выше ста пятидесяти. Денежнаго пособія для устроенія сего храма отъ меня не требовано".

Это донесеніе было доложено императору Николаю I, причемъ его величество собственноручно на докладѣ графа Н. А. Протасова начерталъ: „Слава Богу".

Почти черезъ годъ послѣ этого событія, 10 января 1855 года, графиня Блудова писала Погодину: „Сдѣлайте мнѣ великое удовольствіе, съѣздите на Рогожское кладбище, и *своими глазами* посмотрите *запечатаны ли тамъ всѣ часовни*. Одинъ человѣкъ изъ Москвы пишетъ, что онѣ *всѣ* запечатаны,— а другой пишетъ, что онъ *ихъ тамъ обходилъ* (на праздникахъ). Кто лжетъ? или по крайней мѣрѣ обманываетъ самъ себя?" [35]).

VI.

Синопская побѣда, одержанная почти на глазахъ Англо-Французскаго флота, вступившаго между тѣмъ въ Босфоръ, произвело, особенно въ Англіи, сильное волненіе... 15 декабря 1853 года, лордъ Пальмерстонъ сложилъ въ себя званіе министра Иностранныхъ дѣлъ съ тѣмъ, чтобы нѣсколько дней спустя стать въ главѣ новаго Министерства, избравшаго своею программою защищать Турцію въ союзѣ съ Франціею, и въ случаѣ нужды, объявить Россіи войну. Такъ вступила Англія въ союзъ съ Французскою Имперіею...

При такомъ явномъ переходѣ Англіи и Франціи на сторону султана, императоръ Николай I отозвалъ своихъ пословъ и прекратилъ дипломатическія сношенія съ Тюльерійскимъ и Сенъ-Джемскимъ кабинетами. Тутъ оказалось, что переговоры на Вѣнской конференціи велись только для того, чтобы выиграть нужное для приготовленія къ войнѣ время, а вовсе не для мирныхъ соглашеній.

Подъ 1 января 1854 года, Погодинъ въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „Пріѣхалъ изъ Петербурга князь Голицынъ. О

войнѣ. Война, кажется, неминуема. Государь сказалъ: *я желалъ мира*, но нельзя. На Несельроде такъ крикнулъ, что у него п..... сдѣлался и до сихъ поръ продолжается". Еще 24 декабря 1853 года, князь М. С. Воронцовъ писалъ изъ Тифлиса къ А. П. Ермолову: „Теперь я жду съ нетерпѣніемъ, что скажутъ иностранные журналы о теперешнемъ положеніи нашихъ дѣлъ и что скажутъ Англія и Францiя, особливо Англія, которая имѣетъ на совѣсти, что ободряла Турокъ къ войнѣ". Въ другомъ письмѣ князя Воронцова читаемъ: „Ежели бы проклятые Англичане и Французы не вмѣшались такъ безсовѣстно и съ такою злостію въ наши дѣла съ Турками, то султанъ конечно бы помирился" [36]).

Изъ Петербудга (5 января 1854 года), Пв. С. Савельевъ писалъ Погодину: „Со дня на день ожидаемъ разрыва съ Англіею. Готовится страшное войско къ веснѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ развязки. Мы, конечно, сильны вѣрою и убѣжденіемъ: мы побѣдимъ; но съумѣемъ ли воспользоваться побѣдою? Не обойдетъ ли насъ коварная дипломація, какъ въ 15-мъ году?" [37]).

„Вся пространная наша граница,—писалъ князь Васильчиковъ,—какъ бы одѣлась въ боевую броню. Въ Финляндіи стояли гвардейскія войска; около Риги образовалась многочисленная армія подъ командою генерала Граббе; въ Царствѣ Польскомъ князь Варшавскій собралъ достойную уваженія силу; въ Княжествахъ и на Дунаѣ, у князя Горчакова, находились 3, 4 и 5 пѣхотные корпуса, драгуны и резервные уланы; въ Крыму, подъ начальствомъ князя Меншикова, составился отрядъ изъ наскоро собранныхъ съ разныхъ мѣстностей войскъ; на Азовскомъ прибрежьѣ начальствовалъ атаманъ Войска Донскаго Хомутовъ; Кавказскій корпусъ былъ усиленъ; наконецъ Петербургъ и его окрестности были заняты цѣлою арміею, порученною начальству графа Ридигера" [38]).

Въ это время (15 января 1854 г.) С. Д. Нечаевъ предлагаетъ Погодину отыскать въ своей библіотекѣ сентябрьскую

1827 года *Сѣверную Пчелу*, „гдѣ,—пишетъ Нечаевъ,—вы найдете мое предсказаніе, теперь во очію нашею совершающееся, именно нѣсколько стиховъ на рожденіе великаго князя Константина Николаевича, возвѣщенное пушечною пальбою на другой день битвы Куликовской: онъ увидѣлъ свѣтъ 9 сентября“ [39]).

Между тѣмъ, въ Москвѣ разнесся слухъ о „славномъ мирѣ“, и Погодинъ, подъ 17 января, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Воображаю, какъ Екатерина пригласила бы къ себѣ А. В. Суворова и пр.“. Митрополитъ же Филаретъ писалъ Антонію (28 янв. 1854): „Миръ все не дается намъ; а война все злѣе смотритъ. Одна Голландія сказала, что она остается въ прежнемъ союзѣ со всѣми. Прочія почти всѣ государства пересылаются тайными посольствами, какъ будто заговоръ составляютъ“.

Не смотря однакоже на наступившее грозное время, театры не оставались пусты, и митрополитъ Филаретъ со скорбію писалъ Антонію: „Время сурово смотритъ: и трудно надѣяться добраго; потому что строгій взоръ его не образумливаетъ насъ отъ легкомыслія. Напримѣръ, на Петербургскомъ театрѣ, евреи, братъ и сестра, представляютъ Христіанскихъ мучениковъ, и Москва ожидаетъ того же безумія. Я говорилъ генералъ-губернатору, нельзя ли Москву отъ сего избавить: а онъ не находитъ сего возможнымъ, хотя и согласенъ съ моимъ мнѣніемъ“ [40]).

Въ то же время П. Х. Граббе записалъ въ своемъ *Дневникѣ* (подъ 26 января 1854 г.) слѣдующее: „Въ Парижѣ даютъ пьесу *Les Cosaques*, наполненную насмѣшками противъ Русскихъ. Въ большомъ обществѣ спросили одного Русскаго: Avez vous vu les Cosaques?—Non,—отвѣчалъ онъ,—j'étais trop jeune alors, намекая на 1814 и 15-й годы. Это имъ самимъ показалось такъ ловко, что отвѣтъ помѣщенъ и въ газетахъ“ [41]).

А между тѣмъ, о самомъ государѣ вотъ какіе слухи ходили по Москвѣ: „Говорятъ, — писалъ Шевыревъ Погодину

(29 января 1854), — государь былъ нездоровъ. Молится онъ по ночамъ передъ сномъ долго на колѣняхъ—и его нашли уснувшаго такъ во время молитвы. Услыши ее, Господи!“ [42]); а 31 января, Хомяковъ писалъ А. Н. Попову: „Вы знаете, что я не сентименталенъ, но мнѣ его жаль. Я бы радъ былъ сказать слово, какъ умѣю, не для Руси только, а и для него. Но гдѣ доступъ слову? Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту наткнулись на безсмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12-му году. И такъ будетъ опять, ибо мы мыслію выше. А впрочемъ, можетъ быть, Богъ избавитъ отъ Тильзита. Одно страшно: пять лѣтъ, увы! еще не кончившагося самохваленія, противнаго Богу и чуждаго народному духу“ [43]).

Князь П. А. Вяземскій, вынужденный болѣзненнымъ состояніемъ провести въ чужихъ краяхъ 1853—1855 годы, не могъ оставаться равнодушнымъ къ озлобленію Европейскаго общества противъ Россіи. Подъ псевдонимомъ *Ветерана 12-го года,* онъ началъ писать опроверженія на газетныя статьи, въ то время особенно отличавшіяся клеветою на Русское Правительство и на Русскій народъ. Когда князь С. М. Голицынъ доставилъ Филарету одну изъ статей *Ветерана 12-го года,* то владыка (3 февраля 1854 г.) писалъ: „Возвращаю листы Вѣдомостей. Нѣкоторыя мѣста рѣчи лорда Абердина заслуживаютъ, чтобы ихъ читали на Русскомъ. Что касается до *Ветерана,* онъ споритъ ловко. Но не всегда такъ удобно дѣло, какъ легко слово. Впрочемъ, мы еще мало говоримъ, тогда какъ противъ насъ говорятъ много, и прельщаютъ незнающихъ истины. Псаломъ поетъ: *Открый ко Господу путь твой, и той сотворитъ.* Но надобно умѣть открыть ко Господу путь и особенно исправленіемъ путей нашей жизни“ [44]).

Между тѣмъ, С. Т. Аксаковъ съ горячностью писалъ Погодину (5 февраля 1854): „Наше политическое положеніе

меня съ ума сводитъ. Я боюсь не Европы, на насъ возстающей, а боюсь сомнѣній и нерѣшительности съ нашей стороны и боюсь также за выборъ *главнокомандующихъ*, которыхъ понадобится нѣсколько. Говорятъ, что на Дунаѣ распоряженія очень плохи, а въ Главномъ Штабѣ все почти нечисто Русскіе люди и даже много измѣны. Эдакъ, пожалуй, и съ чуднымъ войскомъ будетъ плохо". Въ другомъ письмѣ (14 февраля 1854) Аксаковъ писалъ: „Что это, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ! Политическія дѣла меня съ ума сводятъ! Никакое благоразуміе не помогаетъ: оскорбляется народная гордость и возмущаетъ душу! А понимаю, что всякія усилія частныхъ людей, особенно нашего круга, будутъ безполезны и намъ вредны. Я думалъ, что Закревской Русскій человѣкъ, а слышу и онъ за оборонительную войну! Вѣдь на немъ лежитъ обязанность: онъ долженъ довести до свѣдѣнія государя оскорбленіе, негодованіе всей Москвы, слѣдовательно всей Россіи. Вѣдь онъ своей робостью потеряетъ наше сочувствіе, вѣдь это дѣло нехорошо. Я хотѣлъ было написать Закревскому письмо отъ неизвѣстнаго, да раздумалъ. Я такъ разстроенъ, что не могу принимать настоящаго участія въ разсказахъ о Рашель; но вижу, что она, должно быть диковинное созданіе. Самому мнѣ лучше, но глаза плохи" [45]).

Посѣдѣлый воинъ П. Х. Граббе, подъ 28 января 1854 года, записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Разговоръ до 2-го часа ночи о важномъ, можно сказать, роковомъ положеніи Россіи. Наши посланники въ Парижѣ и Лондонѣ, Киселевъ и Бруновъ, выѣхали. Австрія и Пруссія колеблятся и склоняются на сторону Англіи и Франціи, Швеція ненадежна. Польша надѣется. Демократы, анархисты радуются. Для нихъ открыто поле дѣйствій, съ котораго такъ недавно и кроваво были они сбиты и, казалось, подавлены. Если это такъ, то вся огромная наша западная граница, и далеко въ ея глубину, въ опасности. Крымъ, Кавказъ, Грузія также. Постоимъ за сохраненіе всего, но устоимъ ли? Много нужно было неудачъ,

чтобы не сказать ошибокъ, всякаго рода, старыхъ и новыхъ, особливо новѣйшихъ, чтобы придти въ это положеніе. Неяснымъ еще взглядомъ вижу за насъ Славянскіе языки, единовѣрцевъ милліонами, Грековъ. Если суждено намъ сдѣлаться Царствомъ восточнымъ, то тамъ, быть можетъ, настоящій театръ истиннаго, прочнаго могущества Россіи. Въ Европѣ намъ давно уже нечего дѣлать. Она намъ враждебна, и нечего ей отъ насъ и намъ многаго не должно было заимствовать. Петербургъ, какъ столица Имперіи, повредилъ намъ несказанно, неисчислимо. Центръ управленія на оконечности Имперіи и самый неблагопріятный! Почему не въ Торнео? А выборъ, кажется, былъ! Москва, освященная всѣмъ, что́ драгоцѣнно для народа, вѣрой, исторіей, преданіями, жертвами двухъ завоевателей въ два вѣка, живописнымъ своимъ положеніемъ. Оттуда наложена рука Россіи на Востокъ, на Татарскую тогда Волгу, Уралъ, Сибирь, цѣлыя царства, лучшія, неотъемлемыя: ручательство прочнаго нашего могущества, только въ иномъ противъ теперешняго видѣ, противъ котораго вся соединенная Европа ломаетъ себѣ зубы, и задрожитъ, когда очнемся, забредшая въ Индію Англія. А Нижній-Новгородъ, средоточіе внутренней промышленности и базаръ Россіи съ Азіей, тоже съ дорогими для народа преданіями, центръ умной, сильной, красивой Русской породы! Соприкосновеніемъ чрезъ Петербургъ съ Европой, даже при правителяхъ великихъ, чѣмъ сдѣлались мы, и во что̀ мы не наряжались умомъ, языкомъ и наружностью? То мы Голландцы, то Пруссаки, въ самомъ жалкомъ и смѣшномъ видѣ, то Французы, то Англичане. Всего болѣе боялись мы и стыдились быть Русскими! Обезьяны Европы! И звучный, полный благородный языкъ свой мы предоставили употребленію, какъ сами говоримъ, непросвѣщенной части народа и сословіямъ, неимѣющимъ средствъ просвѣщенія; а сами въ своихъ гостиныхъ, говоря между собою, мы Русскіе, стараемся, чтобы насъ приняли не за Русскихъ, а за Французовъ по языку. Мы накликали на себя кару Провидѣнія Божія! Оно и спа-

сетъ и возвыситъ насъ, когда очнемся. Тогда дастъ Богъ и все сохранимъ, оправдавъ народную пословицу: Что взято, то свято" [46]).

VII.

Между тѣмъ, въ газетахъ появилось письмо императора Наполеона III, изъ Тюльерійскаго Дворца, отъ 29 января 1854 года, къ императору Николаю I-му, которое было болѣе разсчитано на пріобрѣтеніе сочувствія въ общественномъ мнѣніи, нежели на умиротвореніе Европы, а потому было напечатано въ *Мониторѣ*, прежде чѣмъ отправлено по назначенію. Любопытенъ былъ взглядъ Наполеона на роковое сраженіе при Синопѣ. Онъ упрекаетъ Русскихъ, что, вопреки своему обѣщанію держаться въ оборонительномъ положеніи, они напали въ Турецкой гавани на Турецкій флотъ, и истребили его; нѣтъ нужды, хотѣлъ, или не хотѣлъ, Турецкій флотъ доставить военные припасы въ Азію, — главное дѣло въ томъ, что этимъ оскорблена Французская національная честь. Громъ пушекъ при Синопѣ прискорбно отозвался въ сердцахъ всѣхъ, кто только въ Англіи и Франціи проникнутъ живымъ сознаніемъ національнаго достоинства, и Франція отвѣчала на это крикомъ: наши союзники должны быть уважаемы вездѣ, куда только достигаютъ наши пушки! Наполеонъ заключаетъ свое письмо предложеніемъ перемирія: Русскіе должны очистить Дунайскія княжества, а флоты западныхъ державъ—Черное море; такъ какъ Россійскій императоръ желаетъ имѣть дѣло исключительно съ Портою, то пусть онъ назначитъ уполномоченнаго, который условился бы съ представителемъ Порты на счетъ конвенціи, которая должна быть затѣмъ предложена на разсмотрѣніе Вѣнской конференціи, и, въ случаѣ утвержденія ея этою послѣднею, миръ и спокойствіе свѣта будутъ возстановлены. Подъ письмомъ Наполеонъ подписался: *добрый другъ*. Императоръ Николай отвѣчалъ на это письмо подобнымъ же образомъ, при-

казавъ напечатать свой отвѣтъ въ *Journal de St.-Petersbourg*, одновременно съ отправленіемъ его по адресу. Онъ заявилъ въ немъ, что сраженіемъ при Синопѣ оборонительное положеніе не нарушено, такъ какъ надлежало воспрепятствовать пересылкѣ военнаго матеріала въ Азію. Русская народная честь ему такъ же дорога, какъ Наполеону—Французская. Перемиріе онъ вѣжливо отклонялъ, но заключалъ увѣреніемъ, что если Порта пошлетъ уполномоченнаго, то Россія готова заключить съ нею миръ на основаніи постановленныхъ въ Вѣнѣ условій. Подъ письмомъ императоръ Николай тоже подписался: *добрый другъ* [47]).

По поводу этой переписки, П. Х. Граббе отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 11 февраля 1854 года, слѣдующее: „Самое любопытное и рѣдкое въ политическомъ ходѣ дѣлъ есть своеручное письмо императора Французовъ Наполеона къ государю, преданное публичности въ газетахъ. Это поступокъ кондотьера на престолѣ, для котораго нѣтъ приличій, ни преданій, ни будущности. Онъ этимъ отдаетъ на судъ народныхъ страстей, возбужденныхъ демократической горячкою, сношенія, по всѣмъ приличіямъ и преданіямъ дипломатики подлежащія тайнѣ, покуда не наступитъ для нихъ позже судъ непристрастной исторіи. Это очевидно месть за уклоненіе отъ принятой формы *(mon frére)*, въ отвѣтъ на его письмо къ государю, которымъ онъ извѣщалъ о своемъ избраніи въ императоры Французовъ, сдѣлавшееся, къ сожалѣнію, тогда же гласнымъ“ [48]).

Эта переписка вмѣсто предотвращенія непріятельскихъ дѣйствій только ускорили ихъ, и 9 февраля 1854 года состоялся высочайшій манифестъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
и проч., и проч., и проч.
Объявляемъ всенародно:

Мы уже возвѣстили любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ о причинѣ несогласій нашихъ съ Оттоманскою Портою.

Съ тѣхъ поръ, не взирая на открытіе военныхъ дѣйствій, мы не переставали искренно желать, какъ и понынѣ желаемъ, прекращенія кровопролитія. Мы питали даже надежду, что размышленія и время убѣдятъ Турецкое правительство въ его заблужденіи, произведенномъ коварными наущеніями, въ коихъ наши справедливыя, на трактатахъ основанныя требованія, представляемы были какъ посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладаніе. Но тщетны были доселѣ наши ожиданія. Англійское и Французское правительства вступились за Турцію, появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царьграда послужило вящшимъ поощреніемъ ея упорству.—Наконецъ обѣ западныя державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное море, провозгласивъ намѣреніе защищать Турокъ и препятствовать нашимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны береговъ нашихъ.

Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными государствами образа дѣйствія, мы отозвали наши посольства изъ Англіи и Франціи и прервали всякія политическія сношенія съ сими державами.

И такъ, противъ Россіи, сражающейся за Православіе, рядомъ съ врагами Христіанства становятся Англія и Франція.

Но Россія не измѣнитъ святому своему призванію; и если на предѣлы ея нападутъ враги, то мы готовы будемъ встрѣтить ихъ съ твердостію, завѣщанною намъ предками. Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ Русскій, о доблестяхъ коего свидѣтельствуютъ достопамятныя событія 1812 года! Да по-

можетъ намъ Всевышній показать сіе на дѣлѣ! Въ этомъ упованіи, подвизаясь за угнетенныхъ братьевъ, исповѣдующихъ Вѣру Христову, единымъ сердцемъ всея Россіи воззовемъ:

Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 9 день февраля мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова 1854-е, царствованія же нашего въ двадцать девятое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ" [49]).

19 февраля 1854 года, митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Лице брани становится все суровѣе. *Господь силъ съ нами буди*" [50]).

Прочитавъ манифестъ, П. Х. Граббе, подъ 11 февраля 1854 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Манифестъ о войнѣ съ Англіею, съ Франціею въ выраженіяхъ умѣренныхъ, кромѣ текста, которымъ онъ заключается" [51]).

Въ тотъ же день К. С. Аксаковъ, въ Абрамцовѣ, написалъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ *Орелъ Россіи* (1453—1853), въ которомъ между прочимъ читаемъ:

Есть пріютъ въ снѣгахъ Россіи
Божьей вѣры торжество,
И орелъ изъ Византіи,
Опустился на Москву.

Тамъ, подъ солнцемъ новой славы,
И благихъ и чистыхъ дѣлъ,
Высоко орелъ двуглавый
Въ небо синее взлетѣлъ.

Но, играя безопасной,
Въ недоступной вышинѣ,
Устремляетъ очи ясны
Онъ къ полуденной странѣ и пр. [52]).

„Посылаю тебѣ",—писалъ Шевыревъ (13 февраля 1854 г.) къ Погодину,—„стихи Полонскаго... Ихъ читалъ князь Паскевичъ и они ему очень понравились. — Чтò скажешь послѣ

манифеста? Да какъ же при этомъ нѣтъ воззванія къ Славянской братіи? Неужели не будетъ? — Я, прочитавъ манифестъ, ни за какое дѣло приняться не могу" [53]).

Между тѣмъ, П. Х. Граббе съ отчаяніемъ писалъ: „Кто бы могъ, еще менѣе году тому, предсказать, что Россія, могущественная тогда силой и правомъ, которыхъ она была главнѣйшею представительницею и щитомъ въ Европѣ противъ безначалія и демократической внѣшней политики Англіи, будетъ стоять одна, безъ союзниковъ, такъ недавно ею спасенныхъ, противъ Турціи, Англіи и Франціи, въ добычу насмѣшкамъ и сужденіямъ Европейскихъ газетъ и демагоговъ" [54]).

Такимъ образомъ, вмѣсто текста, которымъ заключился высочайшій манифестъ, *Кого убоимся!* — онъ могъ бы смиреннѣе заключиться церковною пѣснію творенія Св. Іоанна Дамаскина: „*Обыде насъ послѣдняя бездна, нѣсть избавляяй, вмѣнихомся яко овцы заколенія. Спаси люди Твоя, Боже нашъ, Ты бо крѣпость немоществующихъ и исправленіе*" [55]).

VIII.

Вслѣдъ за разрывомъ нашимъ съ Франціею и Англіею, Хомяковъ написалъ стихи къ *Россіи*:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойного наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ [56]).

Стихи эти облетѣли всю Россію и какъ комментарій къ нимъ можетъ служить нижеслѣдующее письмо самого Хомякова къ графинѣ А. Д. Блудовой: „Эти стихи написалъ я на дняхъ. Какъ стихи, они вамъ понравятся; надѣюсь, что они понравятся какъ чувство. Во всякомъ случаѣ оно сказалось у меня невольно. Какъ человѣку въ минуту подвига опаснаго должна представиться его внутренняя жизнь тѣмъ яснѣе, чѣмъ самый подвигъ лучше и чище, такъ и обществу. Странна была бы рѣчь о смиреніи, а не это ли чувство уважаемъ мы въ Россіи по преимуществу, еслибы смиреніе не выражалось сознаніемъ слабыхъ сторонъ и пороковъ въ тѣ минуты, которыя призываютъ къ великому и опасному служенію. Отъ печати я удаленъ; но, мнѣ кажется, такіе стихи должны быть полезными, призывая къ серіозному пониманію великаго дѣла, къ которому мы идемъ. Разумѣется, еслибъ можно было думать о печати, я сказалъ бы, что слова *И игомъ рабства клеймена* (слишкомъ рѣзко опредѣляющія крѣпостное состояніе) можно замѣнить: *И двоедушьемъ*

клеймена. Также поставить другое на мѣсто *всякой мерзости полна.* Но вообще полагаю, что нельзя и воображать, чтобъ такой канонъ покаянія могъ быть напечатанъ... Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что вы признаете, что я говорю не по духу эгоистическаго фрондерства. Война предстоитъ не шуточная, и размѣры, которыхъ она можетъ достигнуть, еще неизвѣстны никому. Должно смотрѣть впередъ бодро, но и трезвенно. Право, предполагать во мнѣ фрондерство или что нибудь подобное, значитъ меня вовсе не знать. Не думаю, чтобъ когда нибудь заслужилъ такое подозрѣніе, а теперь просто стыдно его заслуживать". А. Ѳ. Гильфердингу Хомяковъ сообщаетъ и значеніе этого стихотворенія: „Я хоть сколько нибудь возвратилъ человѣческому слову у насъ слишкомъ забываемое благородство" [57]).

„Какіе чудные стихи написалъ Хомяковъ!"—восклицалъ С. Т. Аксаковъ.

Но не всѣ были въ восторгѣ отъ этихъ стиховъ. „Ежедневно",—писалъ самъ Хомяковъ Погодину,—„получаю пасквили безъ подписи стихами".

Съ особенною страстностью отнеслась къ этимъ стихамъ графиня Е. П. Ростопчина, которая писала Погодину: „А читали ли вы мой отвѣтъ на *Іереміевское проклятіе* всей Святый Руси вашего постника и славянофила Хомякова? . . . . Неужели вы раздѣляете мнѣніе новаго Іереміи и довольны его гнусными клеветами противъ Россіи и ея народа!" [58]).

Въ своей *Старой Записной Книжкѣ* князь П. А. Вяземскій писалъ: „Хомяковъ, безъ сомнѣнія, любилъ Россію чистою, возвышенною и просвѣщенною любовью; но и онъ въ лирическомъ увлеченіи, черезчуръ понатужилъ ноту и вышелъ изъ надлежащаго діапазона, когда говорилъ Россіи, что она

Безбожной лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна.

Послѣдній стихъ рѣшительно неумѣстный и лишній. Такимъ укорительнымъ и грознымъ языкомъ могли говорить боговдохновенные пророки. Но въ наше время, простому смертному, хотя-бы и поэту, подобаетъ быть почтительнѣе и вѣжливѣе съ матерью своею. Добрый сынъ Ноя прикрылъ плащемъ слабость и стыдъ отца“ [59]).

Несочувственно къ этому бичеванію Россіи, и безъ того страдающей, отнесся и почтенный О. М. Бодянскій. „Слышу“,— писалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* (19-го іюня 1854 г.),—„что А. С. Хомяковъ за свои стихи, по случаю войны съ Турціей написанные и обращенные къ Россіи, получилъ не только замѣчанія отъ Правительства, черезъ генералъ-губернатора, но даже взята, говорятъ, отъ него подписка, или же, просто, честное слово, ничего не распространять изъ своихъ стихотвореній, прежде нежели одобритъ ихъ Петербургская цензура. Стихи эти начинаются:

Тебя призвалъ на брань Святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ, и пр.

Правда, они чрезвычайно звучны, проникнуты неподдѣльнымъ жаромъ любви къ родному, но тѣмъ не менѣе большинству не могли прійти по-нутру, потому что заключаютъ въ себѣ упреки, хотя и справедливые, но совершенно *неумѣстные*, безвременные въ ту пору, когда всѣ и все устремились къ дѣлу, и дѣланію великому, можетъ быть единственному въ лѣтописяхъ міра. Тутъ не до исчисленія гадостей, которыхъ у насъ, какъ и у всѣхъ смертныхъ, довольно, и не до заботъ объ истребленіи ихъ. Словомъ, пѣвецъ сплошалъ: *Россія не Неневія, а Хомяковъ не Еремія*, какъ-то пришлось мнѣ выразиться въ одномъ домѣ, на вечерѣ, когда зашла рѣчь объ этомъ: *хоть и родился въ день Ереміи*; кто то замѣтилъ мнѣ тутъ изъ слушающихъ. Какъ бы то ни было, только съ нимъ случилось на этотъ разъ по пословицѣ: *На вѣку—не на боку, достанется и хомяку*“.

У самого Хомякова явилась потребность написать дру-

гое стихотвореніе, о чемъ (4 апрѣля 1854 года) и писалъ А. Н. Попову: „Я написалъ стихи, изъ которыхъ конечно добросовѣстный человѣкъ не выкинетъ ни слова, и что же? Мнѣ вдругъ стало какъ-то жаль, что я нашей Руси наговорилъ столько горькихъ истинъ, хоть и въ духѣ любви; стало какъ-то тяжело. Вѣдь если я сказалъ, и если другіе прочли и, любя Россію, въ то же время не слишкомъ разсердились на меня: развѣ ужъ это не покаяніе, или не знакъ постояннаго, хотя и не выражаемаго покаянія? Я написалъ другую піесу вчера и посылаю ее вамъ предъ говѣніемъ“ [60]).

Раскаявшейся Россіи.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.

О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идешь на Божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна—Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ! [61]).

И это стихотвореніе возбудило негодованіе графини Ростопчиной, и она писала Погодину: „Дошли ли до васъ вторые стихи Хомякова, написанные подъ вліяніемъ *трусости*?

Хорошъ патріотизмъ!... Долой маски, человѣкъ высказался весь. Прощайте, все это такъ гадко, что и говорить-то тошно. Христосъ съ вами“ [62]).

Подъ 17 мая 1854 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Непріятное извѣстіе о Хомяковѣ, котораго Закревскій спрашивалъ о стихахъ по Петербургскимъ требованіямъ“.

Въ тотъ же день, самъ Хомяковъ писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Простите меня, графиня, въ томъ, что я ваше имя долженъ былъ упомянуть въ оффиціальномъ актѣ. Судите сами, могъ ли я иначе поступить? Сегодня я былъ призванъ къ графу Закревскому, который отъ имени графа Орлова спросилъ у меня: „Признаю ли я своими двѣ пьесы къ Россіи, ходящія подъ моимъ именемъ“? Разумѣется, я отрекаться и не думалъ. Я прибавилъ, что мое желаніе было ихъ напечатать. Графъ Закревскій сказалъ мнѣ, слова свои записать и потомъ спросилъ. „къ кому я стихи послалъ?“ Я назвалъ васъ и А. Н. Попова“ . . . . . Вотъ какія приключенія навлекаетъ стихотворство! А право, хоть вашъ батюшка и былъ мною недоволенъ, хоть слова мои и были рѣзки, но я чувствую, что столько хваливъ Россію и ея духовную основу всегда, я не могъ не высказать ей того, что сказалъ, когда мы затоплены такимъ наводненіемъ похвалъ, нехотящихъ ничего знать кромѣ ея матеріальныхъ силъ. И вы не прогнѣваетесь, если я скажу, что вы немножко неправы, полагая, что писатель самъ себя исключаетъ изъ своего осужденія, когда обращается къ Отечеству. Въ одномъ стихѣ, по крайней мѣрѣ, онъ очевидно себя чарочкой не обнесъ:

. . . . . .

И лжи мертвой и позорной

Участь, постигшая стихи Хомякова, повергла его въ какую то апатію, и онъ писалъ Гельфердингу: „Всѣ здѣсь сходятъ съ ума на политикѣ; мнѣ это не страшно потому, что я ею не позволяю себѣ заниматься. Батюшка вашъ похвалитъ меня

за это, да и вы также. Гдѣ нельзя дѣйствовать, лучше и не думать. Значило бы что нибудь общественное мнѣніе,—другое дѣло; а то всѣ толки вздоръ и чѣмъ дѣльнѣе, тѣмъ вздорнѣе потому, что больше мутятъ“ [63]).

IX.

Между тѣмъ, событія шли своимъ роковымъ ходомъ, и 28 марта 1854 года послѣдовало объявленіе войны со стороны Франціи и Англіи. Англійское войско, подъ начальствомъ дряхлаго старика лорда Раглана, котораго сопровождалъ герцогъ Кембриджскій, и Французское, подъ начальствомъ маршала Сентъ-Арно, при которомъ находился принцъ Наполеонъ, высадилось при Галлиполи. Въ тоже время западныя державы послали флоты свои въ Черное, Бѣлое и Балтійское моря.

Первая пострадала Одесса. Въ Великій Четвертокъ, 8 апрѣля 1854 года, непріятельскій флотъ уже стоялъ предъ Одессою во всемъ страшномъ своемъ вооруженіи. Высокопреосвященный Иннокентій совершалъ Божественную Литургію въ каѳедральномъ соборѣ. Молящійся народъ былъ смущенъ. Съ словомъ Евангельскаго утѣшенія обратился Иннокентій къ молящимся и сказалъ: *Да не смущается сердце ваше: вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте. Дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ.* „Когда“,—вопрошалъ онъ,—„открываются предстоящія намъ искушенія? — Открываются вмѣстѣ съ началомъ Страданій Христовыхъ: такимъ образомъ, мы будемъ проходить ихъ, такъ сказать, подъ сѣнію Креста Христова. . . . . Самый день нынѣшній, въ который явились противу насъ враги, служитъ уже для насъ знаменіемъ во благо“......

На другой день, въ Великій Пятокъ, Англичане и Французы „тѣснѣе обложили берегъ“ мирныхъ жителей Одессы и усилили себя новыми орудіями... Архіепископъ же Иннокентій стоялъ на Божественной стражѣ и проповѣдывалъ...

10-го апрѣля, въ Великую Субботу, Англичане и Французы

начали правильную бомбардировку Одессы. Въ 6 часовъ утра, раздался первый пушечный выстрѣлъ, за нимъ—второй, третій, четвертый... и въ нѣсколько минутъ воздухъ огласился страшнымъ громомъ—дрогнула земля, поколебались стѣны домовъ и солнце скрылось въ тучахъ порохового дыма... Между тѣмъ, среди каѳедральнаго собора, на мраморномъ ложѣ, возвышалась Св. Плащаница... Архіепископъ Иннокентій совершалъ Божественную Литургію...

Въ это время въ Одессѣ пребывала княжна В. Н. Репнина, и она свидѣтельствуетъ: „Такъ какъ въ домовой нашей церкви обѣдня случилась поздно, то мы отправились въ соборъ, гдѣ служилъ самъ преосвященный Иннокентій. Во всѣхъ углахъ собора стояли аналои, и священники исповѣдывали: всѣ готовились къ смерти. Я стала напротивъ преосвященнаго. Загудѣлъ первый ударъ, затрещало въ куполѣ; у преосвященнаго на бородѣ ни одинъ волосъ не дрогнулъ: онъ продолжалъ служеніе медленно, благоговѣйно"... Богослуженіе близилось къ концу; пѣли причастный стихъ; вдругъ раздался оглушительный взрывъ (порохового ящика на Щеголевской батареѣ)... Тогда, по свидѣтельству очевидца, „крѣпкія стѣны соборнаго храма поколебались; стекла задребезжали, ... молитвенныя пѣснопѣнія умолкли и народъ, пораженный страхомъ, опустился на церковный полъ. Всѣмъ представилось, что куполъ собора отъ сотрясенія разрушится. Раздались рыданія и вопли... И въ эти-то минуты едва-ли не одинъ Иннокентій сохранилъ полное присутствіе духа! Царскія врата отверзлись... Выждавъ, пока испуганный народъ пришелъ въ себя, владыко вышелъ изъ алтаря, взялъ пастырскій жезлъ и началъ бесѣду: „И такъ, вы не рѣшались оставить Гроба Спасителя своего и въ эти грозныя минуты, когда смерть и пагуба носятся надъ собственными главами вашими!.. Привѣтствуемъ васъ, возлюбленные, съ симъ святымъ жребіемъ Іосифа, Никодима и Женъ Мѵроносицъ, кои также среди немалыхъ страховъ и опасеній отъ Іудеевъ погребали Учителя и Господа своего.

Вы не оставили Его теперь: Онъ, Преблагій, не забудетъ и не оставитъ васъ въ тотъ великій и страшный день, когда уже не слабые перуны человѣческіе будутъ летать по воздуху, а самыя *небеса мимо идутъ съ шумомъ, самыя стихіи, сжигаемы, разорятся, а земля и яже на ней дѣла—сгорятъ*"...

„А вы, возлюбленные сослужители наши", — заключилъ владыко свою бесѣду, — „столь бодрственно доселѣ стоявшіе съ нами на духовной стражѣ у Креста Христова, удвойте и утройте усердіе и попеченія ваши, дабы къ наступающей священно-таинственной ночи все было уготовано, по чину церковному, *да не речетъ врагъ* града нашего, *укрѣпихся на него*".

Въ свѣтозарную ночь Свѣтлаго Воскресенія совершены были съ обычною торжественностью во всѣхъ церквахъ утрени и литургіи. Церкви были полны народа. Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ и Н. Н. Анненковъ присутствовали въ походной парадной формѣ при Богослуженіи въ соборѣ: предъ окончаніемъ Литургіи, высокопреосвященный Иннокентій произнесъ слово, по истинѣ вдохновенное [64]).

Въ самый день Свѣтлаго Воскресенія, непріятель прекратилъ огонь, а 14 апрѣля, въ среду на Святой недѣлѣ и совсѣмъ оставилъ городъ [65]).

Охранять Одессу поручено было благочестивому графу Дмитрію Ероѳеевичу Остенъ-Сакену. „Видимо,—пишетъ княжна В. Н. Репнина,—„что Одесса была сохранена милосердіемъ Божіимъ. Не было ни пожаровъ, ни грабежей, и небывалый въ это время туманъ былъ такъ густъ, что причинилъ гибель *Тигра*" [66]).

Изъ Петербурга П. И. Бартеневъ (22 апрѣля 1854 г.) писалъ Погодину: „Послѣдняя здѣсь новость, привезенная во Дворецъ курьеромъ: непріятельскія суда удалились изъ Одессы и неизвѣстно куда пошли" [67]).

И. С. Аксаковъ, изъ Елисаветграда, писалъ своимъ родителямъ (29 апрѣля 1854 г.): „Приказы Сакена написаны очень живо и горячо. Надо же было непріятелю начать войну

именно въ Страстную Субботу! Военная молодежь, въ ожиданіи своей очереди идти на встрѣчу смерти, гуляетъ, танцуетъ, играетъ въ карты, ни о чемъ не заботясь!... А драться, нѣтъ сомнѣнія, будетъ отлично и свято исполнитъ долгъ и мужественно встрѣтитъ смерть... Не смотря ни на ничто,—ни на весну, ни на ярмарку, у меня одно въ головѣ—Дунай!"

Въ Харьковѣ И. С. Аксакову удалось встрѣтиться съ Англійскими плѣнными. „Здѣсь",—писалъ онъ,—„два знатные англичанина, Гамильтонъ и Эльсингтонъ, кажется, взятые на *Тигрѣ*. Одинъ изъ нихъ внукъ князя Воронцова, сестра котораго леди Пемброкъ. Съ ними няньчатся, какъ съ самыми дорогими гостями,—не съ уваженіемъ, какое слѣдуетъ оказывать военноплѣнному, а съ какимъ-то заискиваніемъ и подобострастіемъ; всячески хотятъ доказать, что мы не варвары. И очень ошибутся. Англичане, въ гордомъ сознаніи своего нравственнаго достоинства, примутъ это все, какъ за должное и, по возвращеніи, непремѣнно назовутъ насъ опять варварами... Говорятъ, что они будутъ жить въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ говоритъ по-Французски, но плохо; другой вовсе не говоритъ. Имъ давали обѣды, и генералъ-губернаторъ, и губернаторъ, на которые позваны были всѣ дамы и дѣвицы, говорящія по-Англійски. Они, впрочемъ, оба (т.-е. англичанина) очень нелюбезны: одинъ изъ нихъ хвастался, что первое ядро въ Одессу было пущено имъ" [68]).

Горячій патріотъ М. В. Юзефовичъ написалъ Погодину изъ Кіева, 22 мая 1854 года, ободрительное письмо: „О чемъ, однакожъ, ни говори, а все тянетъ поговорить о нынѣшнихъ событіяхъ. Таковъ вопросъ! — Положеніе наше, по-моему, блистательно. Одесса показала всю немощность вражьихъ усилій, и даже самыхъ силъ, на поприщѣ, гдѣ мы ихъ именно страшились. — Теперь сомнѣваться въ побѣдѣ было бы ужъ даже глупо.—Важнѣе этого для насъ то, что пятиться назадъ болѣе нельзя, ибо некуда. — Но всего важнѣе—это смыслъ самого событія. Съ отъѣзда моего изъ Москвы, кругъ воззрѣнія на него расширяется съ каждымъ днемъ, такъ что не смѣешь и

4*

высказывать всего того, что́ думается, или, лучше, предчувствуется. Византія, Славяне,—все это становится уже мелочью, которая ниже предмета. Кажется, что мы стоимъ на порогѣ новаго періода Христіанства. Такъ или иначе, но то вѣрно, что разрѣшается великая тайна, событіе міровое, не внѣшнее, а духовное. Съ одной стороны, неслыханное одушевленіе у насъ, какъ будто тайна, скрытая отъ мысли, сказалась уже сердцемъ. Съ другой стороны, у современныхъ, образованнѣйшихъ по *нынѣшнему* народовъ, безнравственность и ложь, дошедшія уже до безсмыслія! Разобрать всего этого нельзя, но не вѣровать тоже невозможно уже. И такъ, будемъ вѣрить, будемъ молиться, и по призыву нашего вдохновеннаго поэта, будемъ стремиться, чтобъ очистить потомъ другихъ" [69]).

Самъ же Погодинъ объ Одесскомъ погромѣ писалъ: „Два флота первыхъ морскихъ державъ, тридцать кораблей и большихъ судовъ парусныхъ, пароходныхъ, винтовыхъ и съ двумя адмиралами, вооруженные всѣми изобрѣтеніями науки и искусства, имѣя чуть ли не тысячу пушекъ, напрягаютъ всѣ свои силы, чтобы разрушить городъ въ продолженіе цѣлаго дня,— и встрѣчаютъ противъ себя только одну полевую пушченку, въ рукахъ почти дѣтскихъ, въ рукахъ молодого офицера, недавно выпущеннаго изъ училища. Эта пушченка отстрѣливается отъ двухъ флотовъ, этотъ прапорщикъ, у котораго усъ едва пробился, споритъ съ двумя сѣдыми адмиралами, въ продолженіе цѣлаго дня,—и они уходятъ со стыдомъ назадъ, не причинивъ никакого важнаго вреда, ни городу, ни жителямъ. Перечтите всѣ донесенія, Англійскія, Французскія, Русскія, перечтите всѣ частныя письма, извлеките сущность, вы не найдете ничего прибавить къ этимъ словамъ. Городъ цѣлъ, жители живы, и прапорщикъ здоровехонекъ, оглохъ только, говорятъ, на два дня, отъ громкой пальбы, раздававшейся столько времени надъ его ушами. Можно оглохнуть! Батарея была сбита, но не былъ убитъ на ней никто, ни раненъ, а молодецъ нашъ отвелъ всю команду на мѣсто,

цѣлую и невредимую, подъ градомъ бомбъ и картечей. А Англичане точно хотѣли разрушить Одессу, и тысячи ядеръ, упавшихъ на всѣхъ точкахъ города, свидѣтельствуютъ и вмѣстѣ удостовѣряютъ, что они могли его разрушить.... И это не чудо? Такъ что̀ же это такое? А какъ могло случиться, что они выбрали день самый священный въ году, день погребенія Христова, для того, чтобъ, помогая магометанамъ, напасть на христіанскій городъ во время самого Богослуженія? И какой городъ? Тотъ, который кормилъ ихъ всегда, и нѣсколько разъ избавлялъ отъ голодной смерти. Они не знали нашего календаря, а хлѣбную торговлю нечего принимать въ соображеніе. Это дѣло постороннее! А это какъ случилось, что лучшій пароходъ (*Тигръ*), начавшій бомбардированіе, или по крайней мѣрѣ одинъ изъ первыхъ дѣйствователей, подъ управленіемъ старшаго, опытнѣйшаго капитана, которому отданы какъ бы въ ученье дѣти изъ лучшихъ фамилій, чрезъ нѣсколько дней подплываетъ подъ берегъ, близъ Одессы, садится въ туманѣ на мель и отдается въ плѣнъ со множествомъ офицеровъ?" [70]).

31 мая 1854 года, архіепископъ Иннокентій писалъ Погодину изъ Одессы: „У насъ, слава Богу, все мирно. Вчера мы освящали новоисправленныя батареи и громъ былъ по сему случаю не хуже Англійскаго" [71]).

X.

Въ концѣ іюля 1854 года, въ газетахъ появилось слѣдующее оффиціальное сообщеніе: „6 іюля 1854 года, въ 4-мъ часу пополудни, два непріятельскіе парохода, подойдя къ Соловецкому монастырю, открыли по немъ канонаду ядрами и бомбами. Въ 5-мъ часу, канонада замолкла, и къ монастырю явился парламентеръ съ требованіемъ безусловной сдачи, какъ монастыря, такъ и команды въ немъ находившейся. Настоятель монастыря, архимандритъ Александръ, отказался исполнить требованіе непріятеля, и на другой

день, въ 8 часовъ утра, непріятельскіе пароходы возобновили бомбардированіе монастыря и продолжали непрывно дѣйствовать по немъ до 5-ти часовъ по полудни... Прекративъ пальбу, пароходы снялись съ якоря и отправились въ Онежскій заливъ" [72]).

22 іюля 1854 года, графъ А. К. Толстой писалъ къ своей женѣ изъ Петергофа: „Въ Бѣломъ морѣ Англичане подошли къ Соловецкому монастырю, и адмиралъ послалъ къ *командующему цитаделью*,—такъ они назвали монастырь,—требовать его шпагу, угрожая, въ случаѣ отказа, разрушить стѣны монастыря. Архимандритъ велѣлъ отвѣчать, что шпаги у него нѣтъ, но что онъ не намѣренъ сдать монастырь. Тогда они начали бомбардировать его въ теченіе десяти часовъ и сожгли деревянныя зданія. Монахи отвѣчали двадцатью пушечными ядрами, которыя были имъ высланы на случай, и по истеченіи десяти часовъ Англичане ушли. Они зашли въ маленькій монастырь около Онеги, вошли въ церковь, въ которой находились четыре монаха... и послѣ безчиннаго поведенія — увезли колоколъ въ десять пудовъ" [73]).

Это событіе вдохновило Погодина и Шевырева, и они въ прозѣ и стихахъ воспѣли оное. „Да, грустно и тяжело, — писалъ Шевыревъ—Соловецкую надобно воспѣть. Хотѣлъ бы прочесть жизнь Соловецкихъ Чудотворцевъ".

8 августа 1854 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Сегодня поѣхалъ къ обѣдни, — и вдругъ пришли въ голову стихи, а послѣ обѣдни были совсѣмъ докончены, мѣсяцъ ровно спустя по чудномъ спасеніи обители" [74]):

Обитель мирная, въ объятьяхъ хладныхъ моря!
Пристанище поста, молитвы, слезъ и горя!
И ты подверглася грозѣ безумной ихъ,
Язычества страстей поклонниковъ слѣпыхъ!
Но, въ часъ рѣшительный, твоихъ смиренныхъ братій
Блюли невидимо Зосима и Савватій;
Охраной имъ сіялъ чудотворящій крестъ,
Что первый водруженъ среди пустынныхъ мѣстъ;
Твой праведный ковчегъ былъ вѣрой застрахованъ,
Твой Пастырь доблестный въ молитву былъ закованъ.

Когда громилъ тебя врага безбожный флотъ,
Свершила мирно ты молитвенный свой ходъ,
И вышли на него хоругви и иконы,
Великіе вожди великой обороны!—
И миновалъ огонь морскихъ его бойницъ
Святыхъ твоихъ людей и бѣлыхъ моря птицъ.
А ты, печать Любви, о, рана пресвятая!
Какой алмазъ тебѣ? Какой тебѣ вѣнецъ?
Лишь слезы чистыя молящихся сердецъ.

Съ своей же стороны, Погодинъ писалъ: „О, маловѣры. По что сомнѣваемся? Не чудеса ли совершаются передъ нашими глазами? Слышите—сто двадцать огнедышущихъ жерлъ устремлены на пустынную обитель; десять часовъ сряду продолжается яростное бомбардированіе; трехъ-пудовыя, девяносто-шести, тридцати-шести, двадцати-четырехъ-фунтовыя каленыя ядра мещутся, со смертью и пагубой, по всѣмъ правиламъ адскаго искусства, въ тѣсное, почти безоружное населеніе.

А что предпринимаетъ оно въ свою защиту?

Оно молится, колѣнопреклоненное, въ отверстыхъ храмахъ: воспѣваются священныя пѣсни; святыя иконы обносятся по стѣнамъ, подъ градомъ бомбъ и картечей...

И бомбы, картечи падаютъ къ ногамъ смиренныхъ богомольцевъ, какъ потѣшные мячики, не причиняя вреда, или не разрываясь, или не зажигая, никто не убитъ, никто не раненъ, ни одинъ волосъ съ головы ни чьей не падаетъ, малыя птицы, покрывающія стаями монастырскіе дворы, всѣ цѣлы. Поврежденія въ строеніяхъ ничтожны, и исправляются немедленно безъ всякаго затрудненія.

Объясните мнѣ это событіе, мудрецы и критики, естественнымъ образомъ! Удовлетворите требованія разума какими вамъ угодно предположеніями.

Переберемъ ихъ: можетъ быть — Англичане не намѣривались разрушить монастыря, а хотѣли только постращать монаховъ?

Нѣтъ, они требовали сдачи, и говорили ясно: мы разрушимъ монастырь, если вы не сдадитесь. Слѣдовательно, начавъ стрѣлять послѣ отказа, они рѣшились исполнить свою угрозу,

и стрѣляя въ продолженіе двухъ дней изо ста или болѣе пушекъ, они показали твердое намѣреніе разрушить монастырь.

Можетъ быть, Англичане не могли разрушить монастырь?

Нѣтъ, они могли, и твердо были увѣрены, что могутъ: иначе они не начинали-бъ приступа, какъ не приступаютъ до сихъ поръ къ Кронштадту и Свеаборгу. Не такъ они просты, чтобъ браться за невозможное дѣло; они не ступаютъ нигдѣ ни одного шага безъ надежды на успѣхъ.

Можетъ быть, Англичане дѣйствовали слабо?

Нѣтъ, произнеся свою угрозу, и даже написавъ оффиціальное требованіе, они старались, безъ сомнѣнія, исполнить ее, чтобъ не покрыть себя стыдомъ передъ горстью монаховъ. Рѣшительный отказъ и отвѣтная пальба съ причиненнымъ вредомъ должны были естественно раздражать ихъ еще больше. Стрѣлять десять почти часовъ сряду изо всѣхъ орудій, какъ еще можно сильнѣе дѣйствовать!

Можетъ быть, Англичане прицѣливались плохо?

Нѣтъ, они попадали ядрами въ крыши, въ ворота, въ образа, въ стѣны, церкви, по всему пространству внутри монастырской ограды и за нею. Примѣтно было даже по разнымъ обстоятельствамъ намѣреніе ихъ попасть именно въ то или другое мѣсто.

Но гдѣ же эти ядра?

Они собраны, собираются, укладываются въ пирамиду предъ монастырскими воротами. Подите, посмотрите и ощупайте ихъ руками, кто хочетъ.

Птицы на монастырскихъ дворахъ, всѣ цѣлы! Правда ли это?

Безъ сомнѣнія правда: такого извѣстія выдумать нельзя. Только тогда могло писавшему придти въ голову сдѣлать свое замѣчаніе, когда онъ въ самомъ дѣлѣ не увидалъ нигдѣ убитой птицы; только тогда могъ онъ быть пораженъ такимъ обстоятельствомъ, и передать свое удивленіе, а сочинить его невозможно.

Кажется, больше никакихъ предположеній сдѣлать нельзя,

но, повторяю, придумывайте, какія угодно и сколько угодно, все вы никоимъ образомъ не объясните, какъ можно было, стрѣляя безпрестанно изъ пушекъ, въ продолженіе двухъ дней, не убить, не ранить никого, не зажечь нигдѣ и не разрушить ничего.

Удивительно, восклицаютъ одни; какъ странно, говорятъ другіе; это очень примѣчательно, разсуждаютъ третьи; и никто не смѣетъ выговорить: это чудо! Чудесъ нѣтъ, глубокомысленно замѣчаютъ крѣпкіе умы. Хорошо, это не чудо—такъ что же это такое?

Есть еще слово, хоть и безъ смысла, которое употребляется нами всегда, когда мы объяснить чего не умѣемъ: это случай.

Одинъ выстрѣлъ, согласенъ, можетъ не причинить вреда по случаю; десять, пожалуй, пропадутъ даромъ; а здѣсь идетъ рѣчь о ста выстрѣлахъ, о тысячѣ выстрѣлахъ, направленныхъ въ одно мѣсто? Тысячу одинакихъ случаевъ можно, кажется, назвать другимъ именемъ.

Признаюсь,—самой мысли Англичанъ напасть на монастырь я придаю особое значеніе: для чего бы, казалось, рѣшаться имъ на такой поступокъ: военнаго вреда причинить они не могли; выгоды получить себѣ также, — для чего же, безъ всякой пользы, безъ всякихъ видовъ, раздражать цѣлый народъ и возбуждать противъ себя ненависть? Неужели они не знали, что Соловецкій монастырь на пустынномъ островѣ, вдали отъ всѣхъ сообщеній, въ странѣ хлада и нужды, есть священное мѣсто не только для Русскаго человѣка, но для всякаго не дикаго, и даже дикаго. Здѣсь молятся Богу — казалось, довольно было бы знать только это, чтобы оставить въ покоѣ благочестивыхъ отшельниковъ. Нѣтъ, они напали на монастырь,—*да явятся дѣла Божіи на немъ*".

XI.

Настоятель Соловецкаго монастыря (впослѣдствіи епископъ Полтавскій) архимандритъ Александръ, имя котораго по словамъ Погодина, присоединяется теперь къ „любезнѣйшимъ именамъ отечественныхъ лѣтописей“, сдѣлалъ въ Св. Сѵнодъ любопытное донесеніе. Когда донесеніе это было напечатано, Погодинъ посвятилъ ему подробный разборъ и при этомъ обратилъ вниманіе на всякую черту.

„Здѣсь“,—пишетъ Погодинъ,—„все любопытно, все важно, все дорого, вездѣ бьется сердце, вездѣ дышетъ любовь, надежда, вѣра, вездѣ блистаетъ во всей красотѣ своей этотъ здравый смыслъ, этотъ ясный толкъ, которымъ отличается Русскій человѣкъ, пока отъ него самъ не отречется, повязываясь иностранной повязкой, или напуская себѣ въ глаза западнаго дурману.

6-го іюля, монастырскіе сторожа увидали съ башенъ приближеніе непріятельскихъ судовъ.

Что же дѣлаетъ архимандритъ?

Первое дѣйствіе архимандрита, начальника благочестивой обители, разумѣется, служить молебенъ Божіей Матери и преподобнымъ Соловецкимъ Зосимѣ и Савватію.

Потомъ обноситъ онъ крестнымъ ходомъ по всѣмъ стѣнамъ чудотворныя иконы, какъ бы поручая имъ духовную ограду отъ злаго обстоянія.

Кончивъ Богослуженіе, онъ обращается къ своему малому стаду съ увѣщаніемъ. „Станемте храбро за вѣру и святую обитель“, сказалъ онъ; всѣхъ воодушевилъ и предался въ волю Божію.

А кто же эти всѣ, которыхъ одушевляетъ архимандритъ, сбираяся отражать вражескій флотъ? Нѣсколько монаховъ, нѣсколько богомольцевъ, вѣроятно престарѣлыхъ, мужескаго и женскаго пола, и нѣсколько инвалидовъ, съ прапорщикомъ

Никоновичемъ—(тоже долженъ быть не робкаго десятка, изъ одного съ настоятелемъ лѣсу кочерга).

Скажите на милость, — ну какъ пришло имъ въ голову защищаться и не пускать непріятеля въ монастырь? Могли ли они надѣяться съ своими малыми средствами выдержать какую бы то ни было осаду? И чего было имъ бояться при уступкѣ? Взять у нихъ было нечего, ибо церковныя утвари всѣ быти отвезены въ безопасное мѣсто, а потерпѣть какое нибудь насиліе беззащитнымъ монахамъ нельзя было и предполагать. Разумѣется, они всѣ были бы оставлены въ покоѣ. Только сопротивляясь, могли они навлечь на себя непріятности, подвергнуть опасностямъ жизнь и самую обитель свою. Казалось, по всѣмъ соображеніямъ,—лучше, полезнѣе, благоразумнѣе было бы встрѣтить враговъ съ покорностію. Казалось,—вѣрнѣе было бы спасти обитель отъ сожженія и разоренія, отворивъ ворота.

Нѣтъ, отецъ Александръ не сталъ такъ умно разсуждать, не сталъ онъ мудрствовать лукаво, а помолился Богу, да и принялся за дѣло, сѣлъ верхомъ,—взялъ съ собою двѣ трехъфунтовыя монастырскія пушки, и поѣхалъ съ прапорщикомъ Никоновичемъ— „слѣдить непріятеля за лѣсомъ“.

Непріятельскія суда, которыя останавливались въ десяти верстахъ отъ острова и потомъ дѣлали боковое движеніе, показались вновь.

Наши главнокомандующіе поставили на батареѣ двѣ свои пушки, отрядили къ нимъ одного фейерверкера артиллерійскаго, двухъ унтеръ-офицеровъ и десять рядовыхъ инвалидовъ. Это ихъ главный корпусъ. Нѣсколько охотниковъ послали они въ лѣсъ, вооруживъ монастырскими изъ арсенала и крестьянскими ружьями: всѣ они скрыты такъ, чтобы непріятель ихъ не могъ примѣтить. Это засада на случай высадки! По стѣнѣ размѣщены восемь пушекъ, присланныхъ изъ Архангельска, разставлены люди, натаскано воды въ ушатахъ и ведрахъ, приготовлены намоченные войлоки, чтобъ покрывать и гасить ими огонь, гдѣ бы онъ показался.

Непріятельскій фрегатъ начинаетъ пальбу, и первое ядро, нацѣленное въ святыя ворота, попадаетъ въ стѣну. Послѣ третьяго его залпа начинаетъ дѣйствовать и нашъ фейерверкеръ „изъ двухъ орудій трехъ-фунтовыхъ, такъ мѣтко и удачно, что отъ нѣсколькихъ выстрѣловъ сдѣлалось поврежденіе въ непріятельскомъ суднѣ“, которое удалилось отъ берега, стало на якорь и принялось за починку.

Наступаетъ ночь. Въ монастырѣ никто не спитъ: всѣ на стражѣ, либо на молитвѣ.

На другой день, 7-го числа іюля, въ началѣ шестого часа, присылается въ монастырь подъ парламентерскимъ флагомъ форменное требованіе сдачи съ орудіями и людьми, ибо, де (недостойная увертка) монастырь принялъ видъ военной крѣпости и стрѣлялъ по Англійскому флагу. Требованіе подписано начальникомъ эскадры ея Великобританскаго величества.

На грозное требованіе посылается немедленно рѣшительный отказъ, подъ которымъ подписывается „Соловецкій монастырь“. Одинъ изъ богомольцевъ берется доставить отказъ господину адмиралу, а „о бывшей пальбѣ объяснено, что отъ Соловецкаго монастыря началась она уже послѣ открытія съ парохода пальбы ядрами, и тогда уже необходимость заставила монастырь обороняться“.

Благородные враги продолжаютъ козподѣйствовать: „Мы высадимъ къ вамъ“,—говорятъ они,—„вашихъ плѣнныхъ“.

Для переговоровъ съ непріятелемъ архимандритъ Александръ отправилъ коллежскаго ассесора Соколова, который догадался, что подъ видомъ плѣнныхъ Англичане хотятъ высадить своихъ стрѣлковъ, и объявилъ, что безъ разрѣшенія архимандрита принять ихъ на берегъ не можетъ.

Англичане повторяли, что высадятъ плѣнныхъ, но не исполнили своего намѣренія, потому что увидѣли изъ-за лѣса нашихъ охотниковъ, которыхъ, видно, любопытство одолѣло, и они высунулись посмотрѣть, что на морѣ дѣлается, не смотря на запрещеніе военной команды.

Переговоры кончились. Въ восемь часовъ безъ четверти, начинается съ пароходовъ бомбардированіе, а въ монастырѣ, подъ громомъ пушекъ, въ трехъ церквахъ начинается Божественная Литургія. По окончаніи Литургіи, подъ градомъ бомбъ и картечь, совершается „вторичный крестный ходъ съ чудотворными иконами вокругъ монастыря по крѣпостной стѣнѣ..... Самъ Господь поборалъ по насъ,—свидѣтельствуетъ архимандритъ,—пробивало крышу ядрами, въ виду крестнаго хода, но никому вреда не причинило; всѣ, со слезами и радостію, шли по стѣнѣ".

Воображаемъ эту священную радость въ простыхъ сердцахъ, когда они видѣли, что подъ Божественнымъ Покровомъ огонь ихъ не жжетъ, и смерть не прикасается. Съ каждымъ шагомъ впередъ, вѣрно, билось ихъ сердце сильнѣе и сильнѣе, съ каждымъ шагомъ впередъ надежда укрѣплялась и вѣра усиливалась. Въ какомъ же восторгѣ они, спасенные, кончили свое удивительное шествіе, и возвратились въ Преображенскій соборъ, откуда оно началося!

По окончаніи хода еще посланъ былъ монахъ съ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, для обнесенія по стѣнѣ, чтобъ находящіеся на ней, у пушекъ, и для разныхъ другихъ работъ, люди могли приложиться къ образу Царицы Небесной.

Читатели, скажите, не къ первымъ ли вѣкамъ Христіанства принадлежитъ такое повѣствованіе? Не получаемъ ли мы теперь живой комментарій къ сказанію Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря?

Девять часовъ слишкомъ продолжается съ двухъ судовъ безпрерывное бомбардированіе, и во все это время поются во всѣхъ церквахъ безпрерывные молебны Христу Спасителю, Божіей Матери, Николаю Чудотворцу, Соловецкимъ преподобнымъ Зосимѣ и Савватію, и митрополиту Филиппу, который нѣсколько лѣтъ былъ игуменомъ въ Соловецкой обители.

Со стѣны же монастырской и со внѣшней батареи производится отвѣтная пальба.

„Въ оба боевые дня", — говоритъ архимандритъ,—„изъ

людей монастырскихъ не было ни одного убитаго, ни одного раненаго, нигдѣ ничего не загоралося и всѣ поврежденія оказались ничтожными. Великое заступленіе и ходатайство предъ Богомъ Соловецкихъ Чудотворцевъ о Св. Обители“.

XII.

7 Іюля 1854 года, въ обители преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, монастырскіе колокола возвѣстили время всенощной службы предъ праздникомъ Казанской Божіей Матери. Въ это самое время раздался послѣдній выстрѣлъ непріятельскій. И этимъ выстрѣломъ „попало (случай замѣчательный) въ икону Знаменія, стоящую надъ западными дверями, при входѣ въ Преображенскій соборъ“. Эту рану,—замѣчаетъ благочестивый архимандритъ, — „благоволила въ образѣ своемъ принять за насъ Царица Небесная“.

На другой день, 8-го числа, въ самый праздникъ, въ ожиданіи новой бомбардировки, начинается опять по всѣмъ церквамъ Литургія, и потомъ совершается крестный ходъ. . . . Тогда въ глазахъ всего народа, непріятель сталъ сниматься съ якоря и отошелъ прочь. Можно себѣ представить всеобщій восторгъ!

„По окончаніи крестнаго хода,—продолжаетъ достойный архимандритъ,—мы отслужили на дворѣ предъ пораненою иконою Божіей Матери, соборно молебенъ, и я читалъ со слезами акаѳистъ Божіей Матери, а всѣ люди на колѣняхъ молились и плакали отъ избытка чувствъ радости“.

„Вѣримъ, вѣримъ—продолжаетъ Погодинъ—искренности, горячности этихъ слезъ, а всѣ Русскіе люди, до которыхъ не коснулась проказа иностраннаго воспитанія, язва западнаго невѣрія, болѣзнь современнаго ожесточенія, всѣ настоящіе Русскіе люди проливаютъ сладкія слезы, слезы умиленія, при чтеніи сихъ драгоцѣнныхъ подробностей. Говорятъ, одинъ закоренѣлый раскольникъ, бывшій свидѣтелемъ событія въ

Соловецкомъ монастырѣ, и одинъ лютеранинъ-норвежецъ, случившійся тамъ, обратились въ ту же минуту къ Православной церкви. Есть много восхитительныхъ эпизодовъ въ *Иліадѣ* Гомера, *Освобожденномъ Іерусалимѣ* Тасса, и прочихъ вдохновенныхъ поэмахъ, — найдите мнѣ такой, въ которомъ было бы болѣе истинной высокой поэзіи, чѣмъ въ этомъ Соловецкомъ событіи, или въ Одесской осадѣ, и Дунайскомъ переходѣ. Какіе вымыслы сравниваются съ этой истиной!“

Послушаемъ далѣе повѣствованіе о распоряженіяхъ архимандрита, благочестиваго Русскаго человѣка, съ его здравымъ умомъ, съ его чистымъ сердцемъ, съ его горячей преданностію Церкви, Престолу и Отечеству:

„Осмѣливаюсь смареннѣйше просить Святѣйшій Сѵнодъ: а) чтобы дозволено было пробоину на иконѣ Божіей Матери Знаменія Пресвятыя Богородицы, оставить навсегда, задѣлавъ легкимъ чѣмъ нибудь, а подъ иконою сдѣлать надпись, означающую событіе; б) и въ другихъ мѣстахъ пробоины означить черными красками; в) ежегодно совершать, 7-го числа іюля строгій постъ, а 8-го—крестный ходъ вокругъ монастыря по стѣнѣ, и служить молебенъ предъ пораненою иконою Божіей Матери, предъ дверьми большого собора; г) ежегодно на Литургіи, по маломъ входѣ послѣ тропарей, пѣть кондакъ Божіей Матери: *Не имамы иныя помощи*, а по окончаніи Литургіи: *Подъ твою милость*, кромѣ великихъ господнихъ праздниковъ, и д) изъ ядеръ и бомбъ, набросанныхъ въ монастырь, и внѣ онаго, кои собраны въ большомъ количествѣ и еще собираются, сдѣлать въ святыхъ воротахъ пирамиду, съ надписью приличною, и поставить тутъ же тѣ два маленькія монастырскія орудія, которыя въ оба дня выдержали нападеніе. При этихъ орудіяхъ, какъ и при пирамидѣ изъ ядеръ, если благословитъ Святѣйшій Сѵнодъ, сдѣлаю приличную надпись“.

Умилительное сказаніе,—заключаетъ Погодинъ,—чудесное происшествіе! Почто же мы сомнѣваемся, маловѣры! Или такъ отягчены очи наши, что мы *видяще—не видимъ, и слышаще—*

не разумѣемъ. Господи! отверзи намъ умъ разумѣти твоя чудеса! Можемъ ли мы бояться чего съ такою помощію? Отъ какихъ непріятелей не оборонится этотъ народъ! *Аще совѣтъ совѣщеваете, разоритъ Господь; аще бо возможете, и паки побѣждени будете: яко съ нами Богъ.* Впередъ! за святую вѣру, за правое дѣло, за несчастныхъ братій. *Вѣруемъ, Господи, помози нашему невѣрію*" [75]).

Эта статья Погодина о Соловецкомъ монастырѣ произвела на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Впервые она была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.* Редакторъ ихъ, Катковъ, писалъ Погодину: „Отъ всей души благодарю васъ за статью. Но, къ прискорбію моему, цензоръ прогулялся по ней, и я не знаю какъ быть. Не лучше ли ужъ отложить до будущаго нумера, между тѣмъ подъѣдетъ Попечитель. Посылаю вамъ цензорской листъ. Если вы согласитесь удовлетворить требованіямъ цензора, то статья появится въ завтрешнемъ нумерѣ, и я прошу васъ только поспѣшить возвращеніемъ этого листа, чтобы не произошла остановка въ печатаніи. А не то отложимъ".

Прочитавъ эту статью, С. Т. Аксаковъ (23 августа 1854 года) писалъ Погодину: „Благодаримъ васъ за вашъ Русскій голосъ, который, конечно, отзовется во всѣхъ Русскихъ сердцахъ. Вся грамотная Русь безъ исключенія прочтетъ этотъ нумеръ *Московскихъ Вѣдомостей,* въ которыхъ столько было напечатано позорнаго для насъ—и душевно порадуется. Честь и слава вашей благородной смѣлости! . . . Какой на меня черный годъ: въ самой доходной деревнѣ выбило весь хлѣбъ, господскій и крестьянскій, сильнымъ морозомъ а потомъ градомъ. Вмѣсто дохода, я долженъ дать хлѣба крестьянамъ изъ другой деревни".

„Съ восторгомъ, съ сердечнымъ умиленіемъ",—писалъ Погодину, изъ Петербурга (8 сентября 1854 г.), баронъ М. А. Корфъ,—„съ возбужденіемъ всѣхъ религіозныхъ и патріотическихъ чувствъ, свойственныхъ Русскому, прочелъ я, въ *Москвитянинѣ* высокую, поразительную статью вашего пре-

восходительства о Соловецкомъ донесенiи. Вотъ что надо бы напечатать въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перевесть на всѣ языки мiра и разбросать по всѣмъ концамъ Востока и Запада, да увѣдаютъ языки, какъ великъ Россiйскiй Богъ! Честь и слава, почтеннѣйшiй Михаилъ Петровичъ, вашей душѣ, вашему чувству, вашему перу! Извините невольное излiянiе моихъ ощущенiй, но я не могъ удержать про себя моего восторга и долженъ былъ выговориться передъ авторомъ, какъ высказываюсь и здѣсь, передъ всѣми, и любящими, и нелюбящими его" [76]).

Сильное впечатлѣнiе произвела эта статья Погодина и на И. С. Аксакова, который, изъ Харькова, 29 сентября 1854 года, писалъ своимъ родителямъ: „Статью Погодина о Соловецкомъ монастырѣ я прочелъ въ *Инвалидѣ*: я самъ уважаю его поступокъ. Впрочемъ, Погодина за многое можно уважать, и когда умретъ этотъ человѣкъ и представится намъ вся жизнь его, какъ одно цѣлое, тогда многiе, даже враги, отдадутъ ему справедливость, а прыщи и бугры, которыми усѣяно лице каждаго человѣка, даже красавицы, если разсмотрѣть въ микроскопъ, исчезнутъ, не обратятъ на себя вниманiя, когда выдастся впередъ общiй обликъ человѣка. Этотъ то общiй обликъ не всегда уважается людьми при жизни человѣка; впрочемъ, онъ и неясно видимъ тогда; но вообще люди охотнѣе путешествуютъ по прыщамъ и буграмъ человѣка, чѣмъ всматриваются въ общiй типъ его физiономiи. Въ Погодинѣ много и много такого хорошаго, ради котораго можно простить ему многое дурное" [77]).

Но, вотъ что писалъ Т. Н. Грановскiй въ Петербургъ, къ своему тоскующему по Москвѣ другу Е. Ѳ. Коршу: „О тебѣ носятся слухи, что ты сталъ ярымъ патрiотомъ и просился въ Соловецкiй монастырь, для защиты тамошнихъ святынь отъ поруганiя варварами. Я, братъ, предпочитаю Дунайскую армiю. Та все отступаетъ, для завлеченiя врага,—и смѣло и безопасно. Не сердись за этотъ вздоръ. Я не хочу раздра-

жать тебя *пока*, и когда пришлешь Ѳедю, *) мы съ тобою поговоримъ о патріотизмѣ“ [78]).

XIII.

Большой Англо-Французскій флотъ, подъ начальствомъ Англійскаго адмирала Чарльса Непира, появился въ Балтійскомъ морѣ; но, такъ какъ Русскій флотъ укрывался за своими твердынями, то Англичане не имѣли случая отличиться крупными подвигами. Правда, способность ихъ къ дѣйствію на морѣ блистательно обнаружилась въ томъ, что при плаваніи въ опасномъ Финскомъ заливѣ, гдѣ сняты были всѣ бакены, служившіе для обозначенія фарватера, они не потеряли ни одного судна черезъ кораблекрушеніе; однако же они не отважились напасть на Кронштадтъ. Появленіе Непира передъ этою морскою твердынею,—это Hannibal ante portas—было для жителей Петербурга скорѣе предметомъ развлеченія, нежели ужаса, и изъ столицы предпринимались увеселительныя поѣздки, чтобы съ высотъ Ораніенбаума взглянуть на любопытную картину Англійскаго флота.

Еще 25 февраля 1854 года, А. В. Головнинъ писалъ Погодину: „Балтійскій флотъ горитъ желаніемъ сразиться съ Англичанами и показать себя передъ Черноморцами... Моряки Балтійскіе и Черноморскіе рѣшились, или *погибнуть* или *побѣдить*. Великій князь остороженъ и хладнокровенъ. Онъ не хочетъ жертвы, когда она безполезна, но не остановится жертвовать, когда нужно“.

2-го марта, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Государь уѣхалъ въ Свеаборгъ; въ прошлую пятницу онъ прощался съ гвардейскими полками, назначенными въ походъ въ Финляндію и Эстляндію; сказалъ имъ краткую рѣчь; прочелъ самъ молитву *Отче Нашъ* и благословилъ на битву съ врагами. Ждемъ весны, а съ нею и западниковъ. Одушевленіе и соз-

---

*) Ѳедоръ Евгеніевичъ Коршъ, нынѣ профессоръ Московскаго Университета.

ваніе правоты дѣла сильно проникнуло во всѣ сословія. Всѣ желаютъ помѣриться съ непріятелемъ и всѣ готовы принести все на жертву Отечеству. Я встрѣтилъ крестьянъ Олонецкой губерніи; завелъ съ ними разговоръ о настоящемъ положеніи и они мнѣ сказали, что царь-батюшка ихъ обижаетъ, приказавъ взять съ нихъ только девять рекрутовъ съ тысячи; солдаты ему нужны; по двадцати готовы поставить. Каковы Русскіе“!

Въ это время директоръ Педагогическаго Института И. И. Давыдовъ назначенъ былъ членомъ Консультаціи Министерства Юстиціи, а 6 апрѣля 1854 года, — пожалованъ кавалеромъ равноапостольнаго князя Владиміра 2-го класса. Этой наградѣ своей Давыдовъ придавалъ общественное значеніе и отъ 2 мая 1854 года, писалъ Погодину: „Милости, которыми я осчастливленъ, имѣютъ значеніе для всего ученаго сословія: пролагается путь и для другихъ. Что касается до новаго назначенія, то вѣдь входъ въ храмъ Ѳемиды всегда бывалъ чрезъ храмъ Минервы. При томъ законъ—ratio scripta, слѣдовательно, логическое построеніе. Это назначеніе доставляетъ мнѣ величайшее утѣшеніе,—пищу для ума и сердца. Можетъ быть, оно приведетъ меня, съ Божіею помощью, въ Леонтіевскій переулокъ, гдѣ желательно окончить земное странствованіе“.

Въ томъ же письмѣ И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „У насъ о Балтійскомъ флотѣ Англичанъ никто не думаетъ. По мудрой предусмотрительности обожаемаго нашего отца Отечества, мы спокойно занимаемся дѣлами, какъ и всегда прежде. Если враги наши ничего не взяли у Одессы, то чтожъ могутъ они сдѣлать Петербургу? Любо смотрѣть, какъ мы выросли и окрѣпли въ настоящее царствованіе! Какія силы, какое нравственное могущество раскрылись при одномъ державномъ словѣ нашего царя! Что касается до Константинополя, то когда придетъ время и вы будете туда собираться, скажите намъ“.

А. В. Никитенко, въ своемъ *Дневникѣ* (17 апр. 1854 г.),

сообщаетъ: „И. П. Давыдовъ, сей великій ловецъ благъ, получилъ Владимірскую звѣзду и, кажется, совсѣмъ помутился отъ радости. Для поощренія начальства, къ доставленію ему вящихъ и вящихъ наградъ, онъ придумалъ слѣдующее: съ большимъ шумомъ словъ онъ на дняхъ подалъ министру бумагу, съ сообщеніемъ, что Педагогическій Институтъ весь рѣшается стать подъ ружье и проситъ, чтобы его теперь же немедленно начали учить военнымъ эволюціямъ. Министръ изумился и не зналъ, что дѣлать съ такимъ радикальнымъ усердіемъ. А Иванъ Ивановичь хлопочетъ объ одномъ—чтобы это дошло до государя. Между тѣмъ, въ этомъ есть своя неловкая сторона, которую Иванъ Ивановичь упустилъ изъ виду. Предложеніе такой крайней мѣры вѣдь какъ бы намекаетъ на недостаточность нашихъ военныхъ силъ и на критическое положеніе ихъ. Въ заключеніе, А. С. Норовъ распорядился прекрасно. Онъ далъ этому характеръ милаго, но ребяческаго усердія юношей, и въ такомъ тонѣ передалъ дѣло великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и наслѣднику. Его высочество замѣтилъ: да, вѣдь, намъ нужны также и образованные педагоги. Онъ выразилъ удовольствіе, что Норовъ не далъ этому оффиціальнаго хода“.

„У насъ здѣсь“, — писалъ В И. Панаевъ, 28 марта 1854 г., Погодину,— „начинаетъ пахнуть войною. Незванные гости приближаются; но мы покойны: Правительство или, лучше сказать, государь съ августѣйшими своими сыновьями, съ неимовѣрною дѣятельностію трудятся надъ приготовленіемъ огромныхъ способовъ и мѣръ къ отпору. Да и самъ Богъ за насъ: третьяго дни была такая ужасная буря, всколыхавшая Балтійское море чуть ли не на всемъ его пространствѣ, что флотъ пьяницы Непира вѣроятно порядочно потрепало“.

20 апрѣля, А. В. Головнинъ писалъ Погодину: „Здѣсь все готовится. Нельзя отнять познанія и ума у враговъ нашихъ и потому тѣмъ любопытнѣе становится узнать наконецъ планъ ихъ, котораго разгадать не умѣемъ, но знаемъ,

что имъ противопоставлены грозныя силы. Великій князь будетъ жить при государѣ въ Петергофѣ, гдѣ будетъ находиться и вся императорская фамилія. Вѣроятно, власти переѣдутъ туда. Оттуда на флотъ и въ Кронштадтъ близко при первой тревогѣ".

Черезъ недѣлю послѣ этого письма, Погодинъ получаетъ письмо отъ Арапетова (29 апрѣля 1854) успокоительнаго характера: „Непира мы не боимся; въ частной жизни здѣсь нѣтъ никакихъ перемѣнъ и только военныя приговленія доказываютъ приближеніе врага. Онъ, кажется, не намѣренъ сунуться на Кронштадтъ; ждалъ найти дивизію нашего флота въ Ревелѣ и ошибся. Жечь же приморскіе города, стыдно въ XIX вѣкѣ; довольно и Одесской исторіи, которая даже въ общественномъ мнѣніи Европы, отдается, кажется, не въ пользу нашихъ враговъ. Вотъ и цивилизація и гуманность XIX вѣка, о которыхъ такъ много и краснорѣчиво шумѣли. Вотъ и извольте выводить разумные законы человѣческаго движенія.—Безчестный негодяй, ложью и подкупомъ сдѣлался нечаянно императоромъ мишурнаго народа — Французовъ, и чтобы поддержаться на своемъ незаконномъ постѣ, затѣялъ всякими интригами войну, для потѣхи общественнаго мнѣнія во Франціи, или, лучше сказать, площаднаго мнѣнія, которое даже забываетъ, что Французское знамя несетъ чуть не каторжникъ Сенъ-Арно; а Англичане и рады были рѣдкой возможности соединиться съ Французами, чтобы нанесть вредъ нашему морскому усиленію. Да еще Англійскій министръ въ Парламентѣ не стыдился величать этого негодяя Августомъ, укравши эту пошлость изъ какого-то Французскаго журнала.— Стыдъ имъ всѣмъ; кромѣ огромной интриги да позора Европейской политической жизни, я право ничего не вижу. Желаю вамъ всякаго благополучія, такой же надежды на нашъ успѣхъ, какую мы здѣсь имѣемъ".

„Мы все еще сидимъ у моря,—писалъ баронъ М. А. Корфъ (11 мая 1854 г.) Погодину,—и ждемъ погоды. Храбрые враги наши бомбардируютъ „безокопную" нашу Одессу и таскаютъ

купеческіе корабли, но ни на Кронштадтъ, ни на Свеаборгъ, ни на Севастополь, ни даже на Ревель не отваживаются. Между тѣмъ, наша шкерная флотилія благополучно пробралась къ своимъ мѣстамъ и на дняхъ перевезенъ моремъ большой запасъ провіанта въ Гельсингфорсъ; а Мемель обратился въ нашъ торговый городъ. Что скажетъ завтрешній день—рожденіе королевы Англійской?“ [79])

Въ *Дневникѣ* П. Х. Граббе мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *15 іюня 1854 г.*: „Съ воскресенья Англо-Французскій флотъ въ виду Кронштадта, и отдѣльные пароходы приближаются почти на пушечный выстрѣлъ. Толбухинъ маякъ занятъ непріятелемъ.

— *20* — — : Союзный флотъ, приблизившись рано, съ утра, къ Кронштадту, пошелъ внезапно назадъ и скрылся вовсе изъ виду.

— *22* — — : Наконецъ, скука! Что дѣлать въ Кронштадтѣ безъ присутствія непріятеля? Безпрерывное чтеніе утомляетъ глаза. Общества привычнаго нѣтъ; развлеченія, кромѣ однообразныхъ прогулокъ, никакого. Извѣстій, кромѣ газетныхъ, никакихъ. Съ балкона самый обыкновенный видъ—пьяные въ разныхъ положеніяхъ.

— *19 іюля* — : Третьяго дня, 17-го, великій князь Константинъ Николаевичь, при опытѣ новой лодки Американскаго устройства, опрокинулся съ контръ-адмираломъ Истоминымъ, адьютантами: Лисянскимъ, Юшковымъ и княземъ Голицынымъ. Всѣ спасены, кромѣ князя Голицына, тѣло котораго по сіе время не найдено“ [80]).

До какой степени жители Петербурга пользовались безопасностью, можно судить изъ того, что И. С. Тургеневъ поселился на дачѣ между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ, и у него, 20 іюня 1854 года, завтракали: графъ А. К. Толстой, Маркевичъ, Анненковъ и Некрасовъ, а самъ онъ ѣздилъ на Красную Горку, чтобы смотрѣть оттуда на Англійскій флотъ [81]).

Подъ *23 іюля 1854 г.*, П. X. Граббе записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: "Аландъ обложенъ союзнымъ флотомъ".

„Въ Балтикѣ,—повѣствуетъ князь Васильчиковъ,—„неизвѣстно для какой цѣли, существовалъ укрѣпленный замокъ на Аландскихъ островахъ, извѣстный подъ названіемъ Бомарзунда. Замокъ этотъ никому не могъ преградить входъ въ Балтійскій заливъ, не защищалъ береговъ Финляндіи и даже не доставлялъ дѣйствительной обороны запертому въ немъ безъ всякой надобности гарнизону. Союзники, жаждавшіе какого-либо успѣха, для рекламы въ своихъ газетныхъ статьяхъ, усмотрѣли въ этомъ Бомарзундѣ легкую добычу, могущую достаться имъ безъ всякаго пожертвованія и, одержавши побѣду надъ врагомъ, который не въ силахъ былъ обороняться, получили первый трофей, возбудившій, конечно, общественное мнѣніе Англіи и Франціи къ торжеству и болѣзненно отозвавшійся въ Русскихъ сердцахъ, при видѣ невольной и безполезной жертвы" [82]).

Въ концѣ же концовъ, подвиги Англійскаго флота на Балтійскомъ морѣ ограничились только уведеніемъ Русскихъ купеческихъ судовъ и сожженіемъ запасовъ лѣсу и дегтю на Финляндскихъ берегахъ.

XIV.

Западные флоты вступили въ Черное море. Вслѣдствіе сего, императоръ Николай велѣлъ главнокомандующему арміею князю Варшавскому перейти Дунай. Въ мартѣ 1854 г., Русская армія заняла Добруджу и осадила Силистрію, а Омеръ-Паша отступилъ въ Шумлу.

Еще 8 февраля 1854 года, Галичскій историкъ Денисъ Зубрицкій, изъ Львова, писалъ Погодину: „У насъ миръ и тишина. Мудрое правительство наше соблюдаетъ неутралитетъ. Виновникъ войны и всѣхъ замѣшательствъ есть, кажется, Французскій Гришка Отрепьевъ. Онъ былъ началомъ ссоры. Мошенники Англичане, плуты, которые пытались въ

1848 году, разрушить и нашу монархію, пользуются случаемъ, помощію Самозванца, вмѣстѣ съ нимъ запутать дурака въ сѣти, изъ коихъ ему, ни взадъ, ни впередъ. Революціонисты цѣлаго свѣта слетѣлись, какъ вороны, къ стерву, бусурманятся, поджигаютъ фанатизмъ суевѣрнаго народа; жиды-газетчики и другіе красные революціонеры, подъ личиною патріотизма, равновѣсія Европы, угрожающей отъ Россіи опасности, лгутъ, лаютъ и портятъ общее мнѣніе.—Я опасаюсь только о флотѣ и молюсь ежедневно съ умиленіемъ: *яже въ мори управи и сохрани. Съ путешествующими спутешествуй, императору споборствуй.* Что же касается войны на сушѣ, то Россія можетъ смѣло съ пророкомъ Исаею сказать своимъ врагамъ: *аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете*: *яко съ нами Богъ.*—Но я еще не потерялъ надежду, что дѣло окончится миромъ со славою Россіи, что Англія и Франція лишатся вліянія на Турцію, что Россія и Австрія одержатъ тамо перевѣсъ, а обрѣзанные и необрѣзанные авантурьеры емигранты будутъ прогнаны“.—Въ томъ же письмѣ Зубрицкій, согласно съ Хомяковымъ, Граббе и проч. указываетъ на важное значеніе Востока для Россіи. „Вниманіе мое“,—пишетъ онъ,— „обращаю я отъ нѣсколькихъ лѣтъ преимущественно на Среднюю Азію, на Аральское море, на Сиртъ и Аму-Дарью. Туда, гдѣ хватъ Огаревъ одержалъ почти баснословную побѣду. Тамъ-то, тамъ, на побережью того моря и рѣкъ, усилившись и покоривъ Коканлъ, Хиву и Бухарію, будетъ Россія располагать судьбою не только Азіи, но и Европы. Тамо надо построить крѣпости, основать при устьѣ Аму-Дарьи торговый городъ, въ который бы Русскіе фабриканты отправляли свои произведенія, а купцы завели бы свои канторы. Десять тысячь регулярныхъ Русскихъ богатырей, съ подвластными Киргизами и Башкирцами, будетъ достаточная сила покорить тамошнія мелкія владѣнія. Усилившись тамо, съ флотиліею на Аралѣ, и сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ облегчится. — Ни Англія, ни Франція, ни самъ чертъ, не въ состояніи помѣшать тамъ Россіи. Персія, Авганистанъ и пр. будутъ повиноваться, а

Англія — о свои колоніи трепетать. Торговля съ Среднею Азіею чрезъ Требизондъ и Синопу, о которой Европейскія державы столь усильно суетятся, будетъ въ Русскихъ рукахъ. — Слава проложившему линію сообщенія чрезъ Киргизскую степь. Извините, вздоръ, это моя любимая мечта, и ради Бога, если будетъ какая способность, пришлите мнѣ описаніе Зааральскихъ странъ; мнится мнѣ, что кто-то, Ханенько или Ханиковъ, издалъ путешествіе свое въ Бухару *). Хотя я и разоренъ революціей, но далъ бы послѣдній крейцеръ за сего рода книгу и карту" [83]).

Вслѣдъ за симъ письмомъ, Погодинъ получаетъ письмо изъ Праги, отъ Шафарика, который писалъ: „И насъ окружаютъ разные воинственные слухи: газеты ими полны. Впрочемъ, меня мало это интересуетъ: для глупостей въ родѣ войны, политики и тому подобнаго, я разъ навсегда мертвъ. Но возрастающія бѣдствія человѣчества близки моему сердцу. А это дѣлаетъ у насъ и въ ширину и въ длину Европы гигантскіе шаги. Съ одной стороны отчаяніе отъ нуждъ и горя; съ другой — роскошь, пресыщеніе, глупыя увеселенія безъ мѣры и цѣли. Если это пойдетъ съ обѣихъ сторонъ прогрессивно, — что изъ этого выйдетъ?!." [84]).

Изъ Петербурга А. Н. Поповъ писалъ Погодину: „Что вамъ сказать о дѣлахъ политическихъ? Рѣшительно не знаю и, думаю, не знаю потому, что тѣ, которые призваны дѣйствовать, не знаютъ, что и какъ дѣлаютъ. Это лучше, рѣшитъ дѣло Провидѣніе. Грустно одно, что портятъ дѣло Нѣмцы своею силою и вліяніемъ у насъ и пользуясь нашими безсиліемъ и слабостію. Вы спрашивали, зачѣмъ Милошъ въ главной квартирѣ? Такъ, пріѣхалъ и живетъ тамъ, а намъ и въ голову не приходитъ, что его пребываніе должно имѣть значеніе въ глазахъ Сербовъ. Впрочемъ, къ Сербскому князю Але-

---

*) Еще въ 1843 году, въ С.-Петербургѣ, Н. В. Ханыковъ издалъ *Описаніе Бухарскаго Ханства*, и къ своему сочиненію приложилъ карты: часть Кокапскаго Ханства, планъ города Бухары и планъ города Самарканда съ окрестностями. *Н. Б.*

ксандру не благоволятъ да и благоволить не за что; но въ этомъ случаѣ если благопріятствовать, то надо бы Михаилу, а не Милошу. Вы видите, что воззванія къ Славянамъ до сихъ поръ не дѣлаютъ; это очень знаменательно. Къ этому надо прибавить, что Австрія того и гляди принуждена будетъ вступить въ союзъ съ нами и что мы этого ожидаемъ и желаемъ;—это еще знаменательнѣе. Видно еще много нужно времени, чтобы Славянскій вопросъ выразился ясно въ происшествіяхъ историческихъ и рѣшительно. Во всякомъ случаѣ начало будетъ положено силою обстоятельствъ, тогда мы увидимъ, воспользуются ли симъ обстоятельствомъ Россіею, — и какъ воспользуются. Теперь видимъ только, что она не хочетъ пользоваться обстоятельствами. Я думалъ—было писать статью объ Австріи въ отношеніи къ Восточному и Славянскому вопросамъ и ждалъ полнаго разрыва съ нею“ [85]).

22 марта 1854 года, митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Есть вѣсть, что мы перешли черезъ Дунай; не безъ труда взяли крѣпость; потомъ отъ насъ бѣгутъ.—Но къ чему сіе ведетъ?—Господу помолимся!“ [86]). Въ день Благовѣщенія, Шевыревъ извѣщалъ Погодина: „Переходъ черезъ Дунай, говорятъ, былъ блистателенъ... Къ Пасхѣ должно быть что нибудь великое“ [87]).

„Въ нашей семьѣ,— пишетъ князь В. П. Мещерскій— все, разумѣется, горѣло патріотизмомъ. Старшій сынъ исторіографа Карамзина, Андрей Николаевичъ, бросилъ свою богатую и счастливую жизнь въ Демидовскомъ палаццо, гдѣ онъ жилъ съ своею женою, вдовою Демидова, и съ молодымъ ея сыномъ, и поступилъ снова въ военную службу, въ дѣйствующую армію“ [88]).

Подъ *19 марта 1854 г.*, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Карамзину. Благословилъ его на Дунай. Съ малолѣтнимъ Демидовымъ“.

Князь П. А. Вяземскій, изъ чужбины, напутствовалъ героя посланіемъ:

Счастливый путь, подъ ядра роковыя!

. . . .

. . . .

. . . .

Когда зоветъ сыновъ своихъ Россія,
Откликнуться ей долженъ Карамзинъ.
Не даромъ былъ ты съ самого рожденья
Огнемъ души родительской согрѣтъ,
Уразумѣлъ ея ты вдохновенья,
Ты оправдалъ отца святой завѣтъ.

. . . .

. . . .

И тѣнь отца тебя благословила...

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Обращаясь затѣмъ къ супругѣ героя, князь Вяземскій писалъ:

А ты ему зарею беззакатной
Блеснувшая на жизненномъ пути,
Не унывай, вѣрь въ Промыслъ благодатный,
И скорбь свою надеждой просвѣти... [89]).

Но въ самый Троицынъ день, П. Х. Граббе записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Въ Малой Валахіи, Александрійскій гусарскій полкъ понесъ большую потерю. Карамзинъ, за болѣзнію полковаго командира, графа Алопеуса, командовавшій въ тотъ день, убитъ“ [90]). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ печальномъ событіи сообщаетъ племянникъ убитаго, князь В. П. Мещерскій: „Карамзинъ выпросилъ себѣ, горя желаніемъ быть въ дѣлѣ, рекогносцировку, и съ своимъ Александрійскимъ гусарскимъ полкомъ выступилъ 15 мая 1854 года. Но, введенный въ заблужденіе невѣрнымъ показаніемъ лазутчика, онъ наткнулся на громадный Турецкій отрядъ и былъ окруженъ. Часть отряда успѣла спастись, но самъ онъ предпочелъ бѣгству или плѣну смерть героя и былъ изрубленъ баши-бузуками“ [91]).

Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *2 іюня 1854 г.*: „Андрей Карамзинъ убитъ. Горестное извѣстіе“.

— *3* — —: „На дорогѣ къ Уварову, надумывалась статья о Карамзинѣ“.

— *4* — —: „Написалъ о смерти Карамзина и плакалъ. Прекрасныя выраженія встрѣчаются. Слава Тебѣ, Господи!“.

„Карамзина душевно жаль“,—писалъ Погодину М. А. Дмитріевъ (5 іюня 1854),—„давно ли мы его видѣли! А Московскіе разсказчики винятъ его самого и разсказываютъ, что онъ просто завелъ въ болото! Такъ громко повѣствуетъ и П. Я. Чаадаевъ! Не понимаю, что за удовольствіе увеличивать то, что и безъ того горько. Мы любимъ обвинять другихъ, сами ничего не дѣлая, и судить чужія ошибки, сидя сложа руки. Вообразите, что Чаадаевъ въ претензіи на меня за то, что я въ моихъ *Мелочахъ*, говоря объ И. И. Дмитріевѣ, ни слова не сказалъ о немъ, о Чаадаевѣ! Да что же о немъ сказать? Онъ ни писатель, ни издатель, словомъ, человѣкъ неизвѣстный! До такой степени обольщаетъ насъ избалованное самолюбіе“ [92]). Изъ Коренной, 13 іюня 1854, И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Какъ жаль Андрея Карамзина! Его поступленіе въ военную службу безъ всякой надобности, предпочтеніе, оказанное имъ трудамъ военнымъ предъ роскошными удобствами жизни, вслѣдствіе искреннихъ Русскихъ убѣжденій и наконецъ эта смерть,—все это должно примирить съ нимъ каждаго, рѣзко осуждавшаго его прежде. Бѣдная Аврора! Она его страстно любила“ [93]).

Въ своей *Старой Записной Книжкѣ*, князь П. А. Вяземскій записалъ: „(Карлсбадъ, 23, 25 іюня 1854 г.): Письмомъ Александрины Толстой подтвердилось печальное извѣстіе о смерти милаго Андрея Карамзина. Я былъ зловѣщимъ поэтомъ. Богъ не благословилъ моей пѣсни. Грустно и тяжело. Бѣдный Андрей! Въ донесеніи о дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ убитъ, заключается родъ посмертнаго выговора ему“.

Во время пребыванія своего въ Штутгардтѣ, князь П. А. Вяземскій, 10 сентября 1854 года, былъ у обѣдни съ пани-

хидою по православнымъ воинамъ, павшимъ на брани. „Очень умилительно",—писалъ онъ,—„и бѣдный Андрей такъ и носился предъ глазами моими" [94]).

XV.

Переходъ нашихъ войскъ черезъ Дунай встревожилъ Австрію и она вышла изъ своего бездѣйствія.

5-го апрѣля 1854 года, Хомяковъ писалъ Погодину: „Паскевичъ пріѣхалъ въ армію. Авось, пойдетъ живѣе. Австрія объявила, что переходъ чрезъ Балканы сочтетъ объявленіемъ войны". О томъ же писалъ Погодину и М. А. Дмитріевъ (13 апрѣля 1854): „Говорятъ, что побили Омеръ-Пашу. Говорятъ, что Нѣмцы, въ случаѣ перехода черезъ Балканы, будутъ противъ насъ. Правда ли? Горько, право, какъ за добро платятъ зломъ!"

Въ тоже время правитель Канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора Ѳ. П. Корниловъ писалъ Погодину слѣдущее: „Графъ Арсеній Андреевичь благодаритъ ваше превосходительство за сообщеніе ему полученнаго вами письма изъ Бѣлграда. Дѣйствительно, Русскіе и Сербы всегда были близки по чувствамъ. Событія довершатъ нынѣ то, чему препятствовала доселѣ политика Европы".

О воззрѣніяхъ самого фельдмаршала князя Паскевича, Погодинъ получилъ свѣдѣнія отъ графини А. Д. Блудовой. 11 марта 1854 года, она писала: „Фельдмаршалъ уѣхалъ вчера,—онъ бодръ и твердъ въ отношеніи къ военному вопросу, но въ отношеніи къ политическому, онъ, кажется, не такъ твердъ и находитъ, какъ Хомяковъ, что на предложеніе лорда Радклифа, если намъ предложатъ, можно согласиться. Онъ читалъ вашу записку, но ему со всѣхъ сторонъ твердятъ, что это поэзія, и что нѣтъ ни доброй воли, ни силы у Христіанъ освободиться". Въ томъ же письмѣ графиня Блудова писала: „Государя и наслѣдника берутъ другимъ: увѣряютъ, что было бы безбожно подымать Христіанъ

на *жертву*, ибо мы принуждены такъ много ставить войска на всѣхъ границахъ, что нечего намъ посылать въ Сербію и Боснію, и что *слѣдовательно*, Турки и Австрійцы перерѣжутъ ихъ всѣхъ. Это великодушное чувство, мнѣ кажется, не устоитъ, потому что Сербы не такіе бараны или голуби, чтобы съ ними справились такъ скоро. . . . . Постарайтесь къ лѣту собрать денегъ нѣсколько и мы ими подожжемъ Боснію, безъ вспомогательнаго войска. Въ Черногорію помощникомъ Ковалевскаго послали артиллерійскаго офицера съ фейерверкеромъ и на дняхъ еще пошлютъ инженернаго офицера. Вотъ все, что знаю и прошу всѣхъ и всякаго, моляся о Русскомъ воинствѣ, помолиться и за братьевъ Задунайскихъ . . . . Когда успѣете, напишите мнѣ, чтó говорится и дѣлается въ народѣ и купечествѣ. Всѣ эти свѣдѣнія интересны не только для меня, но и для великой княгини Елены Павловны и цесаревны. Вотъ двѣ княгини! Просто счастіе, что Богъ даровалъ намъ такихъ“.

Между тѣмъ, Шевыревъ писалъ Погодину: „Да что же это у насъ на Дунаѣ все такое несчастіе? Все пикниками да весельемъ заняты. Никто не подумаетъ о великой святости дѣла . . . . Не молятся. Нѣтъ силы духа, которая тутъ одна дастъ силу и мечу. Имъ бы надобно отправить митрополичье посланіе, въ родѣ того, которое митрополитъ Макарій послалъ въ войско Грознаго. Да гдѣ такой митрополитъ? Написалъ бы ты Иннокентію и двинулъ бы его . . . . . Напиши-ка самъ посланіе да пошли къ Горчакову“ [95]).

Съ самаго начала непріязненныхъ противъ Россіи дѣйствій Франціи и Англіи, у насъ, по свидѣтельству князя В. И. Васильчикова, „возгорѣлось желаніе перейти въ наступленіе за Дунай. Пока союзники не были готовы къ бою, пока Турецкія войска еще не были собраны и сформированы, мы сидѣли скрестивъ руки и ждали благопріятнаго исхода отъ мирныхъ переговоровъ; теперь, когда всѣ успѣли уже собраться съ силами, когда союзные флоты то и дѣло что подвозили войска къ Царьграду, когда сама Австрія, не нару-

шая своего выжидательнаго положенія, сосредоточивала полки свои вдоль по границѣ Трансильваніи, мы задумали нанести Турціи рѣшительный ударъ—перейти черезъ Дунай, отнять у нея Силистрію и возмутить подвластныя Портѣ Славянскія племена. Не разсчитывая на отвагу и предпріимчивость князя Горчакова, императоръ Николай возложилъ исполненіе этого предначертанія на самого фельдмаршала Паскевича, который съ этой цѣлью оставилъ Варшаву и прибылъ на Дунай. Онъ нисколько не сочувствовалъ такому рискованному предпріятію, но, не смотря на тотъ авторитетъ, коимъ онъ пользовался у Николая, онъ не посмѣлъ явно возстать противъ плана, составленнаго въ Петербургскомъ придворномъ военномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ государя, изъ наслѣдника престола, князя Долгорукова и барона Ливена. Приступивъ къ осадѣ Силистріи, Паскевичъ повелъ осаду вяло, нерѣшительно, ограничиваясь лишь инженерными работами и съ видимымъ намѣреніемъ не тратить войска на дѣло, которое онъ считалъ безполезнымъ. „И ему,—замѣчаетъ князь В. И. Васильчиковъ, — нельзя не отдать подобающей хвалы за то, что онъ сохранилъ намъ нѣсколько тысячь воиновъ, которые конечно пали бы жертвами подъ стѣнами крѣпости, намъ ни на что̀ не надобной". Наконецъ, контуженный Паскевичъ рѣшился оставить Дунайскую армію и и уѣхалъ въ Варшаву.

„Не подлежитъ сомнѣнію", — продолжаетъ князь В. И. Васильчиковъ, — „что движеніе наше во внутрь Балканскаго полуострова было бы началомъ возстанія среди всего Христіанскаго населенія Турціи . . . . Могла ли Австрія хладнокровно смотрѣть на такое вооруженіе всѣхъ ей враждебныхъ національностей, послѣдствіемъ котораго будетъ несомнѣнное отпаданіе всѣхъ ея Славянскихъ провинцій, а затѣмъ и разрушеніе ея могущества и значенія въ Европѣ? Ясно, что вслѣдъ за этимъ фактомъ долженъ былъ послѣдовать рѣшительный переходъ Австріи на сторону союзниковъ и воору-

женное ея вмѣшательство въ Восточный вопросъ, сдѣлавшійся для нея вопросомъ жизни“ [96]).

XVI.

Иначе смотрѣла графиня А. Д. Блудова на тогдашній ходъ политическихъ событій, и продолжала писать къ Погодину свои зажигательныя письма, представляющія великій историческій интересъ.

1-го марта 1854 года, она писала: „Я къ вамъ пишу, право, сколько возможно, когда есть окказія не по почтѣ, а впрочемъ такая продолжается неизвѣстность, что отбиваетъ охоту писать. Сегодня тò, завтра противное. Обрадуешься что сами Швабы развязали намъ руки, а не тутъ то было; вдругъ вчера курьеръ изъ Берлина: Пруссія держитъ нашу сторону, т.-е. дружескій неутралитетъ; сегодня Австрія даетъ знать по телеграфу, что отъ Рашида-Паши новыя предложенія къ миру; и наши дипломаты въ восторгѣ, что они добиваются связать Россію за ноги и за руки, и заставятъ ее потерять то чудное положеніе, въ которое ее поставили враги ея, т.-е. свободу дѣйствовать всею матеріальною силою на освобожденіе всего Православнаго міра отъ постыднаго ига и создать братскій неразрывный союзъ съ единоплеменными народами! О, иногда становится не-Христіански страшно, и не-Христіански сердишься на тѣхъ людей, которые изъ незнанія или *криваго* ума становятся измѣнниками Россіи и государя! А онъ такъ искренно и пламенно желаетъ счастія Россіи и добра Христіанамъ, что его любо слушать и утѣшительно на него смотрѣть, и эти люди именно тѣмъ и пользуются; стараются увѣрить, что война Европейская для Россіи убійственное бѣдствіе, а что для пользы Христіанъ онъ долженъ жертвовать своимъ протекторатомъ, чтобы только улучшить ихъ положеніе—то самое, что совѣтуетъ Хомяковъ. Да какой тутъ протекторатъ? Теперь надо независимости требовать, выжить Турокъ изъ Европы и поставить крестъ на Св.

Софію, а въ Дарданелахъ—Русскій гарнизонъ. На другихъ условіяхъ миръ—не миръ будетъ, а только основа общаго всемірнаго *заговора* противъ Россіи, въ которомъ уже будутъ участвовать и Славяне всѣ. Да спасетъ Господь Россію отъ самоубійства".

Въ письмѣ графини Блудовой, отъ 2 марта 1854 года, читаемъ: „Еще два слова прибавлю — на счетъ Босніи. Тамъ Ковалевскій съ нѣкоторою тысячею успѣлъ много сдѣлать. Онъ подготовилъ все. Должны были на дняхъ ѣхать отсюда къ нему въ Черногорію два артиллериста, но все откладываютъ! Если однакоже доѣдутъ, то по всему вѣроятію скоро завяжется дѣло—на нѣсколько времени хватитъ того, что дано".

Далѣе, графиня Блудова сообщаетъ, что подобнаго рода дѣйствія съ нашей стороны могутъ производиться съ разрѣшенія государя, но „только не оффиціальнаго"; ибо, пишетъ она, „этихъ вещей оффиціально и нельзя дѣлать, потому что тогда онѣ не удаются".

Далѣе, графиня Блудова пишетъ: „Не говорю о будущемъ, а сердце смущается мыслію объ извѣстіяхъ новой попытки опутать насъ предложеніями Австріи. Пока Австрія будетъ *съ нами* только *по-видимому*, по наружности, по вѣроломнымъ увѣреніямъ, мы вѣчно будемъ двоедушную роль играть съ Славянами, а тѣмъ самымъ себя и ихъ губить вліяніемъ чужимъ! Страшно, страшно! И стараюсь упрекать себя воспоминаніемъ словъ Спасителя во время бури: *Что страшливи есте маловѣри*? Увы, сорокъ лѣтъ жизни заставили меня ужасно бояться людской мудрости и хитрости, а наши дипломаты увѣрены въ своей; точно какъ Хомяковъ въ своемъ письмѣ, которое я никому не показываю потому что мнѣ больно и совѣстно за Хомякова, что онъ судитъ совершенно какъ Нессельродъ о семъ вопросѣ и однимъ только занятъ: какъ бы составить при семъ случаѣ оппозицію въ Англійскомъ Парламентѣ противъ Англійскаго Министерства! Русскаго ли это чувство въ великую минуту всемір-

наго кризиса. Не посылаю вамъ письма Хомякова по этой причинѣ. Пріѣзжайте-ка сюда, и попеняемте или порадуемся вмѣстѣ, какъ Господь велитъ".

Съ каждымъ письмомъ къ Погодину, графиня Блудова все настоятельнѣе и опредѣленнѣе выражала свои мысли, которыя конечно имѣли вліяніе. Такъ, говоря (11 марта 1854 года) о приготовленіяхъ Петербурга „принять съ должною честью Чарльса Непира въ Кронштадтѣ", она писала: „Настоящую же войну будутъ всѣми силами вести въ Турціи; тамъ наша честь, тамъ наша польза, тамъ все значеніе борьбы а тамъ то всему мѣшаетъ Австрія. Не объявляетъ себя прямо нашимъ врагомъ, а держитъ сильное войско на всей границѣ, и мѣшаетъ возстанію Сербовъ и другихъ Славянъ, мѣшаетъ и намъ свободно дѣйствовать въ Валахіи, потому что угрожаетъ нашему тылу. По моему темному сужденію, т.-е. по неразумному *инстинкту*, кажется, лучшая ограда была бы для насъ—смѣлая политика и смѣлое дѣйствіе военное идти впередъ съ возваніемъ ко всѣмъ Христіанамъ и оставить лишь одинъ корпусъ на границѣ Трансильваніи, съ тѣмъ, чтобы при первомъ движеніи Австріи, объявить ей войну и тогда сама собою она распадается, а въ Сербію послать лишь одну бригаду артиллерійскую, такъ Сербы сами справятся съ Австрійцами и Турками. Видно однако что это противъ всѣхъ правилъ, ибо, кажется, пока не узнаютъ навѣрное положеніе Австріи (а этого никогда не узнаютъ заранѣе), не хотятъ вступить въ Сербію, и только авангардъ нашъ подъ Лидерсомъ долженъ былъ перешагнуть Дунай 7-го марта и ждать Англо-Французовъ у Троянова вала. Это однако, какъ политическій шагъ, уже много значитъ и вѣроятно завлечетъ насъ и Славянъ силою обстоятельствъ и злостію Европейцевъ".

А. О. Смирнова, томившаяся въ то время на чужбинѣ, писала Погодину изъ Дрездена (отъ 12 апрѣля 1854 года): „Прибѣгаю къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. Сыну моему исполнилось семь лѣтъ, приходитъ время сдать его на руки

мужчины. Хотя здоровье мое гораздо плоше, чѣмъ въ Россіи, я нахожу неприличнымъ и даже невозможнымъ, при моемъ образѣ мыслей, оставаться въ чужихъ краяхъ во время войны. Предполагая вернуться въ іюнѣ въ свое Отечество, хочу заняться воспитаніемъ сына. Мнѣ нуженъ гувернеръ и русскій. Вамъ должны быть знакомы многіе студенты Московскаго Университета, и какъ отецъ семейства вы легко поймете какого рода человѣкъ мнѣ нуженъ и мнѣ можетъ прійтись по душѣ. Я даже предполагаю взять академика Троицкой Академіи; буде такой сыщется и вамъ извѣстенъ, я возьму съ охотой. Если онъ будетъ знать Греческій языкъ, то это какъ придача будетъ прекрасно. Главное, чтобы былъ нравственный и любилъ свое дѣло. О цѣнѣ не забочусь: въ такомъ важномъ дѣлѣ торгу не должно быть. Я съ охотой буду платить то, что наши Русскіе господа даютъ всякимъ западнымъ Нѣмцамъ за развращеніе своихъ дѣтей съ такой готовностію. Пришло наконецъ время разочароваться на счетъ Запада, и кажется многіе въ Россіи убѣждаются, что кромѣ разврата мысли или притупленія чувства нравственнаго, ничего нельзя получить отъ лучшихъ изъ здѣшнихъ людей. Лучшіе жалки, потому что сбились съ толку и ведутъ жизнь отъ ложнаго начала. Не могу пересказать вамъ, какъ грустно Русскимъ въ нынѣшнюю минуту за границей. Въ гостинныхъ, на биржахъ, на гульбищахъ, на торжищахъ, въ отвратительныхъ кофейняхъ, въ лакейскихъ, лишь слышишь одно ругательство, зависть, ненависть къ Россіи. Не говорю уже о газетахъ. Здоровье мое не позволяетъ болѣе ихъ читать: всякій листокъ придаетъ пудъ желчи. Настаетъ трудное время Россіи, какъ кажется и всему міру. Ликвидація будетъ, кажется, въ огромномъ размѣрѣ. Но храни насъ только Боже отъ просвѣщенія *de la vapeur*, какъ выражаются сами Французы, говоря о матеріальномъ своемъ прогрессѣ. Дай Богъ, чтобы мы поняли всѣ, что прогрессъ не есть просвѣщеніе и что западное просвѣщеніе не по Руси скроено. Займитесь переводомъ брошюры Стурдзы *Double parallèle*, которая такъ ясно опредѣ-

ляетъ это просвѣщеніе и его закатъ. Вы не можете представить, что здѣсь творится съ банкирами и торговцами, т.-е. настоящими владыками всего западнаго общества; мнѣ все сдается, что вся Европа будетъ банкрутъ и что эта штука такъ разыграется. Англичане начнутъ тогда просто грабить на моряхъ, а Франція и Германія начнутъ эмиграцію. Здѣсь уже теперь просто голодъ, хотя въ Германіи былъ хорошій урожай. Цѣны на жизненныя продовольствія ежедневно увеличиваются и падаютъ на произведенія фабрикъ. Какъ выйти изъ этой дилеммы. Америка такіе факты не упускаетъ изъ виду и конечно не будетъ дѣйствовать въ пользу Европейскихъ обществъ. Глядя на все это, кажется будто людямъ дѣлается Божій міръ тѣсенъ. Меня ежедневно поражаетъ эта непропорціональность между цѣнами въ фабрикаціи и первыми потребностями. Нѣмцы питаются однимъ цыкорнымъ кофеемъ, съ чѣмъ съѣдаютъ на три пфенига хлѣба. Картофель такъ скверенъ и дорогъ, что скоро будетъ лакомство. Я убѣждена, что картофель и всякіе другіе плоды больны отъ разныхъ химическихъ выдумокъ для усиленія его производства несвоевременно и по нѣсколько разъ на одномъ и томъ же полѣ. Даже западные умники начинаютъ объ этомъ говорить и призадумываются. Конечно, онъ боленъ и у насъ, да вѣдь и мы обезьяничаемъ и туда же удобряемъ всякой дрянью безъ разбора даже la poudrette и такими мерзостями просвѣщенія. Въ Англіи скотина уже не ходитъ въ поле, чтобъ ей быть жирнѣе; но современемъ увидятъ результаты этого. Не быть же человѣку умнѣе своего Творца.—Какъ-то ваше здоровье, и что вы подѣлываете въ Бѣлокаменной. Что она молвитъ о нынѣшнемъ дѣлѣ. Дайте вѣсточку сюда, я до іюня въ Дрезденѣ... Извините за политическую болтовню, дѣло не женское, да мы по несчастью всѣмъ глядимъ въ Жоржъ Занды, и болѣе увлекаемся чужимъ дѣломъ, чѣмъ своимъ собственнымъ, душевнымъ. Знаю одно, что люблю Россію и чувствую, что еще болѣе теперь, чѣмъ когда-либо“ [97]).

Наконецъ, желаніе графини Блудовой исполнилось. Австрія,

встревоженная переходомъ Русскихъ за Дунай, для обезпеченія себя съ фланга, заключила, 20 апрѣля 1354 года, съ Пруссіею союзъ для совокупнаго нападенія на Россію, въ случаѣ, если Русская армія перейдетъ Балканы; Среднегерманскія государства, представители которыхъ собрались въ Бамбергѣ, также примкнули, хотя и нерѣшительно, къ этой политикѣ двухъ великихъ державъ.

Измѣна Австріи пронзила сердце Николая, и онъ сказалъ: *Скорѣе оставлю Польшу, отпущу на волю, чѣмъ позабуду Австрійскую измѣну* [98]).

XVII.

Ободренный успѣхомъ своего перваго политическаго письма, а также вдохновляемый графинею А. Д. Блудовой, Погодинъ выступилъ на защиту Отечества перомъ, и въ теченіе 1854 г. написалъ четырнадцать политическихъ писемъ. Самъ Погодинъ писалъ объ этомъ родѣ своихъ произведеній слѣдующее: „Начались эти письма случайно, по вызову одной доброй любящей отчизну женщины. Слово за слово, мнѣ захотѣлось послужить кстати любезнымъ своимъ единоплеменникамъ Славянамъ, которыхъ судьба съ младыхъ лѣтъ возбуждала сердечное мое участіе. Потомъ увидѣлъ я самое удобное время для убѣжденія въ предательскихъ дѣйствіяхъ Австріи, коротко мнѣ извѣстныхъ, и въ отношеніи къ Славянамъ, и въ отношеніи къ Россіи. Текущія событія меня возбуждали, какъ возбуждали и весь народъ, вышедшій какъ будто изъ долговременнаго сна: я услышалъ толки о политикѣ отъ такихъ людей, которые вовсе не имѣли понятія, что такое политика; я почелъ долгомъ сообщать моимъ соотечественникамъ то, что я зналъ, по моимъ отношеніямъ, о разныхъ важныхъ предметахъ, и чего не знаютъ другіе. Событія совершившіяся утверждали меня въ моихъ убѣжденіяхъ. Мои предсказанія сбывались, я почувствовалъ смѣлость. Общее сочувствіе, выражаясь самымъ лестнымъ для меня образомъ, ободряло меня

еще болѣе, и я продолжалъ писать. Разгорячась болѣе и болѣе, я думалъ, что наконецъ наступило время исполненія моихъ самыхъ задушевныхъ, завѣтныхъ надеждъ. Вся Русская Исторія, казалось мнѣ, стремится къ своему увѣнчанію. Мысли толпились въ головѣ моей и я хотѣлъ высказать все" [99]).

„Богъ вамъ въ помощь",—писалъ Погодину М. В. Юзефовичъ (изъ Кіева, отъ 22 мая 1854 г.),—„вамъ и всѣмъ, свыше призываемымъ теперь на работу. Всѣ вы дѣйствуете орудіемъ мысли: это важнѣе теперь штыка, потому что за него безпокоиться намъ нечего, а съ этой-то стороны у насъ войска немного".

Восторженный поклонникъ Погодина князь Н. Н. Голицынъ писалъ ему: „Я припоминаю себѣ съ какимъ восторгомъ читали ваши письма въ Харьковѣ (весною 1854 г.). Первое изъ нихъ привезъ изъ Петербурга князь Багратіонъ. Вездѣ, на вечерахъ, у Кокошкина, у профессоровъ, гдѣ только дѣло шло о текущихъ событіяхъ, всюду читались ваши письма. Прихожу однажды къ Лавровскому (Петру), съ только что мною оконченнымъ сочиненіемъ: *Еще нѣсколько догадокъ о Новгородѣ, на основаніи Западныхъ Лѣтописей XII-го вѣка.* Но Лавровскому не до того, онъ съ таинственнымъ видомъ показываетъ мнѣ на лежащую на столѣ рукопись: это было ваше первое письмо. Сталъ читать. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Разошлись позднимъ вечеромъ" [100]).

Достойно замѣчанія, что самъ знаменитый патріархъ Славянскій Шафарикъ не сочувствовалъ ни этой войнѣ, ни вызванной ею политической дѣятельности Погодина, которому писалъ (17 сентября 1854 г.) изъ Праги: „Въ области духа, которая всего ближе къ нашему сердцу, все выглядываетъ не слишкомъ радушно съ тѣхъ поръ, что суровый Марсъ свирѣпствуетъ снова въ Европѣ, и во многихъ странахъ вѣетъ новымъ духомъ". Въ другомъ же письмѣ (отъ 28 сентября 1854 года) Шафарикъ писалъ: „Изъ вашего письма я съ удивленіемъ вижу, что наши занятія вдругъ разошлись, что вы бросились на поприще, которое мнѣ чуждо, и котораго я

убѣгаю. „Cane pejus et angue“. Мнѣ всегда недоставало въ такихъ случаяхъ по выраженію Горація: „Principum amicitias et arma nondum expiatis uncta cruoribus, periculosae plenum opus aleae tractas, et incendis per ignes suppositos cineri doloso“. Я, съ своей стороны, поклялся въ вѣчной вѣрности моей тихой богинѣ, грамматической музѣ. Это легко объяснить: вы въ сравненіи со мной еще молоды, ваши надежды и стремленія направлены впередъ; я же старѣю, гляжу назадъ, и когда моя покровительница богиня меня покидаетъ, я стремлюсь къ одной Ураніи“ [101]).

Отступничество отъ насъ Австріи дало поводъ Погодину, въ апрѣлѣ 1854 года, написать: *Взглядъ на Русскую Политику въ нынѣшнемъ столѣтіи.* „Нынѣшнее столѣтіе открылось“,—писалъ онъ,—„а прошедшее кончилось помощію императора Павла Австрійцамъ, противъ властолюбивыхъ притязаній Французской Республики, и освобожденіемъ почти всей Италіи. Дальнѣйшіе успѣхи Суворова и намѣреніе поразить революцію въ Парижѣ остановлены предательскими мѣрами Вѣнскаго Кабинета, какъ теперь документально извѣстно.

Императоръ Александръ, по восшествіи своемъ на престолъ, два раза посылалъ свои войска спасать Австрію (1805) и Пруссію (1806) противъ Наполеона.

Наконецъ, отразивъ въ 1812 году его нападеніе, вмѣстѣ съ сими союзниками, на Россію, онъ продолжилъ войну далѣе и избавилъ Европу отъ ига Наполеонова походами 1813 и 1814 годовъ. На Вѣнскомъ конгрессѣ, были возстановлены всѣ разрушенные престолы, и возвращены государямъ всѣ владѣнія, коихъ они были лишены прежде. Австрія и Пруссія, совершенно разстроенныя и низложенныя Наполеономъ, обязаны были преимущественно императору Александру за возвращеніе имъ прежняго значенія въ системѣ Европейскихъ государствъ.

Съ ними заключилъ онъ Тройственный Священный Союзъ— жить братски, помогать другъ другу всѣми силами и защищать установленный порядокъ.

И съ 1814 года Россія стала какъ будто на стражу этого порядка. Содержа цѣлый милліонъ войска, для нея самой почти ненужнаго, она готова была останавливать всѣ покушенія ниспровергнуть или колебать его, гдѣ бы и какъ бы они ни обнаруживались. Сорокъ лѣтъ милліонъ Русскаго войска готовъ былъ летѣть всюду, въ Италію и на Рейнъ, въ Германію и на Дунай. Императоры Русскіе сами, священной своею особою, скакали на перекладныхъ, какъ фельдъегери, въ Троппау и Лайбахъ, Верону и Вѣну, а о Берлинѣ и говорить нечего. Усилія наши увѣнчались, казалось, полнымъ успѣхомъ, особенно въ отношеніи къ Австріи, Пруссіи и Германіи, и не смотря на страшное потрясеніе 1848 года, ихъ престолы устояли, а чрезъ нѣсколько времени утвердились даже крѣпче... Въ 1849 году, Австрія приведена была на край гибели, вслѣдствіе Венгерскаго возстанія. Двѣсти тысячъ Русскаго войска принудило Венгерцевъ сдаться, и Австрія была спасена. Въ 1851 году, Пруссія и Австрія, вслѣдствіе происковъ партій, готовы были начать междоусобную войну, и двѣсти тысячъ Русскаго войска, готовыя стать, по знаменитому слову императора Николая, противъ перваго обнажившаго мечъ, остановили пагубное кровопролитіе"... Все это совершалось Россіею безкорыстно, „все для Европейскаго порядка, который былъ высшею единственною цѣлію Русскаго Правительства".

„Между тѣмъ",—жалуется Погодинъ,—„тридцать милліоновъ народа Славянскаго было оставляемо безъ малѣйшей помощи, безъ малѣйшаго участія въ ихъ горестной судьбѣ, на жертву всѣмъ истязаніямъ, изъ коихъ Турецкія были самыя легкія, единственно потому, чтобъ эта помощь и это участіе не произвели какого-нибудь смущенія, непріятнаго чувства въ союзныхъ державахъ, преимущественно Австріи... Вотъ до какой почти унизительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи!"

„Казалось",—продолжаетъ Погодинъ,—„эти два государ-

ства, обязанныя, такъ сказать, своимъ существованіемъ Россіи, осыпанныя несчетными благодѣяніями, избавленныя по нѣскольку разъ отъ конечной гибели, получавшія безпрерывныя доказательства родственной дружбы и пріязни, должны были быть привязаны къ Россіи самыми тѣсными узами, готовы для нея на всякія пожертвованія, коими могли-бъ хоть нѣсколько выразить свою благодарность, должны-бъ почитать за особенное счастіе всякой случай оказать ей малѣйшую услугу.

И что же? Повѣритъ ли Исторія совершающимся предъ нашими глазами событіямъ?"

„Господи!" —восклицаетъ Погодинъ:— „со слезами, на колѣняхъ благодаримъ Тебя! Никакого благодѣянія не могъ Ты оказать намъ больше. Какія потери ни ожидали бы насъ впереди, какія пораженія, тяжелыя для нашего народнаго самолюбія, ни готовила бы для насъ предстоящая война, но Ты оказалъ уже намъ милость Свою выше всякой мѣры: Ты избавилъ насъ отъ нашихъ друзей, а съ врагами раздѣлаться пособитъ намъ и старый нашъ помощникъ, Николай Чудотворецъ. Еслибъ Австрія и Пруссія поступили чуть-чуть поблагороднѣе, почеловѣчнѣе, даже поумнѣе, великодушный Русскій государь остался бы опять на ихъ службѣ, и опять наши войска должны бы были быть всегда наготовѣ, чтобъ летѣть на Рейнъ и Дунай, въ Германію и Италію, въ помощь любезныхъ союзниковъ, которые теперь показали намъ скаредную свою натуру во всемъ безобразіи. Шварценбергъ незадолго передъ смертію говорилъ, что Австрія удивитъ міръ своей неблагодарностью; и точно, она удивила—только незнакомыхъ съ ея натурою, а мы не ожидали ничего лучше! Каково было великодушному, благородному рыцарскому сердцу Русскаго государя перенести этотъ ударъ въ самое чувствительное мѣсто?

Вотъ горькій плодъ пятидесятилѣтней Русской Политики, со всѣми ея жертвами, благодѣяніями, услугами, любезностями, въ отношеніи къ Австріи, Пруссіи и Германіи. Вотъ чѣмъ

ихъ государи отблагодарили своего отца и покровителя, при первомъ открывшемся для нихъ случаѣ оказать ему какую-нибудь маловажную услугу. Между тѣмъ, прочіе Европейскіе государи всѣ объявляютъ себя также противъ Россіи, болѣе или менѣе. Ни одинъ голосъ не раздается въ ея пользу"...

„И такъ",—замѣчаетъ Погодинъ,—„Русская Политика въ отношеніи къ Европейскимъ государямъ, которые всѣ становятся противъ нея, оказалась очевидно несостоятельною, и слѣдовательно съ этой стороны не принесла намъ ничего кромѣ вреда".

За симъ, Погодинъ вопрошаетъ: „Не оказала ли Русская Политика послѣдствій, болѣе благопріятныхъ со стороны народовъ"? И отвѣчаетъ: „Народы возненавидѣли Россію, и теперь Русскому почти невозможно путешествовать, не подвергаясь самымъ чувствительнымъ оскорбленіямъ. Народы видятъ въ Россіи главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣянію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла, замѣчая только непріятную его для себя сторону, и съ радостію ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько нибудь поколебать ее. Вотъ почему со всѣхъ сторонъ Европы, изъ Испаніи и Италіи, Англіи, Франціи, Германіи и Венгріи, стекаются офицеры и солдаты не столько помогать Турціи, сколько вредить Россіи. Европейцы управляютъ движеніемъ войскъ Турецкихъ, строятъ крѣпости, служатъ на корабляхъ, начальствуютъ пароходами, учреждаютъ фабрики для огнестрѣльныхъ орудій. Журналы и газеты истекаютъ желчью, книги устремляютъ на насъ тяжелую свою артиллерію, и вотъ составился легіонъ общаго мнѣнія противъ Россіи, въ дополненіе къ враждебнымъ флотамъ и арміямъ". И вотъ, заключаетъ Погодинъ, „второй, не горькій, а горчайшій плодъ Русской Политики, въ послѣднее пятидесятилѣтіе".

Далѣе, Погодинъ обращается къ разсмотрѣнію того *законнаго порядка*, во имя котораго Россія дѣйствовала такъ долго, съ такимъ напряженіемъ, съ такимъ самопожертвованіемъ и съ такою несчастною наградою. Рядомъ историческихъ фак-

товъ, совершенно противоположныхъ духу Вѣнскаго конгресса, доказываетъ, что и въ этомъ отношеніи мы не достигли своей цѣли. И такъ, пишетъ Погодинъ, „вотъ результаты нашей Политики! Правительства насъ предали, народы возненавидѣли, а порядокъ, нами поддерживаемый, нарушился, нарушается и будетъ нарушаться. Слѣдовательно, Политика наша была не только для насъ вредна, но и вообще безуспѣшна".

Въ заключеніи своего письма, Погодинъ взываетъ къ справедливости. „Мы",—пишетъ онъ,—разсмотрѣли, подъ вліяніемъ настоящихъ прискорбныхъ и тяжелыхъ для Русскаго сердца впечатлѣній, только дурныя слѣдствія, преимущественно для насъ. Но не можетъ же быть въ великой экономіи Исторіи, чтобъ сильнѣйшее государство въ мірѣ, подъ управленіемъ славныхъ государей, въ продолженіе цѣлаго полстолѣтія тратило лучшія свои силы совершенно попусту! Вѣрно такъ должно было! И дѣйствительно, кто поручится, чтобъ безъ воспоминанія о Россіи и ея образѣ мыслей, общественный порядокъ во Франціи, въ эпоху ея республиканскаго неистовства, совершенно не погибъ, вмѣстѣ со всѣми плодами новой цивилизаціи, наукъ и искусствъ, и собственность не предалась грабежу; кто поручится, чтобъ не былъ тогда воскликнутъ всеобщій шарапъ!

И еслибъ это случилось во Франціи, то, вслѣдъ за нею, исполненная страстей Италія представила бъ навѣрное такія явленія, какимъ удивились бы и средніе вѣка. А въ Германіи развѣ большинство менѣе обнищало и ожесточилось, и дальше находилось отъ неистовства? Вспомнимъ Франкфуртскія и Вѣнскія явленія.

Послѣдствія необозримы! Страхъ объемлетъ сердце. Кто поручится, что замахнувшаяся рука вездѣ не ослаблялась безсознательно мыслію о сѣверномъ колоссѣ, готовомъ остановить ея порывъ и покарать преступниковъ.

Не станемъ же раскаяваться въ нашихъ трудахъ, въ нашихъ жертвахъ, въ нашихъ усиліяхъ. Признаемся въ настоящемъ нетерпѣніи, или даже осудимъ его за то, что оно

осмѣливается находить недостатки въ прошедшемъ, или обвинять оное.

Русскія намѣренія растолкованы въ дурную сторону Европой—не ей въ честь, то Богу въ честь, утѣшимся нашей пословицей. Это служба, сослуженная Россіею Европѣ безкорыстно, и даже безъ занесенія въ формулярный списокъ, исполненіе судебъ историческихъ, за которое и воздастъ намъ должное безкорыстная Исторія.

Будемъ справедливы и ко всѣмъ дѣйствовавшимъ лицамъ. Намѣреніемъ освящается дѣйствіе. Они были убѣждены въ святости своей цѣли, и мы должны почтить благородство ихъ убѣжденій, точно такъ и они должны въ свою очередь согласиться съ нами, что ихъ миссія кончена, и начинается другая“...

XVIII.

Обозрѣвъ прошедшее, Погодинъ обращается къ настоящему, и въ томъ же апрѣлѣ 1854 года, написалъ *Взглядъ на отношенія враждебныхъ Россіи государствъ* [102]).

Политическія письма Погодина были замѣчены въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Подъ 15 мая 1854 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Письма мои представятся министромъ Внутреннихъ Дѣлъ царю и переписываются въ тысячи экземплярахъ“. Это до такой степени ободрило Погодина, что онъ на другой же день, т.-е. 16 мая, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Думалъ объ оберъ-прокурорствѣ Святѣйшаго Сvнода. А третьяго дня я видѣлъ во снѣ орла, летящаго около дому“.

Въ то же время Погодинъ писалъ Ѳ. И. Прянишникову: „Обрадовало меня несказанно письмо вашего превосходительства. Глубочайшая благодарность царю, который выслушалъ простую искреннюю рѣчь мою съ благоволеніемъ. Какъ ни убѣжденъ я въ вѣрности нѣкоторыхъ своихъ заключеній, но о совокупности всего дѣла судить, разумѣется, тому, кто

знаетъ все и кто долженъ отвѣчать за все предъ Богомъ, совѣстью, Отечествомъ и Исторіею. Милость царская обязываетъ меня къ продолженію начатаго съ прежнею откровенностью. Мы ожидаемъ теперь враговъ къ Кронштадту и Севастополю, но у насъ есть еще крѣпость, дороже и важнѣе десяти Севастополей и тысячи Кронштадтовъ. Это союзъ, завѣтъ царя съ народомъ. Этотъ союзъ, завѣщанный предками, съ одной стороны началъ колебаться вслѣдствіе нѣкоторыхъ или неясныхъ или непонятныхъ мѣръ Правительства; въ началѣ нынѣшнихъ происшествій все нехорошее, слава Богу, позабылось, и опять возродилось вожделѣнное единство, но настоящія несчастныя повидимому обстоятельства, къ какимъ Россія не привыкла, странныя ноты, въ коихъ о Россіи нѣтъ помину, какъ будто бы ея не существовало, и государь царствуетъ для Европы, оскорбляютъ глубоко образованную часть народа, возбуждаютъ прежнее неудовольствіе съ новою силою и производятъ недовѣрчивость, самое страшное зло. Если непріятели возьмутъ всѣ наши крѣпости и разобьютъ всѣ наши арміи, это все еще ничего, а подкопается довѣренность къ царевой власти—здѣсь все. *Надо непремѣнно дѣйствовать на народъ.* Иначе молчаніе и пренебреженіе общимъ мнѣніемъ произведетъ у насъ тѣ же слѣдствія, какія произвело въ Европѣ наше пренебреженіе ея мнѣніемъ. Есть вещи, согласенъ, кои можно видѣть только сверху, но есть и такія, кои можно видѣть только снизу. Распускается молва, что государь никого не хочетъ спрашивать ни объ чемъ и терпѣть не можетъ противорѣчій. Это неправда — вижу теперь по опыту. Виноваты придворные льстецы, которые изъ собственной корысти, разсчетовъ скрываютъ отъ него истину, а не онъ. Не прошу, но возлагаю обязанность на ваше превосходительство довести до свѣдѣнія государя это мое письмо. Сорокалѣтнія мои занятія Исторіей дали мнѣ такой барометръ, какого не достаетъ въ канцеляріяхъ, и на этомъ барометрѣ я вижу, что Правительству предлежитъ новый путь дѣйствій. Съ своей стороны, я готовъ на службу,

какую — писаремъ, секретаремъ, министромъ. Совѣсть моя гражданская и вмѣстѣ личная благодарность государю обязываютъ меня сдѣлать это предложеніе. Мнѣ кажется, я могу принести пользу. Долженъ прибавить только вотъ что: если вы передадите мнѣ въ отвѣтъ: спасибо, не нужно, то я не только не огорчусь и не обижусь, а съ прежними чувствами возвращусь къ прежнимъ моимъ историческимъ занятіямъ, кои считаю царственными и въ коихъ вижу всю свою личную любовь, счастіе, честь и славу“ [103]).

Не знаемъ доведено ли это письмо до свѣдѣнія государя, но знаемъ навѣрно, что ни оберъ-прокуромъ Св. Сѵнода,—ни писаремъ, ни секретаремъ, ни министромъ, Погодинъ не былъ сдѣланъ, а остался въ прежнемъ состояніи, на своемъ Дѣвичьемъ полѣ, и неустанно продолжалъ сражаться за Отечество перомъ, такъ какъ—писалъ онъ—„сановники наши молчатъ, всѣ тѣ, которые имѣли бы не только право, но даже обязанность говорить, и Орловъ, и Киселевъ, и Воронцовъ, и Ермоловъ, и Блудовъ, и Филаретъ. Чего боятся они, имѣя по семидесяти - восьмидесяти лѣтъ и занося уже ногу въ могилу,—это знаютъ они“.

Находясь въ такомъ настроеніи, Погодинъ, 27 мая 1854 года, написалъ седьмое письмо: объ опасностяхъ Россіи, о диверсіяхъ и союзникахъ, значеніи войны, о состояніи народнаго духа.

„Враги“,—писалъ Погодинъ,—„стремятся на насъ отовсюду, какъ будто кто ихъ погоняетъ. Страшныя силы ихъ уже въ походѣ; другія, еще страшнѣе, заготовляются; на всѣхъ путяхъ ставятся намъ преграды и строятся ковы; со всѣхъ сторонъ возбуждаются новые противники и зазываются новыя опасности. Священное для насъ лицо государя подвергается публично самымъ поноснымъ ругательствамъ и самымъ низкимъ клеветамъ. Замысламъ и угрозамъ противъ насъ нѣтъ никакихъ границъ. Насъ хотятъ отодвинуть на полтораста лѣтъ назадъ. Съ насъ хотятъ взыскать всѣ издержки войны, Турецкія, Англійскія и Французскія. Хотятъ растворить настежь

наши ворота, чтобъ всякій воръ, днемъ и ночью, могъ идти къ намъ прямо въ домъ, красть, что захочетъ, и поджигать гдѣ угодно, а дикіе разбойники нашихъ границъ могли бы всегда получать безопасно всякое пособіе для своихъ губительныхъ набѣговъ. У насъ хотятъ отнять Бессарабію, Крымъ, Закавказскія области, Финляндію, Польшу, разсуждаютъ, кому что отдать изъ нашего достоянія, — однимъ словомъ, объ одеждѣ нашей уже мечутъ жребій"...

Россія,—продолжаетъ Погодинъ—„подвергается нашествію, вещественному и невещественному, не двадесяти, а чуть не семидесяти двухъ языковъ, которыхъ сочло священное преданіе. Я говорю нашествію невещественному, ибо не одна сила идетъ противъ насъ, а духъ, какой умъ, какая воля! На что̀ эти враги не рѣшатся, чего не выдумаютъ, въ чемъ усумнятся и на чемъ остановятся, если уже на то, какъ говорится, пошло? Останется ли для нихъ что-нибудь священное? Они грозятъ, слѣдовательно, не одному Кронштадту и Севастополю: ихъ надо ожидать вездѣ—въ церкви и спальнѣ, на ученьѣ и молитвѣ, за обѣдомъ и ужиномъ, въ високъ и подъ ложечку, по головѣ и въ сердце, въ полдень и полночь, въ будни и Свѣтлое Христово Воскресенье".

„А какихъ друзей",—спрашиваетъ Погодинъ,—„приготовила намъ прежняя наша политика и дипломатія? Никакихъ. Помощи ждать намъ неоткуда. Друзья насъ предали и всѣ ближніе стали далеко... Вотъ въ какомъ тягостномъ, стѣсненномъ, чтобъ не сказать опасномъ, положеніи находится Россія!"

„Само Писаніе",—замѣчаетъ Погодинъ,—„не велитъ всегда довольствоваться голубиной чистотой, но требуетъ змѣиной мудрости... Полно Россіи шаркать, церемониться, любезничать и дѣлать глазки. Кстати-ль ей любезничать, если надъ нею подняты кулаки, и не смѣшно ли дѣлать глазки, если никто ими не прельщается? Точно также полумѣры, двусмысленности, умолчанія, нерѣшительности, никуда не годятся, и причиняютъ только вредъ. Все это намъ не къ лицу. Это

политика какого-нибудь Нѣмецкаго министерства, Шварцбургъ-Рудольфштатскаго или Липпе-Детмольскаго, а не Русскаго царя, прямого, честнаго, благороднаго и великодушнаго Николая. Россія, съ правымъ и святымъ дѣломъ своимъ, должна говорить твердо и ясно, а не вертѣться по-Австрійски, какъ бѣсъ передъ заутреней. *Великодушіе, рыцарство, благородство, честь, такъ называемыя,—должно отложить пока въ сторону. Царство Христово не отъ міра сего. Для людей— Новый Завѣтъ, а для государствъ, въ политикѣ,—Ветхій: око за око и зубъ за зубъ, а иначе онѣ существовать не могутъ*" [104].

Эти послѣднія строки очень смутили богомудраго А. В. Горскаго, и онъ 10 іюня 1854 года, писалъ автору этихъ строкъ: „Благодарю васъ, высокопочтеннѣйшій Михайло Петровичъ, за довѣренность, съ какою вы такъ неожиданно сообщили мнѣ плоды вашихъ завѣтныхъ думъ, плоды долголѣтняго изученія Исторіи, многократныхъ путешествій по Европѣ и постояннаго знакомства съ единоплеменными братіями нашими, плоды вашихъ патріотическихъ помысловъ о благѣ Россіи, отовсюду угрожаемой нынѣ врагами ея вѣры, чести и благоденствія. Въ особенности меня заняло послѣднее письмо ваше, въ которомъ предлагается программа дѣйствій, долженствующихъ, по вашему мнѣнію, вывести Отечество изъ настоящаго затруднительнаго положенія, съ новою для него славою и съ новыми благодѣяніями для міра. Высоки, благородны задачи, которыя вы указываете Россіи. Но чтобы судить объ удобности ихъ выполненія, нужно ближе видѣть дѣло. Всѣ сознаютъ, что совершаются нынѣ великія дѣла. Мы вѣримъ, что идутъ они не случайно, но по предначертанному своему плану. Достаточно ли обнаружились планы Архитектора Небеснаго, чтобы по сдѣланному угадать дальнѣйшій ходъ работъ? Одно мы знаемъ и въ одномъ вполнѣ увѣрены, что въ собственныхъ нѣдрахъ Русскаго народа есть сила, которая рано или поздно должна все преобороть: эта сила заключается въ ея Святой Вѣрѣ, въ

Православной Церкви, которую Господь не можетъ исключить изъ плановъ своихъ о судьбахъ міра, по неизмѣнному обѣтованію Своему. Знаменія покровительства къ намъ Божія уже и въ совершившемся довольно очевидны. И наше Русское *авось*— не думайте, чтобы основывалось только на случайности. Въ основаніи его лежитъ полная преданность въ волю Божію. Не умѣя хитро высчитывать всѣ случайности, Русскій человѣкъ говоритъ: а вотъ мой Заступникъ, мой Хранитель, мой Отецъ, мой Богъ—лучше меня знаетъ, что для меня полезно;—и съ этою мыслію отдаетъ себя, со всѣми своими предположеніями, въ волю Верховнаго Распорядителя. И надъ нимъ сбывается: *Буди тебѣ по вѣрѣ твоей*. Не скрою отъ васъ, что на меня слишкомъ непріятно подѣйствовали строки: *Великодушіе, рыцарство, благородство, честь, такъ называемыя, должно отложить пока въ сторону. Царство Христово не отъ міра сего. Для людей,—Новый Завѣтъ, а для государствъ, въ политикѣ,—Ветхій: око за око, и зубъ за зубъ. А иначе они и существовать не могутъ*. Что же будетъ, подумалъ я, съ міромъ Христіанскимъ, когда онъ захочетъ отречься, освободить себя отъ законовъ Царства Христова? И развѣ законъ Христовъ воспрещаетъ намъ защищать свою вѣру, свое святое призваніе, своихъ страждущихъ собратій? Развѣ Церковь не благословляетъ оружіе нашихъ воиновъ, или она то̀ дѣлаетъ вопреки закону Христову? Нѣтъ! позвольте думать, что въ словахъ вашихъ высказалось болѣе, нежели сколько вы хотѣли сказать? *Сія есть побѣда, побѣждающая міръ, вѣра наша*. Вотъ опора для Христіанина въ годину испытанія! Она спасала насъ многократно; спасетъ и нынѣ. Она связала судьбу нашу съ судьбою Царьграда: не разлучитъ и нынѣ. Славянскимъ народамъ, отъ него пріявшимъ вѣру, скажется само собою ихъ родство между собою и союзъ вѣчный съ ихъ просвѣтителями. Простите. Еще разъ благодарю за то, что ввели насъ въ лабиринтъ нынѣшнихъ запутанныхъ отношеній и дали руководственную нить пройти чрезъ него умственно. Будетъ ли употреблена Промысломъ эта нить,—въ событіяхъ увидимъ,

а до тѣхъ поръ поемъ со всѣмъ Православнымъ міромъ: *Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному императору нашему Николаю Павловичу на сопротивныя даруя, и Твое сохраняя Крестомъ Твоимъ жительство*" [105]).

XIX.

Теперь познакомимся съ программою дѣйствій, которую начерталъ Погодинъ и которая, по его мнѣнію, должна вывести Отечество наше изъ тогдашняго затруднительнаго положенія, съ новою для него славою и съ новыми благодѣяніями для міра.

„Враги наши",—писалъ Погодинъ,—„устраиваютъ союзы: Англичане съ Французами, Австрійцы съ Пруссаками, Шведы съ Датчанами и всѣ между собою противъ насъ".

Слѣдовательно, и мы должны подумать, съ одной стороны, „о произведеніи диверсій", а съ другой,—о пріисканіи союзниковъ.

„Какія же диверсіи можемъ мы произвести?",—спрашиваетъ Погодинъ, и отвѣчаетъ: „Въ Италіи господствуетъ Австрія, и Италія ее за то ненавидитъ. Франція хочетъ оспаривать господство у Австріи, и Италія будетъ ненавидѣть Францію также. Спрашивается, какая польза Россіи, чтобы въ Италіи господствовала Франція или Австрія? А скажи она это, скажи одно слово, хоть намекни въ пользу Италіи, и Италія есть ей благородная союзница. . . . . Наконецъ, что всего важнѣе, устраивать союзъ съ Америкою, и твердить, *что изъ всѣхъ нашихъ настоящихъ враговъ, съ Франціей можемъ мы помириться всѣхъ легче*".

За симъ, Погодинъ спрашиваетъ: „А гдѣ же искать намъ союзниковъ? Кажется, всѣ Европейцы теперь противъ насъ?" И въ отвѣтъ перечисляетъ: Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина!"

Сдѣлавъ это перечисленіе, Погодинъ замѣчаетъ: „Какъ странно звучатъ, думаю, эти имена въ ушахъ нашихъ иностранныхъ дипломатовъ. Повторю имъ дикія слова, чтобъ уяснить ихъ впечатлѣніе и подкрѣпить память: Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина. Восемьдесятъ слишкомъ милліоновъ!—восклицаетъ Погодинъ— Почтенное количество! Порядочный союзецъ! Славяне были затерты Исторіей, Славяне были затерты Географіей, Славяне были затерты дипломатіей и политикой, но наступаетъ видно время, когда по слову Писанія, *послѣдніе должны сдѣлаться первыми.* Къ тому стремятся всѣ событія. Разсмотрите внимательно ходъ ихъ, и вы увидите, что всѣ они совершаются одно за другимъ, какъ будто послушныя какому-то высшему предопредѣленію... Никто не хотѣлъ сначала войны, Россія всѣхъ меньше, а война началась. Стали мы на Дунаѣ, и стояли долго, переходить не рѣшались; — но вотъ, толкнулъ, наконецъ, кто-то въ шею, и волей-неволей перешли мы на другую сторону . . . . . А на другой сторонѣ,—продолжаетъ Погодинъ, — смотрите, бѣжитъ навстрѣчу народъ, съ хлѣбомъ и солью, крестами и святой водой. Вотъ ударилъ неслыханный четыреста лѣтъ колоколъ, раздался первый благовѣстъ, вознесся первый крестъ надъ православною церковью. Что же, вы допустите, чтобъ крестъ былъ снятъ? Что же, вы допустите, чтобъ изъ колокола вырванъ былъ языкъ? Нѣтъ, это не можетъ быть, и этого не будетъ! Слѣдовательно, Болгарія свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать? Уступите ли вы ее католической Франціи, протестантской Англіи, Турціи, или іезуитской безъ вѣры Австріи? Нѣтъ, это невозможно! Слѣдовательно, первый членъ Славянскаго союза уже готовъ... А тамъ дальше, слышите, что восклицаетъ къ несчастнымъ жителямъ Герцеговины, молодой князь Данило съ своими Черногорцами: настала минута, когда каждый Христіанинъ, подавленный оттоманскимъ преобладаніемъ, долженъ возстать противъ притѣснителей, и если вы упустите

эту благопріятную минуту, то вамъ не останется ничего, кромѣ вѣчнаго угрызенія совѣсти и вѣчнаго стыда.

Черногорцы наши вѣрнѣйшіе слуги и друзья, которые всегда были готовы за насъ, какъ и теперь, въ огонь и въ воду: что же—можемъ мы оставить ихъ въ прежнемъ положеніи, можемъ не принять участія въ ихъ благородномъ и великодушномъ движеніи на помощь другимъ угнетеннымъ братьямъ? Нѣтъ, не можемъ, и вотъ еще три союзницы готовы, крѣпкія, храбрыя, могучія: Черногорія, Боснія, Герцеговина. Сколько войска выставить онѣ могутъ? Готовьте только оружіе. А Сербія? Сербы ждутъ, безъ сомнѣнія, какъ воронъ крови, знака къ возстанію".

Еще въ 1846 году, предсѣдатель государственнаго союза Симичъ говорилъ Погодину: „Только не дѣлайте Сербію губерніей, рекрутъ возьмете вы съ насъ двадцать тысячъ, но охотниковъ мы поставимъ вамъ лучше восемьдесятъ тысячъ. Эти восемьдесятъ тысячъ",—замѣчаетъ Погодинъ,—„вмѣстѣ съ Болгарами, Босняками, Черногорцами, Греками и помогутъ намъ выжить, если не выгнать и перебить, Англичанъ и Французовъ изъ нынѣ такъ называемой Турціи".

Представивъ своихъ союзниковъ, Погодинъ обращается къ нашимъ дипломатамъ и замѣчаетъ: „*Замотарѣвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ*, они терпѣть не могутъ никакихъ нововведеній, и для такого союза пожелаютъ прежде всего найти примѣръ, образчикъ изъ Европейской Исторіи. Могу указать имъ на Рейнскій союзъ, состоявшій изъ Нѣмецкихъ государствъ и находившійся подъ покровительствомъ совершенно чуждаго имъ лица, Французскаго императора". Новый же союзъ Погодинъ предлагаетъ назвать *Дунайскимъ, Славянскимъ, Юго-Восточнымъ Европейскимъ*, съ „столицею его въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ—вы думаете Россіи? Нѣтъ, не Россіи: Россія не ищетъ завоеваній. Воспользуюсь здѣсь любимымъ выраженіемъ нашихъ публичныхъ актовъ: Россія не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Покровительство и предсѣдательство союза должно

принадлежать естественно по всѣмъ правамъ многолюднѣйшему племени изъ всѣхъ составляющихъ союзъ. Кого же больше?“

Для рѣшенія этого вопроса Погодинъ вызываетъ поочереди каждаго изъ своихъ союзниковъ и допрашиваетъ:

„*Поляки!* выходите впередъ на первое мѣсто: васъ сколько? Десять милліоновъ. Ну, такъ посторонитесь, братцы, вѣрно есть кого-нибудь больше. *Сербы*, васъ сколько? Восемь милліоновъ. *Болгаре?* Пять милліоновъ. *Русскіе*—васъ сколько? Мы не знаемъ еще навѣрное, сколько насъ всего на все. Да неужели нѣтъ у васъ никакихъ счетовъ? Есть метрическія книги, но тамъ записываются одни Православные; есть ревизскія сказки, но тамъ записываются только податные... Ну, скажите, по крайней мѣрѣ, сколько у васъ хоть ревизскихъ-то душъ? По послѣдней ревизіи—слишкомъ пятьдесятъ милліоновъ, но къ этому количеству прибываетъ ежегодно по полумилліону. Пятьдесятъ милліоновъ—слышите? Кого больше? Чехи, Краинцы, Черногорцы! Всѣ молчатъ, нѣтъ никого больше. Слѣдовательно, Россія должна сдѣлаться главою Славянскаго союза, не по своему желанію, не по произволу, не изъ честолюбія и властолюбія, а по необходимости, по естеству вещей, точно какъ Русскій языкъ долженъ современемъ сдѣлаться общимъ, литературнымъ языкомъ для всѣхъ Славянскихъ племенъ, не по принужденію Русскаго Правительства, а по законамъ филологіи, какъ настоящій ихъ представитель, соединяющій въ себѣ свойства всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, сѣверныхъ и южныхъ, восточныхъ и западныхъ“.

Не довольствуясь этимъ, Погодинъ находилъ, что „по географическому положенію, находясь между Славянскими землями, должны пристать къ союзу: Греція, Венгрія, Молдавія, Валахія, Трансильванія. Да почему же имъ и не пристать, если всѣ исчисленныя государства будутъ управляться сами собою, conditio sine qua non, безъ малѣйшаго участія прочихъ, съ покровительницею включительно, и только въ

общихъ дѣлахъ относясь къ Константинопольскому сейму и Русскому императору, какъ главѣ міра, т.-е. сейма, отцу многочисленнѣйшаго Славянскаго племени, т.-е. Русскаго".

„Вотъ",—заключаетъ Погодинъ—„неизбѣжный конецъ начавшейся войны, рано или поздно, кто-бъ что̀ ни говорилъ, кто-бъ что̀ ни дѣлалъ. Противъ рожна прати невозможно. Сила вещей сильнѣе силы людей. Какъ ни мудрятъ, ни умничаютъ люди, а Исторія требуетъ своего и беретъ всякій день свое; она влечетъ слѣпыя орудія неодолимо къ исполненію высшихъ судебъ своихъ, и горе дерзкимъ, которые, съ умысломъ или безъ умысла, вздумаютъ сопротивляться опредѣленіямъ Божественнаго Промысла... Всѣ мы, сыны XIX вѣка, Европейцы и Русскіе, такъ погрязли въ эфемерныхъ газетахъ и журналахъ, такъ предались *дневи и злобѣ его*, что совершенно позабыли Исторію и разучились слушаться ея уроковъ, а она восклицаетъ нынѣ, кажется, громко, заимствуя глубокое слово Церкви: *Двери, двери, премудростію вонмемъ!*"

XX.

Мы уже видѣли, что Погодинъ включилъ въ свой Славянскій союзъ и Польшу, а потому въ томъ же маѣ 1854 г. и посвятилъ ей два письма.

„Если долженъ",—писалъ онъ,—„существовать Славянскій союзъ, то мы должны отказаться отъ Польши, которую даже физически нельзя исключать изъ этого союза".

Высказавъ это, Погодинъ смѣло продолжаетъ: „А для чего желать намъ Польшу при себѣ? Это болѣзнь на нашемъ тѣлѣ. Это одна изъ причинъ Европейской ненависти къ Россіи. Какую существенную пользу она приносила намъ, и сколько вреда? Ни одинъ Русскій человѣкъ не желалъ никогда этого пріобрѣтенія. Враги Россіи подсунули намъ эту несчастную страну, въ знакъ благодарности за освобожденіе Европы отъ ига Наполеонова, а мудрые наши дипломаты, не имѣвшіе, какъ бы по уставу, понятія о Русской Исторіи,

приняли ее, позабывъ про Галицію... Не прочнѣе ли, не полезнѣе ли намъ быть во главѣ двадцати дружескихъ государствъ, нежели питать у своей груди одно враждебное? Обмѣнъ, кажется, выгодный! Объявите независимость Польши, и вострепещетъ Австрія, Пруссія и вся Германія, хотя теперь ратуютъ въ пользу ея, пока она связана съ Россіей, и кричатъ противъ властолюбія Русскаго. Страшная диверсія произойдетъ въ нашу пользу. Турецкія войска лишатся всѣхъ своихъ волонтеровъ, которые могутъ стать въ наши ряды за Славянское дѣло. Лордъ Дудлей Стуартъ прикуситъ свой языкъ; легіонъ противнаго общественнаго мнѣнія разсыплется; клеветники лишатся послѣдней своей опоры, и мы привлечемъ на свою сторону весь правый и лѣвый центръ Европы. Славяне, видя наше безкорыстіе, удостовѣрятся въ чистотѣ нашихъ намѣреній, отбросятъ всѣ западные навѣты, освободятся отъ всѣхъ подозрѣній и сомнѣній и предадутся Россіи окончательно, безусловно, отъ всей души, на жизнь и смерть".

За симъ, Погодинъ задаетъ вопросъ: „Но можетъ ли Польша существовать особо? Разсматривая внимательно, хладнокровно и безпристрастно Исторію Польши,—отвѣчаетъ онъ — чувствуешь, что она особо существовать не можетъ, и что послѣдняя катастрофа ея была необходимымъ заключеніемъ всѣхъ предыдущихъ событій. Обозрѣвая область собственной Польши, ея географію, приходишь къ тому же заключенію, которое въ этомъ отношеніи еще сильнѣе и крѣпче историческаго: это есть страна дополнительная, пограничная. отнюдь не самобытная".

Обращаясь къ нравственнымъ качествамъ Поляковъ, Погодинъ замѣчаетъ: „Въ Польскомъ сердцѣ преобладаетъ чувство независимости, отдѣльности, самобытности, которое сохраняетъ свою живость и свѣжесть, не смотря ни на какія несчастія... Это чувство даетъ Полякамъ право на уваженіе... Дорого Отечество для всякаго благороднаго существа, непогрязшаго въ ежедневной злобѣ, и чѣмъ Исторія его несчаст-

нѣе, тѣмъ оно дороже, тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ любовь и состраданія“.

Но, развивая эти мысли, Погодинъ вспомнилъ Карамзина: „Вспомнилъ о благородномъ преніи между первымъ историкомъ и славнѣйшимъ государемъ“. Въ знаменитой своей запискѣ 1818 года, поданной императору Александру I, Карамзинъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ и силою чувства вооружался противъ возстановленія Польши, которое имѣлъ въ виду великодушный государь Русскій.

„Читая эту горькую записку“, — писалъ Погодинъ,—„и судя по ней о намѣреніяхъ Александровыхъ, удивляешься, какъ далеко ушли мы, или, лучше сказать, какъ самымъ простымъ, естественнымъ, яснымъ, понятіямъ трудно бываетъ пробиться сквозь стѣну общихъ мѣстъ и бороться съ силою предубѣжденій,—и сколько времени проходитъ, прежде чѣмъ они сдѣлаются общедоступными. Историкъ Русскій, трудившійся надъ Русскою Исторіею больше всѣхъ, и знавшій ее лучше всѣхъ, любившій Отечество пламенно, и славнѣйшій государь, неуступавшій ему, разумѣется, въ этой любви, и прошедшій съ такимъ блескомъ и успѣхомъ чрезъ многочисленнѣйшія и труднѣйшія политическія испытанія, разсуждали объ этомъ Русскомъ государственномъ предметѣ, какъ дѣти. Вотъ какъ, говорю, далеко мы ушли, или вотъ какъ очистились наши понятія! Не назови никто моихъ словъ дерзостью: при всей моей вѣрноподданнической преданности первому, и исторической—второму, я долженъ сказать, что перваго нѣтъ уже тридцать лѣтъ на свѣтѣ, и онъ поступилъ въ мою область, область Исторіи, гдѣ, право ли или не право, — это дѣло науки, — произноситъ и долженъ произносить судъ она, а предъ послѣднимъ у меня въ преимуществѣ столько же лѣтъ новыхъ трудовъ, изслѣдованій и открытій, составляющихъ жизнь науки, которые имѣетъ свои степени и періоды“. Далѣе, Погодинъ продолжаетъ: „Императоръ Александръ думалъ о возстановленіи Польши съ Литвою, Волынью, Подоліею, Бѣлоруссіею,—но развѣ Бѣлоруссія, Волынь, Подолія есть Польша?..

Карамзинъ нашелъ нужнымъ опровергать это намѣреніе по частямъ, стараясь доказать только, что государь, хотя и самодержавный, не имѣетъ права на раздробленіе Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ допускалъ принадлежность Галиціи Австріи, считалъ эту архи-Русскую область законною собственностью Австріи!.. Карамзинъ наконецъ боялся, въ случаѣ рѣшеніе Александрова, даже за Кіевъ, Черниговъ и Смоленскъ... Дѣльное, по тому времени, возраженіе Карамзина состояло въ томъ, что Поляки не удовольствуются первыми уступками, хотя онъ и предполагалъ ихъ уже слишкомъ далеко".

Впослѣдствіи самъ Погодинъ сознавался, что онъ выражался „слишкомъ рѣзко и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несправедливо, не уяснивъ себѣ положенія Карамзина, который, видя рѣшимость Александра, думалъ только о спасеніи Западныхъ губерній Русскихъ, и не могъ поминать о Галиціи, а напротивъ, употребилъ ее, какъ угрозу, со стороны Австріи, для отвращенія Александра отъ его намѣренія. Я же имѣлъ въ виду необходимость присоединенія Галиціи къ составу Русской Имперіи, взамѣнъ отчужденія Польши. Касательно императора Александра также должно сказать, что нельзя судить объ его намѣреніи безусловно, ибо неизвѣстно на какихъ основаніяхъ думалъ онъ исполнить оное, и какіе имѣлъ дальнѣйшіе виды".

Въ заключеніе Погодинъ задается вопросомъ: „Въ какихъ же предѣлахъ должна быть возстановлена Польша"?

Отвѣтъ самый простой, ясный, вѣрной и справедливый: въ предѣлахъ Польскаго языка. Гдѣ говорятъ по-Польски, тамъ и Польша, точно такъ, какъ тамъ Россія, гдѣ говорятъ по-Русски.

Позенъ—о, это Польша, возьмите его!

Западная часть Галиціи — тамъ говорятъ по-Польски, — она ваша.

Силезія—разберите, въ какихъ частяхъ ея осталось Польское начало, и вы имѣете полное право возвратить ее себѣ.

Но въ восточной части Галиціи говорятъ по-Русски,

это—Россія, такая же, какъ Черниговъ, Житомиръ, Полтава. Въ Галиціи точно, какъ на Волыни, въ Подоліи, Бѣлоруссіи, помѣщики Польскіе. Скупите ихъ имѣнія, чтобъ исполнить требованія справедливости до послѣдней іоты, промѣняйте ихъ на Польскія имѣнія въ Польшѣ, чтобъ не осталось Русскаго духа въ Польшѣ, точно какъ Польскаго въ Россіи, пока эти два племени не поймутъ, что имъ полезнѣе соединиться опять и составить одно цѣлое. Мы это понимаемъ, но для Поляковъ нуженъ еще опытъ. Впрочемъ, при основаніи Славянскаго союза и при покровительствѣ Россіи, и взаимной помощи всѣхъ Славянскихъ племенъ, Польша, какъ и прочія государства, можетъ существовать особо. Это есть единственная сколько-нибудь возможная форма ея будущаго бытія... Россія отдѣлится тогда отъ Европы цѣлою стѣною союзныхъ съ нею государствъ Славянскихъ, и можетъ дѣлать у себя дома, что угодно, пользуясь силами своего союза и не имѣя нужды въ ежегодныхъ рекрутскихъ наборахъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ выражалъ желаніе „поговорить объ этомъ близкомъ къ Славянскому сердцу вопросѣ съ Лелевелемъ, Мицкевичемъ,—и даже съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, котораго грустно было видѣть Погодину, „о девяносто лѣтъ, въ несчастномъ ослѣпленіи, обращеннаго все на Западъ вмѣсто Востока, гдѣ только можетъ возсіять Полякамъ звѣзда спасенія" [106]).

Когда слухи о мнѣніи Погодина касательно возстановленія Польши дошли до Петербурга, 19 сентября 1854 г., И. И. Давыдовъ писалъ ему: Графъ В. Н. Панинъ желаетъ прочесть рукопись вашу о Польшѣ. Вѣдь это, кажется, противное мнѣніе мысли Карамзина" [107]).

XXI.

Изложивъ догматически свою новую политическую систему о союзѣ Славянскомъ, Погодинъ обращается съ живымъ словомъ къ самимъ Полякамъ, и пишетъ имъ Посланіе: „Старый

служитель Исторіи, имѣвшій честь, тридцать лѣтъ тому назадъ, состязаться съ Лелевелемъ, близкій къ Мицкевичу, душою русскій и славенинъ, рѣшаюсь я, любезные братья, въ нынѣшнихъ важныхъ, трудныхъ и, можетъ быть, спасительныхъ для всѣхъ Славянъ вообще обстоятельствахъ, обратить къ вамъ искреннее свое слово... Горячее желаніе добра всѣмъ Славянамъ, сердечное участіе въ вашей горестной судьбѣ... и вмѣстѣ Русская наслѣдственная преданность престолу, внушили мнѣ мысли, кои счелъ я священнымъ долгомъ сообщить вамъ... Не стану теперь я обращаться къ Исторіи. Довольно одного настоящаго времени для вразумленія. Когда въ особенности намъ нужно примириться, на что смущать сердце печальными воспоминаніями, болѣе или менѣе тягостными? На что разрывать священныя для насъ могилы и искать тамъ виновниковъ?.. Опустимъ же завѣсу на все прошедшее и разсмотримъ настоящія ваши обстоятельства".

За симъ, Погодинъ, спрашиваетъ у Поляковъ: Откуда имъ „искать помощи?" и обращается къ Западу. „На Западѣ,— говоритъ онъ, — является намъ прежде всѣхъ Франція. Вы трудились для нея много, много пролили вы благородной крови ей на пользу, въ Италіи, Египтѣ, Германіи и холодныхъ пустыняхъ Сѣвера. Сколько лѣтъ продолжается ваша безпримѣрная ей служба? Уже подъ семьдесять. Три ваши поколѣнія смѣнились подъ Французскимъ знаменемъ. Чѣмъ же Франція выразила вамъ свою признательность за чудеса вашей храбрости въ продолженіе войнъ революціи? Что получили вы за всѣ ваши несчастныя жертвы? Ничего...

Обращаясь къ Англіи, Погодинъ говоритъ Полякамъ: „Для Англичанъ вы презрѣнныя орудія, зажигательныя ракеты, которыми по временамъ можно пользоваться, вчера противъ Австріи, въ пользу Венгріи; нынѣ за Австрію, противъ Россіи"... Если же,—продолжаетъ Погодинъ,—отъ Французовъ и Англичанъ нельзя надѣяться вамъ никакой помощи, то о Германіи и доказывать, кажется, не нужно"...

„Несчастные братія",—восклицаетъ Погодинъ,—„всѣ вась

оставили, и даже Турція не принимаетъ вашихъ услугъ иначе, какъ если вы отречетесь отъ Христа и перемѣните свое Польское имя"!..

Въ заключеніе Погодинъ призываетъ Поляковъ обратиться „къ Русскому царю, родному брату и избраннику великодушнаго Александра", просить его „забыть прошедшее, провозгласить его общимъ Славянскимъ отцомъ, предложить родственныя услуги для общаго Славянскаго дѣла... Или вамъ кажется такое движеніе унизительнымъ? Неужели благороднѣе служить Туркамъ противъ Россіи, чѣмъ идти съ Русскими за Славянъ... Вина новаго не вливаютъ въ мѣхи старые. Прошедшее, умершее, пусть покоится въ своей могилѣ. Оставимъ мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ; нашъ Богъ есть Богъ живыхъ. Помолимся Ему, чтобъ Онъ послалъ намъ всѣмъ любовь, а гдѣ любовь, тамъ свобода и жизнь. Путемъ ненависти и злобы можно придти только къ смерти. Да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ Россія! Да здравствуютъ всѣ Славяне,—и миръ нашимъ врагамъ" [108]).

Написавъ свои майскія письма, Погодинъ, прежде всего, вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ, отправился въ Абрамцево, чтобы тамъ прочесть ихъ Аксаковымъ. Объ этой поѣздкѣ мы имѣемъ лаконическія свѣдѣнія въ *Дневникѣ* Погодина.

Подъ *23 мая 1854 года:* „Съ Щепкинымъ къ Аксаковымъ. По пути переговоры о войнѣ, о Силистріи и пр. Такъ или не такъ ли, а все-таки пріѣхали. Всенощная".

— *30* — — — : „Плохо спалъ. Прочелъ главное письмо. Въ восторгѣ. Къ Троицѣ. Обѣдня, народъ. Филаретъ. Богослуженіе. Благословеніе. Извѣстіе о потерѣ подъ Силистріей. Что такое? Сытный обѣдъ.

— *31* — — — : „Читалъ, а Аксаковъ прочелъ Шишкова. Гуляли. Пріятно. Ночью отправились.

— *1 іюня* — — : „Ночь ѣхали. Пріѣхали по утру. Силистрія не взята, а потеря большая".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получаетъ письмо отъ С. Т. Аксакова: „Крѣпко Васъ обнимаю и благодарю

за пріѣздъ и за все, что Вы прочли намъ. Странное дѣло: никогда я не чувствовалъ такъ сознательно своей устарѣлости, какъ въ присутствіи Вашемъ и Щепкина. Мнѣ казалось, что Вы оба совершенно прежніе люди, я уже другой человѣкъ и это меня смущало"...

Не имѣя права печатать свои письма, Погодинъ давалъ имъ широкое распространеніе и они облетали всю Россію.

13 іюня 1854 года, М. В. Юзефовичъ писалъ Погодину изъ Кіева: „Вы несказанно меня обязали присылкой вашей послѣдней статьи. Она полна электрической силы. Вы натолкнулись на одинъ очень важный вопросъ, который я отмѣтилъ въ вашей статьѣ... Нужно, очень нужно вразумить и вы вразумляете мастерски! Вы оказываете важную услугу, всякій русскій долженъ вамъ за то въ ножки поклониться. Я тоже не вытерпѣлъ и тиснулъ свою мысль о великомъ вопросѣ: записку эту я послалъ Юрію Θедоровичу Самарину, прося его сообщить вамъ".

Изъ Костромы А. А. Потѣхинъ писалъ Погодину: „Съ восторгомъ, съ полнымъ сочувствіемъ и съ согласіемъ прочиталъ я ваше воззваніе къ отпадшей, но милой братіи и, если смѣю высказывать свое мнѣніе, думаю, что результатъ его будетъ утѣшительный: слово Русское, слово старинное, любовное, по-просту сердечное, оно имъ по душѣ придется. Не логикой нужно убѣждать ихъ, а любовью, не гласомъ ума, а гласомъ сердца: таковыхъ вразумляй духомъ кротости, а строгость до сихъ поръ мало дѣлала пользы. Господь да благословитъ ваше предпріятіе: оно—выраженіе не одного вашего личнаго желанія, но многихъ, многихъ людей, истинно Русскихъ, любящихъ все чисто-Русское".

XXII.

Написавъ свое предположеніе о Славянскомъ союзѣ, Погодинъ, 16 іюня 1854 года, писалъ Θ. И. Прянишникову: „Усерднѣйше благодарю ваше превосходительство за сообщен-

ное извѣстіе. Признаться ли вамъ,—пославъ письмо, я испугался, чтобъ не показались нѣкоторыя выраженія дерзкими, и чтобъ самое намѣреніе разсуждать не растолковалось въ худую сторону. Я писалъ вѣдь, сначала предполагая обыкновенныхъ читателей, почему и далъ своей рѣчи тонъ совершенно простой. Послѣ уже подумалъ я о представленіи ея на благоусмотрѣніе государя императора, не окажется ли въ ней что-нибудь полезное. Послалъ, — да и оробѣлъ: всякая минута государева въ настоящее время должна быть для всѣхъ насъ драгоцѣнною и священною. Его спокойствіе должны всѣ мы беречь, какъ молодой страстный мужъ бережетъ любимую жену въ ея беременности. Огорчить, произвесть непріятное ощущеніе есть уже преступленіе. Мысль, что сгоряча могъ я въ этомъ смыслѣ провиниться предъ нимъ, не давала мнѣ даже спать, и вы окажете мнѣ благодѣяніе, если пришлете хоть слова два въ ободреніе. Обращаюсь теперь къ „практичности“ моихъ предположеній, въ коей вы, кажется, сомнѣваетесь, точно какъ и въ первомъ моемъ письмѣ нѣкоторые находили поэзію. Если отдать ихъ на судъ нашихъ дипломатовъ, то, разумѣется, они возразятъ множествомъ затрудненій и невозможностей, потому что они понимаютъ Славянское дѣло хуже Китайской грамоты. Это для нихъ темный лѣсъ. Напримѣръ, — графъ Медемъ, бывшій посланникомъ нашимъ въ Вѣнѣ, въ 1846 году, спрашивалъ Данилевскаго, консула Бѣлградскаго, на публичномъ обѣдѣ: Wie sehen die Serben aus? Живя пять лѣтъ въ Австріи, онъ не имѣлъ понятія даже о Сербской физіономіи. Такъ чего же добраго ожидать отъ этихъ господъ? Они всѣ помѣшаны на Французскихъ, Нѣмецкихъ и Англійскихъ газетахъ. Объ чемъ не говорятъ, ни Французы, ни Нѣмцы, ни Англичане, то для нихъ и не существуетъ. Но еслибъ государю угодно было поручить Сербское дѣло Ливену, Фонтону и Левшину, то оно не вывалилось бы у нихъ изъ рукъ. Я не знаю лично этихъ лицъ, но о дѣйствіяхъ Ливена слышалъ въ 1846 году, въ Сербіи; о Фонтонѣ имѣлъ извѣстія вѣрныя

въ прошломъ году; а Левшина встрѣтилъ недавно въ Петербургѣ на полчаса и увидѣлъ, что Сербовъ онъ понялъ хорошо. Дать бы имъ для письмоводства Берга *), переводчика Сербскихъ пѣсенъ, да написать мнѣ полдюжины писемъ къ тамошнимъ пріятелямъ и дѣло закипѣло-бъ живо. О Черногоріи долженъ знать лучше всѣхъ посланный туда Ковалевскій, который не оставилъ, кажется, безъ вниманія и Босніи. Планъ о Босніи былъ представленъ государю Гаемъ, въ 1840 году, извѣстнымъ и графу Адлербергу. Гай очаровалъ меня (тогда), и я, съ позволенія генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, собралъ ему тогда больше 12,000 р. (самъ князь далъ пять), съ тѣмъ, чтобъ онъ ввелъ въ Католической Кроаціи наши церковныя буквы. Послѣ, очарованіе мое пропало, вслѣдствіе невыгодныхъ слуховъ объ его искренности и я прекратилъ съ нимъ всякое сношеніе. Въ послѣднее свое путешествіе я слышалъ отъ своихъ друзей Славянскихъ, что это человѣкъ двусмысленный и сомнительный. Но я имѣю благовидный поводъ написать къ нему письмо и пощупать пульсъ Кроаціи, нисколько не замѣшивая Правительства. Долженъ прибавить здѣсь, что третьяго дня получилъ я извѣстіе объ избраніи меня почетнымъ членомъ тамошняго главнаго общества историческаго, въ собраніи, которое открывалъ графъ Елачичъ. Смѣю приписать этому избранію нѣкоторое политическое значеніе, точно какъ и благодарности полученной мною недавно изъ Бѣлграда за книги, подаренныя библіотекѣ еще въ третьемъ году. Для Австрійской Сербіи, то-есть воеводины Сирміи, есть у меня надежный человѣкъ,—патріархъ, съ которымъ я видѣлся въ Вѣнѣ даже недавно, и бесѣдовалъ дружески; а прежде, въ 1846 году, я жилъ у него нѣсколько времени въ Карловцѣ. Ему стоитъ только мигнуть чрезъ священника нашего въ Вѣнѣ, и она возстанетъ. Есть еще у меня тамъ одинъ протопопъ, который постóитъ навѣрное Петра Пустынника, и замѣнитъ цѣлый корпусъ. Богемія, Моравія, Словаки пышатъ ненавистью къ Австріи, и тамъ произойдетъ непре-

*) И. С. Аксаковъ указывалъ на Ѳ. В. Чижова. *Н. Б.*

мѣнно движеніе, лишь только огласится разрывъ съ Россіей. Во всѣхъ этихъ странахъ есть у меня искренніе друзья, которымъ я помогалъ, впродолженіи двадцати лѣтъ, изъ послѣднихъ крохъ своихъ, и они преданы мнѣ безусловно. Галиція готова соединиться съ нами. Съ Венгріей фельдмаршалъ, слышно, имѣетъ сношенія. На Польшу, о коей написано у меня особое письмо, при семъ прилагаемое, надо бы подѣйствовать прежде всего чрезъ Мицкевича и Лелевеля, которыхъ я возьмусь обращать. Главное возраженіе противъ такого образа дѣйствій состоитъ въ слѣдующемъ: какъ нашему государю идти противъ того порядка, который онъ во всю жизнь свою поддерживалъ и возстанавливалъ? Согласенъ, но развѣ онъ пойдетъ по своей волѣ, по прихоти? Развѣ этотъ порядокъ остался съ нимъ? Этотъ порядокъ измѣнилъ ему, поднялъ оружіе противъ него и поставилъ его въ самое критическое положеніе: такъ можетъ ли онъ гладить, какъ прежде, по головкѣ этотъ Австрійскій порядокъ? Нѣтъ, по затылку надо хватить с..... с.... Знай честь! Простите меня—сорвалось съ языка недипломатическое выраженіе, но, ей Богу, не вытерпишь, и я, сидя одинъ въ своей кельѣ, иногда на стѣну лѣзу, какъ подумаю, что дѣлаютъ съ нашимъ славнымъ царемъ за все его добро. Ну можно ли слышать о послѣднемъ предложеніи Австрійскаго мальчишки, безъ того, чтобъ вся желчь не подымалась: Русскому царю, своему отцу и благодѣтелю, осмѣливается онъ... нѣтъ, лучше перестану, а если нужно, то черкните, и я самъ пріѣду въ Петербургъ для объясненій, готовый оставить свои любезныя лѣтописи и грамоты, и идти, куда укажетъ, и служить, гдѣ прикажетъ царь, которому я обязанъ такою благодарностію. Скажу еще два слова о поэзіи, въ коей обвиняютъ меня: перечтите мои донесенія 1839 и 1842 года, кои исполнились въ 1848, и вы должны согласиться, что моя поэзія оказалась математикою. Перечтите первое мое письмо и вы увидите, сколько поэзіи оборотилось уже въ прозу. Если-бъ съ тѣхъ поръ Австрія считалась нашимъ

врагомъ, то много бы драгоцѣннаго времени было выиграно, котораго теперь не воротишь. Двадцать лѣтъ, какъ зловѣщая Кассандра, я твердилъ объ Австріи, и вотъ исполнились мои слова. Теперь я долженъ, съ глубочайшей горестію возвѣстить, что *мы должны бояться Славянъ, которыхъ враги смущаютъ со всѣхъ сторонъ. Если мы не привлечемъ ихъ къ себѣ, то враги поставятъ ихъ противъ насъ, и тогда... Господи, да идетъ мимо чаша сія!* Отвѣчаю головою государю, что это не поэзія".

19 мая 1854 года, изъ Кіева И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Я ѣздилъ къ Ѳ. В. Чижову *), верстъ шестьдесятъ отсюда, съ Ригельманомъ и княземъ Дабижемъ. Сначала мы отправились было водою, т.-е. Днѣпромъ, но сильный противный вѣтеръ произвелъ такое волненіе на Днѣпрѣ, лодка же наша была такъ мала (да и Ригельманъ немножко струсилъ), что мы, отплывъ версту, вышли на берегъ и отправились сухопутно, въ коляскѣ. Дорога — или горы, или пески, а потому мы ѣхали очень медленно и даже принуждены были ночевать у одного жида, очень благообразнаго, съ наружностью и формами тѣла крупно-библейскими. Смотря на него, спящаго, на его голыя ноги, я — не знаю почему—вспомнилъ о Гедеонѣ, о временахъ Олоферна... Но Юдиѳи между Еврейками до сихъ поръ еще не встрѣчалъ. Чижовъ обрадовался намъ чрезвычайно. Живетъ онъ совершенно уединенно: выстроилъ себѣ маленькій домикъ—въ полуверстѣ отъ какой-то казенной деревни, окопалъ себя рвомъ, завелъ у себя садикъ и плантацію шелковичныхъ деревьевъ. При немъ нѣсколько человѣкъ наемныхъ работниковъ. Шелковое его заведеніе идетъ отлично: онъ получилъ уже двѣ медали за свой шелкъ и пріохотилъ сосѣднихъ крестьянъ къ этому занятію, раздавая имъ безденежно сѣмена и наблюдая за обращеніемъ ихъ съ червями. Человѣкъ уже шестьдесятъ въ

---

*) Близъ Триполья, въ сосѣдствѣ Михайловой Горы, резиденціи М. А. Максимовича. *Н. Б.*

окрестности стали разводить у себя тутовыя деревья и червей. Но производство хорошаго шелка требуетъ старательнаго ухода и ученаго знанія, а потому шелкъ крестьянскій очень низкой доброты. — Не смотря на все достоинство шелка у Чижова,—выгоды, получаемыя имъ, очень малы. При всѣхъ стараніяхъ, онъ не можетъ имѣть болѣе восьми пудъ шелка, что—за исключеніемъ издержекъ—принесетъ до тысячи р. сер.— Стоитъ ли для этого хоронить себя въ глуши! Лѣтомъ оно ничего, но зимою... За то, кажется, Чижову сильно уже надоѣли черви, и онъ готовъ былъ бы бросить свое заведеніе, еслибы нашелся выгодный покупщикъ. Видно, что уединеніе и мирная сельская жизнь просто набили ему оскомину: онъ скучаетъ, хандритъ, тоскуетъ, рвется въ Москву, называя ее церковью, храмомъ, который надо посѣщать для очищенія и обновленія селъ,—и зиму будущую проведетъ непремѣнно въ Москвѣ. Взглядъ на современныя событія у него одинаковъ съ нашимъ. Онъ собирается писать объ нихъ статью. Человѣкъ умный и дѣятельный, сознающій свои силы и дарованія, хорошо знакомый съ міромъ Славянскимъ, онъ хотѣлъ бы принять дѣйствительное участіе въ событіяхъ,—и еслибы Правительству нужно было бы послать кого-нибудь къ Славянамъ,— то Чижовъ, по моему мнѣнію, могъ бы быть употребленъ съ величайшею пользою. Что касается до меня, то я не сознаю въ себѣ способности принести большую пользу дѣлу службою на Дунаѣ, но для меня это просто потребность души, хочется быть рабочимъ, хоть самымъ темнымъ и безвѣстнымъ!“

XXIII.

Предположеніе Погодина о Славянскомъ союзѣ вызвало со стороны В. И. Даля сильное возраженіе. „Писульки ваши“,—писалъ онъ Погодину,—„видно, всѣ по одному образцу: Ау! да ну, да чтожъ вы, да откликнитесь наконецъ! И эти междометія называются письмомъ, на которое надо отвѣчать. Но на этотъ разъ къ междометіямъ приложено было еще раз-

сужденіе, на которое откликнуться можно, и есть о чемъ поговорить. Скажу вамъ прямо, не совсѣмъ понимаю я политическій взглядъ вашъ, повидимому одинаковый, какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ другомъ, которое случилось мнѣ читать прежде. Вы изображаете бѣдствія, грозящія Россіи отъ насилій всей Европы и Азіи, и указываете ей на спасеніе посредствомъ союза съ семидесятью милліонами Славянъ, которые должны образовать большой и сильный союзъ мелкихъ государствъ или республикъ, подъ покровительствомъ Россіи. Положимъ, что сказка эта могла бы обратиться въ быль; съ какой же стороны къ ней для этого приступиться? Хотите ли разослать лазутчиковъ, чтобы народамъ этимъ шепнуть на ухо о намѣреніи нашемъ, или хотите напередъ объявить о немъ гласно, во всеуслышаніе? Въ томъ и другомъ случаѣ удача болѣе чѣмъ сомнительна; а неисчислимыя бѣдствія вѣрны и несомнѣнны. Какъ вы поднимите семьдесятъ милліоновъ сброду, словно одну голову, чтобы непріятели не успѣли подавить возмущенія этого по частямъ? Кто не ужаснется, принимая на себя такую тяжкую отвѣтственность? Мнѣ страшно объ этомъ и подумать. Лазутчиковъ будутъ ловить и вѣшать и позорить насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ; а гласное объявленіе манифеста въ этомъ смыслѣ отняло бы у остальной Европы всякую возможность примиренія, и споръ, если не бой, на животъ и на смерть, завязался бы на десятки лѣтъ. Очевидно, что на такое предположеніе наше ни одно государство въ Европѣ не могло бы смотрѣть равнодушно и мы сами предали бы въ руки Англичанъ и Французовъ столько союзниковъ, сколько они пріобрѣсти пожелаютъ. Какой исходъ можетъ быть такой прѣ? Не забудьте, что у нашихъ союзниковъ, еслибы ихъ и нашли, тамъ гдѣ вы указываете, нѣтъ устроеннаго войска; какими средствами поддержимъ мы безразсудное, торжественное требованіе, отъ котораго уже нельзя будетъ отступиться, не обманувъ недостойнымъ образомъ собратовъ своихъ? Нашествіе трехъ народовъ на Россію такъ обременительно для нея, что она безъ чрезвычайныхъ усилій и пожертвованій не можетъ

отъ нихъ избавиться; какъ же ей въ это время принимать на себя обязательство возстановленія и образованія новыхъ государствъ, вдали отъ своихъ предѣловъ? Нынѣ непріятель будетъ пораженъ, и пораженъ вполнѣ, если онъ со стыдомъ отступитъ отъ границъ нашихъ, не исполнивъ своихъ хвастливыхъ обѣщаній, и до этого, Богу соизволяющу, мы доживемъ; тогда, напротивъ, этимъ еще ничего не порѣшится, а за нами останется еще такая жъ трудная задача, какъ теперь задалъ себѣ непріятель относительно къ намъ. Но, перешагнувъ даже черезъ всѣ эти несбыточности, я опять-таки становлюсь въ пень передъ новой бѣдой: мы создали наконецъ это союзное Славянское государство, изъ пятнадцати или шестнадцати поименованныхъ вами народовъ—и сами же приставили себя къ нему пѣстуномъ. Считаете вы это легкой задачей и не думаете ли, что внутреннія ссоры и смуты вновь созданнаго огромнаго союза, а также внѣшнія нападки на него истомятъ Россію въ самое короткое время? Создавъ такую вещь, надо постоять за нее, а у насъ бы дома столько своего дѣла, что мы и имъ то не управимся. Словомъ, я увѣренъ, что подобная опека съѣла и извела бы Россію ни за что, ни про что. Это было бы гибелью нашей. Объясните и докажите мнѣ въ чемъ я тутъ ошибаюсь, а до того времени я буду утверждать, что вы, какъ извѣстный молодой и легкомысленный мечтатель, играете страшною игрушкой“.

Судьбою этихъ майскихъ писемъ Погодина, весьма интересовался С. Т. Аксаковъ, и 28 іюня 1854 года, изъ своего Абрамцева, писалъ ему: „Здравствуйте, Михаилъ Петровичъ! Хворь одолѣла меня. Послѣднюю недѣлю промучился сначала зубами, а потомъ флюсомъ, и теперь еще распухла щека и болитъ, а главное разстроился нервами; но все это не мѣшаетъ мнѣ принимать живѣйшее участіе въ васъ и вашихъ дѣйствіяхъ, которыя я цѣню и уважаю много. Вотъ вамъ самая вѣрная оказія. Напишите, ради Бога: дошло ли ваше письмо по назначенію въ руки царя? Какое произвело дѣйствіе на него и на окружающихъ? Какое письмо писали вы къ Прянишникову? Мнѣ

сказывалъ Хомяковъ, но я такъ страдалъ, что ничего не понялъ. Нельзя ли намъ прочесть это письмо? Вы обѣщали намъ копіи со всѣхъ вашихъ писемъ: я васъ не тороплю, но не забудьте этого обѣщанія. Напишите также, пожалуйста, все, что вы знаете о положеніи и намѣреніяхъ нашего Правительства. Я совсѣмъ потерялъ нить нашихъ дѣйствій и ничего не могу взять себѣ въ толкъ; не только не вѣрю слухамъ, но начинаю уже не вѣрить печатнымъ извѣстіямъ. Я сижу закупорившись въ четырехъ стѣнахъ, а потому принужденъ, хоть чѣмъ-нибудь занимать и развлекать себя; вслѣдствіе чего дописываю отрывокъ изъ *Семейной Хроники*, которая едва ли когда попадетъ въ печать; но вамъ бы очень желалъ прочесть ее: дѣло идетъ объ юности и замужествѣ моей матери".

Любознательность С. Т. Аксакова, а также и Погодина вполнѣ могла удовлетвориться слѣдующимъ сообщеніемъ Ѳ. И. Прянишникова (отъ 12 августа 1854): „Не далѣе какъ вчера, я получилъ отъ министра Императорскаго Двора, графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга, письмо, въ которомъ его сіятельство поручаетъ мнѣ передать вашему превосходительству, какъ *высочайшее государя императора благоволеніе, за вѣрноподданическую откровенность вашу*, выраженную въ письмѣ ко мнѣ, отъ 17-го іюня сего года, такъ и *замѣчанія его императорскаго величества*. Страшась сдѣлать какую-либо невѣрность въ сихъ высочайшихъ замѣчаніяхъ, я рѣшился препроводить къ вамъ точную копію съ письма графа Адлерберга, прося покорнѣйше принять ее для собственнаго вашего свѣдѣнія, и о полученіи увѣдомить меня".

Копія съ конфиденціальнаго письма министра Императорскаго Двора графа Владиміра Ѳедоровича Адлерберга къ члену Государственнаго Совѣта тайному совѣтнику Прянишникову, изъ Петергофа, отъ 11 августа 1854 г.:

„Милостивый государь Ѳедоръ Ивановичъ. Переданное мнѣ вашимъ превосходительствомъ письмо къ вамъ г-на профессора

Погодина, отъ 17-го іюня сего года, съ принадлежащими къ оному приложеніями, я имѣлъ счастіе представить государю императору. Его величество, обремененный заботами и дѣлами, не могъ удѣлить ни минуты на прочтеніе сихъ бумагъ, и потому высочайше поручить мнѣ соизволилъ передать ихъ, какъ и прежнія по тому же предмету, какъ вамъ извѣстно, государю цесаревичу, чтó мною и было исполнено тогда же. Нынѣ его высочество, вручивъ мнѣ ихъ обратно, объявилъ, что содержаніе ихъ имъ доведено до высочайшаго свѣдѣнія, и что государь императоръ, отдавая полную справедливость патріотическимъ чувствамъ автора, приказалъ поблагодарить его за вѣрноподданническую откровенность, съ которою онъ изложилъ свой взглядъ и свои мысли, но что не во всемъ эти взгляды и мысли основательны и удобопримѣняемы къ практическому исполненію. Взглядъ снизу, на однихъ лишь историческихъ фактахъ и результатахъ основанный, не можетъ быть такъ вѣренъ, какъ взглядъ, не случайно брошенный, а постоянно съ высшей точки обращаемый, при полномъ знаніи всѣхъ дѣлъ, ихъ тайныхъ пружинъ и сцѣпленія обстоятельствъ, скрытыхъ для непосвященныхъ въ оныя. Отъ того сужденія, сими послѣдними изъ окончательныхъ послѣдствій выводимыя, хотя и имѣютъ видъ справедливости, всегда почти ошибочны, и результаты, которые они предполагаютъ отъ дѣйствій ими предлагаемыхъ, проистекающихъ отъ неправильнаго въ сущности начала, естественно не могутъ послѣдовать, а должны быть совсѣмъ иныя. Возвращáя вашему превосходительству письмо съ приложеніями г-на Погодина, покорнѣйше прошу васъ, будетъ сочтете нужнымъ, сообщить ему, сверхъ монаршаго благоволенія и мнѣніе его величества“ [109]).

Послѣдующія событія разрушили надежды самого Погодина, и передъ своею смертію онъ долженъ былъ сознаться, что мысль его, „сказанная въ крайности, получила впослѣдствіи опроверженіе въ дѣйствіяхъ самихъ Поляковъ, а мысль о *Славянскомъ союзѣ* въ родѣ Рейнскаго, или Германскаго, отнеслась въ *область миѳологіи*“.

XXIV.

Изложивъ свою систему Славянскаго союза, Погодинъ счелъ полезнымъ разсмотрѣть происходившую войну въ отношеніи къ Русской Исторіи. „Исторію“,—писалъ онъ,—„честятъ со временъ Цицерона учительницею жизни (magistra vitae); а учиться отъ нея никто не хочетъ, и никому, кажется, въ голову не приходитъ, что она можетъ наказывать, и подчасъ въ самомъ дѣлѣ наказываетъ жестоко за невниманіе къ ея урокамъ и опытамъ. Мнѣ, какъ старому служителю Исторіи, непростительно было бы разсуждать о нынѣшнихъ событіяхъ, безъ отношенія къ прежнимъ, то-есть не справясь съ Исторіею и поглощаясь настоящею минутою“.

Разсматривая внимательно Исторію Россіи и приводя себѣ на память всѣ ея войны, Погодинъ пришелъ къ заключенію, что происходившая война съ Турціею есть естественное, непремѣнное ихъ продолженіе, если еще не заключеніе, и что императоръ Николай, не смотря на свое миролюбіе, безкорыстіе и великодушіе, не можетъ далѣе терпѣть владычества Турокъ, какъ Владиміръ Святый не могъ терпѣть Печенѣговъ, Мономахъ—Половцевъ, Иванъ Третій—Монголовъ, Грозный—Татаръ Казанскихъ и Астраханскихъ, а Екатерина—Крымскихъ... Они и обнажали мечъ только для собственной защиты, даже до настоящей войны, также оборонительной, кто бы что ни говорилъ. Напрасно Европейскія державы явились незваныя судить и рѣшать ту борьбу, которая началась у Россіи почти за тысячу лѣтъ предъ симъ... Русскій человѣкъ встрѣчается съ самыми тягостными воспоминаніями, которыхъ никто въ Европѣ понять, оцѣнить не въ состояніи. Европейскіе народы не принимали ни малѣйшаго участія въ нашихъ несчастіяхъ и страданіяхъ. Французовъ не было на Куликовомъ полѣ, Англичане не помогали намъ отражать нашествіе Тохтамышево; Австрійцы не приходили разнимать насъ съ ордами Мехметъ-Гирея и Пруссаки не выручили насъ при Прутѣ. Знаетъ

ли лордъ Пальмерстонъ, что такое Крымскій бродъ въ Москвѣ? Имѣетъ ли понятіе господинъ Друэнь-де-Люисъ о крестныхъ ходахъ 21 мая, 23 іюня, 26 августа? Слыхалъ ли графъ Буль Шауенштейнъ что-нибудь о церкви Спаса на Болвановкѣ? Видѣлъ ли господинъ Мантейфель икону Владимірской Божіей Матери, на которую никто изъ насъ не можетъ взглянуть безъ сердечнаго умиленія?“

За тѣмъ, Погодинъ, представляетъ событія Русской Исторіи въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, „для вразумленія Западныхъ нашихъ противниковъ и всѣхъ тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ“. Да,—восклицаетъ Погодинъ,—„вы не знаете, милостивые государи, нашей Исторіи, какъ не разумѣете нашего духа и не могли до сихъ поръ выучиться нашему языку,—такъ не вступайтесь въ наше дѣло. Въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ Россія была опустошаема, терзаема, мучима, и не выпускала изъ рукъ своихъ оружія; она билась до послѣдняго истощенія, оттерпливалась, страдала, молилась и дождалась до своего времени, когда ударилъ для нея часъ на Спасскихъ часахъ,—а вы хотите, чтобъ мы предъ увѣнчаніемъ всѣхъ нашихъ трудовъ и подвиговъ выпустили изъ рукъ законную нашу добычу, и, въ страхѣ отъ вашихъ дерзкихъ угрозъ, смиренно предоставили рѣшить святое дѣло вашимъ барышникамъ и кулакамъ, сообразно съ ихъ грошевыми выгодами и копеешными видами, барышникамъ и кулакамъ, которыхъ и древле Спаситель выгналъ изъ храма. Ослѣпленные! За кого вы насъ принимаете?... Забыли вы 1812 годъ, когда всѣ вы шли на насъ подъ предводительствомъ не г. Сентъ-Арно и лорда Раглана, а перваго военнаго генія въ Исторіи. Съ чего вы взяли, чтобъ нынѣ встрѣтили мы незваныхъ гостей съ лучшимъ почетомъ? Оставьте насъ въ покоѣ рѣшить нашъ историческій споръ съ Востокомъ и Магометомъ. Судъ у насъ съ ними Божій, а не человѣческій. Оставьте насъ сослужить вамъ эту службу, и стереть съ вашей собственной Исторіи постыдное для васъ пятно. Оставьте насъ исполнить нашъ Европейскій долгъ во

имя вѣры, гражданственности, просвѣщенія, человѣчества, прогресса. Наше счастіе, и отнюдь не вина, если съ исполненіемъ священнаго долга соединяются и вещественныя выгоды, и если по мѣрѣ побѣдъ надъ Востокомъ и Магометомъ увеличивается наше политическое могущество. Предъявите ваши требованія, испросите соразмѣрнаго участія въ нашихъ выгодахъ, пожелайте условій, полезныхъ для вашей промышленности, обезопасьте вашу торговлю,—а всего лучше предоставьте условія великодушію Русскаго государя, и, безъ всякаго сомнѣнія, онъ самъ одѣлитъ васъ всѣхъ такъ, какъ ни одна палата, ни одинъ парламентъ и ни одинъ тайный совѣтъ, самый жадный, не придумаютъ, — а Русскіе не погонятся за вашими выгодами: съ насъ немного надо, лишь бы щей горшокъ, да самъ большой“.

Разсмотрѣвъ событія „съ точки зрѣнія Русской Исторіи“, и напомнивъ, что Россія есть государство не только Русское, но вмѣстѣ и Славянское, Погодинъ заключаетъ: „Прилетай же скорѣе Непирова бомба: намъ нуженъ сигналъ переѣзжать на другую квартиру. Прилетай Непирова бомба,—ты вѣрно, по закону Немезиды, упадешь въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ!... Сожги своимъ жгучимъ огнемъ, что засвѣтили Англичане въ аду, сожги всѣ наши ноты съ Вѣнскою включительно, всѣ протоколы, деклараціи, конфиденціальныя отношенія, конвенціи, инструкціи, рапорты, и всѣ наши политическія сношенія съ Европою! Гори все огнемъ! Мы оставимъ въ Петербургѣ *Мѣднаго Всадника*, стеречь устье Невы... Или нѣтъ,—онъ соскучится одинъ, и, нахмуривъ брови, вѣрно поворотитъ своего коня къ Золотому Рогу, а церковь Исаака Далматскаго, въ честь его Ангела, мы достроимъ ему на берегахъ Далмаціи, насупротивъ города Бара, гдѣ почиваютъ мощи Николая Чудотворца!... Все зоветъ Россію въ Константинополь: Исторія, обстоятельства, долгъ, честь, нужда, безопасность, преданія, соображенія, заключенія, наука, поэзія, родство, благодарность, Вѣра, друзья, враги, память, воображеніе, прошедшее, настоящее, и даже будущее—и мы будемъ

въ Константинополѣ. Въ волненіи всѣхъ чувствъ моихъ написалъ я эти строки. Такое волненіе не соотвѣтствуетъ спокойству Исторіи. Заключу словомъ Евангелія: *Кая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ.*

Отче нашъ! Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли".

Еще въ январѣ 1854 г., Томашевскій писалъ Погодину: „Необходимо тебѣ составить статью въ опроверженіе несчастной мысли, будто симпатія къ единокровнымъ то же, что отступленіе отъ принципа и примкнутіе къ блузамъ. Такая Западная гадость у многихъ въ головѣ".

Дѣйствительно, ходила молва, что императоръ Николай I опасался подать поводъ къ Европеской войнѣ, вооружиться противъ консервативнаго государства и ободрить революціонную партію.

Противъ этой мысли, „о содѣйствіи войною революціонному движенію", вооружился Погодинъ. Онъ писалъ: „Австрія есть консервативное государство — такъ зачѣмъ же она не осталась съ нами? Она сама не боится подать повода къ нарушенію у себя порядка, а мы должны останавливать свои дѣйствія.... для того, чтобъ у нея порядокъ не нарушался. Вѣдь здѣсь смысла нѣтъ! Государь не можетъ идти, говорятъ, противъ того порядка, который онъ самъ поддерживалъ и установлялъ въ продолженіе тридцати лѣтъ. Но развѣ этотъ порядокъ остался съ нимъ? Этотъ порядокъ измѣнилъ ему, предалъ его, вооружился противъ него и поставилъ въ такое критическое положеніе Россію, въ какомъ она никогда не бывала... Мы должны жертвовать своими обязанностями и выгодами для отвращенія революціи отъ Европейскихъ государствъ, кои сами ее накликаютъ на себя. Чортъ съ вами, если вы того хотите!... Хорошъ и историкъ Гизо, который стращаетъ императора Николая революціей во Франціи, забывая, что Русскій государь долженъ заботиться не о Франціи, а о Россіи".... За тѣмъ, Погодинъ задаетъ вопросъ: „Не будутъ ли сосѣдніе опыты (освобожденныхъ нами народовъ)

опасны для насъ? Не будутъ ли учрежденія свободныхъ государствъ подлѣ Россіи соблазнительны для нея самой? Не послужитъ ли ихъ революція примѣромъ для нашей?“ На эти вопросы Погодинъ отвѣчаетъ: „Несчастныя опасенія, которыми люди, незнающіе Россіи, смущаютъ государя и мѣшаютъ ему давно въ его благихъ намѣреніяхъ, въ его прекрасныхъ движеніяхъ, въ его благородныхъ чувствованіяхъ. Это люди, не знающіе языка, не имѣющіе понятія о Русской вѣрѣ, которая составляетъ сущность Русскаго человѣка, незнакомые съ Русскою Исторіею, незнающіе Россіи и всѣхъ ея мѣстныхъ условій. Если нѣкоторые изъ нихъ проѣзжали иногда по той или другой губерніи, то въ приготовленныхъ встрѣчахъ, по исправленнымъ, къ ихъ пріѣзду, большимъ дорогамъ, не только нельзя узнать ея, но, напротивъ, они должны были получить самое превратное понятіе; а всѣ оффиціальные рапорты есть чистый обманъ, напоминающій басню Крылова объ ершахъ, плясавшихъ на сковородѣ. Всѣ наши агенты — родились большею частію въ Петербургѣ, учились у Французскихъ гувернеровъ и всю жизнь провели на службѣ: какое же средство есть имъ узнать Россію? Да прибавьте къ тому, что они ничего не читаютъ по-Русски, а по-Французски читаютъ только *Independance Belge*, составляющую для нихъ Академію и Университетъ“. Революціи,— заключаетъ Погодинъ,— „не перенимаются, а происходятъ каждая на своемъ мѣстѣ, изъ своихъ причинъ. Деспотическая Франція нѣсколько сотъ лѣтъ существовала подлѣ конституціонной Англіи. Древняя Русь и древняя Польша жили одна подлѣ другой, одна съ liberum veto, другая съ восточною безусловною покорностью... Россія представляетъ совершенно противоположное государство Западнымъ... Сѣмянъ Западной революціи въ Россіи не было... Но находятся люди, которые сами, заднимъ числомъ, усердно посѣваютъ теперь ее! *Господи, удержи ихъ руку отъ пагубнаго сѣянія!*“

XXV.

Вслѣдъ за симъ, Погодинъ разсматриваетъ происходившую войну съ точки зрѣнія Европейской Исторіи, и тринадцатое іюньское письмо свое начинаетъ такъ: „Такъ угодно Богу (*Dieu le veut*), воскликнула нѣкогда въ Клермонтѣ Европа, воспламененная вѣщимъ, задушевнымъ голосомъ Петра Пустынника, и императоры и короли, герцоги и графы, рыцари и монахи, поселяне и горожане ринулись на Востокъ освобождать Гробъ Господень, избавлять Христіанъ отъ ига невѣрныхъ, умирать за святую вѣру“.

Но,—замѣчаетъ Погодинъ,—„тщетны были усилія Европейскихъ народовъ; не увѣнчались успѣхомъ ихъ великодушные подвиги. Кровь пролилась понапрасну. Христіане не освободились отъ тяжелаго ига. Невѣрные остались господами Святыхъ Мѣстъ, не только невѣрные остались господами Святыхъ мѣстъ, но вскорѣ... Турки... переправились въ Европу, поработили Византійскую Имперію, взяли Константинополь, сняли крестъ со Св. Софіи, обративъ первопрестольный Храмъ Православнаго Христіанства на служеніе Магомету... Европа вострепетала... Вознеслись торжественныя молитвы во всѣхъ церквахъ объ отвращеніи страшной грозы... Между тѣмъ, Турки спокойно продолжали свои завоеванія. Они распространились по всѣмъ Африканскимъ берегамъ Средиземнаго моря, покорили Славянскія земли, Пелопонесъ, Греческіе острова, Молдавію, Валахію, Трансильванію, Венгрію, и два раза являлись подъ Вѣною, грозя Италіи и Испаніи и пр., и пр., и пр. Россія же, занятая борьбою съ другими восточными варварами, долго не принимала участія въ Европейскихъ дѣлахъ; но шагъ за шагомъ приближалась она однако къ Турціи, и наконецъ, по прошествіи трехъ сотъ лѣтъ, стала, чрезъ Крымскихъ Татаръ, лицомъ къ лицу съ нею... Славяне обратили къ Россіи свои взоры, какъ къ избавительницѣ и спасительницѣ отъ несноснаго ига, и звали ее

къ себѣ на помощь. Наступала, казалось, минута, давно ожиданная, прошенная, моленная, вожделѣнная для всѣхъ Европейскихъ государствъ, но нѣтъ, обстоятельства перемѣнились: Турція перестала быть предметомъ страха для Европы, сдѣлалась предметомъ ихъ жадности"... Въ то же время Европейскія правительства начали, „по какому-то безотчетному чутью, бояться излишняго усиленія Россіи, которая послѣ Петра Великаго становилась на почетное мѣсто между ними... Досада и зависть увеличивались и скоплялись..."

Наконецъ, „въ защиту Турціи высланы противъ насъ многочисленныя войска, снабженныя въ обиліи всѣми изобрѣтеніями наукъ и искусствъ, высланы противъ насъ страшные флоты, какихъ не видали еще никакія моря. Все, что есть сильнѣйшаго, опытнѣйшаго, искуснѣйшаго, вреднѣйшаго между вещами и людьми, все обращено противъ насъ... Подъ личиною миролюбія предложены были такія условія, которыхъ самъ Іоаннъ Грозный, велѣвшій своимъ посламъ терпѣть побои отъ Баторія и бить челомъ хану въ отвѣтъ на его ругательства, самыя поносныя, которыхъ, говорю, самъ Іоаннъ Грозный, въ эпоху своего неестественнаго страха предъ призраками его подлаго воображенія, не посмѣлъ бы сообщить своимъ подданнымъ, загнаннымъ, застращеннымъ, безмолвнымъ.—Разумѣется, какой отвѣтъ враги получили отъ императора Николая І-го? Россія, послушная первому его голосу, собирается со всѣми своими силами противъ напавшей на нее Европы, и ропщетъ только, почему его голосъ не раздается громче, яснѣе, рѣшительнѣе, чтобы сердцемъ сердцу вѣсть подавалася".

Всѣ причины, возбудившія тогдашнюю войну, по мнѣнію Погодина, были „причины, частныя, личныя, временныя, случайныя,—это только скудельныя формы Божественной идеи. Смѣю ли выговорить ее? Восточная Европа, т.-е. Россія посылается теперь туда, куда послана была Западная во время Крестовыхъ походовъ. Для чего посылается Востокъ? Для того же, можетъ быть, для чего посылался Западъ,—для про-

бужденія его спящихъ силъ. Но зачѣмъ же Западъ является здѣсь на сторонѣ того, противъ чего самъ онъ шелъ въ продолженіе двухсотлѣтнихъ Крестовыхъ походовъ? Западъ обветшалъ, устарѣлъ, повредился и имѣетъ такую же нужду въ обновленіи, какую Востокъ имѣетъ въ пробужденіи".

Погодинъ выражаетъ надежду, что Россія чрезъ грозное столкновеніе съ Западомъ убѣдится въ необходимости образованія. „Нельзя жить въ Европѣ,—пишетъ онъ,—и не участвовать въ общемъ ея движеніи, не слѣдить за ея изобрѣтеніями, открытіями физическими, химическими, механическими, финансовыми, административными, житейскими. Если Австрія и Пруссія можетъ въ день примчать свои войска къ границамъ Польши, то нельзя намъ волочиться туда два мѣсяца. Если ихъ штуцера берутъ теперь на двѣ тысячи шаговъ, то нельзя довольствоваться намъ Тульскими ружьями, и надѣяться на одинъ штыкъ, который уже и не доходитъ до своего мѣста назначенія. Если ихъ коническія пули уходятъ глубже въ тѣло, и производятъ рану смертоносную, то нельзя намъ стрѣлять прежнимъ горохомъ! Если винтъ сообщаетъ ихъ кораблямъ способность двигаться какъ угодно, то нельзя остаться намъ со старыми методами кораблестроенія,—а механика, химія, физика, астрономія позовутъ къ себѣ естественныя науки; естественныя науки приманятъ математику, высшая математика потребуетъ философіи и пр. Нельзя ограничить число людей образованныхъ извѣстными цифрами, ибо предѣлы этихъ офиціальныхъ цифръ наполняются, по извѣстному закону, посредственностями и пошлостями; а таланты-то всѣ останутся внѣ оныхъ..." [110]).

Въ то же время А. С. Хомяковъ изобрѣлъ какое-то ружье, и просилъ А. Н. Попова довести его изобрѣтеніе до свѣдѣнія спеціалистовъ, и при этомъ писалъ: „Насъ бьетъ не сила, она у насъ есть, и не храбрость, намъ ея не искать; насъ бьетъ и рѣшительно бьетъ мысль и умъ". Далѣе Хомяковъ пишетъ: „Не терпится глядѣть на нашъ сонъ. Развѣ что придетъ изъ-за моря, спохватимся принять и то поздно...

...Досадно мнѣ на Блудовыхъ. Такіе добрые и не могутъ понять, какая въ каждомъ на питерца должна быть праведная злость, не на того или другого, а на все и всѣхъ" [111]).

Сдѣлавъ это отступленіе, обратимся опять къ Погодину. „Какъ бы то ни было,—умъ уже приведенъ въ движеніе и самъ собою: общія опасности, личныя скорби, участіе дѣтей и родныхъ, чувство народной чести, ненависть къ неблагодарности союзниковъ, оскорбленное самолюбіе при необходимостяхъ уступить напрягаютъ всѣ духовныя силы. Множество вопросовъ, о которыхъ прежде и въ голову инымъ не приходило, обращаются повсемѣстно. Новыя мысли зарождаются, плодятся, и по мѣрѣ сообщенія увеличиваются въ своемъ содержаніи. Возникаютъ различныя желанія и надежды. Послышались пѣсни, разыгралась фантазія. Всѣ сословія волнуются одинакими чувствами любопытства и живого участія..... Духъ народный вездѣ вообще возвышается... Вообразите же, что за великое явленіе представится въ Исторіи..... какое движеніе произойдетъ въ области ума, если этотъ даровитѣйшій народъ въ Европѣ получитъ полное, искреннее содѣйствіе, ободреніе, поощреніе Правительства на пути къ образованію, и пойдетъ свободно къ священной его цѣли..."

Въ заключеніе Погодинъ подводитъ итоги подъ мыслями, изложенными въ этомъ письмѣ: „Настоящая война есть крестовый походъ Россіи. Назначеніе ея въ Европейской Исторіи: возбудить Россію, державшую свои таланты подъ спудомъ, къ принятію дѣятельнаго участія въ общемъ ходѣ потомства Іафетова на пути къ совершенствованію, гражданскому и человѣческому, что непремѣнно должно случиться, какъ бы ни кончилась для нея эта война. Призвать къ умственной и духовной жизни древнѣйшія многочисленныя племена Славянскія, освободивъ ихъ сперва отъ Турецкаго ига, а потомъ и всякаго другого ига, что непремѣнно должно случиться, если не посредствомъ Россіи, то посредствомъ Западныхъ державъ, или посредствомъ собственныхъ силъ.

Изгнать Турокъ изъ Европейскаго стана, уничтожить ихъ владычество, это уже теперь на дѣлѣ, если не на словахъ происходитъ. Возстановить Патріаршій Константинопольской престолъ во всемъ его величіи, возвратить Восточной Церкви вселенское ея значеніе, обновить обветшалую Западную Европу, которая изобрѣла Ланкастерскія батареи, Пексановы пушки и пули Минье, но утратила вѣру, погасила поэзію, лишилась человѣческаго чувства, и отрекшись отъ Бога, слила златого тельца себѣ на поклоненіе" [112]).

XXVI.

14 іюня 1854 года, Австрія заключила трактатъ съ Турціею, на основаніи котораго она получила разрѣшеніе занять Дунайскія княжества. Для этого она выставила сильную армію, подъ начальствомъ генерала Коронини, въ Трансильваніи. Вслѣдствіе этого вмѣшательства Австріи, пребываніе Русскихъ войскъ за Дунаемъ сдѣлалось невозможнымъ, поэтому имъ повелѣно было отойти за Прутъ, снявъ осаду Силистріи, которая хотя и храбро защищалась, но уже готова была сдаться. По отступленіи Русскихъ, Австрійцы немедленно вошли въ княжества, и, ставъ такимъ образомъ между воюющими сторонами, заняли собою театръ войны, на которомъ въ прежнихъ Турецкихъ войнахъ Русскіе и Турецкія войска мѣрились силами.

Отступленіе нашихъ войскъ произвело въ Россіи удручающее впечатлѣніе, и конечно не могло никого утѣшить слѣдующее объявленіе, появившееся въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (27 іюня 1854 г.):

„По общему ходу обстоятельствъ, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, не признавая нужнымъ продолжать осаду Силистріи, предписалъ князю Горчакову, находящіяся подъ его начальствомъ войска сосредоточить въ придунайскихъ княжествахъ. Въ исполненіе сего предписанія, осада Силистріи снята 14-го іюня, и осадный корпусъ переправился на лѣ-

вый берегъ Дуная *въ совершенномъ порядкѣ, не понеся ни малѣйшей потери. Турки не осмѣлились даже слѣдить за нашимъ аріергардомъ*" [113]).

„Признаюсь",—писалъ Шевыревъ Погодину,—„прочитавъ извѣстіе нынѣшнее, я такъ упалъ духомъ, что никуда не хочется ѣхать. Что же? Крестъ Мачинскій будетъ сорванъ и луна на его мѣсто. Австрія намъ приказываетъ! Грустно! Лучше молиться Богу и сидѣть дома! Въ день Полтавской побѣды, Москва читала это грустное извѣстіе" [114]).

И. В. Кирѣевскій (2 іюня 1854 г.) писалъ своему Петербургскому другу А. В. Веневитинову: „Мы надѣемся видѣть тебя въ проѣздѣ черезъ Москву, когда ты, какъ говорятъ, поѣдешь осматривать твои вѣдомства. Очень бы хорошо было, еслибъ жена твоя поѣхала съ тобою и еслибы вы побольше пробыли въ Москвѣ. Особенно теперь пора оставить Петербургъ, съ его холернымъ воздухомъ и не-Русскимъ духомъ,—дрожащимъ отъ Австрійскаго кулака. — Цыгарка испугала медвѣдя. Здѣсь почти всѣ сословія доходятъ до отчаянія извѣстіями о нашихъ уступкахъ, а у васъ, говорятъ, не скрываясь, боятся войны и просятъ мира. Если правда, то можно ли оставаться здоровымъ въ такомъ воздухѣ, который такъ здоровъ для Нѣмцевъ?—Я воображаю, въ какое негодованіе приходитъ Аполлина Михайловна отъ дѣйствій этихъ не-Гоголевскихъ мертвыхъ душъ. Ея прекрасная нетерпимость къ гадостямъ должна еще несравненно больше страдать отъ гадостей нравственныхъ, чѣмъ отъ гадостей художественныхъ. Потому уѣзжайте поскорѣе въ глубь Россіи, хоть на короткое время отдохнуть посреди благородныхъ душъ ревизскихъ, отъ духоты мертвыхъ душъ, управляющихъ живыми, не краснѣя. А между тѣмъ, по дорогѣ, заѣзжайте въ Москву и дайте намъ возможность видѣть васъ и удовольствіе выразить лично, какъ много и какъ отъ всей души любимъ мы васъ.—Говоря *мы*, я особенно разумѣю меня и мою жену, а говоря *вы*, я разумѣю тебя и твою милую жену" [115]).

„Весь народъ",—писалъ изъ Роменъ, 4 іюня 1854 г.,

И. С. Аксаковъ къ своимъ родителямъ,—„по выраженію одного мѣщанина, осовѣлъ, не имѣя ни одного утѣшительнаго извѣстія съ Дуная въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ“... Въ другомъ письмѣ (изъ Полтавы, 23 іюля 1854) И. С. Аксаковъ писалъ: „Ничего нѣтъ обиднѣе этой неизвѣстности. Народъ жертвуетъ кровью и достояніемъ, а тутъ—или принимаются стѣснительныя для него мѣры, которыя падаютъ, какъ снѣгъ на голову, или же, оставляя его въ неизвѣстности о ходѣ дѣла, даютъ возможность разнымъ слухамъ смущать торговлю“ [116]).

Самъ же С. Т. Аксаковъ (8 іюля 1854 г.) писалъ Погодину: „Поправляюсь теперь, т.-е. третій день. Я схватилъ-было серьезную болѣзнь: приливъ крови къ печени, которая явилась, какъ результатъ моихъ хворостей и душевныхъ болѣзней. Говорятъ, что *снятіе осады Силистріи и бѣгство за Дунай* много способствовали разстройству печени. За то теперь я не только не говорю, но не позволяю говорить при себѣ о Русскихъ дѣлахъ... Нѣтъ, ужъ теперь меня не подденутъ!.. Спасибо за добрыя слова о томъ, что пишу. Благодарю Бога за охоту писать: что́ бы я сталъ дѣлать безъ нея? При томъ, не хочу скрывать, пріятно самолюбію общее сочувствіе къ тому, что говоришь печатно. Я писалъ къ Максимовичу, въ Золото́ношу. Въ министры финансовъ я васъ беру и гото́въ на зиму переѣхать въ Москву, только, чтобы вы были Вронченкою или Брокомъ, и чтобъ деньги являлись по первому требованію.... а вы хотите быть моимъ экономомъ,—это дѣло другое; я ожидаю совершеннаго застоя въ хлѣбной торговлѣ и совершеннаго безденежья въ карманахъ помѣщиковъ, особенно Оренбургскихъ“.

Зорко слѣдя изъ своей келліи за ходомъ политическихъ дѣлъ, митрополитъ Филаретъ (31 янв. 1855 г.), писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „На сихъ дняхъ дошло до меня нѣсколько свѣдѣній о нынѣшнихъ дѣлахъ, заставляющія много думать. Когда наши были за Дунаемъ, и предпринимали возвращеніе по опасенію со стороны Австріи: начальникъ той части войска, которой угрожало нападеніе Австрій-

цевъ, представлялъ главнокомандующему, что по соображенію своихъ силъ, и по дознанію мѣстности находитъ себя въ состояніи удержать Австрійцевъ столько времени, чтобы армія спокойно перешла Дунай, и слѣдственно можно не спѣшить возвращаться чрезъ Дунай. На сіе не было обращено вниманіе; Дунай перешли такъ поспѣшно, что не успѣли перейти желавшіе сего Болгаре, и остались на жертву, за расположеніе къ намъ. Но послѣ, когда Англійскихъ министровъ упрекали въ поздней вылазкѣ въ Крымъ, они отвѣчали въ парламентѣ, что нельзя было на сіе рѣшиться, пока Русскіе не возвратились чрезъ Дунай. И такъ, если бы послушались частнаго начальника, и помедлили за Дунаемъ, то, вѣроятно, Крымская экспедиція оказалась бы безвременною, и не состоялась бы. Какъ нужно при всякой рѣшимости помолиться Богу, чтобы она не была ошибочна. Представлявшій свое мнѣніе былъ молящійся".

Въ это время Ю. Ѳ. Самаринъ пребывалъ въ своемъ Заволжскомъ селѣ Васильевскомъ, и оттуда 10 іюля 1854 года, писалъ Погодину: „Вы не повѣрите, какъ невыносимо тяжело въ настоящую минуту жить въ глуши и не знать, что дѣлается тамъ, въ той странѣ, куда обращены всѣ наши ожиданія. Я выѣхалъ изъ Москвы подъ вліяніемъ всеобщаго впечатлѣнія, произведеннаго извѣстіемъ объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Силистріи. Во всю дорогу она не выходила у меня изъ головы. Я успѣлъ каждое слово взвѣсить, обдумать, приложить къ нему нѣсколько различныхъ толкованій и конечно могло и то случится, что подъ конецъ у меня зарябило въ глазахъ. Признаюсь вамъ, какъ-то особенно непріятно подѣйствовали на меня слова, что мы *отступили въ совершенномъ порядкѣ, и что Турки не осмѣлились даже тревожить нашъ аръергардъ.* Меня кольнуло въ сердце, когда я прочелъ эти строки. Мы какъ будто чувствуемъ необходимость утѣшать себя чѣмъ-нибудь, но впереди не видимъ ничего отраднаго и потому утѣшаемъ себя въ настоящемъ. Чѣмъ же?—что мы мастерски отступили. Невольно вспомнишь

Суворова. Онъ бы не съумѣлъ такъ сдѣлать, а если бы пришлось, то бѣдный старикъ рвалъ бы на себѣ волосы, какъ въ Швейцаріи. Почетной стороны отступленія Суворовъ какъ будто не сознавалъ; мы научились цѣнить ее въ долговременной дружбѣ нашей съ Австріею. Все это дѣлается по стратегическимъ соображеніямъ, быстро измѣняющимся обстоятельствамъ. По стратигическимъ соображеніямъ, мы напирали на Калафатъ и потомъ бросили эту позицію и отошли подальше отъ Австріи и Сербіи. По стратигическимъ соображеніямъ мы переправились за Дунай и обложили Силистрію; теперь мы отступаемъ за Дунай, по тѣмъ же соображеніямъ. Вѣроятно не вопреки же нашимъ стратегическимъ соображеніямъ издалъ свою прокламацію Черногорскій владыка и вотъ, теперь, все тамъ затихло, а Кавалевскіе вдругъ очутились въ Франкфуртѣ. Подъ всѣмъ этимъ кроется что-то загадочное— чуетъ сердце — недоброе. Мы знаемъ по иностраннымъ газетамъ, что Австрія, а затѣмъ Пруссія требовали отъ насъ очищенія княжествъ. Вызовъ намъ сдѣланъ—и вотъ на чемъ остановилась Россія, тому ужъ безъ малаго мѣсяцъ. Что же дальше. Мы съ нетерпѣніемъ ждемъ отвѣта. Скажите ради Бога, не дошло ли до васъ что-нибудь о его содержаніи? Имѣете ли вы какое-нибудь утѣшительное извѣстіе? Можете ли чѣмъ-нибудь утѣшить и успокоить? Въ Симбирскѣ мнѣ высыпали цѣлый коробъ нелѣпыхъ новостей и это меня еще больше взволновало. Напримѣръ, мнѣ говорили, что Австрійцы, разумѣется безъ позволенія нашего, заняли уже Малую Валахію!! Что мы очистили княжества!!! Сжальтесь господа! Какъ! Чтобы мы очистили княжества, т.-е. дорогу въ Турцію, т.-е. отказались отъ наступательныхъ войнъ и обрекли себя вести одну оборонительную войну, ничего намъ не обѣщающую, противъ Англіи и Франціи, на всемъ протяженіи нашихъ широкихъ границъ, на *каждомъ пунктѣ*, куда вздумается Непиру или Дондасу направить свои пловучія батареи? Чтобъ мы предъявили свои требованія и, взявши залогъ, выпустили его изъ рукъ, прежде чѣмъ намъ оказано будетъ

удовлетвореніе? Чтобъ мы, принявъ деньги на возстановленіе церквей въ Болгаріи, возбудивъ надежды нашихъ единовѣрцевъ, бросили ихъ въ жертву озлобленной Турціи? Кто-жъ этому повѣритъ? Мнѣ кажется, фантазія публики всегда разыгрывается на данную тему. Чуть успѣхъ, а ужъ молва разносится, что мы подъ самымъ Константинополемъ. Теперь же, подъ вліяніемъ извѣстій объ отступленіи за Дунай, образовались всѣ тѣ слухи, о которыхъ я вамъ сообщаю. Разсказывали мнѣ также, будто лейтенантъ, сдавшій намъ Тигра, отправился къ Непиру. — Развѣ промѣномъ? Вѣдь есть у Англичанъ въ плѣну Русскіе. Можетъ быть и не чиновные, да все же свои. Время ли теперь обращаться галантерейно съ Англичанами, когда они вооружаютъ противъ насъ Горцевъ, ловятъ у насъ шкиперовъ, хватаютъ рыбачьи лодки. Все это должно быть не такъ, какъ разсказываютъ, а правды узнать не отъ кого. Пожалуйста, не откажитесь написать мнѣ нѣсколько строкъ. Многіе разсуждаютъ такъ, что заботиться объ отношеніяхъ Россіи къ Австріи и Англіи— дѣло служащихъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что про военныя дѣйствія могутъ знать и толковать служащіе по военному вѣдомству, а что до насъ все это не касается. Наше же мѣсто, людей неслужащихъ, дѣло пахать землю, разводить свекловицу... Но трудно передѣлать себя на этотъ ладъ. Вѣдь и Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и Министерство Военное и всѣ министры и министерства работаютъ для Россіи или надъ Россіею. Въ нотахъ и протоколахъ на конгрессахъ вырабатывается не отношеніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ къ Англіи и Франціи, а политическое положеніе Россіи; не Военное Министерство воюетъ, двигается впередъ и отступаетъ, а отступаетъ вмѣстѣ вся Россія. Есть интересъ служебный и частный, личный интересъ, но есть еще высшій интересъ—это горячее участіе каждаго, носящаго мундиръ, и отставнаго, бородача и бритаго, къ пользѣ, къ благу, къ славѣ и чести родной земли. Изъ этого участія истекаютъ и всѣ по-

жертвованія, принимаемыя Правительствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не графъ же Закревскій подбилъ къ пожертвованію Московскихъ купцовъ; не предводители же обложили дворянъ по губерніямъ. Жертвуютъ охотно и всѣмъ пожертвуютъ (не какъ Либавскій бургомистръ, который помогалъ Англичанамъ развести мостъ), потому что горячо любятъ, а кто горячо любитъ, тотъ горячо принимаетъ къ сердцу всякій успѣхъ, но въ то же время и по той же причинѣ его сердце способно сжиматься, при одной мысли объ оскорбленіи, а болѣе всего томиться невѣдѣніемъ. Сдѣлайте милость, отпишите. Мой адресъ: въ Сызрань, для доставленія въ село Васильевское, гг. Самариныхъ. Прощайте, отъ души васъ обнимаю" [117]).

Изъ Полтавы (23 іюля 1854 г.) И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „При настоящемъ положеніи дѣлъ смѣшно вспомнить многіе стихи, въ томъ числѣ и мои *На Дунай*! Оправдываются только стихи, въ которыхъ выражались сомнѣнія въ возможности для Россіи такого чистаго подвига" [118]).

Въ отвѣтъ Погодину на его письмо, Ю. Ѳ. Самаринъ (15 августа 1854 г.) писалъ: „По возвращеніи изъ Уфы и Оренбурга, я получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Я объѣхалъ весь Оренбургскій край. Сколько интереснаго я видѣлъ вскользь, а все это держи про себя. Только здѣсь, на какомъ-нибудь краю или въ захолустьѣ, гдѣ Русскій человѣкъ, предоставленный самому себѣ, сталкивается съ инородцами, можно любоваться имъ во всей его красѣ и силѣ. По возвращеніи, нашелъ кипу газетъ и въ нихъ почти ничего, то есть, кое-что о томъ, что дѣлаютъ или хотятъ съ нами дѣлать другіе, но ни полслова о томъ, что̀ мы задумали или на что рѣшились. Неужели всѣ историческія событія, о которыхъ мы знаемъ по лѣтописямъ и книгамъ, всегда развертывались также медленно? Повторяю ваши слова: *Будемъ ждать и молиться Богу*. М. В. Юзефовичъ прислалъ мнѣ изъ Кіева записку о современныхъ событіяхъ, имъ со-

ставленную, при письмѣ, которое я прилагаю для свѣдѣнія. Не смотря на ея неполноту, сбивчивость, односторонность понятій, я все таки думаю, что ей можно дать ходъ, по желанію автора. Если вы того же мнѣнія, то покажите ее кому признаете нужнымъ. Прочтите, пожалуйста, очень милую выписку изъ *Neue Preussische Zeitung* въ *Journal de S-t Petersbourg* (№ 471), въ которой доказывается, что безразсудно было бы со стороны Австріи отдаться въ руки Англіи и поссориться съ Россіею, которая всегда служила усердно Австріи и впредь такъ же служить готова. Да хранитъ васъ Богъ“.

Между тѣмъ, Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ Петербургѣ всѣ говорятъ объ войнѣ съ Австріей, какъ объ дѣлѣ рѣшенномъ. Въ Москвѣ же только этимъ и объясняютъ отступленіе за Дунай“. Изъ Петербурга же писалъ А. Ѳ. Бычковъ: „На дняхъ выступаетъ отъ сюда гвардія по направленію къ Варшавѣ, по крайней мѣрѣ, офицеры Генеральнаго Штаба занимаются составленіемъ для нея маршрутовъ. Объ отношеніяхъ нашихъ къ Австріи и Пруссіи нѣтъ ничего положительнаго. Изъ Берлина пріѣхалъ сюда Кенигсмаркъ для поздравленія императрицы и съ какими то дипломатическими порученіями. Боюсь этихъ переговоровъ: они намъ какъ-то не удаются“.

Въ то же время О. Ѳ. Кошелева, соревнуя графинѣ А. Д. Блудовой, дѣлаетъ воззваніе къ благотворительнымъ сердцамъ, и пишетъ Погодину: „Получила я письмо отъ общаго намъ друга и пріятеля Гильфердинга. Онъ просилъ меня прислать ему денегъ на вспомоществованіе бѣдныхъ Христіанъ въ Туретчинѣ. Пожалуста, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ—попросите Кокорева и сами дайте. Объясните ему, что за человѣкъ Гильфердингъ. Это не то, что послать помощь обыкновенными путями, гдѣ половина суммы идетъ на украшенія, лампады и т. п. Онъ ужъ вѣрно нуждающему подастъ и всегда предпочтетъ человѣка паникадилѣ. Вы же знаете бѣдственность того края. Кокоревъ такъ готовъ на добро, что вѣрно не откажетъ. Я полагаю ему

дать сто серебромъ; если дастъ болѣе, тѣмъ лучше; если менѣе,— и то приму съ благодарностію, но нельзя же послать менѣе трехсотъ сер. Если онъ дастъ сто и я сто, вотъ уже двѣсти, остальные сто набѣгутъ, надѣюсь".

По части благотворительности Славянамъ писалъ Погодину (27 августа 1854 г.) и Ю. Ѳ. Самаринъ: „Посылаю вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, письмо Княжескаго. Сообщите его Катеринѣ Александровнѣ Свербеевой и графинѣ Блудовой и еще кому сами заблагоразсудите. Разумѣется, дѣло идетъ теперь не о Болгарахъ и ихъ просвѣщеніи; Австрія не хочетъ, чтобъ мы имъ помогали, такъ не о чемъ и толковать,—а нужно помочь бѣдному человѣку, который теперь находится въ крайней нуждѣ. Я ему пошлю отсюда что̀ могу; пожалуйста, похлопочите за него въ Москвѣ".

Въ заключеніе замѣтимъ, что тогдашнее настроеніе выражалось и въ слѣдующемъ письмѣ О. С. Аксаковой къ Погодину: „Вы уже начали дѣйствовать, такъ продолжайте. Какъ можно сносить Нессельрода послѣ его ноты? Соберитесь Русскіе люди и напишите просьбу къ царю, чтобъ удалить этого ж... Нужды нѣтъ, что васъ не послушаютъ. Пускай же знаетъ онъ общее мнѣніе, подпишите ваши имена — пускай знаетъ объ этомъ Нессельроде и будущій его намѣстникъ Мейндорфъ и полякъ Лабенскій — теперь всѣ эти мѣста должны занимать Русскіе люди, а не инородцы. Ахъ, какъ бы я желала перелить все мое негодованіе во всѣ сердца— до чего мы дожили" [119]).

XXVII.

„Въ то самое время", — писалъ князь Васильчиковъ, — „когда Петербургскіе сановники ежеминутно ожидали высадки у Красной Горки, они же оставляли безъ вниманія донесенія князя Меншикова, доказывавшія неизбѣжность высадки въ Крыму и не вѣрили въ возможность такого рискованнаго предпріятія" [120]).

Между тѣмъ, Французы и Англичане сосредоточились сначала въ окрестностяхъ Варны; но покушенію ихъ проникнуть впередъ въ сѣверномъ направленіи не посчастливилось, потому что Французы, которыхъ генералъ Эспинасъ повелъ въ Добруджу, втеченіе немногихъ дней потеряли отъ жаровъ, недостатка въ провіантѣ и холеры тысячи народу. Пребываніе при Варнѣ сдѣлалось для нихъ невыносимымъ: дурное продовольствіе развило между ними различныя болѣзни, отъ которыхъ погибло болѣе тысячи пятисотъ человѣкъ, не видавъ непріятеля. Чтобы выйти изъ этого критическаго положенія, въ Варнѣ былъ созванъ военный совѣтъ. Представились только двѣ мѣстности, удобныя для нападенія: Закавказье и Крымъ. Въ первомъ союзники могли надѣяться, въ соединеніи съ Шамилемъ и Черкесами, уничтожить перевѣсъ Россіи, доказанный недавними блестящими побѣдами надъ Турецкими войсками и покореніемъ въ это самое время (13 іюля 1854 года) крѣпости Баязета. Но какъ ни выгодно было для Англичанъ отрѣзать Россію отъ Персіи, однако эти Азіятскіе интересы были совершенно чужды для Французовъ, и они не соглашались на вторженіе въ Закавказье. Напротивъ того, маршалъ Сентъ-Арно предложилъ взять Севастополь, съ чѣмъ согласился и лордъ Рагланъ, потому что истребленіе Русскаго флота въ Черномъ морѣ было цѣлію Англійской политики. Маршалъ Сентъ-Арно, уже снѣдаемый болѣзнію, которая вскорѣ положила конецъ его жизни, поспѣшилъ посадить войско на корабли, чтобы успѣть предъ смертію совершить славный подвигъ.

Еще 28 іюня 1854 года, графъ А. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Спѣшу исполнить свое обѣщаніе, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, и извѣстить васъ о дѣлахъ и дѣяніяхъ. Видно, что, ни Гамелинъ, ни Дундасъ—не желаютъ испытать силу Севастопольскихъ укрѣпленій. Я вамъ уже говорилъ, что во время моего послѣдняго здѣсь посѣщенія, я любовался всѣми принятыми мѣрами; теперь прибавлю еще, что въ продолженіи зимы князь Меншиковъ еще болѣе укрѣпилъ городъ.

Со всѣхъ сторонъ новыя укрѣпленія, кромѣ того городъ окруженъ лагерями; на древнихъ жилищахъ Грековъ Гераклійскаго полуострова сдѣланы вездѣ телеграфы, такъ что не можетъ показаться на горизонтѣ пароходъ или судно, немедленно всѣ знаютъ объ немъ и ждутъ его съ нетерпѣніемъ. Въ первый день моего пріѣзда три парохода подходили довольно близко, такъ что можно было разглядѣть флаги, но вскорѣ ушли. Подобныя посѣщенія бываютъ почти ежедневно. Наши корабли выходятъ утромъ въ море, но пока они прогуливаются, непріятель не показывается. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ нападенія, но мнѣ сомнительно, и вѣроятно непріятель не посмѣетъ приблизиться, ни къ Севастополю, ни къ Кронштадту. Татары даже бранятъ Турковъ и предлагаютъ составить ополченіе. Въ Екатеринославѣ мнѣ разсказали премилый анекдотъ. Нѣсколько солдатъ, идущихъ на Дунай, прислали къ священнику просить отслужить имъ молебенъ. Священникъ исполнилъ ихъ желаніе, а потомъ прибавилъ слово, въ которомъ объяснилъ имъ, что они очень хорошо дѣлаютъ, что молятся, что вѣроятно Богъ ихъ сохранитъ и защититъ отъ смерти. Солдаты слушали; потомъ вышелъ одинъ напередъ и сказалъ священнику: „Дѣло не въ томъ, батюшка, мы молимся не отъ того, что боимся смерти; а мы боимся только, чтобы земляки не покончили бы тамъ все безъ насъ".— Солдаты на-вѣрно не изъ Нѣмцевъ. Я отдалъ ваше письмо князю Меншикову, но съ нимъ не было еще случая поговорить объ немъ" [121]).

Войска, посаженныя на союзный флотъ, состояли изъ Французскаго, Англійскаго и Турецкаго корпусовъ. Въ составъ Французскаго корпуса, подъ начальствомъ маршала Сентъ-Арно, были дивизіи: 1-я, генерала Конробера; 2-я, генерала Боске; 3-я, принца Наполеона; 4-я, генерала Форе. Въ составѣ Англійскаго корпуса, подъ начальствомъ лорда Раглана, были дивизіи: легкая, генерала Броуна; 1-я, герцога Кембриджскаго; 2-я, генерала Леси-Эвенса; 3-я, генерала Ингленда; 4-я, генерала Каткарта; бригада легкой кавалеріи

лорда Кардигана; Турецкая дивизія. Что же касается до главнокомандующихъ союзными корпусами, то маршалъ Сентъ-Арно, „съ весьма ограниченными способностями“, былъ, по свидѣтельству самихъ Французовъ, не что иное, какъ рубака (sabreur). Главнокомандующій же Англійскими войсками въ Крыму, лордъ Рагланъ, „былъ дряхлый старикъ, боевой товарищъ герцога Велингтона, лишившійся руки въ битвѣ при Ватерлоо, сидѣвшій по цѣлымъ днямъ въ своей ставкѣ. Войска рѣдко его видѣли, а когда это и случалось, то нисколько не одушевлялись его присутствіемъ“.

Союзное войско, числомъ болѣе шестидесяти тысячъ, 2 сентября 1854 года, въ Евпаторіи, вступило врагами на нашу землю.

„Въ наше время,—писалъ Погодинъ,—происходитъ вездѣ много знаменательнаго: надо же было случиться, чтобъ враги высадились къ намъ въ Крымъ 2-го сентября, въ день вступленія Французовъ въ Москву, въ 1812 году“ [122]).

Такимъ образомъ, исполнилось предчувствіе князя Меншикова о судьбѣ Крыма и Севастополя, и онъ не переставалъ взывать о подкрѣпленіи. По свидѣтельству князя Васильчикова, „одинъ лишь князь Горчаковъ сочувствовалъ трудному положенію князя Меншикова. Онъ уже отдѣлилъ къ нему первую бригаду 14 дивизіи, отправилъ 16 дивизію въ Крымъ и медлилъ движеніемъ къ сѣверо-востоку, чувствуя, что такимъ образомъ войска неминуемо отдалятся отъ того мѣста, гдѣ можетъ угрожать намъ опасность. Но авторитетъ Паскевича, уже негодовавшаго на него за усиленіе Крымской арміи, не дозволялъ ему высказаться рѣшительно и попасть съ войсками своими въ болѣе центральное положеніе, изъ котораго было бы удобно двинуться съ ними къ тому пункту, гдѣ дѣйствительно оказалась бы въ нихъ надобность“.

Не смотря на то, что князь Меншиковъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ неизбѣжности высадки союзниковъ въ Крыму, тѣмъ не менѣе,—по замѣчанію князя Васильчикова, — онъ „видимо не составлялъ себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій, на

случай появленія враговъ на полуостровѣ. Онъ сознавалъ, что парусный флотъ нашъ не въ силахъ бороться въ открытомъ морѣ съ многочисленными паровыми судами союзниковъ и поэтому обрекъ его на бездѣйствіе внутри обширной Севастопольской бухты; къ сухопутнымъ войскамъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, онъ не имѣлъ никакого довѣрія и опасался перваго столкновенія ихъ съ превосходными Алжирскими войсками и Англійскими гренадерами. Это опасеніе его тѣмъ болѣе было основательно, что войска шестого корпуса, послѣ долгой стоянки въ окрестностяхъ Москвы, не отличались особымъ воинственнымъ духомъ; а несовершенство нашего вооруженія ставило насъ въ самое невыгодное положеніе".

Это критическое положеніе усугублялось и личнымъ характеромъ князя Меншикова. По замѣчанію князя Васильчикова, „основная черта характера его состояла въ полнѣйшемъ, безотчетномъ недовѣріи ко всѣмъ окружающимъ его личностямъ. Въ каждомъ изъ своихъ подчиненныхъ онъ видѣлъ недоброжелателя, подкапывающагося подъ его авторитетъ, интриганта или лихоимца. Подъ вліяніемъ такого безотчетнаго опасенія, онъ не предпринималъ своевременно необходимѣйшихъ заготовленій провіанта и не разрѣшалъ инженерамъ нужнѣйшихъ работъ по укрѣпленію Севастополя съ суши. Въ минуту высадки союзниковъ, ничего не было соображено, и изучено для обороны, и наступленіе непріятеля застало Крымскія войска въ расплохъ".

XXVIII.

Князь Меншиковъ, съ цѣлію удержать враговъ отъ наступленія къ Севастополю, вступилъ съ ними въ бой при рѣкѣ Альмѣ. Дѣйствительно, 8 сентября 1854 года, князь Меншиковъ, своимъ фронтомъ противопоставилъ натиску Французовъ и Англичанъ неодолимое сопротивленіе; но, когда Французскій генералъ Боске, подъ защитою флота, который обстрѣливалъ

весь берегъ, обошелъ съ Зуавами лѣвое крыло князя Меншикова, онъ долженъ былъ отступить.

За извѣстіемъ о сраженіи при Альмѣ, тотчасъ пронеслась вѣсть о паденіи Севастополя; это извѣстіе облетѣло по телеграфу всю Европу, вездѣ возбуждая чрезвычайный восторгъ. Австрія поспѣшила принести императору Наполеону свое поздравленіе. Это поздравленіе сочтено было въ С.-Петербургѣ за смертельное оскорбленіе; если въ Россіи уже безъ того негодовали на вѣроломство Австріи, то тѣмъ менѣе могли простить ей такое явное злорадство, въ добавокъ еще преждевременное и лишенное основанія, ибо Севастополь былъ далекъ отъ паденія.

Къ счастію, непріятель не отважился на преслѣдованіе [123]). Въ этомъ обстоятельствѣ протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ видѣлъ „чудо милости Божіей".

Возвратившись въ Севастополь, князь Меншиковъ задумалъ маневръ. Онъ оставилъ городъ и отошелъ на фланговую позицію, по направленію къ Бахчисараю. Но, свидѣтельствуетъ князь Васильчиковъ, князь Меншиковъ, оставляя Севастополь, опять таки не сдѣлалъ для обороны города никакого распоряженія и сохранялъ намѣренія свои въ такой непроницаемой для непріятеля тайнѣ, что даже начальствующіе въ Севастополѣ не знали долгое время, куда дѣвалась армія.

Въ тоже время, изъ Севастополя протоіерей Лебединцевъ писалъ высокопреосвященному Иннокентію: „Князь Меншиковъ доселѣ ничего не предпринимаетъ... Все ожидаетъ войскъ, между тѣмъ всѣ недовольны молчаніемъ. Можетъ быть, въ немъ и ошибаются, какъ нѣкогда недовольные княземъ Кутузовымъ. Можетъ быть, онъ разсчиталъ на непріятельскій ударъ вѣрный, но хранитъ въ тайнѣ" [124]).

Послѣ Альминскаго сраженія союзники перешли въ южную сторону бухты и расположились такъ: Англичане упирали на Балаклаву, а Французы—на Камышеву бухту, гдѣ флоты нашли себѣ пристанище. Военныя дѣйствія прекратились, и „съ обѣихъ сторонъ взялись за кирку и лопату: и тамъ, и здѣсь

воздвигались бруствера, выкапывались траншеи и строились батареи. Только изрѣдка производились пробные выстрѣлы. Такое положеніе дѣла продолжалось до 5 октября..."

Съ удаленіемъ князя Меншикова во внутрь страны, Севастополь, свидѣтельствуетъ князь Васильчиковъ, остался предоставленнымъ самому себѣ. Въ немъ закипѣла сильнѣйшая дѣятельность къ устройству средствъ обороны. На военномъ совѣтѣ, собранномъ адмираломъ Корниловымъ, было рѣшено не выходить съ кораблями въ море, а напротивъ, заградить входъ въ бухту посредствомъ сильнаго загражденія, а морскія команды и артиллерію употребить на вооруженіе сухопутныхъ укрѣпленій... Энергія Корнилова и Тотлебена воодушевила малочисленный гарнизонъ и самихъ жителей до того, что всѣ безъ исключенія взялись за работу. Твердыни росли съ неимовѣрной быстротой..."

Въ минуту же „открытія военныхъ дѣйствій, Севастополь, можно сказать, не былъ укрѣпленъ съ сухопутной стороны. Князь Горчаковъ, сознавая опасность, угрожавшую Крыму и безпомощность Севастополя, не укрѣпленнаго съ суши, еще заблаговременно отправилъ туда состоявшаго при его арміи подполковника Тотлебена, заявившаго уже свою отвагу и способности при осадѣ Силистріи. Князь Меншиковъ принялъ Тотлебена съ тѣмъ недовѣріемъ, съ тѣмъ недоброжелательствомъ, какія онъ оказывалъ инженерамъ вообще... Поэтому дѣятельность Тотлебена на всякомъ шагу была стѣснена, и настоящая работа началась уже тогда, когда послѣ Альминскаго сраженія, опасность оказалась неизбѣжною... Итакъ, крѣпость стала сооружаться въ то самое время, когда непріятель собирался ее атаковать; но сила воли Корнилова и Тотлебена и восторженное настроеніе матросовъ, солдатъ, жителей и даже выпущенныхъ изъ тюремъ арестантовъ сдѣлали то, что въ нѣсколько дней вокругъ Севастополя выросли бруствера и батареи, которые внушили непріятелю такое уваженіе, что онъ не рѣшился на всѣми ожидаемую атаку открытою силою. Дальнѣйшій успѣхъ обороны и продолжитель-

ность нашего сопротивленія закрѣпили за Тотлебеномъ славу лучшаго инженера нашего времени. „Я не знаю",—говорилъ князь Васильчиковъ,—„человѣка болѣе Тотлебена, дорожащаго славою Русскаго оружія; а его восторженная готовность жертвовать собою во имя этой славы, въ глазахъ моихъ, можетъ сравниться только съ тѣмъ глубокимъ патріотическимъ самозабвеніемъ, какимъ отличалась высоко-благородная душа князя Михаила Дмитріевича Горчакова" [125]).

Теперь познакомимся съ настроеніемъ Россіи за время съ 1 сентября по 5 октября 1854 года.

Въ *Дневникѣ* Погодина, мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *21 сентября*: „Нѣтъ никакихъ извѣстій. Ужасно".

— *28* — — : „Съ трепещущимъ сердцемъ приближался къ Москвѣ (изъ Порѣчья), опасаясь услышать о Севастополѣ. Никакихъ извѣстій! Что это значитъ?"

— *30* — — : „Слухи о бывшей страшной рѣзнѣ".

Ив. Х. Граббе, въ своемъ *Дневникѣ* 1854 года, записалъ:

Подъ *9 сентября*: „Теперь роковые дни, въ которые судьба Севастополя и Черноморскаго флота должна рѣшиться".

— *22* — — : „Всеобщее уныніе, произведенное первыми извѣстіями о дѣлѣ на рѣчкѣ Альмѣ".

21 сентября 1854 года, изъ Кролевица, И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Замѣтно всеобщее неудовольствіе на пренебреженіе, оказываемое Правительствомъ народному чувству, именно на то, что Правительство держитъ все и всѣхъ въ неизвѣстности, что не приняты мѣры для полученія скорѣйшихъ свѣдѣній и пр. Вообще восторги, возбужденные войною въ началѣ, простыли, участіе ослабѣло и смѣняется какимъ-то равнодушіемъ, какимъ-то апатическимъ упованіемъ на милость Божію. Все это меня очень смущаетъ и разстраиваетъ въ моихъ занятіяхъ".

Въ самый день перваго приступа враговъ къ Севастополю, 5 октября 1854 года, И. С. Аксаковъ, изъ Харькова, писалъ своимъ родителямъ: „Добрыя вѣсти! Вчера обѣдалъ у

губернатора одинъ офицеръ, участвовавшій во всѣхъ дѣлахъ подъ Севастополемъ и только что оттуда пріѣхавшій. Дѣла поправились—и весь Крымъ нашъ, за исключеніемъ небольшаго пространства между Балаклавой и Севастополемъ, занимаемаго непріятелемъ, пространства, изъ котораго ему никуда двинуться нельзя: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и провіантъ долженъ получать только съ моря; лошади, за неимѣніемъ сѣна, дохнутъ, и кавалерія ихъ почти не можетъ дѣйствовать, а фуражиры попадаются въ плѣнъ казакамъ. Когда высадился непріятель—у него было тысячъ семдесятъ, а у насъ не было и тридцати пяти тысячъ; сверхъ того, у насъ артиллерія полевая, у нихъ—тяжелая. Послѣ битвы при Альмѣ, гдѣ у насъ выбыло изъ строя шесть тысячъ человѣкъ, если бы Французы и Англичане продолжали преслѣдованіе, не давая намъ опомниться, они, можетъ быть, ворвались бы на нашихъ плечахъ въ Севастополь; но кавалерія ихъ не могла пуститься въ погоню, потому, что понесла сильный уронъ отъ нашихъ ядеръ и пуль: лошади, совершившія морской переѣздъ, такъ были слабы, что даже ретироваться быстро не могли. Когда же, отойдя за рѣку Качу, мы заняли хорошую позицію и прикрывали Севастополь,—и Французы двинулись противъ насъ, то Меншиковъ велѣлъ направить войска къ Бахчисараю: такимъ образомъ, Севастополь былъ совершенно открытъ. Наша армія сильно негодовала на Меншикова, однакожъ потомъ увидѣли, что это былъ очень хитрый, хотя рискованный планъ. Французы, не видя препятствій, пришли въ восторгъ и подошли къ сѣверной бухтѣ и форту Константину, но, увидя грозное вооруженіе этого форта, аттаковать не рѣшились и предпочли, обойдя Севастополь, подойти къ южной его сторонѣ, которая, какъ извѣстно имъ было отъ Татаръ и лазутчиковъ, укрѣплена была всего двѣнадцатью пушками. Тутъ они остановились въ полуверстѣ отъ укрѣпленія, расположились лагеремъ и стали пировать, отбивъ передъ этимъ восемь тысячъ бочекъ вина у нашей арміи, задали балъ. Въ это время, по распоряженію Мен-

шикова, подвезли къ двѣнадцати пушкамъ триста бомбическихъ орудій съ кораблей нашихъ, и какъ хватили по Французамъ, такъ множество положили на мѣстѣ, а прочіе бросились бѣжать и стали верстахъ въ пяти отъ Севастополя. Теперь наше войско стоитъ внѣ Севастополя, у нихъ во флангѣ, такъ что если они вздумаютъ аттаковать Севастополь, то наши сейчасъ ударятъ во флангъ. Гарнизонъ же Севастополя составляютъ морскіе солдаты и матросы: южную часть защищаетъ Нахимовъ, сѣверную—Корниловъ. Сзади же непріятеля, около Ѳеодосіи, стоитъ Хомутовъ. Когда подойдетъ корпусъ Лидерса, что будетъ не раньше 15 октября, тогда Меншиковъ сдѣлаетъ общее наступленіе. Между тѣмъ, непріятель устроилъ понтонные мосты отъ лагеря къ кораблямъ: онъ, вѣроятно, поджидаетъ свою осадную артиллерію. Если бы онъ занялъ предварительно Перекопъ, такъ заперъ бы входъ нашимъ войскамъ въ полуостровъ и совершенно овладѣлъ бы Крымомъ, за исключеніемъ Севастополя,—но ихъ соблазнила надежда взять безъ труда самый Севастополь, съ паденіемъ котораго, думали они, падетъ и Крымъ. Всѣ наши войска вели себя отлично. Татаръ множество перевѣшали и они успокоились. Одинъ отрядъ Татаръ, гнавшій стадо въ непріятельскій лагерь,—вооруженный косами, вступилъ было въ бой съ нашимъ отрядомъ, но, разумѣется, былъ уничтоженъ. Я пишу вамъ всѣ эти подробности, забывая, что можетъ быть онѣ всѣ уже вамъ извѣстны; впрочемъ, кто же сообщаетъ вамъ ихъ изъ Москвы?—Но, слава Богу, я повеселѣлъ отъ этихъ извѣстій“ [126]).

XXIX.

Князь Васильчиковъ свидѣтельствуетъ, что извѣстіе о „трагическомъ исходѣ Альминскаго сраженія возбудило въ Петербургѣ только негодованіе въ сердцахъ власть имѣющихъ. Въ князѣ Горчаковѣ это грустное извѣстіе породило сознаніе, что при настоящихъ обстоятельствахъ ему снова

предстоитъ обязанность подать руку помощи Крымской арміи. Первое восклицаніе князя Михаила Дмитріевича, при полученіи курьера, было: *Что я предвидѣлъ, то и сбылось!* Князь Меншиковъ рѣшился на сраженіе, не смотря на малочисленность своего отряда, состоящаго изъ неопытныхъ полковъ, никогда въ огнѣ не бывавшихъ. Князь Горчаковъ немедленно предписалъ обѣимъ резервнымъ уланскимъ дивизіямъ, находившимся близъ Одессы и Николаева, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ Перекопу и далѣе въ Крымъ. Въ тоже время генералу Липранди приказано было съ 12-ю дивизіею идти тоже къ Перекопу. Къ генералу Липранди, для исправленія при немъ должности начальника штаба, князь Горчаковъ командировалъ князя В. И. Васильчикова. „Движеніе 12-й дивизіи", —свидѣтельствуетъ князь Васильчиковъ,—„совершилось съ необыкновенною быстротою и такимъ увлеченіемъ со стороны людей, что во все время слѣдованія не было почти больныхъ. Ни пѣсни, ни шуточки не было слышно; всѣ были преисполнены торжественностью той минуты, всѣ торопились, если не на выручку, такъ на помощь товарищамъ. Народъ вдоль по пути встрѣчалъ войска съ крестнымъ знаменіемъ; помѣщики привѣтствовали извѣстнаго имъ по репутаціи генерала Липранди и желали ему успѣха. Нѣмецкіе колонисты выѣхали на встрѣчу къ войскамъ со всею массою наличныхъ своихъ лошадей и подводъ".

По прибытіи въ Перекопъ, генералъ Липранди послалъ князя Васильчикова къ князю Меншикову за приказаніемъ. Прибывши въ Бельбекъ, князь Васильчиковъ засталъ князя Меншикова въ лагерѣ пьющимъ вечерній чай, въ палаткѣ, сидя на барабанѣ. По врученіи донесенія, привезеннаго отъ генерала Липранди, князь Меншиковъ спросилъ князя Васильчикова: „Что такое Липранди"? Не успѣлъ князь Васильчиковъ отвѣчать, что генералъ Липранди бывалый военный человѣкъ, знаетъ войска, умѣетъ съ ними обращаться и пользуется ихъ довѣріемъ, и напомнить князю Меншикову, что онъ еще въ полковничьемъ чинѣ получилъ Георгія 3-й

степени, какъ его свѣтлость прервалъ князя Васильчикова словами: „Да, интриганъ-фанаріотъ! Я его помню въ то время, когда онъ командовалъ Семеновскимъ полкомъ". Всѣ возраженія князя Васильчикова остались напрасными...

Въ концѣ-концовъ князь Меншиковъ объявилъ князю Васильчикову, что распоряженія имъ уже сдѣланы, и что онъ можетъ оставаться пока въ лагерѣ, потому что на-дняхъ будетъ отправленъ курьеромъ обратно къ князю Горчакову. „Два дня",—писалъ князь Васильчиковъ,—„прошлялся я въ лагерѣ. Видѣлъ всеобщее уныніе и грусть; видѣлъ, что между войсками и ихъ главнокомандующимъ не было никакого общенія; видѣлъ, какъ начальникъ проѣзжалъ передъ войсками, никогда съ ними не здороваясь; видѣлъ, какъ люди сурово и молча посматривали на этого начальника, и удивлялся! Видѣлъ, наконецъ, совершенную безтолковщину въ администраціи..." Передъ отъѣздомъ, князь Васильчиковъ испросилъ себѣ разрѣшеніе князя Меншикова съѣздить въ Севастополь и тамъ имѣлъ утѣшеніе повидаться съ Корниловымъ. „Отрадно было видѣть",—писалъ Васильчиковъ,—„тотъ контрастъ, какой существовалъ между настроеніемъ защитниковъ Севастополя и унылыми обитателями Бельбекскаго лагеря". Князю Васильчикову пришлось быть въ Севастополѣ наканунѣ 5 октября, т.-е. перваго бомбардированія.

По приказанію князя Меншикова, двѣнадцатая дивизія генерала Липранди двинулась на Микензіеву гору и далѣе, въ долину рѣки Черной, по дорогѣ, ведущей на Балаклаву, мимо селенія Чоргунъ.

Въ то время, когда войска генерала Липранди совершали походъ свой изъ Перекопа на Симферополь, Бахчисарай и Мекензіеву гору, 5 октября 1854 года, рано утромъ, враги наши „вдругъ открыли свои амбразуры и начали бомбардированіе Севастополя со всѣхъ устроенныхъ ими батарей. Англичане дѣйствовали по 3-му бастіону и Малахову кургану; Французы открыли огонь по 4 и 5 бастіонамъ. Въ тоже время разводимые на флотахъ пары предвѣщали уча-

стіе и морскихъ силъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ, открытомъ уже съ суши“ [127]).

Наканунѣ этого страшнаго дня, изъ Харькова, И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Разумѣется, какъ здѣсь, такъ и у васъ, въ настоящее время, одинъ интересъ: судьба Севастополя, флота, да и всего Крыма. Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ, какъ гостятъ на нашей землѣ Англичане и Французы. Вчера проѣхалъ черезъ Харьковъ въ Петербургъ сынъ князя Меншикова; на вопросъ станціоннаго смотрителя, что сказать генералъ-губернатору, — онъ отвѣчалъ, что дѣла наши идутъ хорошо. Только если бы была побѣда, онъ выразился бы опредѣленнѣе. Изъ донесеній Меншикова, впрочемъ, мало что можно извлечь утѣшительнаго. Эти печатныя краткія извѣстія такъ неловко составлены, что лучше было бы во сто кратъ помѣщать подлинныя реляціи. Я думалъ прежде, что съ умысломъ, по стратегическимъ соображеніямъ, пропустилъ мимо себя Французскую армію, когда она обошла Севастополь, чтобы соединиться съ новыми дессантными войсками въ Балаклавѣ: выходитъ, что по оплошности! Обидно читать иностранныя газеты: съ какимъ восторгомъ описываютъ онѣ высадку, изображаютъ ее въ картинкахъ, съ какою гордостью, понятною и на этотъ разъ законною (это не бомбардированіе Одессы!), разсказываютъ онѣ всѣ подробности этого дѣла. Здѣшніе Французы также съ ироническою улыбкой спрашиваютъ всякій разъ: Какія новости? Вѣрно Французовъ выгнали? и т. п. Имъ можно было бы отвѣчать: rira bien, qui rira le dernier, — но, не смѣешь и это сказать: такъ мало имѣешь надежды на умъ и способности нашихъ военачальниковъ! Если Севастополь будетъ взятъ, то Англичане сдѣлаютъ изъ него второй Гибралтаръ, укрѣпятъ его съ сухаго пути по лучше нашего и уже не отдадутъ; взятіе Севастополя значитъ уничтоженіе Русскаго флота и всякаго господства нашего на Черномъ морѣ. Не могу понять, почему не было принято сильнѣйшихъ мѣръ къ оборонѣ Крыма, когда съ самой весны уже можно было опасаться

высадки. Впрочемъ, были приняты мѣры къ спасенію не Крыма, а канцелярскихъ бумагъ и дѣлопроизводствъ. За двѣ недѣли до высадки, проѣхалъ черезъ Харьковъ одинъ мой товарищъ, посланный графомъ В. Н. Панинымъ для перевозки дѣлъ и бумагъ присутственныхъ мѣстъ Крыма въ Херсонскую губернію. Если союзники и возьмутъ Севастополь, то все же дорого онъ будетъ имъ стоить! Даже по иностраннымъ газетамъ—битва при Альмѣ, которую они называютъ побѣдой — стоила имъ 7,800 человѣкъ!—Русскіе извозчики, на-дняхъ прибывшіе сюда изъ Крыма, куда они отвозили товаръ по прежнимъ купеческимъ приказамъ, разсказываютъ, что непріятель задержалъ ихъ и заставилъ возить трупы, чтò они и дѣлали четыре дня сряду; потомъ дали имъ по 6 р. сер. на хозяина и отпустили. — Носится, впрочемъ, слухъ, что они навезли много фальшивой монеты. Народъ здѣсь однако нисколько не унываетъ и убѣжденъ, что Французовъ и Англичанъ поколотятъ всѣхъ на смерть,—а если послушать купцовъ, такъ наши дѣла въ отличномъ положеніи и Французовъ уже морятъ голодомъ.—Я, съ своей стороны, вовсе не раздѣляю этой отчасти гордой, отчасти наивной и невѣжественной увѣренности въ успѣхѣ. Я помню, какъ прежде говорили и хвастались: только бы высадились, шапками закидаемъ; на сухомъ пути одного Русскаго солдата на десятерыхъ враговъ станетъ... А теперь оказывается, что для побѣды намъ необходимо имѣть чуть ли не вдвое болѣе войска противъ непріятельскаго“ [128]).

XXX.

Высокопреосвященный Иннокентій, желая имѣть вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ Севастопольской осады, возложилъ на настоятеля Петропавловской церкви въ Севастополѣ, протоіерея Арсенія Гавриловича Лебединцева, порученіе сообщать ему изъ Севастополя точныя свѣдѣнія. При этой церкви, по своему мѣстоположенію, подвергавшейся разрушительному

дѣйствію бомбъ, протоіерей Лебединцевъ оставался во все время осады, „какъ офицеръ на своей батареѣ, и молился въ ней о *мирѣ всего міра* до тѣхъ поръ, доколѣ бомбы, въ августѣ 1855 года, не разрушили кровлю и своды храма, а также бывшій при немъ церковный домъ. Тогда только прекратилось богослуженіе въ этомъ храмѣ“.

Такимъ образомъ, письма протоіерея Лебединцева послужили намъ драгоцѣннымъ источникомъ при описаніи этого грознаго событія.

5 октября 1854 года, Англичане и Французы начали бомбардированіе Севастополя, и съ суши, и съ моря.

По свидѣтельству протоіерея Лебединцева, „въ 6 часовъ утра открытъ огонь, который въ полчаса превратился въ превышающій всякое описаніе ужасъ: громъ выстрѣловъ, трескъ лопающихся бомбъ, свистъ ядеръ, блистаніе какъ бы множества молній, залповъ, неумолкаемый раскатъ, страшно вторившій среди горъ и бухтъ нашихъ, наконецъ, при безвѣтріи дымъ, не позволявшій намъ видѣть далѣе той линіи, откуда раздавались громы оглушительные, все это невольно заставляло людей говорить: *Страшный судъ! Страшный судъ!* Слыша самъ эти слова отъ многихъ собравшихся у церкви, я не находилъ въ нихъ преувеличенія, но только смутился душею при мысли, что, можетъ быть, онъ внезапу постигъ насъ безъ покаянія. Часа чрезъ полтора удары стали рѣже и какъ бы слабѣе; вмѣстѣ съ симъ и душамъ нашимъ была нѣкая ослаба. Литургію служилъ о. Александръ Демьяновичъ (его была седмица); за тѣмъ служили молебенъ, что и ежедневно совершаемъ со времени осады Севастополя. Церковь оставалась, какъ и теперь, ежедневно открытой до вечера. Въ 12-мъ часу бой страшно усилился, съ великимъ ожесточеніемъ. Ужасъ съ каждой минутой возвышался. Люди, неотходившіе отъ церкви (большею частію женщины), таяли отъ страха и плакали. Я нашелъ лучшимъ вторично пригласить ихъ на молитву въ церковь. Одна сѣверная сторона оставалась свободна отъ бомбардированія. Въ первый день

потеря наша на всѣхъ бастіонахъ и батареяхъ убитыми и ранеными простиралась до четырехсотъ человѣкъ".

Но самою тяжкою потерею, въ этотъ первый день осады Севастополя, была смерть адмирала В. А. Корнилова. На Малаховомъ курганѣ ему оторвало ногу по бедро; отъ таковой тяжкой раны онъ вскорѣ и скончался. „Сами недоброжелатели",—пишетъ духовный отецъ его протоіерей Лебединцевъ,—„а онъ имѣлъ ихъ много, сожалѣютъ объ этомъ незамѣнимомъ, въ настоящее время, начальникѣ. Уже нечего говорить о томъ, что его всякъ боялся болѣе, чѣмъ непріятельской бомбы, и стоялъ на своемъ мѣстѣ".

Вслѣдствіе полученнаго отъ князя Меншикова распоряженія — „похоронить, какъ позволятъ обстоятельства", тѣло покойника, на другой день, 6-го октября, въ 11 часовъ дня, внесено въ Михайловскую церковь, а въ 6 вечера отпѣли погребеніе. „Изъ начальниковъ, — пишетъ протоіерей Лебединцевъ, — при погребеніи были, кто могъ, и просто, въ строевыхъ шинеляхъ. Впрочемъ, была музыка и по батальону отъ морскихъ и армейскихъ солдатъ. Хотя въ 6 часовъ пальба прекратилась, но по временамъ непріятельскія бомбы летали въ городъ и носились надъ головами печальной процессіи. Могилой для Корнилова послужилъ склепъ его же начальника, адмирала Лазарева, съ которымъ онъ и положенъ рядомъ. Замѣчательно, что въ склепѣ оказалось много воды, такъ что необходимо было отливать ее, чтобы внести туда новый гробъ, который также поставленъ въ водѣ. Такъ, продолжаетъ протоіерей Лебединцевъ, „прошелъ и второй день, какъ первый: въ непрерывномъ огнѣ съ 6 утра до 6 вечера; такъ, третій и далѣе до настоящаго 7-го (т.-е. 12 октября). Такимъ образомъ, можемъ сказать, что мы были въ пещи, седмирицею разжженной; и если огнь оный касается не всѣхъ насъ, то сіе именно должно приписать милости Божіей и росѣ ангельской".

Описавъ погребеніе Корнилова, протоіерей Лебединцевъ вообще замѣчаетъ, что въ Севастополѣ „и умереть — новая

бѣда: ни доски, ни мастера для гроба, ни людей понести тѣло нѣтъ, не говоря уже объ отсутствіи друзей и знакомыхъ. А погребеніе совершается какъ бы тайкомъ, или по заходѣ солнца, или на разсвѣтѣ, до начала бомбардировки" [129]).

14 октября 1854 года, изъ Гатчины воспослѣдовалъ высочайшій рескриптъ на имя вдовы адмирала Корнилова, Елизаветы Васильевны; въ немъ начертано: „Славная смерть вашего мужа лишила нашъ флотъ одного изъ отличнѣйшихъ адмираловъ, а меня одного изъ моихъ любимѣйшихъ сотрудниковъ, которому я предназначалъ продолжать полезные труды Михаила Петровича Лазарева. Глубоко сочувствуя скорби всего флота и вашей горести, я не могу болѣе почтить память покойнаго, какъ повторивъ съ уваженіемъ послѣднія слова его. Онъ говорилъ: *Я счастливъ, что умираю за Отечество*. Россія не забудетъ этихъ словъ, и дѣтямъ вашимъ переходитъ имя, почтенное въ исторіи Русскаго флота".

Въ своей *Старой Записной Книжкѣ* князь П. А. Вяземскій записалъ: „Пишутъ изъ Петербурга принцу Ольденбургскому: Смерть Корнилова всѣхъ крайне поразила и огорчила. Онъ раненъ ядромъ въ лѣвый пахъ и жилъ послѣ того малое время. Послѣднимъ словомъ его было къ солдатамъ предсмертное завѣщаніе, защищать Отечество и умереть за него, ибо не всѣмъ дается утѣшеніе умереть за Отечество. Государь много пролилъ слезъ о немъ" [130]).

„Корнилову оторвало ядромъ ногу,—писалъ И. С. Аксаковъ своимъ родителямъ,—и онъ умеръ. Неужели Крымъ будетъ потерянъ? Если бы Меншиковъ по меньше фарсилъ, такъ я бы болѣе надѣялся".

Въ другомъ же письмѣ изъ Харькова, отъ 12 октября 1854 года, И. С. Аксаковъ писалъ: „Англо-Французы, какъ ихъ называютъ, предприняли правильную осаду и 5 октября началось бомбардированіе. По всѣмъ получаемымъ свѣдѣніямъ, по разсказамъ всѣхъ пріѣзжихъ, Меншиковъ оказывается совершенно виноватымъ въ оплошности, самонадѣянности,

фанфаронствѣ. Пиджакъ и хлыстикъ, которыми прославилось его посольство, отзываются во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Говорятъ, что онъ не слушается ни чьихъ совѣтовъ и не любитъ окружать себя умными и самостоятельными людьми. Можетъ быть, Севастополь и не будетъ взятъ и непріятель уплыветъ, но во всякомъ случаѣ чести и славы намъ отъ того не будетъ никакой. Надобно надѣяться, что придутъ намъ на помощь обычные наши союзники: бури, стужи, болѣзни, напр. Крымскія лихорадки и т. п. Впрочемъ, какъ нарочно, стоитъ такая великолѣпная осень, какой даже и здѣсь давно не запомнятъ".

Между тѣмъ, непріятель продолжалъ бомбардировать Севастополь; „мы отвѣчали ихъ огню, чинили свои укрѣпленія, замѣняли подбитыя орудія и станки новыми, уносили раненыхъ на перевязочный пунктъ. Казалось, что подобная жизнь становилась нормальною для гарнизона".

По свидѣтельству протоіерея Лебединцева, „защита Севастополя пала на однихъ моряковъ". Вотъ слова государя къ нашимъ морякамъ: *Благодарю всѣхъ за усердіе. Скажи нашимъ молодцамъ морякамъ, что я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ; никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы Русскіе защищаемъ родимый край и вѣру нашу и предаться волѣ Божіей. Да хранитъ насъ всѣхъ Господь, а наше правое дѣло; душа моя и всѣ мысли съ вами* [131]).

XXXI.

5 октября 1854 года, когда Англичане и Французы громили Севастополь, князь Меншиковъ стоялъ „съ горстью войскъ" на Бельбекѣ и „осужденъ былъ на безмолвное наблюденіе за ходомъ перестрѣлки и усиліями осаждаемаго города, судьба котораго могла рѣшиться ежечасно и которому онъ былъ лишенъ возможности подать какую бы то ни было помощь". Въ это тяжелое время у князя

Меншикова явилась мысль сдѣлать облегченіе Севастополю, „чрезъ отвлеченіе вниманія непріятеля къ какому-либо другому пункту. Оставалось только воспользоваться 12-ю дивизіею, чтобы сдѣлать хотя легкую диверсію въ долинѣ Черной рѣчки, въ томъ предположеніи, что враги наши, угрожаемые съ этой стороны, съ меньшей настойчивостью будутъ дѣйствовать противъ городскихъ укрѣпленій Севастополя. Генералу Липранди дано было приказаніе, спуститься въ долину рѣки Черной и атаковать передовыя укрѣпленія враговъ. Вслѣдствіе этого, 12 дивизія заняла позицію по обѣ стороны рѣки Черной передъ укрѣпленіями, защищаемыми Турецкими войсками. Генералъ Семякинъ взялъ укрѣпленія и ихъ артиллерію, не встрѣтивъ большого со стороны гарнизоновъ сопротивленія и не понеся значительной потери. Союзники не поддержали Турецкихъ войскъ и обнаружили какъ бы совершенное къ этому дѣлу равнодушіе. „Трудно объяснить себѣ“,— пишетъ князь Васильчиковъ,—„съ какою цѣлью, по прекращеніи уже боя, была пущена въ атаку малочисленная Англійская кавалерія, которая стремглавъ понеслась по долинѣ Черной рѣки и устремилась на Веймарнскій и Кіевскій полки, прикрывавшіе конную батарею. Гусары не выдержали атаки и смѣшались, такъ что Англичане вскочили на самую батарею“; но отъ огня нашей пѣхоты и артиллеріи потерпѣли „жестокую потерю“. Затѣмъ, резервная уланская бригада спустилась съ высотъ и атаковала разстроенную Англійскую конницу во флангъ. По этому поводу князь Васильчиковъ спрашиваетъ: „Былъ ли уполномоченъ лордъ Рагланъ давать кровавыя представленія въ родѣ боевъ гладіаторовъ въ Римѣ, для увеселенія своихъ союзниковъ?“ [132]).

Наканунѣ этого дня, т.-е. 12 октября 1854 г., протоіерей Лебединцевъ писалъ: „Гарнизонъ рвется за стѣны, но не пускаютъ“; а въ другомъ письмѣ его, отъ 15 октября, читаемъ: „Въ гарнизонѣ, говорятъ, слышится большой ропотъ на ужасъ продолжительной осады“ [133]).

Когда извѣстіе объ этомъ дѣлѣ достигло Харькова, въ

которомъ въ то время пребывалъ И. С. Аксаковъ, то последній, 19 октября 1854 года, писалъ своимъ родителямъ: „Последнія известія изъ Крыма, вероятно, несколько ободрили васъ, милый отесинька и милая маменька; сообщать вамъ ихъ нечего, потому что, кажется, вы знаете не менѣе, чѣмъ мы здѣсь, въ Харьковѣ, хотя мы на семьсотъ шестьдесятъ верстъ ближе къ театру войны. Курьерскій колокольчикъ часто раздается на улицѣ, курьерская тройка часто проносится черезъ городъ, но все это — по усамъ течетъ, а въ ротъ не попадаетъ; курьеры не разсказываютъ никакихъ подробностей. Частнымъ же письмамъ почти нельзя вѣрить. Вотъ, о дѣлѣ *5-го октября*, о которомъ уже и въ газетахъ напечатано, я самъ читалъ письмо одного Московскаго купца Саватюгина къ его приказчику, торгующему здѣсь на ярмаркѣ. Саватюгинъ былъ самъ, *5-го числа*, въ Севастополѣ, а пишетъ отъ 7-го изъ Симферополя; наполнивъ четыре страницы разными распоряженіями на счетъ товара, онъ приписываетъ сбоку, что „здѣсь, милостью Божіей, все идетъ хорошо; три линейныхъ корабля и шесть пароходовъ потопили, до 15 тысячъ побили“... Въ такомъ родѣ были почти всѣ письма; извѣстіе о взлетѣвшемъ на воздухъ 120-ти пушечномъ Англійскомъ кораблѣ казалось достовѣрнымъ, однакожъ въ донесеніи Меньшикова ни слова о вредѣ, нанесенномъ непріятелю. Третьяго или четвертаго дня проѣхалъ адъютантъ Меншикова и велѣлъ сказать Кокошкину, что—блистательная побѣда. Такъ разсказываютъ; я самъ его не видалъ. Теперь всѣ наперерывъ сообщаютъ другъ другу разныя подробности о дѣлѣ 13-го октября и даже о дѣлѣ 15-го октября. Я очень недоволенъ редакціей Меншиковскихъ донесеній, отъ 5-го, 6-го октября, также объ Альмской битвѣ: наши солдаты сдѣлали чудеса храбрости; эта битва заслуживала лучшаго, подробнѣйшаго описанія, а она изложена такъ, что только дивишься искусству непріятельскихъ маневровъ и храбрости Французовъ; прекрасно, что отдана должная справедливость непріятелю, но не слѣдуетъ нарушать справедли-

вость относительно своихъ. Но какой адъ былъ *5-го октября*, когда и съ суши и съ моря производилась бомбардировка! Страшно вообразить! Всѣ новѣйшія изобрѣтенія, имѣющія будто бы филантропическую цѣль сокращать войну,—служатъ только къ большему истребленію народа, потому что вмѣсто двадцати тысячъ, потребныхъ прежде, теперь идетъ въ дѣло тысячъ сто людей! Говорятъ, въ Севастополь пущено *5-го октября* двадцать пять тысячъ бомбъ, а въ послѣдній рѣшительный день намѣрены пустить сто тысячъ. Не знаю, что надѣлала тамъ буря 17-го октября; если тамъ былъ такой же свирѣпый вѣтеръ, какъ здѣсь, такъ онъ вѣроятно много наработалъ вреда ихъ флоту".

До какой степени смутныя, неопредѣленныя, запутанныя свѣдѣнія долетали въ Россію съ мѣста, на которое въ то время были обращены взоры всего міра, можетъ служить примѣромъ хоть слѣдующее письмо И. С. Аксакова, изъ Харькова (отъ 25 октября 1854 г.), къ своимъ родителямъ: „Разумѣется, извѣстія, сообщенныя мною, о вступленіи корпуса Лидерса въ Крымъ — невѣрны; мы даже и не знаемъ, чей именно корпусъ и весь ли вступилъ, Данненберга ли, Остенъ-Сакена ли. Извѣстіе о смертоносномъ внезапномъ залпѣ изъ трехсотъ орудій также не подтвердилось. Вы уже теперь прочли оффиціальное донесеніе о *13-мъ октября*, а мы еще прочтемъ съ слѣдующею почтой! Мнѣ не вѣрится, чтобы Омеръ-Паша сдѣлалъ вторженіе въ Бессарабію: этотъ шарлатанъ и хвастунъ, избѣгавшій до сихъ поръ всякаго настоящаго сраженія въ открытомъ полѣ, — будетъ, я думаю, производить только однѣ демонстраціи, чтобы развлекать наши силы. Говорятъ о взятіи четырехъ редутовъ на Балаклавскихъ высотахъ, двухъ знаменъ, одиннадцати пушекъ, тринадцати офицеровъ; — но все это говорятъ, и я ничему не вѣрю. — Что касается до купцовъ и до простонародья, то они, напротивъ, вѣрятъ всякому хорошему слуху и никогда дурному. Видно, однакожъ, точно мы нанесли вредъ ихъ кораблямъ, потому что бомбардированія со стороны моря уже

не возобновлялось. — Получивъ подкрѣпленія и устроивъ укрѣпленный лагерь между Балаклавой и Севастополемъ, чему способствуютъ и горы, они, пожалуй, рѣшатся зимовать тутъ, постоянно безпокоя городъ бомбардированіемъ. Кажется, взять ихъ позицію довольно трудно и намъ приходится только обороняться. Впрочемъ, такъ трудно разсуждать при нашей скудости свѣдѣній о мѣстности, силахъ и средствахъ нашихъ и непріятельскихъ! Во всякомъ случаѣ, кажется, дѣло до отъѣзда моего изъ Харькова еще не кончится и мы будемъ вмѣстѣ слѣдить событія въ Абрамцевѣ" [134]).

Послѣ дѣла 13-го октября, протоіерей Лебединцевъ сообщалъ высокопреосвященному Иннокентію: „Непріятели наши образованные народы, изъ человѣколюбія пустили въ Севастополь фонтанную воду, но отравленную. Пять человѣкъ умерло, поставили караулъ, а воду велѣно разложить на составныя части" [135]).

XXXII.

По всѣмъ вѣроятіямъ, Погодинъ, на своемъ Дѣвичьемъ полѣ, получалъ съ театра военныхъ дѣйствій не болѣе точныя свѣдѣнія, какія получалъ ихъ И. С. Аксаковъ, пребывая въ то время въ Харьковѣ.

Но Погодинъ, по крайней мѣрѣ, отводилъ свою душу политическими письмами, имѣвшими въ то время обширный кругъ читателей и почитателей.

Въ это время онъ выпустилъ *октябрское* письмо, въ которомъ разсуждалъ: *О вліяніи внѣшней политики на внутреннюю.*

„Вниманіе наше", — писалъ Погодинъ, — „обращалось исключительно на Западъ, и все дѣлалось, или, лучше, передѣлывалось у насъ по его образцу... Нечего говорить, что послѣдній бродяга Европейскій, не только министръ, журналистъ, значилъ у насъ больше всякаго высшаго ума отечественнаго, и съ мнѣніемъ его не смѣлъ входить въ состя-

заніе самый отличный Русскій талантъ. Какъ принятъ былъ Кюстинъ, возблагодарившій достойно за оказанныя ему почести? Русскіе ордена, розданные Австрійскимъ доброжелателямъ, обратились въ пословицу въ Австріи и Германіи; Прусскихъ вахмистровъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ съ какимъ-то поздравленіемъ, угощали чуть не за гофмаршальскимъ столомъ. Недавно Гизо написалъ, говорятъ, какое-то письмо къ княгинѣ Ливенъ, которое произвело большое впечатлѣніе! Даже во время войны, всякое иностранное мнѣніе важнѣе для насъ домашняго, и предъ пустозвонными словами иностранца мы готовы всегда преклонять главу, а своихъ слушать не хотимъ, самыхъ дѣльныхъ, самыхъ вѣрныхъ и благонамѣренныхъ!“

Послѣ этого, такъ сказать, предисловія, Погодинъ ставитъ на видъ, что содержаніе милліона войскъ, *для сохраненія въ Европѣ законнаго*, такъ называемаго, *порядка*, поглощало половину государственныхъ доходовъ, коихъ потому не могло доставать на удовлетвореніе самыхъ крайнихъ нуждъ Отечества нашего:

1) *На умноженіе жалованья низшимъ чиновникамъ*, изъ которыхъ большая часть получаетъ до сихъ поръ, по замѣчанію Погодина, „изъ-за хлѣба на квасъ, и съ голода должны прибѣгать ко взяткамъ и другимъ беззаконнымъ средствамъ“.

2) *На учрежденіе дорогъ и путей сообщенія*, „кои до сихъ поръ представляютъ вездѣ множество затрудненій...“ Если, пишетъ Погодинъ, „желѣзныя дороги и невыгодны для Россіи, то онѣ необходимы потому, что раскинулись по всей Европѣ. О пользѣ ихъ толковать и спорить уже нечего, когда семьдесятъ тысячъ Французовъ и Англичанъ, вмѣстѣ съ Турками, гдѣ ни нападутъ на насъ, имѣющихъ полтора милліона войска, вездѣ встрѣчаютъ только треть спартанцевъ, вездѣ берутъ надъ нами верхъ числомъ: подъ Калафатомъ и Ольтеницей, подъ Журжей и Силистріей, въ Крыму и за Кавказомъ. Еслибъ у насъ были желѣзныя до-

роги, то настоящая война повелась бы иначе, да едвали бы и началась въ такомъ видѣ".

3) *На улучшеніе состоянія Духовнаго сословія.* „Коснѣя",— замѣчаетъ Погодинъ,— „въ невѣжествѣ, или въ оковахъ схоластическаго ученія, привыкая съ малыхъ лѣтъ, подъ гнетомъ нужды и даже нищеты, къ жадности, завися вполнѣ, съ одной стороны, отъ начальства, съ другой—отъ паствы, не получая почти никакого живого понятія о своихъ обязанностяхъ, духовенство не столько распространяетъ образованіе и нравственность, сколько способствуетъ невѣжеству и расколамъ. Духовенство должно быть возвышено духомъ, обезпечено въ нуждахъ, научено какъ обходиться, очищено отъ педантической ржавчины..."

Не считая себя въ правѣ утаивать этого взгляда Погодина на Русское Духовенство, мы долгомъ считаемъ замѣтить, что взглядъ этотъ отличается тою же односторонностью, какъ и взгляды встрѣчающіеся въ нашей Литературѣ и о Русскомъ Дворянствѣ.

Сдѣлавъ это отступленіе, обратимся къ дальнѣйшему изложенію *октябрьскаго* письма Погодина.

Вслѣдъ за улучшеніемъ состоянія Русскаго Духовенства, Погодинъ находитъ необходимымъ употребленіе государственныхъ доходовъ на (4-е) *распространеніе въ народѣ образованія* ....„Наши пушки", —пишетъ онъ,—„не хватаютъ такъ далеко, какъ иностранныя; наши штуцера бьютъ на двѣсти шаговъ ближе Французскихъ; бомбическихъ пушекъ у насъ несравненно меньше; винтовыхъ пароходовъ не бывало; наши корабли оборачиваются медленнѣе; медиковъ не достаетъ нигдѣ... Надъ многими нашими генералами, смѣются сплошь иностранныя газеты... Оффиціальныя извѣщенія, даже реляціи о важнѣйшихъ событіяхъ, въ коихъ всякое слово заставляетъ биться сердце, пишутся большею частію безграмотно, непонятно, безтолково, и оставляютъ народъ въ недоумѣніи, вмѣсто того, чтобы ободрять или утѣшать его".

Ограничась указаніемъ *„сихъ четырехъ необходимостей,*

кои Правительство должно было или откладывать или удовлетворять самымъ недостаточнымъ образомъ, за неимѣніемъ денегъ", Погодинъ переходитъ къ разсмотрѣнію вліянія Западной политики на внутреннія дѣла наши. „Смотря безпрестанно на Западъ",—писалъ Погодинъ,—„мы и себя почли Западомъ. Принимая къ сердцу разныя его несчастія, напримѣръ Французскую революцію, и слѣдовавшее за нею повсемѣстное потрясеніе *законнаго порядка*, мы испугались и сочли себя обязанными, среди неусыпныхъ попеченій о благѣ подданныхъ, принимать дѣятельныя мѣры, чтобы и у насъ этотъ *законный порядокъ* не былъ потрясенъ, и у насъ не произошло бы Французской революціи... И сама Екатерина, поддалась оптическому обману, и подъ конецъ своего славнаго царствованія убоялась страха, *идѣже не бѣ страха.* Опасенія начали водворяться въ Правительствѣ. Нѣкоторыя, случайныя явленія оправдывали какъ будто новыя опасенія Правительства... Таковы суть: возмущеніе Семеновскаго полка; мятежъ *14-го декабря*.... возмущеніе Польши..."

Всѣмъ этимъ воспользовались иностранцы и старались „содержать" наше Правительство „въ этомъ несчастномъ заблужденіи", имѣя въ виду „устроеніе изъ Россіи самой твердой крѣпости для своихъ враговъ, нарушителей ихъ порядка... Собственные наши, такъ называемые, государственные люди... охотно слушали предательское шептаніе... И вотъ, замѣчаетъ Погодинъ, „взбѣсились на Западѣ народы, давай сажать насъ на цѣпь... За эти мудрыя государственныя мѣры сыпались звѣзды, ленты, кресты, чины, деньги, а намъ-то и на руку! Дѣятельность увеличилась по всѣмъ инстанціямъ..."

При этомъ Погодинъ съ горечью замѣчаетъ: „и не находилось порядочныхъ людей сказать ослѣпленнымъ: помилуйте, что вы дѣлаете? Западъ катится съ горы, а намъ надо еще взбираться на гору, и какую гору?—такъ зачѣмъ вы стараетесь тормозить наши колеса? Ихъ надо подмазывать... ларчикъ открывается просто! Стоитъ только понять, что Западъ есть Западъ, а Востокъ есть Востокъ!..."

Возглася эту простую истину, что *Западъ есть Западъ, а Востокъ есть Востокъ,* Погодинъ выражаетъ убѣжденіе, что оказываетъ этимъ „важнѣйшую услугу Правительству, если оно захочетъ вникнуть поглубже въ ея значеніе и употребить ее въ дѣло“.

За симъ, для раскрытія этой истины, Погодинъ излагаетъ свои извѣстныя мысли *о противоположности Русской Исторіи съ Исторіею Западныхъ Государствъ,* и эта *противоположность* дѣлаетъ невозможною у насъ революцію, въ Западномъ смыслѣ; а между тѣмъ, всѣ дѣйствія и распоряженія Правительства нашего, направлялись къ одной цѣли, чтобы не допустить революціи въ Россіи, какая происходитъ на Западѣ.

„Революціонный духъ — пишетъ Погодинъ — поддерживается, питается и усиливается на Западѣ свободою книгопечатанія, распространеніемъ образованія, уничтоженіемъ власти. Слѣдовательно, разсуждалось у насъ, для предупрежденія революціи, надо препятствовать распространенію образованія въ народѣ и ограничить его однимъ сословіемъ, надо стѣснять печать и не допускать ни малѣйшаго разсужденія о власти... Съ несчастнаго 1848 года эта убійственная система, плодъ Европейскаго воззрѣнія, вѣроломныхъ совѣтовъ и домашнихъ недоразумѣній, возимѣла преимущественно свое дѣйствіе, на пагубу Россіи“.

Особенное негодованіе возбудило въ Погодинѣ распоряженіе объ ограниченіи числа студентовъ въ университетахъ *тремя стами.* „Голову свою“ — писалъ Погодинъ — „не подумалъ бы и минуту положить на плаху, лишь бы удержать государя отъ подписанія бумаги. Дѣйствительно, съ какой стороны ни смотрѣть на этотъ несчастный указъ, онъ не выдерживаетъ суда, самаго снисходительнаго. Если университетское образованіе вредно, то за что-жъ приносить ему, какъ алчному минотавру, по триста невинныхъ юношей въ годъ? Если университетское образованіе полезно, то за что-жъ лишать его остальныхъ?.. Ограничивая число студентовъ,

11

Правительство показало свое нерасположеніе къ образованію, и у профессоровъ опустились вездѣ руки, прилипнулъ языкъ къ гортани"...

Къ вредному вліянію на распространеніе образованія Погодинъ причислялъ еще двѣ тогдашнія мѣры: а) обложеніе учащихся податьми въ гимназіяхъ и университетахъ, чрезъ что бѣдные лишились возможности учиться, и б) затрудненіе вступать въ Университетъ изъ податныхъ сословій, черезъ что право учиться предоставилось по преимуществу дворянству и закрыто для многихъ.

Въ то же время, по свидѣтельству Погодина, „ученое начальство обратило исключительное вниманіе на внѣшнюю сторону своихъ заведеній, на форму, на такъ называемую нравственность... Дарованія не ободрялись, а унижались... Объ ученьѣ перестало оно заботиться: лишь бы комнаты были чисты и ученики тихи... Безпечность, лѣнность и посредственность ободрялись, и невѣжество съ гордостью подняло голову, и начали выходить изъ всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній люди не воспитанные, а дрессированные, машины, лицемѣры, такіе исполнители, которыхъ достаточно было на обыкновенное время, а чуть обстоятельства стали помудренѣе, такъ и не сыскалось ни въ которомъ вѣдомствѣ, за кого взяться"...

Обращаясь къ Литературѣ, Погодинъ замѣчаетъ, что она подверглась „такому же гоненію. Предписаніе за предписаніемъ, и въ высочайшихъ уставахъ не осталось ни одной живой строки. Ни о какомъ предметѣ богословскомъ, философскомъ, политическомъ нельзя стало писать. Никакого злоупотребленія нельзя стало выставлять на сцену, даже издали... Цѣлые періоды Исторіи исключены, а о настоящихъ сословіяхъ, вѣдомствахъ и думать было страшно. Довольно сказать, что старые писатели подверглись новой строгой цензурѣ. И какіе же писатели? Кантемиръ, Державинъ, Карамзинъ и Крыловъ. Классики: Платонъ, Эсхилъ, Тацитъ, не избѣгли запрещенія,—и Литература ушла, ограничилась только посредственными или гадкими повѣстями, гдѣ позволялось еще попирать

подчасъ все священное, точно какъ и въ Французскихъ водевиляхъ и драмахъ... Книжная торговля въ послѣдніе пять лѣтъ представляетъ одни банкротства. Самая публика пропиталась цензурнымъ духомъ... Такъ что порядочные люди рѣшились молчать, и на поприщѣ Словесности остались одни голодные псы, способные лаять или лизать. Печатать стало ничего нельзя, а говорить еще менѣе, ибо незванныхъ слушателей даже больше, чѣмъ привилегированныхъ цензоровъ.. Малѣйшій знакъ неудовольствія вмѣнялся въ преступленіе . . . . . Во всякомъ незнакомомъ человѣкѣ предполагался шпіонъ, и печатью молчанія запечатались всѣ уста"...

Тогда, —продолжаетъ Погодинъ,— „зеленые ломберные столы замѣнили всѣ каѳедры и трибуны, а карты, карты, единственное утѣшеніе, драгоцѣнный предметъ глубокихъ размышленій и горячихъ преній, сладчайшее занятіе, единственное искусство, покровительствуемое Правительствомъ, сдѣлалось самымъ важнымъ препровожденіемъ времени, дороже всѣхъ хартій и конституцій, настоящее Habeas corpus, въ буквальномъ смыслѣ слова!"

XXXIII.

За симъ, Погодинъ рисуетъ передъ нами мрачную картину тогдашняго состоянія Россіи. Начинаетъ онъ съ власти.

„Власть — пишетъ онъ — нужна и священна, но злоупотребленіями своими власть ослабляется гораздо больше, нежели свободными сужденіями объ ея дѣйствіяхъ. Злоупотребленій не скроешь отъ тѣхъ, кого они касаются... Нѣтъ, указаніе злоупотребленій можетъ послужить пособіемъ власти, которая, принимая оное къ свѣдѣнію, подвергая гласности, сложитъ тѣмъ съ себя часть вины, докажетъ свою благонамѣренность и вмѣстѣ твердость. А безъ гласности всякая ложь, неправда, обманъ получаютъ право гражданства въ государствѣ, чему примѣръ и доказательство мы видимъ въ нашихъ оффиціальныхъ отчетахъ, по которымъ Россія благо-

денствуетъ, Россія — на дѣлѣ алчущая, жаждущая, тоскующая, незнающая, что̀ дѣлать съ своими силами, расточающая блудно Божіи дары... Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мыслей закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни аппелляціи, ни протеста, ни контроля".

Въ такомъ же положеніи, по мнѣнію Погодина, находятся и всѣ министры, всѣ начальники; изъ нихъ каждый, — пишетъ Погодинъ, — „представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя, и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника, предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшительнымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку; какъ мухи на медъ, налетаютъ они въ наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата, въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка".

А между тѣмъ, — съ отчаяніемъ пишетъ Погодинъ, — „дѣла

становятся часъ отъ часу мудренѣе, отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно прошедшаго времени, не достаетъ для новыхъ обстоятельствъ, а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали, даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое, въ лохмотьяхъ“.

От власти Погодинъ переходитъ къ народу, но предварительно повторяетъ свои мысли, что „революція произошла на Западѣ изъ своихъ сѣмянъ, что этихъ сѣмянъ не было брошено Исторіею въ начало нашего Государства, и потому революціи такой у насъ не будетъ, да и не можетъ; что мы испугались ее по-напрасну, и что напрасно мы начали останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству“.

Обращаясь къ народу, Погодинъ замѣчаетъ: „О народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ, и между тѣмъ дышетъ любовію, самою чистою преданностію къ царю и Отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ Казенной Палаты!“

За симъ, Погодинъ произноситъ такую рѣчь: „Къ вамъ обращу я рѣчь свою, милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачевъ. ЛедрюРолленъ со всѣми коммунистами не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перешагнетъ никто, а Стенька Разинъ, лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ которой стороны стѣна наша представляетъ проломы; — перестаньте же возиться около Западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить Восточную, ко-

торая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ! Не приведи Богъ видѣть Русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный, сказалъ Пушкинъ, котораго государственныя способности не умѣли оцѣнивать близорукіе и тупые современники, думавшіе, что онъ только стишки писать, да шутить умѣетъ. Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій молодецъ и не молодецъ на свой образецъ... Помѣщичье спасенье—въ дурномъ управленіи Государственныхъ Имуществъ... Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина,—будьте увѣрены—заварится каша крутая. Да и теперь, не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторожной работѣ въ Сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и спасаютъ не только Русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность!"

Выслушавъ эту страшную рѣчь, мы позволимъ себѣ замѣтить, что, въ интересахъ правды, было бы весьма желательно имѣть списокъ помѣщиковъ, убитыхъ крестьянами. Этотъ списокъ ясно покажетъ, что весьма мало коренныхъ Русскихъ дворянскихъ фамилій опозорено поносною смертію своихъ отцовъ и братій. Въ Севастополѣ же одинаково священнодѣйствовали, и крестьянство, и дворянство, и по *доблестной инціативѣ* самого же дворянства совершилось вскорѣ и самое *освобожденіе крестьянъ*.

—Отъ крестьянъ Погодинъ обращается къ раскольникамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, опасность грозитъ Россіи и съ ихъ стороны.

Раскольниковъ,—пишетъ Погодинъ,—„можетъ быть най-

дется до семи милліоновъ, и они умножаются безпрестанно. Появляются безпрестанно новыя секты, одна другой нелѣпѣе и враждебнѣе, возбуждаясь алчбой необходимой народу духовной пищи . . . . Казаки, Сибирь, Новая Россія, Кавказъ предлагаютъ имъ вѣрныя и спокойныя убѣжища. А въ послѣднее время явилась Австрія съ архіерейскою каѳедрою для раскольниковъ! . . . . Всѣ раскольники такъ настроены, что легко могутъ быть обращены противъ Правительства . . . . . Между раскольниками есть множество крѣпостныхъ. Придайте же тому бунту, котораго такъ страшился Пушкинъ, характеръ религіозный, что будетъ? Явись въ какой нибудь Архангельской или Вологодской глуши Шамиль, Пугачевъ или Разинъ: онъ можетъ пройти, проповѣдуя, тріумфальнымъ маршемъ нѣсколько губерній и надѣлать Правительству больше хлопотъ, чѣмъ бунтъ Екатерининскаго времени“ . . .

Третью опасность для Россіи Погодинъ видѣлъ со стороны Польши. „Побесѣдуйте откровенно“ —пишетъ онъ— „съ лучшимъ и добрѣйшимъ полякомъ, воспитаннымъ на счетъ Правительства въ Русскомъ университетѣ или корпусѣ, лѣтъ десять проживавшимъ въ Россіи, женатымъ, пожалуй, на русской, и имѣющимъ православныхъ дѣтей,—и если вы имѣете хоть малую долю здраваго политическаго смысла, то удостовѣритесь послѣ такого разговора, что оставить Польшу въ настоящемъ положеніи невозможно, недолжно, невыгодно, опасно“ . . . .

Обнаружа такимъ образомъ наши „внутреннія язвы“, Погодинъ замѣтилъ, что враги наши „выбрали самое благопріятное для себя время, чтобы нагрянуть на Россію“ . . ; ибо, какъ утверждаетъ Погодинъ: „умъ у насъ притупленъ, воля ослабѣла, духъ упалъ, невѣжество распространилось, подлость взяла вездѣ верхъ, слово закоснѣло, мысль остановилась, люди обмелѣли, страсти, самыя низкія, выступили наружу, и жалкая посредственность, пошлость, бездарность взяли въ свои руки по всѣмъ вѣдомствамъ бразды управле-

нія. Священный союзъ между царемъ и народомъ потрясенъ"! . . . .

Нарисовавъ эту мрачную картину, Погодинъ самъ, какъ бы испугавшись ея, восклицаетъ: „Тяжелое время,—но живъ Богъ Русскій! На него надѣемся и не постыдимся. Силенъ Онъ укрѣпить ослабѣлое и поднять низпадшее! Добро не угасло на Святой Руси. Тамъ, въ глуши, въ захолустьяхъ, въ пещерахъ, въ пустыняхъ, мерцаютъ святыя искры. Да и въ насъ, развращенныхъ, на днѣ нашихъ душъ, онѣ еще не погасли, онѣ могутъ возгорѣться!.... Опасности вызовутъ ихъ наружу, и святой огнь загорится, и благодатный свѣтъ просіяетъ и озаритъ тьму, и просвѣтимся и увидимъ!.. Покаяніе, терпѣніе, вѣра, надежда, любовь"!....

За тѣмъ, Погодинъ приступаетъ къ врачеванію язвъ, но предварительно замѣчаетъ: „Законовъ вдругъ не сочинишь, людей вдругъ не отыщешь, злоупотребленій не уничтожишь, пороковъ не искоренишь, съ привычками вдругъ не разстанешься: на все нужно время! Опрометчивая ломка причинитъ еще больше вреда! Сначала довольно стать на новую точку, посмотрѣть на вещи съ другой стороны и объяснить себѣ цѣль"....

На первый случай Погодинъ предлагаетъ, по его мнѣнію, „лекарство,—легкое, удобное и безопасное, общее, спеціальное для облегченія, если не для исцѣленія всѣхъ болѣзней, естественныхъ и искусственныхъ, своихъ и наносныхъ, для борьбы съ внѣшними врагами, войною и неутралитетомъ, для борьбы съ внутренними врагами, которые для насъ гораздо опаснѣе, и вреднѣе,—это *гласность*, то есть, то лекарство, которое, подъ угрозою казни, запрещала намъ Западная наша политика. Посредствомъ гласности будутъ вразумляться начальники, посредствомъ гласности будетъ пріобрѣтать, со всѣхъ сторонъ, лучшія и вѣрнѣйшія свѣдѣнія Правительство, посредствомъ гласности будутъ дѣлаться извѣстными способнѣйшіе люди, казниться злоупотребленія, посредствомъ гласности возродится и утвердится общественное мнѣніе!"

Вторымъ лекарствомъ Погодинъ считаетъ *образованіе*; но образованіе основательное, пространное, прикладное, дѣловое, благочестивое, проведенное жолобами по всѣмъ удоліямъ общества, даже до послѣднихъ земли, въ глубочайшіе рудники каторожной работы, безъ всякихъ исключеній, ограниченій, стѣсненій по званіямъ . . . . . Такое образованіе, проникая во всѣ должности, подѣйствуетъ благотворнѣе всякихъ узаконеній, будетъ постепенно исправлять зло и сѣять добро. Одинъ образованный, усердный, дѣятельный начальникъ,—и цѣлая часть, ввѣренная его попеченію, при системахъ гласности устроенная, помогаетъ прочимъ примѣромъ, порядкомъ и подготовленіемъ чиновниковъ! Одинъ губернаторъ съ такими видами,—и пятидесятая часть Россіи благоденствуетъ, а другой, третій,—и всѣ люди не узнаютъ себя . . . . . И въ блестящемъ свѣтѣ представляется будущее“!....

Здѣсь Погодинъ останавливается и на него нападаетъ раздумье. „А можетъ быть“,—пишетъ онъ,—„это только несбыточныя мечтанія! Можетъ быть и мы осуждены на такое же безплодное исканіе, какъ и Западъ, который предъ нашими глазами ищетъ тщетнаго исцѣленія своихъ болѣзней, и попадаетъ большею частію на такія лекарства, которыя увеличиваютъ еще болѣе ихъ ярость!

„Такова судьба государствъ: въ мукахъ родится человѣкъ, въ страданіяхъ живутъ общества; подъ всѣми формами правленія одинаковы несчастія! Можетъ быть и мы, недовольные настоящимъ порядкомъ вещей, видящіе ясно всѣ его недостатки, накличемъ на своихъ дѣтей новыми своими мѣрами, кои кажутся намъ столь вѣрными и дѣйствительными, полезными и благотворными, еще больше зла, чѣмъ сколько испытали сами. Можетъ быть, мы новыми своими дѣйствіями увеличимъ только число несчастныхъ опытовъ, въ утвержденіе вѣчной истины, провозглашенной Откровеніемъ, и дознаваемой искренними размышленіями, что все земное есть ложь,—и человѣкъ и государство, что Исторія представляетъ однѣ преходящія формы, и что этому треволненному свѣту

вѣрное пристанище на небѣ, гдѣ всѣ наши поиски приведутся къ одному знаменателю"...

Въ заключеніе этого *октябрскаго* письма своего Погодинъ выражаетъ надежду, что оно обратитъ на себя вниманіе, какъ плодъ многолѣтняго размышленія. „Карамзина и Пушкина",—пишетъ онъ,—„призываю въ свидѣтели искренности моихъ словъ; Карамзина, который передъ кончиною благословилъ меня на историческое дѣланіе; Пушкина, который раздѣлялъ и одобрялъ мои убѣжденія".

Написавъ эту записку, Погодинъ рѣшился представить ее императору Николаю, и съ этою цѣлью, въ январѣ 1855 года, обратился къ графу В. Ѳ. Адлербергу съ слѣдующимъ письмомъ: „Мнѣ очень жаль, что я не могъ лично засвидѣтельствовать вашему сіятельству искренней моей благодарности за ваше благосклонное участіе въ представленіи моихъ записокъ. Имѣю честь представить теперь новую, и, признаюсь, гораздо съ бо̀льшимъ смущеніемъ и страхомъ, чѣмъ прежнія. Поступите съ нею, какъ заблагоразсудите: сочтете полезною—дайте ходъ; въ противномъ случаѣ—уничтожьте. Ваша любовь къ Отечеству, ваша преданность къ государю внушатъ вамъ рѣшеніе, которое для меня будетъ священно. Я, съ своей стороны, исполняю свой долгъ, *по присягѣ*, отдавая ее въ ваше распоряженіе. Большая часть сужденій и даже выраженій въ моей запискѣ не принадлежитъ собственно мнѣ, а принадлежитъ обществу, и слышана была мною въ Петербургѣ и Москвѣ. Я не хотѣлъ ихъ, ни смягчать, ни измѣнять, ни полировать, думая, что въ сыромъ своемъ видѣ они должны быть извѣстны Правительству, для его высшихъ соображеній. Выполированныя они представили бы предметы въ ложномъ свѣтѣ. Смѣю прибавить вотъ что̀: Если не угодны мои писанія, то велите мнѣ замолчать, и я замолчу съ величайшимъ удовольствіемъ, ибо я пишу только потому, что считаю это долгомъ. Иначе—*я радъ* буду возвратиться къ моей Исторіи, въ коей вижу свою радость и честь и славу".

Познакомясь съ этою запискою Погодина, графиня А. Д.

Блудова писала ему: „Вы хотите, чтобъ вамъ искренно сказать мнѣніе мое? Эта статья мнѣ не по сердцу. Въ ней болѣе еще рѣзкости, нежели въ другихъ, а меньше любви! Въ ней что-то *болѣзненное* и необдѣланное, какъ у человѣка, который въ сердцахъ говоритъ уже *обидно* своему другу, а такія слова оставляютъ вѣчно по себѣ раны—или *болячки*—потому мнѣ кажется хорошо сдѣлалъ тотъ, который не показалъ: Прянишниковъ ли или же великій князь, не знаю, кто.—Батюшка этого мнѣнія, и, можетъ быть, прочитавъ ее хладнокровно теперь, и вы также подумаете".

Но Погодинъ не такъ думалъ и написалъ Ѳ. И. Прянишникову очень рѣзкое письмо, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Благодарю васъ, добрѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, за ваше представленіе и непредставленіе. Я написалъ, — люди знающіе отношенія, говорятъ: не годится! Я уступаю, спокойный въ своей совѣсти, что исполнилъ свой долгъ! Личное, частное мое мнѣніе остается тоже. Я кончилъ мои политическія письма и обращаюсь теперь опять къ любезной своей Исторіи... Хладнокровныя Петербургскія разсужденія свели домъ на ниточку! Во всѣхъ васъ, Петербургскихъ сановникахъ, страшно понизился духъ, страшно ослабло сознаніе человѣческаго достоинства, — а о гражданскихъ добродѣтеляхъ и говорить нечего. Вы всѣ сами этого не замѣчаете, какъ больные, привыкшіе къ госпитальному воздуху. Говоря безъ церемоній съ Николаемъ Павловичемъ, я позволяю себѣ говорить откровенно и съ его министрами. А такъ какъ вы вмѣстѣ и добрый человѣкъ, то на меня не разсердитесь. Тридцать лѣтъ призывалъ я къ своему столу то Петра, то Екатерину, то Івановъ, а о Рюрикѣ и говорить нечего. — Немудрено, что получилъ я тонъ за панибрата съ сильными міра сего! Что̀ на горизонтѣ: чернѣетъ или свѣтлѣетъ?" [136])

XXXIV.

15 октября 1854 года, Погодинъ выѣхалъ въ Петербургъ. Ближайшая цѣль его поѣздки были цензурныя дѣла по *Москвитянину*. Въ Петербургѣ Погодинъ остановился въ домѣ графа А. С. Уварова, на Большой Морской.

Этотъ пріѣздъ въ Петербургъ былъ для Погодина очень удаченъ. Благодаря успѣху своихъ политическихъ писемъ, онъ имѣлъ счастіе представляться царицѣ. Собираясь во дворецъ, онъ писалъ Россету: „Мнѣ надо благодарить царицу. Формъ придворныхъ не знаю. Прошу васъ прочесть, что написалъ я. Годится ли"? На это Россетъ отвѣтилъ: „Я нахожу, что прекрасно".

29 Октября 1854 года, В. Д. Олсуфьевъ извѣщалъ Погодина: „Я имѣлъ счастіе представить государынѣ-цесаревнѣ поднесенныя вами августѣйшимъ дѣтямъ ихъ высочествъ чертежи.—Государь-цесаревичъ повелѣть мнѣ соизволилъ пригласить васъ въ Гатчину, для представленія его высочествамъ, въ будущее воскресенье, 31-го сего октября.— И такъ, пожалуйте сюда въ вышеписанный день, съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги, который отходитъ изъ С.-Петербурга *въ 8 часовъ* утра; а я буду имѣть счастіе васъ послѣ обѣдни представить; если съ вами нѣтъ мундира, можете быть во фракѣ. Въ Гатчинѣ, на желѣзной дорогѣ, васъ будетъ ожидать экипажъ, который и привезетъ во дворецъ, въ мою квартиру.—И такъ, до свиданія. Не опоздайте на желѣзную дорогу, которая отъ васъ неблизко".

Поздравляя Погодина съ именинами (8 ноября), Шевыревъ выражаетъ удовольствіе, что его другъ „имѣлъ счастіе видѣть наслѣдника". Судя по письму В. Д. Олсуфьева (10 ноября 1854 года), Погодинъ во второй разъ былъ принятъ наслѣдникомъ. „Спѣшу увѣдомить васъ, — писалъ Олсуфьевъ,—что его императорское высочество государь-цесаревичъ приметъ ваше превосходительство въ слѣдующую

пятницу, 12 ноября, въ $12^1/_2$ часовъ утра, въ Зимнемъ Дворцѣ".

Свои благодарныя чувства наслѣднику Погодинъ выразилъ уже по возвращеніи въ Москву, въ письмѣ своемъ, отъ 24 ноября 1854 года: „Всемилостивѣйшій государь, великій князь цесаревичъ! Священнымъ долгомъ считаю принесть вашему императорскому высочеству глубочайшую мою благодарность за милостивый пріемъ вашъ. Слова, вами мнѣ сказанныя, запечатлѣлись глубоко въ моемъ сердцѣ. Пошли имъ Богъ исполненіе, къ славѣ Отечества и государя. Да обратится Россія, вразумленная несчастными опытами послѣдняго времени, къ самой себѣ; да возложитъ она впредь надежду только на Провидѣніе и на свой великій народъ, его высокій духъ; да устремитъ все свое вниманіе на воздѣланіе духовныхъ даровъ, въ такомъ обиліи ему свыше ниспосланныхъ, этихъ десяти талантовъ, съ которыхъ потребуется лихва; да убѣдится тверже и тверже въ истинѣ святой пословицы Петровой, что ученье свѣтъ, а неученье тьма. Тьма повела бы насъ къ гибели. Во исполненіе вашего приказанія, имѣю счастіе представить вашему императорскому высочеству письмо, которое было къ вамъ писано пятнадцать лѣтъ назадъ, но не доставлено, какъ я узналъ впослѣдствіи. Прошу вашего позволенія, представить прямо къ вашему императорскому высочеству послѣднія мои политическія записки, служащія продолженіемъ и окончаніемъ первыхъ, кои удостоились вашего, столь драгоцѣннаго для меня, вниманія".

Успѣхи при Дворѣ обратили на Погодина вниманіе и Петербургскаго общества. Въ это время онъ былъ безпрестанно приглашаемъ на вечера и обѣды. Такъ что пребывавшій въ то время въ Петербургѣ Н. А. Мельгуновъ съ упрекомъ писалъ своему старому другу: „Слышу, ты посѣщаешь и больныхъ и здоровыхъ, бываешь на вечерахъ и обѣдахъ, сходишь со двора въ 8 часовъ утра и возвращаешься домой за полночь; а нѣтъ того, чтобъ завернуть къ старому пріятелю".

Къ сожалѣнію, мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія объ этомъ пребываніи Погодина въ Петербургѣ, и принуждены ограничиться досаднымъ лаконизмомъ его *Дневника*.

Подъ *15 ноября 1854 года*: „Искреннѣйшая бесѣда съ графомъ Перовскимъ: о настоящихъ обстоятельствахъ, моихъ письмахъ, прошедшихъ и будущихъ. Пріѣхалъ обѣдать къ Веневитиновымъ, а онъ не свободенъ. Отправился домой и послалъ за двумя котлетами, за которыя взяли пять рублей! Къ Прянишникову, о возраженіи Николая. Къ Давыдову, о Норовѣ и Министерствѣ. Поутру къ Норову, который принялъ холоднѣе. Къ Бартеневу, Гаевскому, который перемѣнилъ шубу".

16 . . . . . : „Къ митрополиту Никанору. О современныхъ событіяхъ. О Русскомъ народѣ. Отмѣнно доволенъ *Москвитяниномъ*. Макарія не засталъ. Завернулъ къ Іоанну. Простился съ Блудовыми. Бахтинъ. Пріятный часъ у Рикорда. Пилъ чай у Саввантова. Съ Давыдовымъ, который на мое извѣстіе объ его будто бы интригахъ противъ меня, говорилъ съ такимъ огорченіемъ, что я рѣшительно долженъ отвергнуть оное".

Наступилъ день отъѣзда Погодина изъ Петербурга, т.-е., 17 ноября 1854 года, и въ *Дневникѣ* его читаемъ: „Заѣхалъ проститься съ Мельгуновымъ. Срезневскій. Его семейство, и боялся опоздать на хромой лошаденкѣ, а взять другого извощика не рѣшился. Отправились".

Среди бумагъ Погодина сохранился лоскутокъ, въ которомъ записаны лица, которыхъ посѣтилъ Погодинъ во время пребыванія своего въ Петербургѣ: Сербиновича, Карасевскаго, Юрьева, Головнина, Аверкіева, Жихарева, Блудова, Корфа, Толстова, Горчакова, Корша, Любимова, Савельева, Перовскаго, Олсуфьева, Левшина, Чивилева, Прянишникова, Тютчева, Долгорукова, Перевощикова, Греча, Апрѣлева, Плетнева, князя Оболенскаго, Княжевича, Куника, Надеждина, Кареля, Коркунова, Рикорда, Смирнова, и пр.

18 ноября 1854 года, Погодинъ возвратился въ Москву.

Изъ Петербурга, онъ вынесъ свѣтлыя впечатлѣнія, и ими подѣлился съ И. В. Кирѣевскимъ и С. Т. Аксаковымъ.

20 ноября 1854 года, И. В. Кирѣевскій писалъ Погодину:

„1) Спасибо!

2) Спасибо!

3) Очень и очень спасибо!

4) Если ты справедливо пишешь о Петербургѣ, то отъ чего же ты воротился не министромъ“?

Въ Екатеринипъ день 1854 г., С. Т. Аксаковъ отвѣчалъ Погодину: „Благодаримъ васъ, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ, за ваше письмецо, отъ 21 ноября, хотя оно далеко не удовлетворяетъ нашего любопытства; не все, кажется, благополучно, говоря относительно. Вотъ вамъ нашъ Иванъ. Онъ—живая грамотка и вы можете передать съ нимъ все. Вы что-то слишкомъ хвалите Петербургъ: ужъ не подольстился ли онъ къ вамъ зміемъ-искусителемъ?“ [137]).

Въ то время, когда въ Россіи пущено *октябрское* письмо Погодина, въ которомъ нарисована была мрачная картина внутренняго состоянія нашего Отечества, въ это время, 24 октября 1854 года, на высотахъ Инкермана происходило кровавое дѣло.

Еще 15 октября 1854 года, протоіерей Лебединцевъ писалъ высокопреосвященному Иннокентію: „Срокъ нашему терпѣнію былъ назначенъ по 18 октября. Теперь отлагается до 20. Потерпимъ и до конца, только бы увидѣть спасеніе. Князь Меншиковъ при арміи. Въ городѣ старшій по чину—генералъ Моллеръ. Надъ морскими баталіонами и командами на батареяхъ — адмиралъ Нахимовъ. По смерти Корнилова, говорятъ, состоялся какой-то гофкригсратъ изъ Моллера, Станюкевича, коменданта Кизмера и еще двухъ“ [138]).

Значительное усиленіе нашихъ войскъ въ Крыму и успѣхъ непріятельскихъ работъ подъ Севастополемъ побудили князя Меншикова предпринять наступательное дѣйствіе противъ союзной арміи. Непосредственное управленіе дѣйствіями въ

бою при Инкерманѣ поручено было генералу Данненбергу. Наканунѣ Инкерманскаго сраженія, адмиралъ Нахимовъ, послѣ обычнаго объѣзда укрѣпленій, возвратился на корабль свой Трехъ Святителей, на которомъ онъ имѣлъ жительство, такъ какъ онъ на берегъ въ то время не съѣзжалъ. Въ это время ему доносятъ, что къ нему пріѣхалъ съ визитомъ корпусный командиръ Данненбергъ. Нахимовъ поспѣшилъ на встрѣчу генералу и ввелъ его въ свою каюту. Среди разговора Нахимовъ вдругъ спрашиваетъ: „Ваше превосходительство, говорятъ, что къ завтрашнему дню у васъ назначено большое сраженіе"? Получивши утвердительный отвѣтъ, Нахимовъ возразилъ: „Какъ же это вы, наканунѣ сраженія, теряете время на безполезные визиты? Неужели вамъ не предстоитъ никакого распоряженія, ненужно ничего сообразить" [139]).

Къ Инкерманскому бою прибыли въ Севастополь великіе князья Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ. „Вмѣстѣ съ этою радостною вѣстію,—писалъ протоіерей Лебединцевъ къ высокопреосвященному Иннокентію, — утромъ мы услышали и о наступательномъ движеніи войскъ нашихъ, или, лучше, услышали самое движеніе ихъ. Это было во время утрени, по окончаніи которой, сквозь туманъ и дымъ, мы видѣли только сверкавшіе огни на высотахъ, лежащихъ къ Инкерману".

Русскіе предводимые генераломъ Данненбергомъ, ворвались въ лагерь Англичанъ и уже сдѣлали значительные успѣхи, какъ Французскій генералъ Боске подоспѣлъ на помощь Англичанамъ и заставилъ нашихъ отступить. Въ Инкерманскомъ сраженіи участвовали великіе князья, а съ противной стороны,—герцогъ Кембриджскій и принцъ Наполеонъ.

26 октября 1854 года, изъ Севастополя протоіерей Лебединцевъ писалъ высокопреосвященному Иннокентію, что послѣ сраженія великіе князья были на Малаховомъ Курганѣ, „и едва только успѣли передать зрительную трубу кондуктору и нѣсколько отступить, какъ ядро лишило этого кондуктора ноги".

На высотѣ, позади Инкермана, устроенъ былъ телеграфъ. У этого телеграфа, въ продолженіе Инкерманскаго боя, находился князь Меншиковъ съ своимъ штабомъ. Когда генералъ Данненбергъ объявилъ князю Меншикову, что дѣло не удалось, что удержаться на занятой позиціи нѣтъ возможности, и что онъ уже приказалъ отступать, то на это князь Меншиковъ „вымолвилъ вполголоса рѣзкое, довольно тривіальное Русское слово, долетѣвшее до слуха адъютанта его, и отъѣхалъ“. Неудачу Инкерманскаго сраженія князь Васильчиковъ вмѣняетъ въ вину не войскамъ, а самому князю Меншикову, „предоставившему генералу Данненбергу дѣйствовать по неудачной диспозиціи, и не принимавшему въ дѣлѣ личнаго участія, какъ главный начальникъ“.

Севастополь наполнился ранеными и умирающими своими и чужими. „Много вчера я видѣлъ Французовъ на перевязочномъ пунктѣ,—писалъ протоіерей Лебединцевъ,—и многихъ умершихъ ночью отправили при мнѣ на баркахъ на сѣверную сторону Севастополя. Больно смотрѣть и на врага обезображеннаго и поверженнаго, какъ трупъ непотребный“.

Черезъ три дня послѣ Инкерманскаго сраженія, Севастополь былъ озаренъ небесною радостію.

„27 октября вечеромъ“,—писалъ протоіерей Лебединцевъ высокопреосвященному Иннокентію“,—прислано намъ утѣшеніе и отъ царицы-матери. Съ флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ она прислала икону Христа Спасителя, чтобы поставить оную на Николаевской батареѣ. Будучи приглашенъ губернаторомъ, я принялъ оную и передалъ въ Михайловскую церковь, оттуда, 28 октября, въ 7 часовъ утра, съ церковною процессіею и военнымъ парадомъ, отнесена высочайше пожалованная икона на Николаевскую батарею, на площади которой былъ соборнѣ отслуженъ молебенъ, о дарованіи побѣды на супостаты. Всѣ потомъ прикладывались къ иконѣ при окропленіи св. водою. Икона поставлена на внѣшней сторонѣ батареи, лицомъ къ городу. По окончаніи молебствія, флигель-адъютантъ передалъ мнѣ, что великимъ князьямъ

угодно, чтобы вечеромъ, въ 6 часовъ, когда смолкнетъ бомбардировка, икона сія была однимъ изъ священниковъ обнесена по всѣмъ бастіонамъ, что губернаторомъ возложено на одного изъ священниковъ военнаго собора и дежурнаго штабъ-офицера. Послѣдняя молитва наша была видимо единодушною и теплою молитвою: довольно было взглянуть на положеніе и лица всѣхъ присутствовавшихъ на обширной площади. Я счелъ долгомъ представить вамъ сказанную мною при этомъ случаѣ рѣчь не потому, чтобы я находилъ въ ней что либо достойное вашего вниманія (я даже со страхомъ посылаю), а единственно потому, чтобы дать понятіе о богобоязненномъ и истинно-Христіанскомъ настроеніи душъ въ темномъ Севастополѣ. Эта рѣчь, которую я рѣшился говорить только по требованію настоящаго времени, исторгла слезы у многихъ, начиная съ губернатора и коменданта. Сердце, умягченное страшнымъ млатомъ Божіимъ, дѣлается чувствительнымъ къ самому слабому прикосновенію. Чрезъ часъ, не знаю, для какой надобности, губернаторъ запиской просилъ у меня этой рѣчи, и я отдалъ. 27 числа ударомъ бомбы выбило въ моей церкви колонну съ западной стороны, противъ входа въ церковь; но церковь еще цѣла и служеніе продолжается безъ измѣненія даже часовъ богослуженія“ [140]).

Протоіерей Арсеній Гавриловичъ, обратясь къ молящимся, сказалъ: „Христолюбивые воины! Се, предъ вами св. икона Христа Спасителя, отъ царскаго чертога препосланная! Мы собрались принять этотъ святой залогъ благоволительнаго вниманія благочестивѣйшей государыни императрицы къ настоящему, многотрудному и многопечальному положенію града нашего. . Но прежде чѣмъ съ благоговѣніемъ пріимемъ и съ вѣрою поставимъ его на уготованномъ мѣстѣ, приникнемъ внимательнымъ взоромъ къ сей св. иконѣ.

„Подпись: *Господь Вседержитель!*..... Благословляя десницею, въ другой руцѣ своей Онъ держитъ Евангеліе, раскрытое на сихъ словахъ: *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Матѳ. XI, 29).

„Видите, какъ утѣшительны слова господа Вседержителя, и какъ прямо идутъ они къ прискорбнымъ, даже до смерти, сердцамъ нашимъ! Значитъ: матернее сердце благочестивѣйшей императрицы прилежно поискало для насъ утѣшенія, намъ благо потребнаго, и умѣло найти его въ сихъ словахъ Спасителя нашего.

„Господь Вседержитель, владычествуяй всѣми, яже на небеси и на земли, во власти коего судьбы царствъ и народовъ, обѣщаетъ покой всѣмъ, приходящимъ къ Нему.

„Его-ли всемогущее слово можетъ встрѣтить, гдѣ либо и отъ кого-либо, себѣ препятствіе? Его-ли святое обѣщаніе прейдетъ праздно и не исполнится на самомъ дѣлѣ надъ вѣрующими въ него во истину?

„Господь Вседержитель обѣщаетъ покой всѣмъ труждающимся, — тѣмъ паче труждающимся, какъ вы теперь, до крове и смерти, на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество.

„Господь Вседержитель обѣщаетъ покой обремененнымъ, — тѣмъ паче тѣмъ, кои, подобно намъ обременены неправедно, не какою-либо, обыкновенною въ мірѣ, скорбію, а ужаснымъ и едва не безпримѣрнымъ, по самому продолженію, бременемъ огня, меча и смерти.

„Но замѣтимъ, братія мои, прилежно замѣтимъ, какимъ труждающимся и обремененнымъ обѣщается покой отъ Господа? — *Приходящимъ къ Нему!* Кто не приходитъ ко Господу Вседержителю вѣрою, любовію, молитвою, тотъ, хотя бы и много труждался и былъ обремененъ тяжко, не обрѣтетъ покоя душѣ своей, ибо не взыскалъ онаго, какъ должно. И такъ, будемъ труждаться съ живою вѣрою, и Господь подастъ намъ покой и радость: будемъ нести тяжкое бремя наше съ благодушіемъ и упованіемъ, и Онъ — Всемогущій сниметъ съ насъ тѣ лютыя иго и бремя, кои такъ долго тяготѣютъ надъ нами. Кромѣ оружія вещественнаго вооружимся сердечною молитвою, памятуя слова Его-же премилосердаго: *Вся елика аще молящеся пр́осите, вѣруйте, яко пріемете: и будетъ вамъ* (Мар. XI, 24).

„Вѣруемъ, Господи, вѣруемъ отъ всея души и сердца обѣтованію Твоему: буди намъ по глаголу Твоему [141])!“

Въ тоже время митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Преосвященный Иннокентій ѣхалъ, говорятъ, въ Севастополь съ чудотворною иконою; но князь Меншиковъ отклонилъ его прибытіе въ Севастополь. Мы живемъ въ удивительномъ смѣшеніи мыслей и дѣлъ. Мнѣ пересказали сказанное одною значительною особою, что князь Меншиковъ не расположенъ къ преосвященному Иннокентію, считая его вольномыслящимъ; тогда какъ менѣе невѣроятно было бы, если бы такое мнѣніе имѣлъ преосвященный о князѣ. Господу помолимся“.

Въ *томъ же духѣ* писалъ и очевидецъ событій Севастопольскихъ генералъ Меньковъ: „Архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій, движимый святою любовью къ Россіи, съ самоотверженіемъ древнихъ пастырей, спѣшилъ къ войскамъ въ Крыму, чтобы благословить православныхъ на побѣду надъ врагомъ и раздѣлить съ ними опасности. Князь А. С. Меншиковъ пригласилъ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго возвратиться къ своей паствѣ, въ Одессу. Съ архіепископомъ Иннокентіемъ была чудотворная икона Божіей Матери, съ которою пастырь хотѣлъ обойти войска. Князь Меншиковъ, Русскій бояринъ, поручилъ сказать архіепископу, что „онъ боится *скомпрометировать* чудотворную Божію Матерь, опасаясь, чтобы она не попала въ руки непріятеля“. Съ Христіанскою покорностію вернулся Иннокентій изъ Бахчисарая въ Одессу [142])“.

XXXV.

Кровопролитный Инкерманскій бой произвелъ въ Россіи тяжкое впечатлѣніе.

„Страшная борьба!“—восклицалъ И. С. Аксаковъ:—„На ихъ сторонѣ наука, искусство, талантъ, храбрость, всѣ матеріальныя средства; на нашей—только правота дѣла и личное мужество войскъ; остального ничего нѣтъ“ [143]).

„Надежда наша“,—писалъ (26 окт. 1854) протоіерей Лебединцевъ,—„была и есть паче на Бога, нежели на силы человѣческія... Слышалъ, какъ всѣ въ войскѣ, отъ мала до велика, недовольны распоряженіями князя Меншикова. Гласъ народа—гласъ Божій. И нельзя въ семъ гласѣ не признать истины; Липранди же, въ своей опасной позиціи, кажется, предоставленъ самому себѣ. Много разныхъ толковъ, но ни одного въ пользу нашего главнокомандующаго. Пока стоятъ у орудій безстрашные матросы, наша защита благонадежна. Но еще недѣли двѣ, и ихъ всѣхъ можно извести. Или Господу угодно явить силу свою уже въ нашей немощи?! Еще вспомнимъ доброе слово о нашихъ морякахъ плѣннаго капитана Англійскаго: *Если бы у насъ были такіе, мы бы давно срыли ваши укрѣпленія...* Всѣ въ восторгѣ отъ генерала Липранди... Храбрый, онъ удивляется храбрости матросовъ: *видѣлъ я храбрыхъ, но такихъ солдатъ не видѣлъ*“.

Въ другихъ письмахъ протоіерея Лебединцева читаемъ: (29 октября 1854 г.): „Князь Меншиковъ ничего не предпринимаетъ и свои мысли скрываетъ даже отъ своей фуражки, которую сжегъ бы, еслибъ она узнала ихъ. Эта непонятная таинственность и бывшіе опыты неудачи, тягостное производятъ вліяніе на всѣхъ, а главное на армію, которая крайне нерасположена къ своему главнокомандующему. Одно присутствіе великихъ князей ободряетъ и утѣшаетъ войско: они какъ ангелы для больныхъ и раненыхъ, о коихъ прилагаютъ всевозможное попеченіе“. (9 ноября 1854 г.): „О *24-омъ числѣ*, дѣйствительно страшномъ, и доселѣ толки идутъ. Всѣ винятъ единогласно князя Меншикова, который не съявляетъ своего плана и тогда, когда ведетъ войска въ дѣло. Князь недоволенъ будто бы генераломъ Данненбергомъ, всѣ генералы—штабомъ главнокомандующаго“ [144]).

„Въ этотъ прискорбный для Русскаго сердца день“,—пишетъ князь Васильчиковъ,—„обнаружилась въ полнѣйшей мѣрѣ вся несостоятельность нашего интендантскаго и госпитальнаго управленія во всей арміи вообще и въ Крымской въ особен-

ности. Для призрѣнія десяти тысячъ раненыхъ оказался при арміи подвижной госпиталь, сколько мнѣ помнится, на 1200 больныхъ. Бѣлья, посуды, а что̀ важнѣе всего, перевязочныхъ средствъ, не хватало конечно и на половину страждущихъ, и бѣдные солдаты сидѣли и лежали подъ открытымъ небомъ, прикрывая свою наготу окровавленною, твердою какъ лубокъ, шинелью, потому что рубаха, а часто и портки, изрѣзаны на бинты или истреплены на корпію... Медицинское начальство сочло необходимымъ помѣстить офицеровъ въ баракахъ въ такой тѣснотѣ, грязи и вони, что негдѣ было пройти; и воздухъ былъ такой удушливый, что здоровому человѣку нельзя было дышать. Богъ вамъ судья, господа медики и генералъ-штабъ доктора!"

На другой день Инкерманскаго сраженія, „рано утромъ", князь Васильчиковъ пришелъ на пароходъ, на которомъ помѣщался князь Меншиковъ. На палубѣ встрѣтилъ онъ генеральнаго штаба полковника Герсеванова, состоявшаго при князѣ. Онъ держалъ въ рукѣ какой-то свертокъ бумаги, размахивалъ имъ во всѣ стороны и взволнованнымъ отъ негодованія тономъ привѣтствовалъ князя Васильчикова словами: „Вотъ какъ у насъ дѣло дѣлается. Вчера мы давали рѣшительное сраженіе, а сегодня доставленъ къ намъ планъ той мѣстности, на которой происходило сраженіе; вотъ фельдъегерь, который сію минуту только что прибылъ съ этой посылкой".

На возраженіе князя Васильчикова, что слѣдовало похлопотать объ этомъ заблаговременно, Герсевановъ объяснилъ мнѣ, какъ все это происходило. Оказывается, что штабъ князя Меншикова (если можно назвать такимъ именемъ канцелярію, при немъ состоявшую) давно уже былъ озабоченъ отысканіемъ плана окрестностей Севастополя, составленнаго штабомъ 5-го корпуса, подъ главнымъ руководствомъ тогдашняго начальника штаба Данненберга, въ то время, когда корпусъ этотъ, подъ начальствомъ Н. Н. Муравьева (Карскаго), стоялъ на этой мѣстности лагеремъ, въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтнихъ сезоновъ сряду. Естественно было обратиться съ такимъ требованіемъ въ штабъ генералъ-адъютанта Лидерса. Но въ это время пятый корпусъ былъ на Дунаѣ, а выступая изъ Одессы, онъ сложилъ тамъ всѣ свои тяжести и архивъ, который остался подъ охраной вахтера, немогущаго сыскать въ кипахъ разныхъ бумагъ требуемаго плана. Поэтому всѣ просьбы офицеровъ, бывшихъ въ Крыму, остались тщетными: плана изъ штаба 5-го корпуса не высылалось. Тогда князь Меншиковъ обратился въ Военное Министерство, предполагая, что въ Военно-Топографическомъ Депо должны находиться карты того края, защита котораго была ему поручена. Но на просьбу его военный министръ отвѣчалъ, что въ Депо имѣется одна лишь подлинная съемка; а таковую по силѣ такой-то статьи военныхъ постановленій, нельзя никому выдавать, иначе какъ по особому высочайшему на то повелѣнію, для испрошенія котораго онъ, князь Долгорукій, ждетъ особаго отъ князя Меншикова заявленія. Между тѣмъ, время шло; наступилъ моментъ рѣшительнаго дѣйствія, а плана нѣтъ, какъ нѣтъ. Въ это время явился генералъ Данненбергъ и объявилъ, что онъ мѣстность знаетъ, какъ свои карманы, и что ему никакого плана не нужно. Вотъ почему сраженіе было дано безъ точнаго знакомства съ мѣстностью, такъ что войска наши во время своего наступательнаго движенія неоднократно натыкались на крутые обрывы овраговъ, непроходимыхъ для артиллеріи и не разъ лишались отъ того полезнаго содѣйствія этого оружія“ [145]).

8 ноября 1854 года, Шевыревъ писалъ Погодину изъ Москвы: „Здѣсь такой дождь и такая темнота, что пиши хоть при свѣчахъ, и на душѣ не свѣтлѣе. Грустно отъ послѣднихъ извѣстій Севастопольскихъ. Храни его Господи! Мнѣ все какъ-то страшно, чтобы Господь насъ не оставилъ“ [146]).

И. С. Аксаковъ утверждалъ, что отецъ его, какъ натура артистическая, былъ индеферентенъ къ политикѣ. Въ этомъ смыслѣ натура его коренным образомъ измѣнилась во время Восточной войны 1853 — 1855 г. Всѣ письма его за это

время о семъ свидѣтельствуютъ. Такъ, 15 ноября 1854 года, онъ писалъ, изъ своего Абрамцова, къ А. О. Смирновой, слѣдующее: „Вы очень вѣрно поняли тревогу въ мирномъ Абрамцовѣ. Да, мы находимся теперь въ исключительномъ положеніи. Мы погружены въ безотрадное горе и въ тревожное ожиданіе новыхъ печальныхъ явленій нашего безъисходнаго положенія. Много великихъ событій совершилось на моей памяти, я помню какъ возникалъ Наполеонъ; но ни одно такъ не волновало меня, какъ настоящее или, лучше сказать, грядущее событіе. Самое тяжелое въ нашемъ положеніи—неизвѣстность, туманъ, который насъ окружаетъ. Что мы такое? Чего хотимъ, за кого стоимъ? Никто не знаетъ. Въ 12-мъ году было выставлено знамя, было сказано, что мы не положимъ меча до тѣхъ поръ, покуда хоть одинъ непріятель будетъ оставаться на землѣ нашей, что мы не уступимъ ни одного вершка этой земли. И такъ, дѣло было ясно. А теперь что? Я разстроенъ не только духомъ, но и тѣломъ, и я захварываю отъ каждаго извѣстія изъ Крыма. Какъ я радъ теперь, что живу въ деревнѣ: я не слышу и не вижу того, что вы видите и слышите. Конечно, въ Москвѣ не то, что въ Петербургѣ, но довольно гадко, какъ вы сами сказали“.

Между тѣмъ, въ Севастополѣ, въ то время, было нѣсколько отрадныхъ явленій.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1854 года, князя В. И. Васильчикова, состоявшаго при штабѣ генерала Липранди, потребовали къ князю Меншикову, который и назначилъ его исправляющимъ должность начальника штаба гарнизона. Это счастливое назначеніе состоялось по настоятельному тробованію великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, для которыхъ „неурядица и отсутствіе всякаго распоряженія по гарнизону стали фактомъ несомнѣннымъ“. Князь Васильчиковъ переселился въ Севастополь. Тотлебенъ далъ ему временный пріютъ у себя на квартирѣ; старый матросъ служилъ ему камердинеромъ и ухаживалъ за его скуднымъ хозяйствомъ, состояв-

шимъ изъ тѣхъ немногихъ нужнѣйшихъ вещицъ, какія могли помѣститься въ микроскопическомъ чемоданѣ курьера, пріѣхавшаго въ Крымъ изъ Кишинева на перекладной“ [147]).

Радостное впечатлѣніе произвело также и прибытіе въ Севастополь графа Дмитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена. Предъ отъѣздомъ его изъ Одессы, высокопреосвященный Иннокентій, благословляя его чудотворною иконою Касперовской Божіей Матери, сказалъ: „Въ знакъ николиже отпадающей взаимной любви о Христѣ и въ залогъ будущихъ надъ вами благословеній свыше, примите сіе изображеніе чудотворнаго лика Богоматери Касперовской, озарившаго чудесами всю страну нашу. Сему святому лику мы, вмѣстѣ съ вами, поручали молитвенно градъ нашъ предъ наступленіемъ на него прошедшей опасности; ему же теперь, въ духѣ вѣры, поручаемъ самихъ васъ и будущіе подвиги ваши противъ враговъ, въ твердой надеждѣ, что *Взбранная Воевода* подастъ вамъ скоро возможность паки *благодарственно* воспѣть Ей—*побѣдительная!*“

21 ноября 1854 года, протоіерей Лебединцевъ извѣщалъ высокопреосвященнаго Иннокентія: „Прибылъ къ намъ Дмитрій Ерофеевичь, что всѣхъ обрадовало. Говорятъ, что онъ присланъ на мѣсто Данненберга, котораго обвиняютъ за *24 октября*“. Въ другомъ письмѣ своемъ (отъ 30 ноября), протоіерей Лебединцевъ сообщаетъ болѣе точныя свѣдѣнія: „Генералу Сакену ввѣрено начальство надъ войсками, въ городѣ находящимися, слѣдовательно и защита города. Всѣ чрезвычайно рады этому“.

Вскорѣ по своемъ назначеніи, графъ Дмитрій Ерофеевичъ созвалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ священниковъ и „просилъ ихъ объ усердномъ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей“.

Не замедлила проявиться и благодѣтельная дѣятельность благочестиваго воина. 17 декабря 1854 г., протоіерей Лебединцевъ писалъ: „Дѣятельными распоряженіями Дмитрія Ерофеевича всѣ довольны и вездѣ говорятъ о немъ съ большимъ уваженіемъ“.

3 декабря, Севастополь съ грустью разстался съ великими

князьями Николаемъ Николаевичемъ и Михаиломъ Николаевичемъ. „Великіе князья", — писалъ протоіерей Лебединцевъ, — „уже изволили отслушать о путешествіи молебенъ и сегодня отправляются въ Петербургъ, обѣщая къ новому году возвратиться. Говорятъ, что ихъ пожелала видѣть государыня императрица, якобы нездоровая. Были для прощанія въ госпиталяхъ и на бастіонахъ" [148]).

О проѣздѣ великихъ князей черезъ Москву, вотъ что писалъ, 18 декабря 1854 года, митрополитъ Московскій Филаретъ къ Антонію: „Вы желали черезъ меня слова отъ великихъ князей. Я ихъ не видалъ. Въ ночь, въ которую я очень болѣзновалъ, на постели прочиталъ я извѣстіе, что великіе князья прибудутъ, и будутъ на краткое время, въ Чудовѣ и у Иверской. Потомъ сказали мнѣ, что прибудутъ черезъ два часа. Но особы высшихъ классовъ весь день просидѣли во дворцѣ, и великихъ князей не было. Прошелъ еще день, и не было. На третій день, исправляющій должность оберъ-полиціймейстера обстоятельнѣе пересказалъ мнѣ содержаніе извѣстія о прибытіи великихъ князей, и я увидѣлъ, что они полагаютъ слушать въ Чудовѣ молитвословіе и едва успѣлъ распорядиться, чтобы меня, еще больнаго, замѣнилъ викарій. Впрочемъ, слышалъ я, что и они, какъ другіе, находятъ укрѣпленія непріятелей также трудными ко взятію, какъ Севастопольскія, и что сила непріятелей едва ли уже не больше нашей. Единъ Богъ наша надежда" [149]).

Въ тоже время прибылъ въ Севастополь Н. И. Пироговъ, а съ нимъ помощники его и сестры милосердія Крестовоздвиженской общины, — созданіе великой княгини Елены Павловны. „Все приняло, — свидѣтельствуетъ князь Васильчиковъ, — по санитарной части, видъ благоустройства и порядка" [150]).

Духовникомъ общины былъ назначенъ протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ [151]).

„Послѣ кровопролитнаго боя на Инкерманскихъ высотахъ", — пишетъ князь Васильчиковъ, — „съ обѣихъ сторонъ стала ощутительна потребность въ отдохновеніи... Огонь осаждаю-

щаго сталъ слабѣе, въ особенности съ Англійскихъ батарей, и прежнее злое бомбардированіе мало по малу превратилось въ то хроническое, такъ сказать, бросаніе бомбъ, какимъ союзники занимались въ теченіе всей поздней осени и всей зимы. Къ тому же случившаяся на Черномъ морѣ сильная буря причинила союзному флоту столько вреда и лишила сухопутныя войска ожидаемаго ими снабженія; такъ что осада сдѣлалась не въ примѣръ вялѣе и слабѣе, въ особенности въ Англійскихъ войскахъ, подъ вліяніемъ дурной погоды, недостатка теплой одежды, потерянной при крушеніи кораблей, усилившихся отъ того болѣзней и даже недостаточности продовольствія. Севастополь вздохнулъ" [152]).

Между тѣмъ, наступило Рождество Христово. „Великій праздникъ Христіанскій"—писалъ протоіерей Лебединцевъ,—„мы, паче чаянія, встрѣтили и провели совершенно мирно, не будучи обезпокоены ни однимъ выстрѣломъ непріятельскимъ, и сіе—тако Господу благоволившему: уже съ полдня на канунѣ праздника былъ чувствительный морозъ при сѣверномъ вѣтрѣ, который ночью дулъ весьма сильно и холодъ развело настоящій Рождественскій. Не до насъ было непріятелямъ, коченѣвшимъ отъ холода. Въ настоящій праздникъ мы не славили Христа въ домахъ, которые или разорены, или упразднились отъ мятелей. Храмъ былъ полонъ молящихся, но исключительно солдатъ. Веселій праздничныхъ не было. Главнокомандующій, по причинѣ сильной погоды, не пріѣзжалъ съ сѣверной въ городъ даже въ первый день. Сакена же не было оба дня, говорятъ, по болѣзни. Впрочемъ, на улицахъ веселье Русское слышно, даже видны были нѣкоторые, якоже древія ходящи".

У непріятелей праздникъ Рождества приходился на 13 декабря. Когда въ этотъ день протоіерей Лебединцевъ напомнилъ одному плѣнному Французскому офицеру, что у нихъ сегодня праздникъ, онъ, „улыбнувшись", отвѣчалъ, *что у нихъ это никого не забавляетъ* [153]).

XXXVI.

Наступившая зима прекратила на время военныя дѣйствія. Между тѣмъ, дипломатія не бездѣйствовала; она постановила слѣдующіе четыре основные пункта для переговоровъ о мирѣ:

1) Прекращеніе Русскаго протекторства въ Дунайскихъ княжествахъ. 2) Совершенная свобода судоходства по Дунаю. 3) Пересмотръ прежнихъ договоровъ и 4) Общее великихъ державъ покровительство Христіанскихъ подданныхъ Порты.

Австрія и Пруссія приняли эти четыре пункта, но въ различномъ смыслѣ: Австрія, 2 декабря 1854 года, присоединилась къ Западнымъ державамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними силою провести предложенныя условія въ исполненіе; Пруссія, удовольствовавшись объясненіемъ Россіи, что упомянутые четыре пункта она принимаетъ за основаніе для мирныхъ переговоровъ, не только сама осталась нейтральною, но и побудила къ тому Германію. Между тѣмъ, какъ Австрія выставила сильную армію въ Галиціи, Пруссія и Германія поставили свои войска на военную ногу, собственно для того, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Если не бездѣйствовала дипломатія, то не бездѣйствовалъ и Погодинъ. „Всѣ ваши пророчества“, — писалъ ему Ю. Ѳ. Самаринъ, — „сбываются, какъ по писанному. Въ Петербургѣ я прочиталъ оффиціальное извѣстіе, о которомъ мы уже увѣдомлены дипломатическимъ путемъ, что Австрія заключила съ Франціею и Англіею сепаратный наступательный и оборонительный союзъ — на другой день нашего договора съ Австріею и уже по полученіи отъ насъ увѣдомленія, что мы принимаемъ четыре пункта. Вотъ дополнительное извѣстіе, котораго въ газетахъ мы не прочтемъ. Австрія увѣдомила насъ, что она *вынуждена была противъ воли* вступить въ союзъ съ Франціею и Англіею, что министры Англійскіе и Французскіе потребовали этого настоятельно и дали Австрійскому правительству на размышленіе

два часа. Здѣсь этому вѣрятъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Австрія объявила намъ, что до 1-го января она будетъ трактовать съ нами о мирѣ, на основаніи четырехъ пунктовъ, и по истеченіи этого срока должны будутъ подвергнуться пересмотру ея трактаты 1815 года и возбудиться вопросъ о возстановленіи Царства Польскаго, *въ границахъ, установленныхъ тьми же трактами.* Вынуждаютъ скораго мира. Вы говорите, что позиція непріятельская Севастополемъ такъ укрѣплена, что сдѣлалась рѣшительно неприступною. Была одна слабая сторона, и мы указали Инкерманскимъ дѣломъ".

Изъ Петербурга же, 28 ноября 1854 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ нашему политику: „Поздравляю васъ съ царскимъ милостивымъ словомъ; вотъ новое доказательство, что къ вамъ благоволятъ. Высказывайте скорѣе все, что у васъ есть на душѣ. Авось, не на безплодную землю падетъ доброе сѣмя" [154]).

Погодинъ ставитъ вопросъ: *Миръ или война—что лучше?* Рѣшаетъ онъ этотъ вопросъ такимъ образомъ: „Положимъ, скрѣпя сердце, на эту пору миръ лучше войны. Но мира честнаго, даже сноснаго, намъ не даютъ, не дадутъ, не хотятъ, да едва ли могутъ".

Обращаясь къ упомянутымъ выше четыремъ гарантіямъ, Погодинъ замѣчаетъ, что этими гарантіями „враги только закрывали свои намѣренія. Съ четырьмя гарантіями они разыгрывали ту же комедію, что съ Вѣнскою нотою, которую лишь только приняли мы, какъ они объявили намъ войну". Возбужденными же этими гарантіями переговорами, враги наши воспользуются, чтобы „выиграть время, продержать насъ въ бездѣйствіи и не допустить до надлежащихъ приготовленій, а между тѣмъ сами будутъ собираться съ новыми силами, чтобъ ударить на Россію со всѣхъ сторонъ, сквозь душу ея *провести оружіе*".

Погодинъ также замѣчаетъ, что въ гарантіяхъ нѣтъ ничего существенно полезнаго для Англіи и Франціи. „Такъ неужели",—спрашиваетъ онъ,—„Англія и Франція воевали да-

ромъ? Можетъ ли быть, чтобъ онѣ напрягали всѣ свои силы, приносили чрезвычайныя жертвы, подвергались ужаснымъ потерямъ, лили свою кровь, только для интереснаго препровожденія времени? За спасибо или даже безъ спасиба *мы* могли спасти Австрію, или избавить султана Махмуда отъ притязаній Египетскаго паши; а Франція и Англія не такъ просты, или не такъ великодушны!" Гарантіи же эти очень важны для Австріи и Германіи.

„Миръ, миръ!" — восклицаетъ Погодинъ и прибавляетъ: *Егда бо рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати. Вы же, братіе, нѣсте во тмѣ, да день васъ, якоже тать, постигнетъ* (1 Солун. V, 3—4).

„Всѣ наши уступки", — продолжаетъ Погодинъ, — „не принесли намъ ничего больше, кромѣ ужаснаго вреда и ужаснаго стыда. Чѣмъ больше будемъ мы уступать, тѣмъ больше будутъ съ насъ требовать. Если нынѣ нуженъ врагамъ Севастополь и Черноморскій нашъ флотъ, для обезпеченія Турціи, то завтра понадобится Свеаборгъ и Балтійскій флотъ, для обезпеченія Швеціи и такъ далѣе. Чѣмъ больше будемъ мы унижаться, тѣмъ шибче будутъ бить насъ по щекамъ, а и такъ уже кровь льется у насъ изъ носу, изъ ушей и изо рта..... Давно ли мы должны были оправдываться въ Синопской побѣдѣ послѣ того, какъ у насъ былъ выжженъ и занятъ фортъ Св. Николая и вырѣзанъ мучительски весь гарнизонъ? Давно ли должны были оставить осаду Силистріи, подъ которою пролито столько крови Русской? Давно ли воротились мы изъ за-Дуная, въ угоду Австріи, оставивъ кресты, тамъ воздвигнутые? Давно ли вышли мы изъ Молдавіи и Валахіи, въ уваженіе Германскихъ интересовъ, между тѣмъ, какъ нашъ собственный Крымъ подвергся разоренію, а Севастополь, важнѣйшая точка Имперіи, нападенію, какихъ не бывало въ лѣтописяхъ войны? Давно ли враги осмѣливались спрашивать отъ насъ залоговъ, чтобъ мы не нападали впредь на Турцію, а намъ не только не давали залоговъ, что не

будутъ сами нападать на насъ, но еще требовали, чтобъ мы уничтожили собственныя свои силы, кои могли бъ когда-нибудь противопоставить ихъ нападеніямъ?"

За симъ, Погодинъ обращается къ самому возмутительному требованію нашихъ враговъ. „Наконецъ", — пишетъ онъ, — „они захотѣли, чтобъ мы уступили имъ, волкамъ, покровительство надъ Православною церковію на Востокѣ... Россія теперь для Запада, въ этомъ отношеніи, то же, что была во время крестовыхъ походовъ Византія, которую онъ желалъ подчинить себѣ гораздо болѣе, чѣмъ освободить Гробъ Господень. Для нашихъ дипломатовъ, по большей части протестантскаго исповѣданія, религіозная сторона вопроса,—основаніе Русскаго человѣка и Русскаго государства, условіе нашей силы и успѣха, настоящій предметъ войны,—не существуютъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ, напримѣръ, *что Россію губитъ—Господи помилуй!* Не думаетъ ли онъ, что спасительнѣе для насъ будетъ новая молитва: *чортъ возьми!* Для такихъ дипломатовъ общее покровительство, разумѣется, ничего не значитъ. Русскій человѣкъ, который умираетъ, не охая, въ Севастополѣ, въ Камчаткѣ и на берегахъ Бѣлаго моря, разсуждаетъ иначе и вотъ какъ: Іуда продалъ Христа за тридесять сребренниковъ, а враги наши хотятъ, чтобъ мы предали имъ Его церковь даромъ, совершая дѣло Іуды, мы, главные и единственные представители и защитники Православія, отданнаго намъ какъ бы на руки самимъ Богомъ. А что сталося съ Іудою? *И повергъ сребренники въ церкви, отъиде; и шедъ, удавися.*

„И вотъ",—продолжаетъ Погодинъ,—„мы приняли четыре гарантіи: дипломаты наши превзошли всѣ самыя смѣлыя ожиданія враговъ! Они не пугаются ни какихъ жертвъ, лишь бы сохранить миръ съ Нѣмецкими государствами, въ коихъ находятся, по ихъ мнѣнію, необходимыя подпоры Русскаго престола. Такъ и слышится иностранный докторъ Елисей Бомилій, который неотступно совѣтовалъ Іоанну Грозному готовить себѣ на всякій случай убѣжище въ чу-

жихъ краяхъ. Они не помнятъ, кажется, что Нѣмецкія подпоры давно уже ушли на баррикады; они не понимаютъ, что ненадеженъ тотъ престолъ, для котораго подпоры надо искать въ чужихъ странахъ, и караулъ держать изъ вольноопредѣляющихся наемниковъ. Русскій престолъ былъ твердъ безусловною довѣренностію и преданностію Русскаго народа, а вы начали колебать, можетъ быть, и безъ умыслу, даже эти священныя историческія подпоры. Всѣ униженія, повторяю, напрасны: война Россіи съ Европой неизбѣжна и отъ этой войны нельзя намъ никакъ уклониться".

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ сознаетъ, что — воевать со всей Европой нѣтъ никакой человѣческой возможности. „Война для насъ",—пишетъ онъ,—„невозможна и миръ невозможенъ! Что же намъ дѣлать?"

По мнѣнію Погодина, намъ необходимо было отвести „удары, на насъ направленные, въ другія мѣста и стараться о перенесеніи войны на другую сцену, заваривъ общую кашу". Для сей цѣли Погодинъ находилъ необходимымъ измѣнить Россіи свою политику и возстановить Польшу, Венгрію, Италію, Грецію, Славянскія страны. „Словомъ",—пишетъ Погодинъ,—„на устройство государствъ по языкамъ, какъ предсказывалъ Наполеонъ, размышляя на островѣ св. Елены о судьбахъ Европейскихъ". При этомъ Погодинъ выражаетъ увѣренность, что эти новыя государства „призовутъ къ себѣ непремѣнно Русскихъ великихъ князей".

Высказавъ эту мысль, Погодинъ вопрошаетъ: А Кошутъ, Мацципи, Ледрю-Ролленъ? „Это не наше дѣло",—отвѣчаетъ Погодинъ,—„а дѣло Венгріи, Франціи и Италіи. Пусть они вѣдаются между собою, какъ знаютъ, а наше дѣло сторона. Свои собаки грызутся, чужая не приставай: умная пословица, которую мы, къ несчастію, позабыли. До Кошута и Мацципи настоящая война не касается. Не революціонеры собственно воюютъ теперь съ консерваторами, а консерваторы между собою. Революціонеры только въ подкладкѣ. Австрійцы консерваторы; Нѣмецкіе государи также. Самъ Людовикъ Бо-

напартъ не красный республиканецъ и Англійская аристократія терпѣть не можетъ коммунизма. Консерваторы идутъ на Россію, главную свою подпору. Ясно, что не консерватизмъ и революція въ войнѣ, а въ войнѣ *Россія и Европа, Востокъ и Западъ.* Такъ выбросимъ изъ головы эти пустыя слова, кои сбиваютъ съ толку и въ настоящихъ обстоятельствахъ не имѣютъ смысла. Выкинемъ изъ головы эти Европейскія раздѣленія и понятія. Сама Европа мы себѣ. У насъ свой умъ и свой разсудокъ и свой языкъ, котораго Западъ, а за нимъ и наши поклонники и воспитанники его, правые и лѣвые, красные и бѣлые, не понимаютъ сугубо, ни по формѣ, ни по духу. Россія есть и будетъ, и должна быть не краснымъ, не консервативнымъ, не революціоннымъ, не деспотическимъ, не аристократическимъ, не демократическимъ, не республиканскимъ государствомъ, *а Русскимъ*"....

Изобразивъ затѣмъ и внѣшнія и внутреннія опасности, угрожавшія Россіи, Погодинъ дѣлаетъ воззваніе къ императору Николаю I-му: „Возстань, Русскій царь! Вѣрный народъ твой тебя призываетъ! Терпѣніе его истощается. Онъ не привыкъ къ такому униженію, безчестію, сраму. Ему стыдно своихъ предковъ, ему стыдно своей Исторіи. Ты видишь, какъ дерутся всѣ солдаты, всѣ офицеры, всѣ генералы, — предъ твоими глазами и за глазами, гдѣ кому случится поддержать честь Русскаго имени, въ Камчаткѣ и Одессѣ и подъ Севастополемъ и на Соловецкомъ островѣ, у Силистріи и за Кавказомъ. Созови ополченіе. Напиши грамоту, которую понялъ бы всякій Русскій человѣкъ и отъ которой у всякаго Русскаго человѣка поворотилось бы сердце. Вели поставить кружку у Успенскаго собора. Послѣднюю рубашку скинетъ съ плечъ и отдастъ тебѣ всякій. Повѣрь своему народу, который преданъ тебѣ всею душою и готовъ пролить за тебя послѣднюю каплю крови. Бросься къ нему на шею и онъ упадетъ къ ногамъ твоимъ. *Ложь тлетворную* отгони далече отъ твоего престола и призови суровую, грубую истину. Отъ *безбожной лести* отврати твое ухо и выслушай горькую

правду. Повѣрь намъ, мы всѣ твои дѣти и мы тебя не обманемъ, а иноплеменники тебя обманываютъ. Какое имъ дѣло до нашей чести? Вѣдь сердце ихъ не бьется при гласахъ Русской вѣры. *Чортъ возьми* для нихъ вѣдь лучше, чѣмъ *Господи помилуй!* Вѣдь они не знаютъ нашего языка, съ которымъ соединена наша жизнь, наша слава, наша радость; вѣдь они не связаны никакими узами со святой Ольгой, ни съ Владимиромъ, ни съ Александромъ Невскимъ, ни съ Димитріемъ Донскимъ, а намъ такъ и Иванъ Васильевичъ дорогъ, мы и за Ивана Васильевича служимъ панихиды! Такъ могутъ ли они безъ вѣры, безъ языка, безъ Исторіи судить о Русскихъ дѣлахъ, какъ бы ни были они умны, честны, благородны и лично преданы тебѣ или твоему жалованью? Составь около себя постоянный на это время верховный совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую Турецкую войну, на который бы возложились всѣ попеченія о ходѣ дѣлъ военныхъ и политическихъ, съ отвѣтственностію предъ Отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить и вездѣ приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человѣкъ испугается, да ужъ та́кая работа приходитъ не подъ силу и тебѣ съ твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что тебѣ уже подъ шестьдесятъ лѣтъ, прожитыхъ, какъ день одинъ, не на гулянкахъ. Что ты надрываешься? Работая такъ, ты утомляешься по напрасну и тратишь свои силы, для насъ драгоцѣнныя. Въ Англіи собралось Министерство изъ первыхъ талантовъ всѣхъ партій, которому помогаютъ два Парламента, гдѣ говоритъ всякій, что хочетъ, да неограниченная печать. Во Франціи, у Луи-Бонапарта, есть сотня клевретовъ, которыхъ судьба связана съ его судьбою и которые держатъ ухо востре́е его самого. Гдѣ же одному человѣку справиться съ такимъ легіономъ и легіонами, поспѣвая и на всѣ домашнія дѣла, рѣшая всѣ тяжбы, утверждая всѣ покупки, назначая всѣ постройки, наказывая всѣ вины, награждая всѣ подвиги и входя во всѣ подробности управ-

ленія военнаго и гражданскаго, осматривая всѣ петли и пуговицы? Голова твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна быть свободна, чтобъ рѣшать дѣла первой важности, приготовленныя и представленныя на твое высочайшее воззрѣніе, какъ Богъ тебѣ на сердцѣ положитъ, а захламащивать ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся впродолженіе стольких лѣтъ. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты, — мало ли ихъ на святой Руси?... Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе *общаго блага*. Не книги опасны, а событія... Печатной артиллеріи Европейской мы должны отвѣчать также, какъ и осаднымъ пексанамъ Севастополя, а намъ не позволяютъ рта разинуть въ защиту родной земли. Европа должна бы узнать общее мнѣніе Россіи, она вѣрно призадумается, когда услышитъ, какъ мы заговоримъ человѣческимъ языкомъ. Вели раскрыть настежъ ворота во всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ; дай средства намъ научиться лить такія же пушки, штуцера и пули, какими бьютъ теперь враги нашихъ милыхъ дѣтей. Не свѣтъ опасенъ, а опасна тьма! *Духа не угашайте*, — изрекъ апостолъ... *Боже, царя храни!*"

Какъ противъ системы Славянскихъ союзовъ Погодина представилъ вѣское возраженіе В. И. Даль, такъ теперь противъ этого письма выступилъ Ѳ. И. Прянишниковъ. Онъ писалъ Погодину: „Оба положенія математически вѣрны: 1) на миръ нечестный не согласимся; 2) вести войну со всей Европой—невозможно. Всѣ изложенныя доказательства этихъ двухъ положеній—превосходны; но предлагаемыя средства къ выходу изъ сихъ двухъ крайностей, по моему мнѣнію, хуже самаго зла. Разборъ народовъ по мастямъ—это кровавая игра, которая можетъ продлиться на десятки лѣтъ, и въ этой игрѣ будетъ судьба самой Россіи. Возстановленіе самостоятельности Польши — страшное слово для насъ, лакомое

для Европы. Я не рѣшился представить графу В. Ѳ. Адлербергу, а любя васъ, я умоляю не пускать въ ходъ этихъ мыслей. Васъ не послушаютъ и не должны слушать; а себѣ вы сдѣлаете вредъ“ [155]).

XXXVII.

14 декабря 1854 года, изъ Гатчины воспослѣдовалъ слѣдующій высочайшій манифестъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
и проч., и проч., и проч.
Объявляемъ всенародно:

Причины доселѣ продолжающейся войны вполнѣ извѣстны любезной намъ Россіи. Она знаетъ, что не виды честолюбія, не желаніе новыхъ, непринадлежащихъ по праву намъ выгодъ, было побужденіемъ нашимъ въ дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ, имѣвшихъ неожиданнымъ послѣдствіемъ настоящую борьбу. Мы искали единственно охраненія торжественно признанныхъ преимуществъ Православной Церкви и единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ; но нѣкоторыя правительства, приписывая намъ весьма далекія отъ мысли нашей своекоростныя, тайныя намѣренія, препятствовали успѣху сего дѣла и наконецъ вступили въ непріязненный противъ насъ союзъ. Провозгласивъ, что ихъ цѣль есть спасеніе Турецкой Имперіи, они дѣйствуютъ противъ насъ вооруженною рукою не въ Турціи, а въ предѣлахъ нашихъ собственныхъ владѣній, направляя враждебные удары свои на всѣ болѣе или менѣе доступныя имъ мѣста: въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ, въ Тавридѣ и на самыхъ отдаленныхъ берегахъ Тихаго океана. Благодареніе Всевышнему, они вездѣ, и въ войскахъ нашихъ, и въ жителяхъ всѣхъ состояній встрѣчаютъ смѣлыхъ противниковъ, одушевленныхъ чувствомъ любви къ намъ

и Отечеству, и мы, къ утѣшенію нашему, въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ, среди бѣдствій неразлучныхъ съ войною, видимъ непрестанные, блистательные примѣры и доказательства сего чувства и храбрости, имъ внушаемой. Таковы неоднократныя, не смотря на великое неравенство силъ, пораженія непріятельскихъ полчищъ за Кавказомъ и совершенный, также съ несоразмѣрными силами, отпоръ отъ береговъ шхеръ Финляндіи, отъ стѣнъ обители Соловецкой и отъ гавани Петропавловской въ Камчаткѣ: такова особенно геройская оборона Севастополя, ознаменованная столь многими подвигами неодолимаго мужества и неусыпной, безпрерывной дѣятельности, коимъ отдаютъ справедливость и удивляются сами враги наши. Съ умиленіемъ признательности къ Богу, взирая на труды, неустрашимость, самоотверженіе нашихъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ и на общій всѣхъ сословій въ государствѣ порывъ усердія, мы смѣемъ почитать ихъ залогомъ и предвѣстіемъ счастливѣйшихъ въ будущемъ событій. По долгу Христіанства, мы не можемъ желать продолженія кровопролитія, и конечно не отклонимъ мирныхъ предложеній и условій, если они будутъ согласны съ достоинствомъ Державы нашей и пользами любезныхъ нашихъ подданныхъ. Но другой, не менѣе священный долгъ велитъ намъ въ сей упорной борьбѣ быть готовыми на усиліе и жертвы, соразмѣренныя съ устремленными противъ насъ дѣйствіями. Россіяне! Вѣрные сыны наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ великому и святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи, и ваши чувства суть также чувства государя вашего. Буде нужно, мы всѣ, царь и подданные, повторяя слова императора Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, *съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ* станемъ передъ рядами враговъ, на защиту

драгоцѣннѣйшаго въ мірѣ блага: безопасности и чести Отечества.

Данъ въ Гатчинѣ, въ 14-й день декабря, въ лѣто отъ Рождества Христова 1854-е, царствованія же нашего въ тридцатое.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ“ [156]).

„Слава Богу“,—писалъ митрополитъ Московскій Филаретъ (18 декабря 1854 г.),—„что въ новомъ манифестѣ есть воззваніе къ Богу. А можетъ быть, лучше было бы, если бы мы яснѣе исповѣдали, что не разъ найдены были малоготовыми для отраженія враговъ, и только заступленіе Господне спасло насъ. Говорятъ, что въ сраженіи при Альмѣ силы наши были такъ неуравнительны съ непріятельскими, что если бы они знали, могли бы тотчасъ броситься на Севастополь съ большою надеждою. Господь сокрылъ отъ нихъ сіе“ [157]).

19 декабря 1854 г., С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Слава Богу! Не соглашаются на миръ наши враги. Манифестъ ясно приготовляетъ насъ и требуетъ нашего вызова. Теперь время дѣйствовать“.

Иначе отнесся къ манифесту Ю. Ѳ. Самаринъ. „А каковъ манифестъ“?—спрашивалъ онъ Погодина—„Я зналъ, что дѣлами политическими и военными правятъ Нѣмцы; теперь убѣдился, что Нѣмцы пишутъ манифесты. *Съ желѣзомъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ?* — Непонятно; а переводится *la fer en main et la croix au coeur*—выходитъ хорошо. Наконецъ пріѣхалъ Хомяковъ“.

Самъ же Погодинъ написалъ прекрасную статью, подъ заглавіемъ — *Чтеніе послѣдняго манифеста по приходскимъ церквамъ въ Москвѣ сего декабря 25 числа, 1854 года*: „Кончилась славословная Рождественская Литургія. Изъ царскихъ дверей выходитъ престарѣлый священникъ, обнажаетъ главу свою и дрожащимъ голосомъ начинаетъ читать: *Божіею милостію, мы, Николай первый, императоръ*

и Самодержецъ Всероссійскій.... объявляемъ всенародно... и весь народъ, наполняющій церковь, приходитъ въ движеніе, устремляется со всѣхъ сторонъ къ налою, чтобы услышать царское къ себѣ воззваніе, не потерять ни одного звука. Глубокая тишина водворяется. Священникъ не въ силахъ преодолѣть внутренняго своего волненія, останавливается почти на каждомъ словѣ, сердце бьется у слушателей, едва переводится дыханіе... Востокъ... Православіе... единовѣрцы... союзъ враговъ... повсемѣстное нападеніе... мужественная вездѣ встрѣча... Соловецкій монастырь... Камчатка... Севастополь, Севастополь, который сдѣлался для каждаго изъ насъ какъ бы частію собственнаго тѣла,—труды и подвиги всѣхъ войскъ сухопутныхъ и морскихъ, достоинство Державы Русской, умиленіе благодарности къ Богу, надежда. О, какое дѣйствіе производили всѣ сіи священныя напоминанія въ храмѣ Божіемъ отъ имени царскаго къ вѣрному народу, къ возлюбленнымъ дѣтямъ! Всякое слово западало въ сердце и приводило его въ трепетъ! Всякій человѣкъ мысленно переносился ко всѣмъ мѣстамъ яростнаго нападенія, подвергался ударамъ, принималъ раны, страдалъ, терпѣлъ и думалъ: а каково же тому, у кого всѣ эти удары соединяются въ одинъ, всѣ раны составляютъ одну, — и вотъ онъ взываетъ къ намъ въ сію великую годину народнаго испытанія, посланную Богомъ, по неисповѣдимому Его Промыслу. *Россіяне! вѣрные сыны наши! Вы привыкли не щадить ничего, когда Провидѣніе призываетъ васъ къ великому и святому дѣлу, ни достоянія, многолѣтними трудами пріобрѣтеннаго, ни жизни и крови вашей и чадъ вашихъ. Благородный жаръ, съ самаго начала войны пламенѣющій въ сердцахъ вашихъ, не охладится ни въ какомъ положеніи и ваши чувства суть также чувства государя вашего. Буде нужно, мы всѣ; царь и подданные, повторяя слова императора Александра, произнесенныя имъ въ подобную нынѣшней годину искушенія, съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ станемъ передъ рядами враговъ, на защиту драгоцѣннѣйшаго*

въ міръ блага безопасности и чести Отечества..... Кто жъ не приведенъ будетъ въ умиленіе этимъ вѣщимъ гласомъ, съ высоты престола раздающимся. Честь и безопасность Отечества... Какого Отечества? Святой Руси! Кто остановится принести себя и все свое въ жертву на великое и святое дѣло, на которое призываетъ царь! Съ такими чувствами, съ такою твердостію и рѣшимостію намъ нечего опасаться и не страшны для насъ силы вѣроломнаго Запада. Покойный Александръ, коему нынѣ поемъ мы вѣчную память за его обѣтъ, не положить оружіе доколѣ одинъ непріятельскій воинъ останется на нашей землѣ, ликуетъ на небесахъ за священный обѣтъ своего державнаго брата!

Православные,—сказалъ священникъ, кончивъ чтеніе манифеста, утомленный, тихимъ, едва слышнымъ голосомъ, — помолимся же теперь изъ глубины души за нашего царя, да поможетъ ему Господь Богъ побѣдить нашихъ враговъ,— и всѣ предстоявшіе, какъ бы по данному знаку, вдругъ перекрестились, положили поклоны,—и начался торжественный молебенъ, раздался вдругъ громозвучный гласъ: *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся: яко съ нами Богъ.*

Нельзя описать того дѣйствія, которое произвела эта священная пѣснь, вслѣдъ за чувствами, возбужденными высочайшимъ манифестомъ, исполненнымъ смиренія, кротости, преданности. Какъ будто отвѣтъ возгремѣлъ ему съ неба: всѣ встрепенулись, оживились, возрадовались, воспѣли духомъ, вслѣдъ за ликами:

Услышите до послѣднихъ земли: яко съ нами Богъ.

Могущіи, покоряйтеся: яко съ нами Богъ.

Аще бо паки возможете, и паки побѣждены будете: яко съ нами Богъ.

И иже аще совѣтъ совѣщаваете, разоритъ Господь: яко съ нами Богъ.

И слово, еже аще возглаголете, не пребудетъ въ васъ: яко съ нами Богъ.

Страха же вашего не убоимся, ниже смутимся: яко съ нами Богъ.

Господа же Бога нашего, того освятимъ, и той будетъ намъ въ страхъ: яко съ нами Богъ.

И аще на него надѣяся буду, будетъ мнѣ во освященіе: яко съ нами Богъ.

И уповая буду на Него, и спасуся имъ: яко съ нами Богъ.

Се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ: яко съ нами Богъ.

Людіе ходящіи во тмѣ, видѣша свѣтъ велій: яко съ нами Богъ.

Живущіи во странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы: яко съ нами Богъ.

Всякой стихъ какъ будто теперь составленъ, приличествуя къ настоящему времени, еще болѣе къ 1812 году, даже до послѣдняго:

Живущіи въ странѣ и сѣни смертнѣй, свѣтъ возсіяетъ на вы!

О, съ какимъ горячимъ чувствомъ сопровождались всѣ молитвы священнослуженія!

Услыши ны Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концовъ земли, и сущихъ въ мори далече: и милостивъ, милостивъ буди, владыко, о грѣсѣхъ нашихъ, и помилуй ны. Милостивъ бо и человѣколюбецъ Богъ еси, и Тебѣ славу возсылаемъ, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.....

Кончилось моленіе. Священникъ вышелъ для богослуженія и поднялъ крестъ надъ народомъ; между тѣмъ какъ діаконъ началъ провозглашать многолѣтія: *Благоденственное и мирное житіе, здравіе же и спасеніе, и во всемъ благое поспѣшеніе, на враги же побѣду и одолѣніе, подаждь Господи Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Великому Государю Нашему Императору Николаю Павловичу всея Россіи.*

Видя животворящій крестъ, горѣ поднятый надъ Православнымъ благочестивымъ народомъ, невольно припоминалось

божественное изреченіе: *Симъ знаменіемъ побѣдиши.* А съ какимъ усердіемъ возгласилось: *Христолюбивому, побѣдоносному, Всероссійскому воинству, многая лѣта!*

Торжественно всегда бываетъ богослуженіе въ великій день Рождества Христова; умилительно всегда бываетъ для Русскихъ воспоминаніе о незабвенномъ 1812 годѣ, когда отцы наши, подъ предводительствомъ покойнаго императора Александра, отразили нашествіе двунадесяти языковъ, — но никогда, кажется, не могло оно возбуждать такого живого, сердечнаго участія, въ страхѣ Божіемъ, какъ нынѣ, когда враги съ полной увѣренностью грозятся разорить, унизить, ослабить, раздробить нашу Святую Русь!

Прочь ослѣпленные! Наше мѣсто свято! Вамъ ли, подъ знаменемъ луны, въ союзѣ съ Магометомъ, держась за коранъ, восторжествовать надъ нами, грядущими во имя Господне! Мы побѣдили васъ въ 1812 году, защищая только свои предѣлы, а теперь, кромѣ *собственной чести и безопасности* на нашихъ рукахъ судьба Православія на Востокѣ, судьба милліоновъ Христіанъ, нашихъ братьевъ, судьба святыхъ мѣстъ, *великое и святое дѣло*, какъ назвалъ оное царь! Какими чувствами одушевляются Русскіе ратники — тѣ ли чувства у вашихъ? Мы не питаемъ къ вамъ никакой ненависти, хотя вы въ опьяненіи зла мечетесь всюду, нападаете даже на беззащитные берега наши, до самыхъ отдаленныхъ краевъ обитаемой земли, чтобъ только гдѣ-нибудь причинить намъ вредъ! А мы желаемъ только добра всѣмъ, не исключая васъ. Такъ можетъ ли быть сомнѣніе въ нашемъ успѣхѣ? Мы побѣдимъ рано или поздно. Богъ наказуетъ насъ, можетъ быть, за грѣхи наши, но Онъ же и помилуетъ: у Него милости много. Смотрите, какъ рука Его высится за насъ тамъ, гдѣ нѣтъ, кажется, никакой человѣческой возможности, по собственному вашему разсчету и убѣжденію, противостать нападеніямъ: подъ Севастополемъ, въ Одессѣ, на Соловецкомъ островѣ, въ Камчаткѣ! Въ немощи совершается сила!

Возложимъ же надежду на Бога, и готовые на все, по гласу и примѣру царя, который самъ, готовый на все, четырехъ сыновъ своихъ, молодецъ молодца краше, посылаетъ на самыя опасныя мѣста впередъ, подъ пули и ядра; станемъ крѣпко, какъ стояли отцы наши, чтобы намъ не было ихъ стыдно, — и всѣ замыслы враговъ сокрушатся о вѣрную Русскую грудь! Мы восторжествуемъ, и снова воспоемъ: *Съ нами Богъ, разумѣйте языцы, и покоряйтеся: яко съ нами Богъ*".

„Въ самомъ дѣлѣ",—писала Погодину графиня А. Д. Блудова,—„долженъ бы былъ быть особенно трогателенъ молебенъ Рождественскій въ *Москвѣ*, въ нынѣшнемъ году, послѣ чтенія манифеста! И прекрасно описано у васъ. Но увы! нельзя было напечатать статью, столь воинственную и Православную, тогда какъ мы миримся съ Исламомъ и Западомъ! Какое-то общее уныніе царствуетъ здѣсь. Всѣ, даже благомыслящіе люди, начинаютъ думать, что лучше согласиться на *перемиріе*, ибо на миръ нынче, кажется, уже никто не смотритъ и не надѣется. Мнѣ кажется, что это новая ошибка; народъ нашъ, равно какъ и Правительство, совершенно олицетворены въ Иванѣ-царевичѣ нашихъ сказокъ. Иванушка лежитъ на печи да спитъ, пока братцы хлопочатъ; онъ только тогда почувствуетъ свои богатырскія силы и смѣтливый, находчивый умъ, когда бѣда грозитъ или предстоитъ великій подвигъ; но только кончитъ свое дѣло, взвалится опять на лежанку и заснетъ крѣпкимъ, лѣнивымъ сномъ. Теперь Иванушка проснулся и дѣйствуетъ; но если какой-нибудь миръ подпишутъ, онъ заворчитъ, конечно, но заснетъ въ своей безпечности и лѣни опять, и ничего не будетъ у насъ готово къ будущей войнѣ, какъ мы теперь себѣ воображаемъ! Потому-то, мнѣ кажется, не годится для насъ и *перемиріе*."

XXXVIII.

Пользуясь временнымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій, обратимся къ мирной дѣятельности Погодина, и начнемъ съ неразлучнаго спутника его жизни, *Москвитянина*.

Въ 1854 году положеніе *Москвитянина* было весьма неопредѣленно, касательно Редакціи, и онъ подвергался даже цензурнымъ нападеніямъ.

Члены *Молодой Редакціи* въ это время почти разошлись съ Погодинымъ.

25 марта 1854 года, Писемскій писалъ Погодину: „Спѣшу отвѣчать на ваше письмецо, въ которомъ вы пишете, что сердиты на меня, а за что не объяснили . . . . Я не живу болѣе въ Костромѣ, а не живу потому, что не служу болѣе . . . . У насъ такая дрянь стала начальниками, что поставили въ необходимость, не соглашаться съ ихъ дурацкими распоряженіями; они написали кляузу министру, и такъ какъ на святой Руси подчиненный всегда виноватъ, то для *пользы службы*, меня и перевели въ *Херсонъ*—за тысячу семьсотъ верстъ, а мнѣ и ѣхать-то съ моей семьей туда не на что. Теперь я живу въ маленькой своей деревнюшкѣ, и когда и чѣмъ улучшится мое положеніе,—не знаю. Пишется мало, а хандрится много; будущею осенью ѣду въ Петербургъ, хлопотать о какой-нибудь службѣ; буду поэтому въ Москвѣ и буду у васъ; а за тѣмъ, желаю всего хорошаго“ [158]).

Но побывавши въ Петербургѣ, Писемскій напечаталъ въ двухъ враждебныхъ *Москвитянину* журналахъ, въ *Отечественныхъ Запискахъ* и *Современникѣ*, два новыя свои произведенія: *Ветеранъ* и *Новобранецъ*, драматическій случай изъ 1854 года, и *Фанфаронъ*, разсказъ исправника [159]).

Само собою разумѣется, что это не могло быть пріятно Погодину.

Изъ другихъ членовъ *Молодой Редакціи*, въ *Москвитя-*

нинѣ еще принимали нѣкое участіе: Б. Н. Алмазовъ, Е. Н. Эдельсонъ и А. А. Григорьевъ, и писали Обозрѣніе журналовъ.

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 15 іюля 1854 года, мы находимъ слѣдующую запись: „Пренепріятные счеты съ Эдельсономъ, который хуже всякаго Нѣмецкаго аптекаря. Что за подлецы“.

Въ это время А. А. Григорьевъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* свое обширное стихотвореніе подъ заглавіемъ: *Искусство и Правда*, элегія — ода — сатира. Это стихотвореніе обратило на себя вниманіе, и Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину: „Возвращаю вамъ стихи Григорьева. Они были прочтены на вечерѣ у Кирѣевскаго. Вотъ и сужденіе присутствовавшихъ: Кирѣевскій говоритъ — напечатать; Хомяковъ рѣшительно противится печатанію, находя крайне неумѣстнымъ отзывъ о преуспѣяніи Искусства и Науки, *подъ державною сѣнію* въ то время, когда нельзя напечатать второй части *Мертвыхъ Душъ*, ни перепечатать первой. Съ моей стороны, я нахожу, что первая часть отличается искренностію и свѣжестію впечатлѣнія первой молодости. Во второй части меня поражаетъ непріятно прямой переходъ отъ Мочалова къ Островскому и Садовскому. Ниже́ пол-слова о Гоголѣ, который родилъ Островскаго. Щепкинъ тоже забытъ! Вмѣсто благодарности обоимъ и вѣчной памяти первому, въ концѣ второй части, Богъ знаетъ изъ какой стати, задѣты *завистливые хохлы*. Этотъ стихъ просто оскорбителенъ—не для хохловъ, а для насъ. Что до третьей части, то многое можно бы сказать и pro и contra. Все что сказано о подражательности и господствѣ моды, почувствовано искренно и сказано очень остроумно; но не знаю, до какой степени кстати. Не видавши Рашель, я не могу сказать, можно ли въ ея лицѣ карать *фальшъ* и *ложь* въ Искусствѣ. Если справедливо то, что̀ пишетъ Анненковъ въ письмѣ къ Щепкину, то едвали справедливо ставить ее на одну доску съ штукеромъ Рислеемъ. Вообще мнѣ кажется, что *поводъ* къ нападенію на подражательность и фальшивость, какъ въ

Искусствѣ, такъ и въ увлеченіи публики, избранъ неудачно. Рашель сдѣлалась невинною жертвою чужихъ грѣховъ".

Иначе взглянулъ на это стихотвореніе М. А. Дмитріевъ. „А я на васъ",—писалъ онъ Погодину,—„до смерти сержусь за то, что вы напечатали длиннѣйшіе стихи Григорьева Такъ и хочется тряхнуть стариной, двадцатыми годами, и написать съ десятокъ эпиграммъ; но боюсь вашего гнѣва". Въ томъ же письмѣ Дмитріевъ сообщаетъ Погодину: „Распространились стихи: „Когда нашъ Новгородъ великій", которые приписываютъ мнѣ. Вездѣ меня о нихъ спрашиваютъ. Но они не мои. Прошу васъ, при случаѣ, если они до васъ дойдутъ подъ именемъ моихъ, въ этомъ разувѣрить" [160]).

Эпиграфомъ къ своему стихотворенію Григорьевъ выбралъ изъ Лермонтова слѣдующій стихъ:

О какъ мнѣ хочется смутить веселье ихъ,
И дерзко бросить имъ въ лице *желѣзный* стихъ,
Облитый горечью и злостью!

Воспользовавшись этимъ эпиграфомъ, Дмитріевъ написалъ на Григорьева злую эпиграмму, которую Погодинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ*, съ слѣдующимъ своимъ предисловіемъ: „*Москвитянинъ* всегда любилъ шутку, лишь бы она была остра, умна, не заключала никакого оскорбленія, еще меньше обиды. Въ такомъ случаѣ—для него все равно, къ кому бы эта шутка ни относилась, хоть бы къ нему самому. Вотъ почему Редакція помѣщаетъ съ удовольствіемъ эпиграмму по поводу случайнаго стихотворенія, помѣщеннаго въ послѣдней книгѣ:

Вы говорите, мой любезный,
Что будто стихъ у васъ желѣзный!
Желѣзо разное: цѣна
Ему не всякая одна!
Иное на рессоры годно;
Другое въ ружьяхъ превосходно;
Иное годно для подковъ:
То для коней, то для ословъ,
Чтобъ и они не спотыкались!
Такъ вы которымъ подковались? [161]).

Эта эпиграмма до глубины души возмутила профессора И. Н. Березина, который съ негодованіемъ писалъ Погодину: „Препесчастная эта послѣдняя страница *Москвитянина*: вѣчно на ней явится что-нибудь рѣдкостное. Вотъ и въ пятомъ номерѣ, напечатанъ тутъ очень нелѣпый пасквиль на одного изъ сотрудниковъ, безъ подписи автора; не имѣя особенныхъ причинъ любить изысканную манеру господина Аполлона, я, однако, какъ сотрудникъ *Москвитянина*, дерзаю вступиться за честь всѣхъ участвующихъ въ этомъ журналѣ и доказать, что нѣтъ никакого остроумія, ни заслуги въ подобнаго рода ругательствахъ, которыя вы помѣщаете *съ удовольствіемъ*. Вѣдь въ этой quasi-эпиграммѣ, вашему сотруднику предоставляется выборъ только между двумя дипломами—или лошади, или осла. Если это не брань, то позвольте мнѣ обратиться къ неизвѣстному писателю эпиграммъ въ его же родѣ, которыхъ, въ какихъ нибудь полчаса, можно накатать—такія сочиненія катаются, а не пишутся—сколько душѣ угодно. Вотъ, напримѣръ, эпиграмма, гдѣ неизвѣстному писателю предоставляется выборъ въ родѣ его же собственнаго:

№ 1-й

На-дняхъ почтенный Климъ
Сапой захворалъ:
Такъ что же дѣлать съ нимъ?
Тутъ нуженъ коновалъ.

А вотъ здѣсь ужъ мы выбора не дадимъ:

№ 2-й

На-дняхъ Климъ пасквиль сочинилъ,
А подписаться и забылъ:
Вѣдь это для него обидно.—
Э, все равно! Ну, уши видно!

Наконецъ, не угодно ли вотъ и еще:

№ 3-й

Климъ о піитикѣ писать пустился.
А отчего? Злодѣй! онъ азбукѣ учился.
и т. д.

Какъ видите, писать такія мнимыя эпиграммы очень легко, но онѣ могутъ лишь обращаться въ пріятельскомъ кружку, а не являться на страницахъ журнала, который, слава Аллаху, пошелъ опять хорошо, съ помощію Молодой Редакціи" [162]).

Изъ писателей, близкихъ къ членамъ *Молодой Редакціи*, одинъ только А. А. Потѣхинъ принималъ дѣятельное и живое участіе въ *Москвитянинѣ*. Въ теченіе 1854 года, онъ напечаталъ въ этомъ журналѣ двѣ свои драмы: *Братъ и Сестра* и *Судъ людской—не Божій судъ* [163]).

Предполагая въ послѣднихъ числахъ іюля 1854 года, предпринять поѣздку на Нижегородскую ярмарку, А. А. Потѣхинъ писалъ Погодину: „Ахъ, какъ непріятно, Михаилъ Петровичъ, каждое письмо начинать и оканчивать просьбою о деньгахъ; но я, вы сами знаете, нисколько не виноватъ въ этомъ: имѣй я ограниченное, но вполнѣ обезпечивающее состояніе, мнѣ кажется, я стыдился бы просить денежнаго вознагражденія за свои литературные труды; но теперь безъ службы, съ маленькой и перезаложенной деревенькой, по необходимости долженъ подчиняться правиламъ журнальнаго торгашества... Грустно да нечего дѣлать!.. Я теперь живу въ деревнѣ настоящимъ схимникомъ: ни съ кѣмъ не знакомъ, ни къ кому не ѣзжу, меня посѣщаютъ только родные, да мужички, дружба съ которыми у меня скрѣпляется часъ за часомъ. Чѣмъ больше живу я въ деревнѣ, тѣмъ ближе знакомлюсь съ бытомъ и натурою крестьянина, тѣмъ больше люблю его, удивляюсь богатству его нравственныхъ силъ и убѣждаюсь, какъ мало знаютъ его и дурно понимаютъ городскіе жители. Не забыть мнѣ фразы одного цивилизованнаго дикаря въ модномъ пальто, котораго я встрѣтилъ въ Москвѣ: жаль, что вы тратите вашъ талантъ на такой бытъ, изъ котораго нечего черпать, сказалъ онъ мнѣ; что вамъ за охота поэтизировать невѣждъ, которыхъ вся жизнь проходитъ среди коровъ, овецъ и лошадей, которые ничего не понимаютъ и врядъ ли умѣютъ чувствовать по-человѣчески, потому что

выражаютъ любовь свою побоями. Вся душа моя перевернулась отъ этихъ словъ, но я отвѣтилъ только молчаніемъ, потому что въ противномъ случаѣ отвѣтъ мой былъ бы выраженіемъ особенной любви къ этому господину, именно по тому способу, какъ выражаютъ ее наши крестьяне, по словамъ его. Кстати: я познакомился здѣсь съ однимъ однодворцемъ, который, по своимъ документамъ, прямой потомокъ князей Бѣльскихъ. Этотъ однодворецъ жилъ до нѣкотораго времени, какъ простой мужичекъ, женатъ на дочери вольноотпущенной дѣвушки, не умѣетъ, ни читать, ни писать, владѣніе его всего девять десятинъ земли; человѣкъ онъ отъ природы добрый, честный, смирный, но не очень умный. Жилъ онъ просто, по-крестьянски, работалъ, пахалъ землю, не стыдясь, велъ хлѣбъ-соль съ мужичками; но вотъ, ему растолковали, что онъ дворянинъ, что родъ его коренной дворянскій, чуть не семи сотъ-лѣтній. Что же вышло? Встосковался однодворецъ о своей бѣдной долѣ, стыдится работать бокъ о бокъ съ крестьянами, не занимается хозяйствомъ, взвалилъ все на свою бѣдную жену: „ты, дескать, такой крови, что тебѣ надобно работать, а моя кровь не такая“; шляется по помѣщикамъ, чтобы позаняться уму, рядится какимъ-то шутомъ въ платья, полученныя отъ щедротъ помѣщиковъ, безпрестанно жалуется на свою бѣдность и на трудность работы, которою ему и заниматься де не пристало. А между тѣмъ, дочь его, премилая и преумная дѣвушка, влюбилась въ крестьянина, славнаго, лихого парня, и вышла за него замужъ; отецъ стыдится этого брака, не смотря на то, что зять и умнѣе и зажиточнѣе его, а семья зятя корить бѣдную женщину ея дворянствомъ, съ которымъ отецъ ея носится каждую минуту и живетъ бездомкомъ, и требуютъ отъ нея двойной работы: что мы, дескать, брали тебя не за твое дворянство, а пошла къ намъ въ домъ, такъ будь у насъ работницей, а дворянство-то свое забудь. Вотъ вамъ романъ безъ глубокомысленныхъ, философскихъ задачъ, но съ очень глубокомысленнымъ заглавіемъ: *Кто виноватъ*? Надо еще прибавить одну черту:

вся деревня и семья, въ которую попала дочь однодворца и семейство послѣдняго—суровые и безтолковые старообрядцы. Въ этой деревнѣ я нашелъ замѣчательнаго старика, который самоучкой дѣлаетъ очень недурные и вѣрные стѣнные часы".

Въ заключеніе своего письма, Потѣхинъ пишетъ: „Если можно, потрудитесь написать обо мнѣ Владиміру Ивановичу Далю на тотъ случай, если я поѣду въ Нижній Новгородъ".

Въ другомъ письмѣ своемъ, отъ 15 августа 1854 года, Потѣхинъ, между прочимъ, пишетъ Погодину: „Тотчасъ или вскорѣ по полученіи отъ васъ денегъ, я поѣду въ Москву и буду просить васъ дать мнѣ опредѣленное мѣсто и занятіе при *Москвитянинѣ*. Жизнь въ деревнѣ мнѣ уже надоѣла".

Въ *Москвитянинѣ* 1854 года была напечатана небольшая драматическая сцена изъ крестьянской жизни, подъ названіемъ *Ночное*, сочиненіе Стаховича. Ее поставили на сцену. Въ этой пьесѣ въ первый разъ явился на сценѣ Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ.

XXXIX.

Хотя профессоръ И. Н. Березинъ и писалъ Погодину, что *Москвитянинъ*, „слава Аллаху, пошелъ опять хорошо, съ помощью Молодой Редакціи"; но эта *помощь* оказалась недостаточною, что̀ заставило Погодина подумать о преобразованіи *Москвитянина*.

28 ноября 1854 года, П. С. Савельевъ писалъ издателю: „О преобразованіи *Москвитянина* желательно бы знать обстоятельнѣе. Мое скромное мнѣніе то, что онъ долженъ бы сдѣлаться исключительно Русскимъ, отбросивъ въ особыя прибавленія все иностранное: повѣсти, біографіи, извѣстія, моды; а въ текстѣ журнала только Русское: Русская Словесность, Русская Исторія, матеріалы, критика, смѣсь. Русскую Исторію усилить; въ критикѣ разбирать только дѣльныя оригинальныя сочиненія и переводы, которые составляютъ пріобрѣтеніе для Литературы".

На первыхъ порахъ Погодинъ избралъ себѣ Сумарокова въ помощники по редакціи *Москвитянина*. Узнавъ объ этомъ, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Мнѣ сказывали мои гости да и Дмитріевъ пишетъ, что вы передали журналъ какому-то г. Сумарокову; но вѣроятно вы остаетесь отвѣтственнымъ редакторомъ. Напишите пожалуйста или велите написать Александрѣ Михайловнѣ, которая иногда переписывается съ моею дочерью. Мнѣ необходимо знать: На какомъ основаніи вы сдали журналъ? Остаетесь ли вы въ немъ хозяиномъ или стороннимъ человѣкомъ? Я приготовилъ было вамъ большую статью, но не послалъ ее съ Хомяковымъ. Я хочу напередъ знать, съ кѣмъ буду имѣть дѣло: если не съ вами, то я не дамъ незнакомому мнѣ человѣку своей статьи. Видно вы до лѣта не сберетесь побывать къ намъ. Мы, слава Богу, живемъ по-прежнему и мои глаза поправились".

„И такъ,—писалъ А. Ѳ. Бычковъ,—*Москвитянинъ* перерождается. Дай Богъ, чтобы въ добрый часъ! Но достанетъ ли у васъ терпѣнія на то, чтобы повести въ теченіе цѣлаго года журналъ черезъ всѣ мытарства нашей строптивой цензуры? Есть ли у васъ, наконецъ, хорошія статьи и достаточный ли ихъ запасъ? Наконецъ, какъ было бы хорошо, еслибы вы сами опредѣляли достоинство журнальныхъ статей, а не поручали бы это вашимъ сотрудникамъ" [164]).

Среди этой редакціонной неурядицы, *Москвитянинъ* въ 1854 году, подвергся цензурному гоненію. Служащій въ Московскомъ Сенатѣ губернскій секретарь В. Лихачевъ напечаталъ въ немъ свою повѣсть *Мечтатель* (разсказъ доктора). Повѣсть свою Лихачевъ украсилъ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Лермонтова:

Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
. . . .
. . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Содержаніе этой повѣсти заключается въ томъ, что у чиновника, занимающаго „довольно значительную должность въ уѣздномъ городѣ“, есть сынъ Александръ, родившійся мечтателемъ и съ дѣтства увлекшійся чтеніемъ всего, что попадало ему въ руки: „въ подобномъ чтеніи разбору не было“.

Окончивъ курсъ въ Уѣздномъ Училищѣ, Александръ не поступилъ въ Гимназію, потому что „сдѣлаться ученикомъ въ пятнадцать лѣтъ, при полномъ развитіи тѣла и умственныхъ способностей, при ранней возмужалости и зрѣлости чувствъ“, было для него „странно, очень странно и даже несообразно съ разсудкомъ“. Другой мальчикъ, сверстникъ Александра, о своемъ ученіи въ Гимназіи говоритъ: „Я не бѣжалъ отъ ученья, но постоянный восьмилѣтній переходъ съ одной скамейки на другую, безпрестанное повтореніе одного и того же, повѣрьте, и всякому можетъ прискучить“. Александръ зачисляется въ гражданскую службу, но живетъ дома въ праздности и навѣстившему его товарищу излагаетъ разсужденія такого рода: „*Неужели одни только богатые люди должны быть счастливы*, потому что имъ доступно каждое желаніе, потому что они имѣютъ средства осуществить каждую мысль, которая кажется бѣдному человѣку невозможною? Отчего они могутъ все видѣть, все знать, во всемъ участвовать? — Отчего? *За что они такъ счастливы? Вѣдь они такіе же люди? Зачѣмъ на свѣтѣ не уравнены всѣ состоянія?* Зачѣмъ богатый имѣетъ преимущество надъ бѣднымъ? Зачѣмъ такое *неравенство* въ природѣ? Зачѣмъ природа такъ несправедлива“?

Проживая еще нѣсколько лѣтъ дома, Александръ переходитъ на службу въ Москву. Здѣсь уже не герой-мечтатель, но самъ авторъ или *докторъ*, въ уста котораго вложенъ весь разсказъ, и представленный лицомъ здравомыслящимъ, говоритъ: „Кому неизвѣстна столичная жизнь... жизнь веселая и пріятная для богатыхъ, но скучная и однообразная для бѣднаго человѣка?.. Здѣсь *каждый классъ* рѣзко отли-

чается одинъ отъ другого, *и все разъединяется*... Здѣсь бѣдный человѣкъ *испытываетъ мученія, не хуже Тантала:* видѣть передъ собою все, и *не имѣть ни силъ, ни средствъ пользоваться* тѣмъ, что видишь, — это истинное *искушеніе*". Александръ съ порывистою дѣятельностью принялся за служебныя занятія, но этотъ порывъ „мало-по-малу ослабѣвалъ и наконецъ ослабѣлъ совершенно". Ему не подъ силу была постоянная и механическая работа въ одномъ и томъ же родѣ; ему не подъ силу была дѣятельность сосредоточенная на одномъ предметѣ *и подчинявшаяся однимъ и тѣмъ же формуламъ.* Къ тому-жъ и мѣсто, которое занималъ Александръ, такъ было *незначительно*, такъ мало приносило ему пользы, какъ для ума, такъ и для *кармана*, что *поневолѣ охладѣло бы и всякое рвеніе.* Онъ имѣлъ свое самолюбіе, свою гордость, и думалъ, что труды его сами собою оцѣнятся и получатъ должное награжденіе. Онъ не умѣлъ, при случаѣ, *напомнить о себѣ начальнику какимъ-нибудь, кстати сказаннымъ словомъ*, не умѣлъ, при случаѣ, заслужить вниманія его какою-нибудь незначительною, но скорою услугою. Онъ не умѣлъ, напримѣръ, *ни очинить перышка по рукѣ своему столоначальнику, любившему очень хорошія перья*, ни подать ему, въ случаѣ скорой надобности, какой-нибудь важной бумаги, которую потребуетъ начальникъ, *ни подставить ему песочницы*, когда тотъ дописываетъ листъ бумаги. Онъ не умѣлъ, напримѣръ, *ловко вскочить съ своего мѣста, когда подойдетъ къ ихъ столу главный начальникъ*; не умѣлъ *ловко поклониться ему и ловко выставиться впередъ* и первому исполнить приказаніе начальника". Въ слѣдствіе служебныхъ неудачъ, Александръ „получилъ рѣшительное отвращеніе къ должности". Иногда однако *душа его пробуждалась*. „Онъ готовъ былъ въ эти минуты сдѣлать все прекрасное, все полезное въ жизни, *не боясь никакихъ препятствій, никакихъ возможнѣйшихъ униженій*; онъ готовъ былъ въ эти минуты идти на всякій трудъ, на всякую тяжкую работу. Однажды только случилось мнѣ (доктору, отъ

имени котораго разсказывается повѣсть,) отыскать *порядочное* мѣсто Александру,—*мѣсто, не требовавшее никакихъ особенныхъ знаній, никакого особеннаго ума,*—и я отправилъ своего пріятеля просить его у *генерала, у котораго оно было подъ начальствомъ;* но и тутъ случилась неудача. Генералъ этотъ былъ человѣкъ *эксцентрическій* и хотя *находившіяся подъ его начальствомъ мѣста вовсе не требовали учености,* но онъ былъ *помѣшанъ на „ученыхъ", и хотѣлъ подражать общему направленію.*

„Вы гдѣ учились? спросилъ онъ Александра.

— Въ Уѣздномъ Училищѣ.

„О, въ Уѣздномъ Училищѣ: этого слишкомъ мало для человѣка! Вотъ еслибы вы кончили курсъ въ Университетѣ, то я васъ принялъ бы; а то не могу — извините меня"!..

Послѣ этого мысли, Александра приняли слѣдующій оборотъ: „Впрочемъ, развѣ я виноватъ, что мнѣ не дали образованія? Развѣ я виноватъ, что у меня нѣтъ, *ни случаевъ, ни богатства* для осуществленія своихъ желаній?.. Развѣ я виноватъ, что *слишкомъ рано переставъ быть дитею, что слишкомъ рано усвоилъ себѣ понятія* о жизни?.. О, предосадная вещь, быть умомъ выше *грязной* дѣйствительности!.. Ты *не ученый,* говорятъ тебѣ люди... А *будто* неученый человѣкъ не можетъ имѣть понятія о вещахъ, какія имѣетъ ученый? *Будто* неученый человѣкъ не можетъ быть способенъ ни на какое важное дѣло, требующее разсудка? *Будто* неученый человѣкъ обязанъ только переписывать бумаги, *не смѣя имѣть собственнаго своего сужденія? Странное предубѣжденіе!* Но лбомъ стѣны не прошибешь"!

Объ отцѣ же Александра говорится, что онъ, принадлежалъ „къ числу тѣхъ людей, которыхъ, по неимѣнію дарованія и по причинѣ дурныхъ успѣховъ въ наукахъ, называютъ всегда *тупоумными.* Александръ Семеновичъ считался, разумѣется, самымъ несчастнымъ человѣкомъ; но, по вступленіи его въ статскую службу, *когда, онъ нѣсколько разъ окунулся въ ея чернильномъ омутѣ,* когда онъ, хотя не-

много, ознакомился съ порядкомъ приказнической жизни, — о! тогда понялъ онъ, что *не совсѣмъ еще обидѣла его природа*, что вотъ, наконецъ, когда попалъ онъ на настоящую стезю своей жизни, и что *вотъ именно какая сфера была ему назначена!* Да, эта сфера, *безъ особенныхъ претензій на ученость* (разумѣется, не въ наше время), это письменное краснорѣчіе, *съ своими обыкновенными и извѣстными каждому фразами*, еще и донынѣ кое-гдѣ сохранившимися,— *были совершенно по душѣ Александру Семеновичу и очень* доступны его понятіямъ"... Долговременная служба, разумѣется, не осталась безъ награжденія: *чинъ коллежскаго ассессора, съ своимъ неотъемлемымъ правомъ на дворянство* (разумѣется, не въ наше время), *и небольшой значекъ съ цифрами XXX*, носимый всегда Александромъ Семеновичемъ на отворотѣ своего параднаго фрака или мундира, *да еще тривіальное* названіе *доки* или *юса . . . . . вотъ и все*, что только осталось Александру Семеновичу отъ его долговременной службы, и что̀ *составляло всѣ его трофеи*, принесенные имъ съ поля, на которомъ онъ съ такимъ постоянствомъ и терпѣніемъ, столько лѣтъ сражался"!

Въ развязкѣ, герой повѣсти—Александръ впадаетъ въ тупоуміе, безнадежность и нищету, и наконецъ умираетъ въ больницѣ; передъ смертію пишетъ онъ къ дѣвушкѣ, которую любилъ, письмо, въ коемъ, между любовными изъясненіями и сужденіями о своихъ погибшихъ мечтахъ и надеждахъ, даетъ ей такого рода совѣтъ: „Не спѣшите выходить замужъ; по *моему, всякое замужество есть несчастіе. Это — цѣпи, которыми приковываютъ женщину къ мужчинѣ, — клѣтка*, въ которую запираютъ беззаботную птичку *на вѣчную неволю*"! Дальше прибавлено: „Идите въ монастырь или *выходите за дурака: умные слишкомъ хорошо знаютъ, что вы съ ними дѣлаете*".

XL.

Повѣсть *Мечтатель*, съ содержаніемъ которой мы сейчасъ познакомились, воздвигла цензурную бурю на *Москвитянина*. Самъ министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ сдѣлалъ, за напечатаніе ея, строгое внушеніе начальнику Московской Цензуры В. И. Назимову, которому, 28 сентября 1854 года, писалъ: „Подобныя выходки противъ гражданской службы, въ коихъ, какъ эта служба, такъ и отношенія между начальниками и подчиненными, описываются въ каррикатурномъ и презрительномъ видѣ, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждается благотворное покровительство, которое оказываетъ Правительство наше Просвѣщенію и людямъ образованнымъ, ни въ какомъ случаѣ не должны были являться въ печати. . . . . Также выходки противъ святости брачнаго союза остаются безъ опроверженія и сопровождаются смѣхомъ разсказчика— доктора и его слушателей. Изъ сего, ваше превосходительство, усмотрѣть изволите, что повѣсть *Мечтатель*, заключающая въ себѣ весьма многія двусмысленныя, часто ложныя и даже вредныя, сужденія о государственной службѣ, ея установленіяхъ и отношеніяхъ, объ образованіи, о неравенствѣ состояній и о брачной жизни, ни въ какомъ случаѣ не могла быть допущена къ печати, и я долгомъ считаю покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, сдѣлать гг. цензорамъ Московскаго Цензурнаго Комитета строгое внушеніе, чтобы они, при разрѣшеніи къ печати сочиненій, обращали особенное вниманіе на духъ и направленіе ихъ, дабы не могло снова произойти столь важнаго упущенія, какъ въ настоящемъ случаѣ. Сверхъ того, покорнѣйше прошу, ваше превосходительство, объявить редактору *Москвитянина*, дѣйствительному статскому совѣтнику Погодину, что если онъ и впредь будетъ включать въ журналъ свои статьи, имѣющія неблагонамѣренное направленіе, то подвергнется лишенію права изданія журнала“.

Не взирая на это, въ *Москвитянинѣ* было напечатано другое литературное произведеніе, которое тоже вызвало цензурную бурю.

Отставной офицеръ Раевскій напечаталъ въ этомъ журналѣ отрывокъ изъ *Записокъ Почтмейстера* [165]). Эти *Записки* навлекли на Московскую Цензуру гнѣвъ Главнаго Управленія по дѣламъ Цензуры и министръ Народнаго Просвѣщенія, 17 октября 1854 г., писалъ Попечителю Московскаго Учебнаго Округа слѣдующее: „Не останавливаясь на содержаніи этого разсказа, не вполнѣ одобрительнаго въ нравственномъ отношеніи, я почелъ однако необходимымъ обратить вниманіе вашего превосходительства на предосудительныя вставки, сдѣланныя безъ всякаго отношенія къ содержанію разсказа. Такъ, авторъ дѣлитъ *чиновниковъ* на три раздѣла: Чиновники *съ протекціею*, чиновники *просто счастливые* и *чиновники безъ протекціи* и *счастія*. Послѣ нѣсколькихъ ироническихъ похвалъ своимъ первымъ двумъ разрядамъ, авторъ продолжаетъ такъ: Что же сказать про третій раздѣлъ? *Грустно, тысячу разъ грустно!* Это, какъ бы вамъ сказать, *молюски, вѣчно прикованные къ своему столу*, это *паріи* чиновническаго міра, *вѣчно голодные труженики*, отвергнутые міромъ, жители Песковъ, Колтовской и разныхъ захолустьевъ, *закованные въ форменный фракъ, какъ улитка въ раковину*. Вы ихъ увидите зимой, въ пальто сомнительной теплоты, съ поднятымъ воротникомъ, засунутыми въ карманъ руками, *инстинктивно* спѣшащихъ къ мѣсту своего служенія. Это вѣчные копіисты и журналисты до сѣдыхъ волосъ, которымъ чинъ ассессора представляется въ отдаленіи. Далѣе, и такъ же безъ малѣйшаго отношенія къ ходу разсказа, авторъ говоритъ, что названіе *Дворянской* для одной изъ улицъ губернскаго города, такъ же необходимо, какъ присутственныя мѣста и почтовыя конторы, какъ *губернаторъ, прокуроръ и городская сваха, въ чинѣ титулярной совѣтницы*.... Еще безъ губернатора можно обойтись,—его замѣнитъ вице-губернаторъ, прокурора—стряпчій,

но безъ Дворянской улицы и городской свахи, совершенно нельзя; онѣ ничѣмъ не замѣнимы. Далѣе, о такой свахѣ говорится: Такъ, дрянь, какая то титулярная совѣтница, — и ниже: она *по чину занимаетъ мѣсто*, а не то что въ должности. Признавая, что одобренный цензоромъ, надворнымъ совѣтникомъ Ржевскимъ, разсказъ: *Изъ Записокъ Почтмейстера*, по содержащимся въ немъ сатирическимъ выходкамъ противъ чиновъ гражданской службы, не заслуживалъ бы цензурнаго одобренія, и что вообще въ литературныя произведенія не слѣдуетъ вводить ничего могущаго вредить уваженію, которымъ должны пользоваться лица, состоящія въ государственной службѣ, я покорнѣйше прошу, ваше превосходительство, внушить о вышеизложенномъ гг. цензорамъ Московскаго Цензурнаго Комитета и г. редактору журнала“.

Объ этой печальной исторіи, въ *Дневникѣ* А. В. Никитенко мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

Подъ 29 октября 1854 года: „Сегодня мы долго говорили съ А. С. Норовымъ. Я, между прочимъ, сказалъ ему о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, отрѣшеніе двухъ цензоровъ, Похвиснева и Ржевскаго, что въ публикѣ это приписываютъ вліянію графа Панина, будто бы обратившаго вниманіе на глупыя фразы, которыхъ никто другой не замѣтитъ и которыми никто не думалъ соблазняться“.

— *8 ноября* — : „Говорятъ, что это И. И. Давыдовъ указалъ графу Панину на извѣстныя фразы, въ напечатанной въ *Москвитянинѣ* повѣсти *Мечтатель*“ [166]).

Между тѣмъ, 19 ноября 1854 г., В. И. Назимовъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ оффиціальнымъ письмомъ: „Г. министръ Народнаго Просвѣщенія, отъ 17 минувшаго октября, за № 2053, увѣдомляетъ, что въ № 18 журнала *Москвитянинъ* за текущій годъ, въ отдѣлѣ Русской Словесности, напечатанъ разсказъ, подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ Записокъ Почтмейстера*. Не останавливаясь на содержаніи этого разсказа, не вполнѣ одобрительномъ въ прав-

ственномъ отношеніи, его превосходительство обращаетъ вниманіе на предосудительныя вставки, сдѣланныя безъ всякаго отношенія къ содержанію разсказа. Признавая, что упомянутый разсказъ, *Изъ Записокъ Почтмейстера*, по содержащимся въ немъ сатирическимъ выходкамъ противъ чиновъ гражданской службы, не заслуживалъ цензурнаго одобренія и что вообще въ литературныя произведенія не слѣдуетъ вводить ничего могущаго вредить уваженію, которымъ должны пользоваться лица, состоящія въ государственной службѣ, г. министръ Народнаго Просвѣщенія поручаетъ мнѣ внушить о вышеизложенномъ гг. цензорамъ Московскаго Цензурнаго Комитета и вашему превосходительству, какъ редактору журнала".

Когда эта исторія дошла до Кіева, то 9 декабря 1854 года, М. В. Юзефовичъ писалъ Погодину: „Сдѣлайте милость, объясните мнѣ (съ тою же оказіею, по которой пишу вамъ это), что съ вами случилось?—Знаю, что Цензура высшая и на васъ наложила руку. Но въ чемъ именно?—Мы здѣсь пересматривали *Москвитянинъ* и ни на чемъ не могли остановиться.—Горе и горе!—Безсмысленно губятъ отечественную мысль и разрушаютъ опоры отечественному чувству.—Ужели мы мало еще наказаны?—Увѣдомьте, ради Бога.—Ежели не кому, то хоть я готовъ поднять голосъ и высказать всю правду. Надѣюсь, что въ Петербургѣ вы заставите себя выслушать; но нужно, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, имъ выставить не частности, а все вмѣстѣ, потому что для этихъ бегемотовскихъ лбовъ нужна не пуля, а доброе ядро".

XLI.

Хотя двери *Москвитянина* были настежъ открыты для писателей *молодого* поколѣнія, но душа Погодина не лежала къ нимъ, и онъ всячески старался сохранять въ своемъ *Москвитянинѣ* преданія старины. Большимъ лишеніемъ для Погодина было неучастіе въ его журналѣ стараго друга и

единомышленника Шевырева. Множество трудовъ отвлекало его отъ *Москвитянина*. Въ это время Шевыревъ, чтобы успокоить свою приближающуюся старость, купилъ подмосковную, и, 15 октября 1854 года, писалъ Погодину: „Купилъ я деревню около Москвы, прекрасную и дешево. Уголокъ прелестный, въ 7-ми верстахъ отъ Пятницы Берендѣевой, въ 17-ти отъ желѣзной дороги, въ Клинскомъ уѣздѣ. Главная сумма въ карманѣ, но поджидаю дополнительной, отъ князя Бориса Дмитріевича Голицына. Надѣюсь, что онъ выручитъ. О деревнѣ никому не говори".

Въ другомъ письмѣ своемъ Шевыревъ писалъ о томъ же предметѣ: „А прелестный уголокъ мы купили, для отдыха на старости лѣтъ. Еслибы ты захотѣлъ освѣжиться и уединиться въ деревнѣ,—милости просимъ. Есть особый флигель, кромѣ дома въ четырнадцать комнатъ. Аллея изъ липъ прелесть,—березы, ели и пр. Рѣка Нудаль... Принадлежало Денису Давыдову".

Покупка имѣнія не обошлась безъ дружескаго содѣйствія Погодина, которому Шевыревъ писалъ: „Купчая совершена и мы—помѣщики. Еще разъ благодарю тебя, милый другъ, за твою помощь" 167).

По свидѣтельству Погодина, „пребываніе Шевырева въ деревнѣ имѣло доброе вліяніе на крестьянъ. Онъ пріучалъ ихъ ходить чаще въ церковь, оказывать уваженіе къ духовенству, лѣчилъ, поконлъ, приглашалъ къ себѣ обѣдать священника и его жену, устраивалъ праздники, обращалъ вниманіе на дѣтей. Крестьяне приходили къ нему за совѣтами, жили на его харчахъ, и слава о ласковомъ баринѣ разошлась далеко" 168).

Другой старинный другъ и товарищъ Погодина, А. М. Кубаревъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился, наконецъ, напечатать въ *Москвитянинѣ* 1854 года свой многолѣтній трудъ изъ области Римской Исторіи. Сочиненіе свое Кубаревъ озаглавилъ такъ: „*Саллустій*, *Римскій историкъ*. Изслѣдованія и предположенія" 169). Познакомившись съ этимъ сочиненіемъ

еще до печати, Шевыревъ писалъ Погодину: „Читалъ статью Кубарева объ *Саллустіи*. Она написана прекрасно и весьма интересна. А разговоръ его съ Саллустіемъ напоминаетъ изящную форму Монтескье. Такъ бы давно пора Алексѣю Михайловичу"... Въ томъ же письмѣ Шевырева читаемъ: „Напиши же Шаффарику и Горскому о тысячелѣтнемъ юбилеѣ Славянской Письменности. Признаютъ ли они его или нѣтъ?.. Я боюсь, чтобы Славяне не ударили лицомъ въ грязь" [170]).

Своему изслѣдованію Кубаревъ далъ необычную форму діалога между нимъ и Саллустіемъ. „Въ одну ночь,—пишетъ изслѣдователь,—увидѣлъ я слѣдующій сонъ, который теперь хочу разсказать благосклонному читателю. Мнѣ казалось, что я въ библіотекѣ Аполлона Палатинскаго, основанной Августомъ и украшенной бюстами славныхъ Римскихъ писателей. Я стоялъ предъ однимъ изъ нихъ и со вниманіемъ его разсматривалъ. Это былъ бюстъ Саллустія. Въ это время я замѣтилъ стоящее возлѣ меня лицо, на которое теперь только обратилъ вниманіе. Представьте жъ себѣ, что̀ я долженъ былъ чувствовать, когда въ чертахъ этого незнакомца замѣтилъ совершенное сходство съ бюстомъ? Въ крайнемъ изумленіи я отступилъ немного и воскликнулъ: Ужели это Саллустій? Ужели дѣйствительно я вижу васъ, первый Римскій историкъ? Это лицо не оставило меня безъ отвѣта. И вотъ разговоръ, начавшійся между нами....."

Вѣроятно кто-нибудь изъ Московскихъ учениковъ Кубарева напечаталъ отзывъ, противоположный отзыву Шевырева. „Неизвѣстный авторъ, — пишетъ также неизвѣстный рецензентъ,—очень смѣло защищающій свои мнѣнія, очевидно не усвоилъ себѣ способности понимать Римъ и Римлянъ Саллюстіевскаго времени, и представляетъ себѣ Римскіе нравы и понятія послѣднихъ временъ республики похожими на наши нынѣшнія... Все это было бы еще извинительно, оставаясь совершенно невѣрнымъ, еслибъ г. К. не позволялъ себѣ выходокъ противу всѣхъ ученыхъ, имѣвшихъ несчастіе пони-

мать Римскую жизнь и Римскую Исторію вѣрнѣе, нежели онъ ихъ самъ понимаетъ. Если бы мы рѣшились подражать г. К. въ рѣзкости отзывовъ, то должны были бы сказать, что его статьи оказываютъ плохую услугу журналу, въ которомъ напечатаны“ [171]).

Извѣстный авторъ *Послѣдняго Новика, Ледяного дома, Басурмана*, Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ, хотя принадлежалъ къ писателямъ стараго поколѣнія, тѣмъ не менѣе не принималъ никакого участія въ *Москвитянинѣ* да и съ Погодинымъ не имѣлъ никакихъ дѣлъ. Только въ 1854 г. у него завязались съ Погодинымъ сношенія.

Лажечниковъ, оставивъ, въ 1854 г., постъ вице-губернатора Тверского, который занималъ съ 1843 года, переѣхалъ въ Москву, и сталъ искать мѣста. За содѣйствіемъ въ этомъ исканіи Лажечниковъ обратился къ Погодину, и писалъ ему: „Отдалившись отъ васъ, по случаю переѣзда моего на Садовую, въ домъ фонъ-Бока (наискось Ломакинскихъ бань), я лишенъ удовольствія часто васъ видѣть. Къ тому-жъ, съ утра до поздняго обѣда, я въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по одному дѣлу, а именно ищу мѣста предсѣдателя Коммерческаго Суда. *Ищу*,—великое и *тяжелое* слово! Что жъ дѣлать? Необходимость заставляетъ и камни ворочать. Вы знаете, что это мѣсто зависитъ отъ выбора купечества, и потому открываю себѣ путь къ *благосклонности* сильной и голосистой знати этого сословія. Я узналъ, что вы хорошо знакомы съ купцомъ Лобковымъ, котораго голосъ уважаемъ. Замолвите ему обо мнѣ доброе слово: двѣ губерніи за меня поручатся, что я былъ полезный и честный вице-губернаторъ, болѣе одиннадцати лѣтъ. Попросите его, чтобы онъ склонилъ на мою сторону и голоса своихъ добрыхъ знакомыхъ. Много обяжете вниманіемъ къ моей просьбѣ. Піеса моя не понравилась, потому что конецъ не по вкусу публики. Я выкинулъ длинность и передѣлалъ конецъ: можетъ быть, она пойдетъ снова на сцену. Увы! требуютъ все эффектовъ... Покорнѣйше благодарю васъ, за ваше обязательное содѣйствіе моему дѣлу.

Графъ Закревскій принимаетъ во мнѣ живое участіе, зная меня съ хорошей стороны, какъ вице-губернатора и сверхъ того, склоненный въ мою пользу рекомендаціею графа С. Г. Строгонова. Не увидимся ли съ вами 17-го, въ Коммерческой Практической Академіи, куда я приглашенъ на актъ профессоромъ Морошкинымъ" [172]).

Въ 1854 году, по слабости здоровья, сошелъ съ каѳедры Философіи Московской Духовной Академіи знаменитый нашъ мыслитель протоіерей Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій. По свидѣтельству графа М. В. Толстого, „при множествѣ и разнообразіи ученыхъ трудовъ, при неутомимой дѣятельности, протоіерей Ѳ. А. Голубинскій долго сохранялъ крѣпость силы и бодрость духа. Но, въ 1852 году, потеря двухъ сыновей произвела сильное потрясеніе въ душѣ чадолюбиваго отца: быстро ослабѣли тѣлесныя силы и уже не возстановлялись. Въ это время возникло въ душѣ его предчувствіе близкой кончины, которое онъ спокойно высказывалъ въ бесѣдѣ съ близкими ему людьми. Предчувствіе скоро сбылось: въ началѣ августа 1854 года, о. Голубинскій поѣхалъ въ Кострому, чтобы помолиться на могилѣ родителей и повидаться съ родными. Здѣсь, холера пресѣкла жизнь его на 57 году отъ рожденія. Отпѣваніе совершено однимъ изъ лучшихъ учениковъ его, преосвященнымъ Филоѳеемъ, епископомъ Костромскимъ (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій). Прахъ Голубинскаго покоится на кладбищѣ Іоанно-Богословской, за рѣкою Костромою, церкви. Другъ почившаго С. А. Масловъ поставилъ на могилѣ его памятникъ съ надписью, на одной сторонѣ: *Смиряяй себя, вознесется*; а на другой: *Словами училъ любомудрію, примѣромъ жизни—смиренію.*

Кончина протоіерея Голубинскаго послѣдовала въ одинъ годъ съ кончиною знаменитаго Германскаго философа Шеллинга, который, встрѣчая Русскихъ путешественниковъ, обыкновенно, спрашивалъ ихъ: „Знаете ли вы философа Голубинскаго"? И удивлялся, если получалъ отрицательный отвѣтъ [173]).

Баронъ Августъ Гакстгаузенъ, познакомившись лично съ Голубинскимъ, писалъ: „Онъ получилъ не только классическое образованіе, но и основательно изучилъ Французскую и Нѣмецкую литературы, онъ зналъ вполнѣ Нѣмецкую Философію и ея послѣднее развитіе, и я съ удивленіемъ слушалъ сужденіе Русскаго попа о Шеллингѣ, Гегелѣ... Эти сужденія произносились съ мягкою скромностью, и указывали на самостоятельное изученіе предмета. Онъ разспрашивалъ меня о жизни Нѣмецкихъ ученыхъ, о личностяхъ Шлеермахера, Неандера, Гегеля, Шеллинга... Голубинскій говорилъ по-Нѣмецки совершенно правильно, хотя медленно; а что онъ владѣлъ имъ вполнѣ, онъ доказалъ переводомъ на Нѣмецкій языкъ катехизиса Филарета. Не смотря на свою ученость, Голубинскій набоженъ и преданъ своей церкви. Наружность его умная, красивая, выраженіе лица—милое, скромное, дѣтское“ [174]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, о. Голубинскій благоговѣлъ предъ геніемъ митрополита Филарета. По свидѣтельству историка Московской Духовной Академіи, „во время производимыхъ Филаретомъ экзаменовъ въ Академіи, Голубинскій имѣлъ обычай записывать каждое слово митрополита, и въ потребныхъ случаяхъ извлекалъ изъ этихъ записей установившійся, окрѣпшій взглядъ на вопросы, для многихъ неудоборѣшимые. Голубинскій признавался, что изливавшаяся изъ устъ Филарета рѣчь до такой степени была правильна и сильна, что, слушая ее, какъ бы внимаешь чтенію замѣчательной ученой книги, наполненной богатымъ запасомъ свѣдѣній глубокихъ. Съ строгою точностію, не допуская излишняго слова, давалъ Святитель вопросы и внушалъ испытуемымъ, что, отвѣты должны отличаться точностію и прямотою, безъ уклоненія къ мыслямъ, неблизкимъ къ вопросу, безъ лишнихъ фразъ, запутывающихъ дѣло“ [175]).

Когда митрополитъ Филаретъ узналъ о кончинѣ Голубинскаго, то писалъ Антонію: „Миръ душѣ отца протоіерея Ѳеодора: когда вземлются добрые, мнѣ приходитъ на мысль, не приближается ли наказаніе намъ остающимся“ [176]).

По смерти протоіерея Ѳ. А. Голубинскаго, одинъ изъ учениковъ его написалъ краткую біографію своего учителя. Прочитавъ эту біографію, митрополитъ Филаретъ, 14 ноября 1854 года, писалъ ректору Московской Духовной Академіи архимандриту Евгенію: „Возвращаю вамъ біографію Ѳеодора Александровича. Сочинитель, сказавъ, что протоіерей Голубинскій преимущественно слѣдовалъ системѣ Шеллинга, клевещетъ на него и доноситъ на себя, и если бы это было напечатано, то обратилось бы въ порицаніе и Академіи. Шеллингъ половину своей жизни преподавалъ Философію, о которой потомъ самъ сказалъ, что она неудовлетворительна, потому что это только половина и что она сдѣлается удовлетворительною, когда онъ прибавитъ другую половину. Эту другую половину пытался онъ преподавать въ Берлинѣ; но, видно, самъ примѣчалъ, что она не дополняетъ, и запретилъ слушателямъ публиковать свои лекціи, и самъ, ничего не написавъ, умеръ. Сочинитель самъ выписываетъ вышедшія изъ устъ протоіерея Голубинскаго слова, что Шеллингъ отъ одного берега отсталъ и къ другому не присталъ, и самъ же пишетъ, будто протоіерей Голубинскій преимущественно слѣдовалъ Шеллингу. Мнѣ прискорбно, что и вы, отецъ ректоръ, не замѣтили нѣкоторыхъ мѣстъ біографіи, нетерпимыхъ. Московская Академія еще не пережила многолѣтнихъ на нее клеветъ, а вы вашею невнимательностію даете имъ пищу. На что̀ длинная выписка изъ книги профессора Шевырева, въ которой даже есть повтореніе того, что сказывалъ біографъ? Всякая слишкомъ длинная въ сочиненіи выписка изъ другого сочиненія представляется не членомъ тѣла, а килою на немъ. Мнѣ недосугъ слѣдить за всякимъ вашимъ словомъ и неудобно одному бодрствовать за многихъ дремлющихъ. Смотрите за сочинителемъ біографіи, не сѣетъ ли онъ плевелъ въ урокахъ, какъ посѣялъ ихъ въ біографіи“ [177]).

XLII.

Въ *Москвитянинѣ* 1854 года, С. П. Жихаревъ продолжалъ печатать свой *Дневникъ Студента*, который и закончился въ октябрской книжкѣ. „Какъ жаль, — писалъ В. И. Панаевъ Погодину,—что Записки Студента почти прекратились". Нужно сказать, что дальнѣйшее печатаніе Дневника затормозилось денежными условіями автора съ Погодинымъ. Во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ, Жихаревъ, 12 ноября 1854 года, написалъ ему слѣдующее письмо: „Я желаю, чтобы Михайла Петровичъ выдалъ мнѣ немедленно взаймы, подъ какой заблагоразсудитъ актъ, до октября будущаго года, тысячу рублей серебромъ, изъ коихъ долженъ онъ мнѣ отдать двѣсти пятьдесятъ здѣсь, въ Петербургѣ, а остальные—доставить изъ Москвы, не позже 22 числа. Это нужно мнѣ для того, чтобы, не развлекаясь ничѣмъ другимъ, все свое время могъ употребить на приведеніе въ порядокъ Записокъ своихъ, подъ заглавіемъ *Дневникъ Чиновника*, и доставлять ему ихъ къ каждому 1-му числу мѣсяца, не менѣе $3^1/_2$ листовъ печатныхъ, для помѣщенія въ журналѣ *Москвитянинъ*. За это готовъ я уступить ему безплатно означенныя Записки съ 1807 по 1818 годъ, и въ полную его собственность. Если же бы Михайла Петровичъ сего не пожелалъ, то, къ сожалѣнію моему, по обстоятельствамъ моимъ и причинамъ ему извѣстнымъ, я не могу уступить ему Записокъ моихъ иначе, какъ съ платою по сорока рублей серебромъ за каждый печатный листъ, и съ тѣмъ, чтобы деньги сіи выдаваемы мнѣ были тотчасъ по доставленіи ему извѣстнаго количества листовъ. Обязуюсь исполнить обѣщаніе мое добросовѣстно, но прошу разрѣшить меня тотчасъ же, потому, чтобы я не потерялъ случая окончательно уговориться съ другими, желающими пріобрѣсть мои Записки и предлагающими мнѣ деньги".

Намъ неизвѣстенъ отвѣтъ Погодина на это письмо, но въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 23 ноября 1854 года, онъ за-

писалъ: „Послалъ деньги Жихареву. Обѣдалъ у. Нечаева *), который сказывалъ, что Жихаревъ долженъ милліонъ. Вотъ тебѣ разъ“!

Дальнѣйшіе переговоры съ Жихаревымъ Погодинъ поручилъ П. С. Савельеву. О результатахъ своихъ переговоровъ Савельевъ не замедлилъ сообщить Погодину. „Первая страничка (письма), — писалъ Савельевъ, — была уже написана, когда мнѣ доложили о тайномъ совѣтникѣ Жихаревѣ. Послѣ разныхъ пустословій, онъ сказалъ, что ему нужно денегъ. Я отвѣчалъ, что онѣ къ его услугамъ, когда получу рукописи и заемное письмо.

Жихаревъ: „Да черновыя бумаги и портретъ я завтра же отсылаю для М. П. Погодина къ Полуденскому, и для этого-то мнѣ и нужно денегъ; рублей 70 у меня есть, а нужно бы мнѣ еще сотню“.

Савельевъ: — Мнѣ поручилъ Михаилъ Петровичъ вручить вашему превосходительству девятьсотъ пятьдесятъ руб., подъ заемное письмо и по полученіи бумагъ“.

Жихаревъ: „Да онѣ у меня готовы, а черновыя и уложены для него; онъ увидитъ, что ихъ нельзя разобрать; а мнѣ бы нужно хоть 100 рублей“.

Савельевъ: — Не имѣю права.

Жихаревъ: „Хоть семьдесятъ пять, не то пропущу случай отправить въ Москву портретъ и бумаги“.

Савельевъ: — Бумаги позвольте мнѣ самому отправить къ Михаилу Петровичу.

Жихаревъ: „Да онѣ уже уложены на имя Полуденскаго; надобно только деньжонокъ“ и т. д.

„Однимъ словомъ, — продолжаетъ Савельевъ, — выпросилъ пятьдесятъ рублей, которые я ему далъ подъ свой страхъ и его росписку. Заемное письмо въ тысячу рублей онъ обѣщалъ приготовить къ средѣ, когда я обѣщалъ къ нему заѣхать. Между

*) Степанъ Петровичъ Жихаревъ былъ женатъ на сестрѣ Степана Дмитріевича Нечаева, — Ѳеодосіи Дмитріевнѣ. *Н. Б.*

тѣмъ, какъ черновыя рукописи онъ уже послалъ къ вамъ или г. Полуденскому, то я и пріостановлюсь выдачею ему денегъ до полученія отъ васъ отзыва, получены ли вами черновыя, всѣ ли, не всѣ ли и т. д.“.

Въ назначенный день, т.-е. 1 декабря 1854 года, П. С. Савельевъ явился къ Жихареву. „Послѣ пустословія“, между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

Жихаревъ: „Я приготовилъ заемное письмо; но мнѣ всѣхъ денегъ теперь ненужно; дайте рублей триста, а заемное письмо я вамъ вѣрю (Такое скромное начало уже само по себѣ поселило въ Савельевѣ сомнѣніе).

Савельевъ:—Я обязанъ вручить вашему превосходительству всю сумму, получивъ Дневникъ, драматиковъ и черновыя.

Жихаревъ: „Вотъ пятнадцать чистыхъ листовъ драматиковъ, я уже ихъ приготовилъ (дѣйствительно, они были въ пакетѣ), а вотъ и черновыя, которыя я хотѣлъ послать къ Михаилу Петровичу (тетрадь пальца въ два толщины). Всѣ черновыя я не могу никому отдать, потому что въ нихъ есть фамильные секреты; при томъ же бумаги эти никто кромѣ меня и разобрать не въ состояніи; да ихъ нужно и выправить. Дайте мнѣ десять дней срока, и я отдамъ вамъ все, что будетъ просмотрѣно мною. А теперь мнѣ нужно не болѣе трехсотъ“.

Савельевъ:—Этого, ваше превосходительство, я не имѣю права сдѣлать, принявъ на себя только посредничество въ передачѣ вамъ извѣстной суммы, въ обмѣнъ на извѣстныя вамъ бумаги. Пожалуйте мнѣ всѣ поименованныя въ этомъ письмѣ ко мнѣ М. П. Погодина рукописи, и я вручу вамъ всю сумму, которая со мною.

Жихаревъ: „Да развѣ вы мнѣ не вѣрите; я вѣдь вѣрю вамъ, отдавая вамъ заемное письмо въ полной суммѣ“?

Савельевъ:—Я нисколько не невѣрю, но не имѣю на то полномочія; я взялся только получить отъ васъ поименованныя бумаги и тогда вручить вамъ деньги. Отступить отъ этого я не имѣю никакого права.

Жихаревъ: „Да мнѣ нужно время просмотрѣть бумаги; а теперь я хочу получить только рублей триста подъ заемное письмо“.

Савельевъ:—Я напишу о томъ М. П. Погодину; черезъ три дня получу отвѣтъ, и тогда являюсь къ вашему превосходительству.

Жихаревъ: „Нѣтъ! Я самъ напишу ему сегодня же. Меня нельзя принудить, какъ работника! Я прекращаю съ нимъ мои сношенія. Не онъ мнѣ услугу оказывалъ, ссужая меня деньгами подъ заемное письмо, а я *Москвитянину*,—даря ему Дневникъ. Я больше ничего не дамъ. Михаилу Петровичу я напишу, чтобы не печаталъ *Чиновника*. Если бъ я искалъ выгодъ, то мнѣ бы продать рукопись Краевскому“!..

„Едвали уже не продалъ — продолжаетъ отъ себя Савельевъ,—и пошелъ о своемъ безкорыстіи, о томъ, что его обманываютъ, что онъ не хочетъ быть болѣе въ дуракахъ и пр. и пр.“.

Савельевъ намекнулъ Жихареву, что вѣдь Дневникъ, *кажется*, уже уступленъ имъ Погодину.

Жихаревъ: „Да эта уступная запись ничего не значитъ; Михаилъ Петровичъ не сдержалъ своихъ условій“.

Савельевъ:—Позвольте же узнать ваше послѣднее слово?

Жихаревъ: „Я прекращаю мои сношенія съ Михаиломъ Петровичемъ, и самъ ему о томъ напишу“.

Савельевъ:—Послѣ этого позвольте мнѣ получить отъ васъ въ возвратъ пятьдесятъ р., которые я, *по просьбѣ* вашей, выдалъ изъ своихъ денегъ?

Жихаревъ: „Нѣтъ, этого нельзя“...

Савельевъ:—Да я выдалъ вамъ эти пятьдесятъ руб. изъ *своихъ* денегъ, и долженъ возвратить ихъ Михаилу Петровичу, если дѣло не состоится.

Жихаревъ: „Какъ вамъ угодно“.

Савельевъ:—Такъ вамъ угодно, чтобы я *подарилъ* вамъ эти деньги?

Жихаревъ: „Считайте какъ хотите, а эти деньги были отъ Погодина“.

Савельевъ:—Послѣ этого, ваше превосходительство, я долженъ раскланяться съ вами...

Жихаревъ: „Прощайте“!

„Хорошъ гусь! — писалъ Савельевъ Погодину, — всякія порученія я съ удовольствіемъ исполню, но избавьте, ради Бога, отъ дальнѣйшихъ объясненій съ этимъ господиномъ. Явно, что онъ не хочетъ отдать всѣ рукописи, и находитъ выгоднѣе продать ихъ Краевскому. Даже еслибъ онъ отдалъ вамъ часть Дневника, то все-таки другую часть можетъ продать *Отечественнымъ Запискамъ.* Во всякомъ случаѣ, съ нимъ трудно и непріятно имѣть дѣло. Если росписка его (на простой бумагѣ) въ полученіи отъ меня 50 руб. никуда не годна, то объ этихъ деньгахъ не заботьтесь; я возвращу ихъ вамъ, потому что выдалъ ихъ на *свой* страхъ, чтобы отвязаться отъ него и побудить къ изготовленію бумагъ“.

Въ то время, когда П. С. Савельевъ велъ эти переговоры, 28 ноября 1854 года, А. Ѳ. Бычковъ писалъ Погодину: „Вчера я получилъ Дневникъ Жихарева отъ барона М. А. Корфа и поспѣшаю переслать его къ вамъ. Въ немъ вы найдете загнутые листы и отмѣтки карандашемъ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ. Все это, по мнѣнію барона, не можетъ быть напечатано; что же касается до его approbatur, то онъ просилъ меня передать вамъ, что сего сдѣлать никакъ не можетъ, потому что онъ не имѣетъ никакого отношенія къ Цензурѣ, а Комитетъ 2-го апрѣля есть учрежденіе негласное. Впрочемъ, если все отмѣченное имъ не будетъ напечатано, тогда, по его мнѣнію, Дневникъ можетъ быть свободенъ отъ всѣхъ придирокъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же помѣщать печатно мнѣніе о свободѣ крестьянъ, говорить о всесильномъ Кутайсовѣ, или объ обычаяхъ высшаго сословія, шокирующихъ нравственное достоинство аристократовъ, неизъятыхъ впрочемъ и въ настоящее время отъ подобныхъ же ошибокъ. Передаю вамъ мое предложеніе о Жихаревѣ. Не лучше ли будетъ

написать ему, чтобы онъ деньги получилъ отъ меня и такимъ образомъ поставить меня какъ бы въ извѣстность объ уступкѣ имъ вамъ Дневника Чиновника. Впрочемъ, какъ вы думаете, такъ и поступайте. Я его со времени вашего отъѣзда не видѣлъ“.

XLIII.

По полученіи извѣстія отъ П. С. Савельева объ его неудачныхъ переговорахъ съ Жихаревымъ, Погодинъ, между прочимъ, записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 16 декабря 1854 года: „Невыгодное мнѣніе о Жихаревѣ, а я съ нимъ говорилъ откровенно. Жаль“!

Вскорѣ послѣ того, самъ Жихаревъ писалъ Погодину (22 декабря того же года): „Вы напрасно безпокоитесь пріисканіемъ моихъ писемъ, когда они всѣ у меня въ памяти. Вы ничего сказать мнѣ не могли и не можете, кромѣ того, что я сказалъ вамъ, и что я готовъ повторить, когда и предъ кѣмъ вамъ угодно.

1) Что Дневника, еслибы его печатать всего, станетъ не только на шесть лѣтъ, но на десять и болѣе, разумѣется, печатая его не болѣе трехъ листовъ въ каждой книжкѣ. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится, Дневникъ, чего добраго, можетъ пережить своихъ издателей.

2) Что я вамъ отдалъ его безвозмездно, разумѣя въ томъ видѣ и въ томъ объемѣ, въ какія средства мои и расположеніе духа могли бы дозволить мнѣ привести его.

3) Что, разнѣжившись отъ благосклоннаго вашего вызова (заплатить) 5/т. руб., за два или три тома, я писалъ къ вамъ, что гонорарія никакого не приму, а просилъ васъ о пособіи, какъ на разныя пріобрѣтенія (съ каковымъ не имѣлъ бы сквернаго процесса и не рисковалъ бы упустить истинное сокровище, можетъ быть одному мнѣ доступное), такъ и для того, чтобы успокоить себя на нѣсколько мѣсяцевъ въ намѣреніи исключительно заняться приведеніемъ въ порядокъ болтовни моей.

4) Что я двукратно посылалъ къ вамъ уступную записку и послѣдній разъ съ засвидѣтельствованіемъ полиціи.

5) Что,—когда послѣ предложенія вашего я не встрѣтилъ искренняго желанія вашего исполнить вполнѣ мою просьбу, сдѣланную въ видахъ вашихъ же выгодъ или выгодъ вашего журнала,—я написалъ къ вамъ вторично: qu' il n' en soit plus parlé, разумѣя это qu'il n'en soit plus parlé объ опредѣленномъ и срочномъ исполненіи обязанностей моихъ, добровольно принятыхъ изъ желанія быть вамъ угоднымъ, не хочу сказать, полезнымъ.

6) Что,—когда вы намекнули мнѣ, что фоліанты мои пріобрѣли за пять сотъ вмѣстѣ будто бы съ Дневникомъ,—то я тотчасъ же предложилъ вамъ возвратить эти пятьсотъ руб. и получить ихъ обратно, потому что я не понесъ бы убытка, точно такъ же какъ предлагалъ вамъ и въ Петербургѣ пятьсотъ руб., за уступку права вашего на *Дневникъ Студента.*

7) Что,—когда вы адресовали меня къ вашимъ коммиссіонерамъ для полученія денегъ, т.-е. прежде въ Польскій Статсъ-Секретаріатъ, потомъ къ графу Д. А. Толстому, потомъ къ графу А. С. Уварову, потомъ къ четыремъ книгопродавцамъ у коихъ (кромѣ Смирдина и впослѣдствіи у графа Уварова) я встрѣтилъ однѣ кислыя рожи и явную и гласную досаду на ваше порученіе,—я невольно унылъ и подумалъ: за что жъ такъ поступать со мною? и признаюсь, у меня опустились руки.

8) Что по истеченіи болѣе года, когда я потерялъ всю надежду на исполненіе обѣщанія вашего, изложеннаго въ письмѣ, отъ 22-го февраля, то писалъ неоднократно къ вамъ, что занимаюсь другимъ дѣломъ, но что окончаніе Дневника Студента доставлю вамъ немедленно; но это *немедленно*, къ сожалѣнію, сдѣлалось *медленнымъ*, во-первыхъ отъ упадка духа и во-вторыхъ отъ утраты желанія трудиться безъ цѣли. Говорю искренно.

Все это я очень помню и все это могутъ подтвердить ваши письма въ соображеніи съ выписками изъ моихъ писемъ, которыя вы мнѣ доставили.

Но это все прошлое, а вотъ настоящее:

При посылкѣ окончанія *Дневника Студента* я писалъ къ вамъ, что *Чиновникъ* мой крѣпко подвигается впередъ; и это было справедливо, благодаря журналисту *), котораго я считалъ нѣкогда въ числѣ недобросовѣстныхъ, но котораго, узнавъ короче, нашелъ человѣкомъ праводушнымъ, хотя и положительнымъ. Онъ безъ всякихъ притязаній и условій предложилъ мнѣ услугу съ тѣмъ, чтобы я расплатился съ нимъ *когда* и *какъ* могу. Я принялъ ее и расплатился тотчасъ же честно, отклонивъ дальнѣйшія его предложенія, истинно дружескія, до *времени*; и объ этомъ также писалъ вамъ потому, что хотя и стыдно, но долженъ признаться,—сердце у меня невольно лежало къ *Москвитянину*. Славное мнѣ за то возмездіе! Я попалъ въ торгаши.

Вы писали ко мнѣ, что я напрасно отдалъ свои Воспоминанія Театрала въ *Отечественныя Записки*, въ которыхъ имъ не мѣсто, и что вы не отказались бы дать мнѣ то, что далъ и Краевскій; сверхъ того, просили чтобы я ничего не давалъ ему безъ предварительнаго съ вами сношенія.

Я отвѣчалъ вамъ братски, и дружески просилъ васъ, прислать мнѣ рублей двѣсти; а за эту послугу обѣщалъ вамъ прислать листовъ шесть или семь печатныхъ Чиновника.

Но, въ удивленію моему, получилъ отъ васъ записку, въ которой вы говорили мнѣ: пришлите мнѣ Чиновника, а я *подготовлю* вамъ денегъ. А за симъ, извѣстили, что собираетесь сами въ Петербургъ и о всемъ лично переговорите со мною, присовокупивъ: *Не обижайте меня!!!*

Вы пріѣхали, и около трехъ недѣль я не видалъ васъ. Вы могли быть заняты заботами о цензорахъ, хлопотами о назначеніи васъ отъ Академіи, для изслѣдованій въ Сибири о происхожденіи Руссовъ; вы могли имѣть въ виду и золотыя розсыпи, все это до меня не касается; мнѣ нуженъ былъ не визитъ вашъ, а только слово чрезъ кого-нибудь: *Погодинъ*

*) А. А. Краевскому. *Н. Б.*

пріѣхалъ и желаетъ васъ видѣть;—я не тяжелъ па ногу и самъ бы поспѣшилъ къ вамъ; но не было ни повѣстки, ни слова; и, не зная на что подумать, по вторичному настоянію пріятеля, предложилъ вамъ уступить ему ваше право на Студента, какъ на голову нескончаемаго туловища.

Что за симъ послѣдовало? Я какъ глупо-слабый человѣкъ, у котораго болѣе или менѣе *Москвитянинъ* вертѣлся въ головѣ, Богъ вѣсть за чѣмъ, далъ вамъ прочитать Чиновника, который вамъ полюбился; вы захотѣли имѣть его и согласились на предложенную вамъ условную записку, чѣмъ уничтожались всѣ прежнія условія; обѣщались честнымъ словомъ выслать къ 25 числу деньги, подъ заемное письмо на годъ, и наконецъ ихъ выслали къ г. Савельеву, котораго я никогда не видывалъ и ввели третье лицо, совершенно мнѣ незнакомое, въ наши сношенія, какъ будто бы..... но я не договариваю моей думы, потому, что она заставляетъ краснѣть меня отъ стыда и блѣднѣть отъ досады.

Но, дѣло прошлое. Не знаю, изъ чего я выписываю всю эту дребедень изъ Дневника моего 1-го декабря и къ чему она служить можетъ. Il n'y a pire sourd, que celui qui ne veut pas entendre, говоритъ Французская поговорка, къ которой можно прибавить и Русскую: *Отрѣзанный ломоть отъ хлѣба, приставить къ нему мудрено.*

По желанію добраго Владиміра Ивановича Панаева, стариннаго моего знакомца, который также упрятанъ въ Дневникъ 11 марта 1810 года,—я читалъ въ обществѣ его продолженіе Дневника 1807 года; хотѣло ли оно потѣшить старожила или въ самомъ дѣлѣ происшествія, основанныя на фактахъ и свидѣтельствѣ многихъ живыхъ еще лицъ, мало-помалу становятся интереснѣе, только похваламъ не было конца. Но отъ того, что Панаевъ старый мой знакомецъ, я не хочу путать его въ посредничество, и не токмо его, но и никого рѣшительно. Дѣло обоюдное: вы не вѣрите мнѣ, а я вамъ. Извините, обида за обиду. Я не измѣню данному слову—и теперь больше нежели когда-нибудь, потому что,—нѣтъ худа

безъ добра,—поступокъ вашъ возвратилъ мнѣ всю мою энергію, и я говорю какъ говорилъ сорокъ семь лѣтъ тому назадъ, пьяненькій: *Ахъ Ты, Господи Боже мой, да чтожъ это такое!* (*Дневникъ* 11-го генваря 1807 года). Панаевъ и безъ того можетъ узнать о всемъ происшествіи изъ Дневника моего 1-го декабря, и изъ копій со всѣхъ писемъ вашихъ, не исключая и послѣднихъ, къ нему приложенныхъ, — а тысяча рублей, разстроившая меня единственно вслѣдствіе несбывшейся увѣренности и напраснаго ожиданія, еще не къ смерти грѣхъ: обошелся и обойдусь безъ вашего пособія, если нужно купить его униженіемъ. Какъ будто бы шло дѣло о спасеніи души моей! Никакая причина не могла и не должна была измѣнить ваше намѣреніе послѣ письма 23-го ноября. Чего испугались вы? Долговъ моихъ, запутанности дѣлъ? Они не секретъ и я не просилъ у васъ ничего. Впрочемъ, эти долги, эта путаница все-таки доказываютъ, мое самоотверженіе и слышанное вами, *нечаянно* *) или чаянно, это все равно, за обѣдомъ у поклоняющихся златому тельцу, должны были, извѣщая васъ о бывшемъ разстройствѣ дѣлъ моихъ, вмѣстѣ объяснить вамъ, что, отдавъ все за другихъ и заплативъ втрое, я расквитался съ своею совѣстью. Очень рисковали вы своею тысячью рублей! Поживемъ, увидимъ, ваше превосходительство, и не смотря на мои шестьдесятъ пять лѣтъ, я надѣюсь заплатить еще и не одну тысячу рублей: у всякаго есть своя звѣзда путеводная.

Никакихъ поручительствъ, кромѣ заемнаго письма и честнаго моего слова кормить вашъ журналъ своимъ сѣномъ, я представить вамъ не могу и не хочу. Не сдержу обѣщанія, можете настоящее письмо разослать въ копіяхъ по всѣмъ моимъ знакомымъ и преслѣдовать меня судомъ; да и этого не нужно, потому, что есть люди, которые, по первому вашему слову, заплатятъ за меня, какъ по письму, такъ и по роспискѣ, если угодно будетъ уступить ваше право на Днев-

---

*) См. стр. 227.

никъ. Если же этого для васъ недостаточно,—возвратите мнѣ рукопись Чиновника, потому что вотъ третій день какъ я опять порчу глаза свои надъ старымъ тряпьемъ и по страничкѣ диктую своему писарю въ другой разъ то, что уже съ такимъ трудомъ одинъ разъ продиктовалъ ему.

Впрочемъ, не думайте, чтобы я писалъ къ вамъ о томъ съ намѣреніемъ, выманить у васъ деньги. Скажу по-вашему: *Ни, ни, ни!* Дорого яичко во Христовъ только день. Дорога услуга при нуждѣ и та дорогà, когда она не сопровождается такими истязаніями. Я не хочу быть виновнымъ, ни передъ самимъ собою, ни передъ малымъ числомъ оставшихся мнѣ *вѣрныхъ*. Къ этому прибавлю откровенно полустишіе Крюковского изъ Пожарскаго, о первомъ представленіи котораго недавно рѣчь шла въ Дневникѣ, 22-го мая 1807 г.:

Москва не мать ли мнѣ?

Однакоже, какъ она мнѣ не мать, и кажется, поневолѣ должно сдѣлаться сыномъ Петербурга.

Желаю вамъ встрѣтить новый годъ радостно. Я не злопамятенъ“.

Письмо это, писанное подъ диктовку, заключается слѣдующею собственноручною припискою Жихарева: „Теперь дѣло, кажется, поконченное и вѣроятно это послѣднее мое маранье къ вамъ, потому что я рѣшился не продолжать болѣе этой безплодной переписки. Но не могу не увѣрить васъ, что черновые Дневники, по очисткѣ ихъ ото всѣхъ грѣховныхъ моихъ помышленій и проказъ, наполнявшихъ большую часть моей пребурной юности, назначены были вамъ вмѣстѣ съ бумагами и семейною перепиской Сперанскаго и Магницкаго, письмами и записками Державина, Молчанова, Марченко, князя Меншикова, Данилевскаго и многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ, не говоря о Батюшковѣ, Вяземскомъ, Тургеневѣ, Блудовѣ, Дашковѣ и прочихъ, которые немного содержатъ въ себѣ интереснаго. Сперанскаго и Магницкаго бумаги частію остались у меня, при составленіи имъ описи, по порученію князя Салты-

кова и прямого начальника моего статсъ-секретаря Молчанова. Это должно значиться въ одномъ изъ фоліантовъ, у васъ находящихся, и въ черновыхъ журналахъ Секретнаго Комитета 1813 года".

Отвѣтъ Погодина вызвалъ Жихарева на слѣдующее письмо (24 декабря 1854 года), которое онъ назвалъ *послѣднимъ словомъ*: „У васъ въ Петербургѣ болѣе агентовъ, чѣмъ ихъ у меня въ Москвѣ и потому сто пятьдесятъ рублей возвратятся тому, кто пожалуетъ отъ васъ съ Дневникомъ, также по вашему назначенію. Вы кланяетесь мнѣ разсчетами, а я кланяюсь вамъ Дневникомъ Студента, по разсчету вашему, и если нужно, готовъ исправить его. Я сдержу свое слово. Не угодно будетъ— не моя вина. Я вчера писалъ къ вамъ, что не имѣю нужды ни въ чьемъ посредствѣ и ни въ какихъ посредникахъ. Третейскіе суды и посредничество употребляются въ обоюдныхъ разсчетахъ спекулянтовъ, а я не имѣлъ никакой спекуляціи въ виду, отдавая вамъ трудъ свой даромъ и добросовѣстно обязываясь продолжать его. Не для чего оскорблять меня болѣе предложеніями поручительствъ и третейскихъ судовъ; вы властны были отказать мнѣ въ ссудѣ, и я бы не сказалъ ни слова;—но, давъ честное слово, вы не въ правѣ были измѣнить его и предлагать такія условія, на которыя сами знали, что я не соглашусь. Да и почему думаете вы, что назначаемые вами посредники могутъ пользоваться со стороны моей бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ вы сами. Еслибы я намѣренъ былъ не сдержать вамъ данное слово, я не сдержалъ бы его и при посредствѣ другихъ. Тысяча вашихъ рублей, которая нужна была для того только, чтобы доставить мнѣ нѣкоторое спокойствіе и удобство къ продолженію труда, не такъ важна, чтобы заставить меня унизиться и чтобы вы, по сказкамъ того или другого, могли измѣнить своему честному слову. Если бъ я, съ своей стороны, захотѣлъ также слушать розсказни, то также прекратилъ бы съ вами сношенія. Все, что я говорю другимъ, говорю и вамъ и не боюсь повторить и вашу измѣненную пословицу: *Не дорога лодыга, дорога ошибка*. Я обо-

шелся и обойдусь безъ вашей услуги, хотя потерялъ много времени и здоровья. Я отдавался вамъ *весь* съ Дневникомъ, бумагами и портретами, то есть, что называется *весь* и диктую это почти съ мокрыми отъ слезъ глазами, а вы хотите прижать и унизить меня. *На начинающаго Богъ*, Михаилъ Петровичъ! Это послѣднее мое слово“.

XLIV.

28 марта 1854 года, В. И. Панаевъ писалъ Погодину: „Долгомъ поставляю искренно поблагодарить васъ за билетъ на *Москвитянинъ*. Извините, что дѣлаю это нѣсколько поздно; причиною тому всегдашніе мои недосуги. Впрочемъ, я получилъ его въ концѣ февраля. Не могу не сказать, что журналъ вашъ хорошъ по прежнему: любопытенъ статьями историческаго содержанія, дышетъ правдою, благонамѣренностью, отличается вкусомъ. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я такъ скромно названныя *Мелочи* М. А. Дмитріева, радуясь, что онъ не покидаетъ литературнаго поприща, которое проходилъ всегда съ честію и успѣхомъ. Отъ его произведеній вѣетъ прежнимъ, лучшимъ временемъ“.

Самъ же М. А. Дмитріевъ, 24 мая 1854 года, писалъ Погодину: „Память моя все еще не истощается, хотя мнѣ минуло вчера пятьдесятъ восемь лѣтъ. Экая гадость! Кто прочитаетъ мои *Мелочи* по порядку, начиная съ Тредьяковскаго, то онъ пробѣжитъ лѣтъ сто пятьдесятъ наскоро по желѣзной дорогѣ. Немного замѣтитъ, а въ глазахъ промелькнетъ много. Никто не бралъ на себя такой дерзости, чтобы о сотнѣ писателей поговорить наскоро. Мнѣ самому это смѣшно! Но вообразите себѣ, что ихъ читаютъ и тѣ, которые ничего не читаютъ о Литературѣ! Вѣдь вотъ, какъ человѣку: кому счастіе; надъ инымъ трудишься и обрабатываешь—а нѣтъ счастія“.

Мелочи изъ запаса моей памяти не ускользнули однако отъ вниманія къ нимъ негласнаго Комитета, и баронъ

М. А. Корфъ написалъ А. С. Норову слѣдующую бумагу: „Въ напечатанныхъ въ 6-мъ нумерѣ *Москвитянина*,—*Мелочахъ изъ запаса моей памяти*, М. Дмитріева, находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Вотъ какъ послѣдовало паденіе Сперанскаго. Онъ въ опредѣленный часъ былъ у государя съ докладомъ. Передъ кабинетомъ, въ такъ называемой секретарской комнатѣ, дожидались окончанія его доклада Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ и князь Алексадръ Николаевичъ Голицынъ. Сперанскій вышелъ съ заплаканными глазами, оторопѣлый, и не обращая на нихъ вниманія, оборотясь къ нимъ спиною, началъ укладывать въ портфель свои бумаги. Вышедъ уже за двери, онъ опомнился и сказалъ изъ дверей: Прощайте, князь Александръ Николаевичъ; прощайте, Иванъ Ивановичъ! — Когда онъ воротился домой, онъ нашелъ уже у себя министра полиціи, Александра Дмитріевича Балашева, который именемъ государя потребовалъ отъ него бумаги и объявилъ ему отсылку на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній.

„Сперанскій попросилъ его передать государю одну бумагу въ особомъ запечатанномъ пакетѣ, что́ тотъ и исполнилъ.

„Ив. Ив. Дмитріевъ ничего не зналъ объ этомъ. Пріѣхавши на другой день въ Государственный Совѣтъ и сидя черезъ одинъ стулъ отъ Балашева, онъ спросилъ его объ одномъ его чиновникѣ: Александръ Дмитріевичъ, гдѣ у васъ Ельчаниновъ? — Тотъ отвѣчалъ, и потомъ спросилъ его: Иванъ Ивановичъ, а гдѣ у васъ Михайла Михайловичъ?— Какой Михайла Михайловичъ? — Сперанскій! — Я думаю, онъ сейчасъ будетъ сюда. — Нѣтъ, не будетъ, отвѣчалъ Балашевъ; онъ уже далеко отсюда!“

„Изъ дѣлъ Комитета 2-го апрѣля видно, что въ 1848 году, по случаю включенныхъ въ *Воспоминанія* Булгарина разсказовъ о покойномъ графѣ Сперанскомъ, замѣчена уже была неумѣстность въ печати намековъ на его удаленіе и вообще на подробности такого дѣла, которое, бывъ Правительствомъ

донынѣ всегда оставляемо подъ покровомъ тайны, слишкомъ еще близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало безъ особаго призванія и, вѣроятно, безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

„Основываясь и нынѣ на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, Комитетъ находилъ, что если изложенныя теперь въ *Москвитянинѣ* подробности и представляютъ одинъ, такъ сказать, фактическій разсказъ, то, однакоже, и въ сей формѣ неприлично и не должно допускать оглашенія, чрезъ печать, такихъ и столь близкихъ къ намъ событій, коихъ причины или побужденія Правительство, съ своей стороны, признало за благо оставить въ тайнѣ.

„Вслѣдствіе сего, Комитетъ полагалъ предоставить вашему превосходительству сдѣлать соотвѣтственное въ семъ смыслѣ по Цензурѣ вразумленіе, для общаго на будущее время руководства".

На подлинномъ журналѣ Комитета послѣдовала въ 11-й день сего апрѣля, собственноручная государя императора резолюція: *Совершенно справедливо.*

Съ своей стороны и Шевыревъ писалъ Погодину: „Съ чего это взялъ Дмитріевъ, что Мерзляковъ заикался? Въ первый разъ это слышу—и самъ этого никогда не замѣчалъ, хотя слушалъ Мерзлякова съ 1818 по 1823. Это тоже вѣрно, какъ то, что И. И. Дмитріевъ былъ рябъ; впрочемъ, послѣднее еще не совсѣмъ невѣрно. Иванъ Ивановичъ такъ намазывалъ себѣ лицо разными притираніями, что трудно было изъ-подъ замаски разглядѣть, были ли на лицѣ рябины или ихъ не было. Бартеневъ долженъ бы справиться у его камердинера, чтобы рѣшить дѣло... У М. А. Дмитріева много невѣрнаго о Мерзляковѣ, но за многое ему спасибо".

Сохранилась слѣдующая переписка Дмитріева съ Погодинымъ по поводу *Мелочей.*

Погодинъ писалъ: „Какія же письма мои нужно для васъ переписывать?

Дмитріевъ: „Всѣ, всѣ, всѣ“.

Погодинъ: Я пріѣхалъ бы къ вамъ непремѣнно, но заваленъ работою, вслѣдствіе Петербургскихъ вызововъ, о коихъ сообщу немедленно.

Дмитріевъ: „Работы у васъ конца не будетъ. Пріѣзжайте-ка сегодня“.

Погодинъ: Вы пишете: Батюшковъ былъ росту ниже средняго, почти средняго (я видѣлъ, его въ 1841 г., въ Вологдѣ). Во мнѣ осталось впечатлѣніе, что онъ былъ, напротивъ, выше средняго, и никакъ не малаго. Жизнь Ломоносова писалъ не Поповскій, а Дамаскинъ, послѣ епископъ Нижегородскій.

Дмитріевъ: „А стихи Воейкова въ *Сумасшедшемъ домѣ*: *Крошка Батюшковъ* виситъ въ клѣткѣ“.

Въ другомъ своемъ письмѣ, по поводу *Мелочей*, Погодинъ писалъ Дмитріеву: *Собраніе Образцовыхъ Сочиненій* въ двѣнадцать частей, едвали издано Воейковымъ съ Жуковскимъ и Тургеневымъ *). На заглавномъ листѣ было написано: издано Обществомъ, а я никогда не слыхалъ, чтобъ Жуковскій, Тургеневъ и Воейковъ участвовали. Объ И. И. Давыдовѣ хорошо бы вамъ, думаю, поставить оговорку: впрочемъ, я мало о немъ знаю или что-нибудь подобное, чтобъ оправдать или объяснить тѣсноту уголка, ему предоставленнаго въ вашихъ воспоминаніяхъ, кои составляютъ и будутъ составлять почетную награду **). Строки о Дашковѣ—перлъ во всей статьѣ. Ура! Вотъ какъ должны дѣйствовать литераторы и граждане, и можно такъ дѣйствовать и никто не смѣетъ поперечить, хоть здѣсь не въ бровь, а прямо въ глазъ“.

Еще со времень *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ былъ коротко знакомъ съ другомъ Пушкина, Сергѣемъ Александровичемъ Соболевскимъ. Это знакомство стало еще тѣснѣе по переселеніи Соболевскаго въ Москву. Главнѣйшею страстію

---

*) Именно они. Ихъ имена поставлены и въ большомъ каталогѣ Смирдина (Библіотека Плавильщикова). *М. Д.*

**) О Давыдовѣ оговорку я прибавилъ. *М. Д.*

Соболевскаго была Библіографія, которой онъ всецѣло посвятилъ конецъ своей жизни.

Въ сентябрѣ 1854 года, онъ обратился къ Погодину съ ходатайствомъ о доставленіи экземпляра *Москвитянина*, на извѣстныхъ условіяхъ, молодому библіофилу Григорію Николаевичу Геннади. „Покорнѣйше благодарю,—писалъ онъ,— за высказанное благорасположеніе. Когда у меня будетъ пріютъ для книгъ, то, на *новоселье*, выпрошу себѣ даромъ экземпляръ *Москвитянина*, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и стыда. Между тѣмъ, благоволите, о, превосходительство, выслушать оправданіе безымяннаго библіофила чрезъ мои уста. Оный библіофилъ, трудолюбивый и многочитающій, собралъ славную библіотеку современной Русской Белетристики; онъ имѣетъ въ виду *хорошее* состояніе, но пока имѣетъ родителей и глупую охоту собирать книги; двѣ причины, почему у него денегъ мало, а между тѣмъ, и хочется *Москвитянина*, и нуженъ *Москвитянинъ*. По вышеизложеннымъ причинамъ, онъ (точно такъ, какъ и вы) положился на меня, сказавъ мнѣ свой взглядъ на дѣло въ торговомъ отношеніи и никакъ не зная, что я отнесусь къ вамъ. Я, какъ *тиранъ и фабрикантъ* въ отставкѣ, принялъ это за норму; а, *какъ посредникъ*, расчелъ цѣну по обоюдному интересу, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Геннади слѣдуетъ *мнѣ* достать *Москвитянинъ* по той цѣнѣ, за что онъ изъ другихъ источниковъ имѣть его можетъ; 2) а его превосходительству, имѣющему вѣроятно остатокъ экземпляровъ непроданныхъ и сходно продающихся, выгоднѣе сбыть одному, чѣмъ сохранять, беречь, страховать и проч. оный. Ergo, обращаюсь къ его превосходительству. Само собою разумѣется, что если бы Геннади былъ человѣкъ очень недостаточный, то я, пользуясь довѣренностью ко мнѣ вашего превосходительства, сказалъ бы просто: *сдѣлайте доброе дѣло, подарите Москвитянинъ;* не таковъ теперь казусъ. А мнѣ выгода слѣдующая: буду имѣть подъ рукой хорошій, полный и переплетенный экземпляръ *Москвитянина*, не утруждая ваше превосходительство, коему

время дороже (да и намъ ваше время дороже), чѣмъ г. Геннади".

Въ другомъ письмѣ Соболевскій извѣщаетъ Погодина о весьма важномъ открытіи. „Отысканы — писалъ онъ, — собственноручныя Записки сенатора Дмитрія Борисовича Мертваго въ трехъ томахъ, коего отецъ былъ убитъ во время Пугачевскаго бунта, а сынъ былъ спасенъ только отъ того, что зналъ грамоту и что Пугачевъ обѣщалъ пятьдесятъ рублей дать тому, кто ему грамотнаго дворянина приведетъ въ секретари. Чрезвычайно интересно, приложенное къ нимъ множество писемъ Аракчеева и другихъ".

Записки Д. Б. Мертваго напечатаны въ особомъ приложеніи къ *Русскому Архиву* 1867 года.

XLV.

Въ 1854 году, Аксаковы приняли живое участіе въ *Москвитянинѣ*. Весьма понятно, что Погодину было желательно завербовать С. Т. Аксакова въ постоянные сотрудники своего журнала, и въ этомъ смыслѣ онъ написалъ ему письмо, на которое С. Т. Аксаковъ, 1 сентября 1854 года, изъ Абрамцева, отвѣчалъ слѣдующее: „Письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, очень меня удивило. Вы пишете, чтобы я прислалъ все, что у меня готово и даже вычисляете статьи. Да развѣ я когда нибудь обѣщалъ вамъ? Вѣроятно, вы позабыли мое письмо, въ которомъ я писалъ вамъ, что вы никакъ не можете надѣяться на меня, какъ на постояннаго сотрудника, что я могу вамъ дать нѣсколько статей и, кажется, именно сказалъ я, что дамъ двѣ статьи изъ *Охотничьяго Сборника* и двѣ изъ *Хроники Воспоминаній*. И такъ, я вамъ долженъ прислать одну охотничью статью, и я готовъ это сдѣлать, если вы хотите, хоть сейчасъ. Я писалъ вамъ также о своемъ намѣреніи напечатать томъ *Хроники Воспоминаній* и томъ *Охотничьихъ статей*, что вы и сами мнѣ очень совѣтовали. Изданіе перваго я отлагаю до буду-

щаго года, ибо въ немъ цѣлая треть еще не написана; а второй, если буду живъ и здоровъ, надѣюсь выдать нынѣшнею зимою. Но вотъ что плохо, что я нездоровъ и рѣшительно не могу заниматься. Съ недѣлю какъ у меня открылась лихорадка по утрамъ и хоть пароксизмы слабы, но голова не приходитъ въ свое нормальное состояніе и не выноситъ никакого умственнаго напряженія, да и глаза нехороши. Изъ всѣхъ моихъ статей, кромѣ охотничьихъ, приготовлена къ печати только *Знакомство съ Державинымъ*. Мнѣ бы не хотѣлось этой статьи печатать отдѣльно, потому что ею заключается томъ и потому что личность автора, послѣ предъидущихъ статей, не покажется странною: ибо въ этой статьѣ я много говорю о себѣ. Не смотря на это, если вы непремѣнно хотите, то я соглашусь дать вамъ Державина. Не могу также придумать, кого бы я могъ завербовать въ вашъ журналъ? Если хотите, чтобъ я это сдѣлалъ, то укажите мнѣ къ кому адресоваться".

Въ заключеніе своего отвѣта, С. Т. Аксаковъ писалъ: „Константинъ очень охотно желаетъ участвовать въ вашемъ журналѣ, а за Ивана я не ручаюсь".

Вслѣдъ за отцомъ, писалъ къ Погодину и К. С. Аксаковъ: „Совершенно справедливо, что говорите вы объ участіи въ *Москвитянинѣ*. Я, съ своей стороны, совершенно согласенъ и готовъ служить всѣмъ, что у меня есть; но вы знаете, что я обязанъ подпискою представлять свои сочиненія въ Управленіе Цензуры. Въ этомъ все и затрудненіе. Главное Управленіе Цензуры несносно долго держитъ у себя рукописи. И такъ, статьи я давать очень радъ, а вы, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, похлопочите о цензурѣ; надобно, чтобъ вы отъ себя посылали мои статьи, какъ назначенныя въ вашъ журналъ; такъ поторопятся пропустить въ Цензурѣ, да и охотнѣе, можетъ быть, пропустятъ. Да, надобно, чтобы всѣ Русскіе честные люди имѣли органъ; надобно, чтобъ совокупно высказывалось въ наше время лжи и подлости и подобострастій предъ Европой, добросовѣстное, дѣльное мнѣ-

ніе; нужно общее средоточіе, пусть же будетъ оно въ *Москвитянинѣ*".

За симъ, К. С. Аксаковъ представляетъ Погодину перечень своихъ статей: 1) статья о глаголахъ, находящаяся въ Цензурѣ, 2) статья о чудесномъ, вамъ извѣстная, 3) у меня есть двѣ статьи о Литературѣ нашей, но, я думаю, онѣ потребуютъ вновь обработки, 4) есть статья, оконченная и почти обдѣланная, о современномъ человѣкѣ, объ общественной нравственности, объ общественномъ благѣ: она вамъ должна понравиться. Кромѣ того, я собираюсь написать: 1) статью о Русской народной поэзіи; 2) статью о Русскомъ бытѣ, на основаніи пѣсенъ, обычаевъ, повѣрій и пр., въ pendant къ статьѣ о древнемъ бытѣ, вамъ извѣстной; 3) готовъ очень охотно писать критическія статьи и всякаго содержанія; 4) если угодно, возьмите у меня введеніе въ Грамматику, гдѣ говорится объ образованіи буквъ. Сверхъ того, я хочу написать исторію крестьянскихъ отношеній въ Россіи; но такъ какъ это трудъ большой, за который я уже принялся, то могу дать или извлеченіе или отрывокъ. Еще непремѣнно думаю я написать замѣчаніе на большое сочиненіе Гильфердинга объ *отношеніи языка Славянскаго къ Санскритскому*. И такъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, если вы хотите принять мои статьи, то скажите, тогда я намѣренъ немедленно приняться за тѣ, которыя хочу писать. Не думайте, чтобъ это были пустыя обѣщанія. Благодарю Бога, я теперь могу нелѣниво работать,—и трудъ есть для меня, и долгъ, и удовольствіе.

„Кромѣ статей въ прозѣ, — заключаетъ К. С. Аксаковъ свое письмо, — посылаю вамъ два стихотворенія. Одно изъ нихъ *Луна и Солнце*—весьма нравится нашимъ общимъ знакомымъ. Я на стихи имѣю весьма мало притязаній; но если они вамъ понравятся, то помѣстите ихъ. Оба эти стихотворенія были въ запрещенномъ томѣ *Московскаго Сборника*, но не думаю, чтобъ запрещеніе могло ихъ касаться" [178]).

Намѣреніе К. С. Аксакова дѣйствовать въ *Москвитя-*

нинѣ весьма обрадовало его брата Ивана Сергѣевича, и онъ писалъ своимъ родителямъ: „Я очень радъ, что Константинъ согласился участвовать въ *Москвитянинѣ*. Возможность печатанія оживитъ его труды. Пусть сначала пуститъ въ ходъ какую нибудь филологическую статейку“.

О своемъ же сотрудничествѣ въ *Москвитянинѣ* И. С. Аксаковъ писалъ: „Я забылъ отвѣчать вамъ на счетъ предложенія Погодина. Мнѣ участвовать въ *Москвитянинѣ* покуда нечѣмъ: все неудобно для печати. Пожалуй, пусть напечатаетъ мои *Судебныя сцены*, да вѣдь не пропустятъ. Отрывокъ изъ *Бродяги* печатать отдѣльно не стоитъ; стиховъ печатать не хочу, да и ни одной піесы нельзя напечатать!“ [179])

Вышеприведеннымъ письмомъ С. Т. Аксакова (отъ 1 сентября) Погодинъ остался недоволенъ и, приготовивъ для него три письма, писалъ ему: „Нѣтъ ни минуты. Деньги готовы (3 т. р. с.). Ваше письмо меня огорчило, а Константиново—утѣшило. Я писалъ въ минуту, какъ теперь, и съ минутою, какъ теперь, безъ всякихъ воспоминаній, были-ль обѣщанія и какія. Мое соображеніе было вотъ какое — для васъ и для всякаго другого изъ близкихъ и полудальнихъ людей: *журналъ долженъ быть веденъ, какъ можно сильнѣе. Всякій порядочной человѣкъ, Русской литераторъ, поколику онъ порядоченъ, долженъ двигать его своею грудью*. У васъ есть такія-то статьи,—я и давай ихъ высчитывать: присылайте то, и то, и то. Вы можете имѣть свои причины и соображенія, почему вы одно даете, другое нѣтъ. Ну и скажите: я не могу вамъ прислать, а *удивленіе* оскорбительно и огорчительно. Я хотѣлъ думать о вашихъ сочиненіяхъ и вашихъ дѣлахъ, какъ о своихъ, и надѣялся, что вы о моихъ сочиненіяхъ и дѣлахъ думаете, какъ о своихъ. Вы можете разсуждать о нихъ совершенно свободно. Мнѣ кажется, что они помѣщенныя въ журналѣ прежде Собранія, не повредятъ Собранію (какъ напримѣръ Тургенева разсказы), а журналу сдѣлаютъ великую пользу. Вамъ, положимъ, не такъ кажется, и вы въ

журналѣ помѣстите только нѣкоторыя: ну что же — такъ и сдѣлайте. Вы скажете даже мнѣ: не помѣщайте своей *Исторіи* въ журналѣ, а выдайте сполна, или не издавайте начала, или издайте вдругъ три тома и т. п. Это наше совѣщаніе, но *удивленіе*, *удивленіе*—меня поразило. Можетъ быть, это только одно впечатлѣніе, а обдумывать я не имѣлъ минуты, ибо занятъ такимъ важнымъ дѣломъ, какого еще и не было! Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Можетъ быть, это впечатлѣніе и огорченіе покажется мнѣ самому смѣшнымъ, когда я обдумаю дѣло, да времени то нѣтъ, а скрывать впечатлѣнія—не въ моей натурѣ. Не могу скрыть и того, что удивляюсь, въ свою очередь, какъ вы не убѣдитесь, что ко мнѣ надо имѣть довѣренность въ веденіи дѣла, хоть я и пишу записки необдуманныя и сколько ни закаивался, а все-таки пишу и несу вредъ отъ нихъ. Вреда, зла себѣ, Литературѣ, общему дѣлу, мудрено принести больше, какъ принесли вы своими *Сборниками* *), а я, сколько препятствій мнѣ ни было, какъ мало (т.-е. ничего) помощи ни получалъ, говорю все, что́ заблагоразсужу. Слѣдовательно, дайте мнѣ справиться сдѣлаю я и *Москвитянинъ* тѣмъ, чѣмъ хочу, но прошлый годъ былъ посвященъ у меня изслѣдованіямъ, нынѣшній политикѣ, будущій, если Богъ дастъ, поѣду въ Сибирь,—слѣдовательно могу приняться за него самъ—вонъ еще когда, а можетъ быть и протяну ноги! Тогда друзья и не друзья пожалѣютъ, и будутъ говорить то и то. Напишу и о нашемъ времени, поговорю и о Литературѣ, или о политикѣ" . . . . [180])

XLVI.

Само собою разумѣется, что дѣйствительнымъ сотрудникомъ *Москвитянина* сдѣлался самъ С. Т. Аксаковъ. Этотъ журналъ въ 1854 году украшался разнообразными, по своему

*) Московскими. *Н. Б.*

содержанію, сочиненіями его. Всѣ съ наслажденіемъ прочли охоту съ ястребомъ за перепелками, охоту съ острогою и ловлю шатромъ тетеревовъ [181]).

Авторъ ихъ писалъ И. С. Тургеневу: „Статья моя о травлѣ куропатокъ напечатана въ *Москвитянинѣ*. Пожалуйста, прочтите на досугѣ и скажите ваше мнѣніе безъ всякаго снисхожденія и ласки старому вашему пріятелю. Вѣдь я серьезно боюсь, чтобъ мнѣ не заболтаться на старости; трудно уловить ту минуту, когда неминуемо начнешь глупѣть и станешь принимать желаніе приласкать старика за наличную монету" [182]).

Но Тургеневъ, не думая *ласкать старика*, и самъ будучи страстнымъ охотникомъ, со всею искренностью писалъ ему:

„Искреннее спасибо вамъ за травлю перепелокъ, которую я не прочелъ, а проглотилъ цѣликомъ. Это превосходная вещь—и написана тѣмъ славнымъ Русскимъ языкомъ, которымъ вы одни владѣете" [183]).

Охотничьи сочиненія С. Т. Аксакова, помимо ихъ литературныхъ достоинствъ, были цѣннымъ вкладомъ и въ науку. Сынъ автора, И. С. Аксаковъ, писалъ своему отцу, изъ Харькова, 25 октября 1854 года: „Я познакомился съ профессоромъ Черняевымъ. *Ветеранъ Русскихъ естествоиспытателей*, какъ называютъ его на оффиціально-торжественномъ языкѣ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, страстно преданный своему дѣлу, довольно извѣстный въ ученомъ мірѣ своими изслѣдованіями, Черняевъ началъ съ того, что просилъ меня передать вамъ, милый Отесинька, отъ имени ученыхъ всю глубокую ихъ признательность за ваши сочиненія. Завтра назначенъ диспутъ одного магистранта о какой-то рыбкѣ-овсянкѣ, и Черняевъ съ вашей книжкой въ рукѣ намѣренъ опровергать его или доказывать тождество этой рыбы съ верховкою или сентявкою, вами описанною. У него только первое изданіе *Записокъ объ уженьѣ рыбы*; онъ искалъ второго, но не могъ найти: у Опарина были два или три экземпляра и куплены. Университетъ, по его требованію, выпишетъ второе изданіе,

но оно еще не скоро получится. Очень жалѣю, что не могъ снабдить его книгою: не помню навѣрное, но, кажется, вы что-то прибавили о сентявкѣ. Черняевъ проситъ васъ, милый Отесинька, прислать въ Университетъ эту рыбку и верховку въ спиртѣ съ какой-нибудь оказіей. Оказію всегда можно найти черезъ Свѣшникова, посылающаго книги Опарину, коммиссіонеру Университета; впрочемъ, я, по пріѣздѣ, всегда могу найти оказію съ купцомъ. Мнѣ кажется, вамъ бы не мѣшало послать во всѣ университеты и въ Карамзинскую Библіотеку въ даръ экземпляры своихъ сочиненій. Нынче утромъ, въ 8 часовъ, явился ко мнѣ Черняевъ съ просьбой— сказать ему вашъ адресъ; онъ собирается писать къ вамъ письмо. Весело видѣть живость этого шестидесятилѣтняго ученаго: выслуживъ срокъ, онъ оставляетъ Университетъ и предпринимаетъ экспедицію по черноземной полосѣ, готовый путешествовать пѣшкомъ и на телѣжкѣ. Когда онъ прочелъ ваши *Записки охотника*, онъ положилъ себѣ, непремѣнно посѣтить Оренбургскія степи и быть у васъ; весною будущаго года онъ намѣренъ отправиться въ Оренбургскую губернію, но въ августѣ мѣсяцѣ будетъ въ Москвѣ и заѣдетъ къ вамъ. Сказавши ему, что вы хотите писать ваши наблюденія надъ грибами, я привелъ его въ рѣшительный восторгъ: онъ самъ, чтобы поговорить о грибахъ съ какимъ-то знаменитымъ Шведскимъ натуралистомъ, ѣздилъ нарочно въ Швецію. Книгу вашу онъ постоянно рекомендуетъ съ каѳедры молодымъ ученымъ для пріохочиванія слушателей къ естественнымъ наукамъ. Много я слышалъ и читалъ похвалъ вашимъ сочиненіямъ, но, кажется, Черняевъ превзошелъ въ этомъ всѣхъ.— *Записки объ уженьѣ*, второе изданіе, наконецъ я досталъ, справившись у Опарина — кто купилъ: купилъ одинъ студентъ, котораго я и отыскалъ. *Записки объ уженьѣ*, второе изданіе, видѣлъ я еще прежде въ Полтавѣ, у Бодянскаго *). Впрочемъ, въ Харьковѣ, внѣ Университета, никто Русской Литера-

*) Брата профессора. *Н. Б.*

турой не занимается и не интересуется — и никто почти, кромѣ профессоровъ, о книгахъ вашихъ не слыхалъ и не знаетъ, равно ни о *Московскомъ Сборникѣ*, ни о Московскомъ направленіи. Университетъ же здѣсь въ обществѣ не принятъ и живетъ совсѣмъ отдѣльно".

Въ другомъ письмѣ И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „Въ послѣднемъ письмѣ я сообщалъ вамъ про назначенный диспутъ о рыбкѣ-овсянкѣ. Потомъ былъ я на самомъ диспутѣ. Черняевъ спросилъ магистранта, читалъ ли онъ *Запискѣ объ уженьѣ* С. Т. Аксакова, прославившагося кромѣ того, Оренбургскимъ ружейнымъ охотникомъ, и почему онъ не сослался на это сочиненіе превосходное и пр. и пр.?... Тотъ уклонился отъ отвѣта на вопросъ—читалъ ли онъ, но сказалъ, что не считаетъ себя въ правѣ въ ученомъ сочиненіи ссылаться на сочиненіе популярное; что же касается до тождества овсянки съ верховкою, предполагаемаго г. профессоромъ, онъ этого мнѣнія не раздѣляетъ. Черняевъ объявилъ, что этотъ споръ рѣшится присылкою верховки. Пришлите же ему верховку, милый Отесинька! Да ужъ не скупитесь, пришлите этого добра побольше, на цѣлую уху, или сушеную!" [184])

Еще въ 1846 году, въ *Московскомъ Сборникѣ* появился отрывокъ изъ знаменитаго творенія С. Т. Аксакова *Семейная Хроника*; въ *Москвитянинѣ* 1854 года является другой отрывокъ оной [185]). По напечатаніи этого отрывка, 24 ноября 1854 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Я вчера только кончилъ второй отрывокъ изъ *Семейной Хроники*, но онъ еще сыръ; надо его выправить и обжечь. Его можно помѣстить въ первую январьскую книжку (1855 года, *Москвитянина*). Боюсь только цензуры. Содержаніе—баринъ-тиранъ Екатерининскаго вѣка. Еще я рѣшаюсь вамъ дать Державина; если хотите имѣть его немедленно, то накажите съ Иваномъ. Пришлю въ одну недѣлю" [186]).

Въ это самое время, между авторомъ *Семейной Хроники*

и его сыномъ, Иваномъ Сергѣевичемъ, возникла любопытная, такъ сказать, полемика.

27 августа 1854 года, И. С. Аксаковъ, изъ Харькова писалъ своимъ родителямъ: „По случаю настоящей войны, народные умы легко тревожатся и готовы повѣрить всякой небылицѣ, всякому ложному толкованію указа. „Царь зоветъ на службу, лучше служить царю, чѣмъ господину“—эти разсужденія мнѣ уже привелось слышать. И потому, милый Отесенька, ваше посланіе міру, съ угрозой прислать управляющаго — въ настоящее время, едва-ли достигнетъ своей цѣли... Словомъ сказать,—отношенія помѣщика къ крестьянамъ съ каждымъ годомъ разстраиваются и надо спѣшить приводить дѣло въ такое положеніе, чтобы событіе не застало врасплохъ и не лишило помѣщика насущнаго куска хлѣба. Знаете что, милый Отесенька? Если Гриша вступитъ на службу и не въ наши губерніи, надобно будетъ кому нибудь изъ насъ двоихъ заняться лучшимъ устройствомъ имѣнія... Такъ оставлять нельзя; прежніе способы управленія становятся теперь невозможными и прежнія отношенія расклеиваются. Теперь, ни *Куроѣдовъ*, ни *Степанъ Михайловичъ* *) не навели бы страха на крестьянъ“.

На это авторъ *Семейной Хроники* отвѣчалъ своему сыну: „Ты очень справедливо говоришь, что пора обратить вниманіе на отношенія наши къ крестьянамъ, но, во-первыхъ, это надо дѣлать не теперь, а въ спокойное время и, во-вторыхъ, это надо дѣлать помѣщику, живущему въ деревнѣ, подъ личнымъ своимъ надзоромъ, а не заочно. Я точно убѣждаюсь, что Шабаевъ (управляющій) не умѣетъ сладиться съ крестьянами и ѣхать въ Вышенки кому-нибудь изъ насъ—необходимо. Если буду въ силахъ — поѣду самъ. Надѣюсь, не съѣздитъ ли какъ-нибудь Гриша; но вы съ Константиномъ оба не годитесь; ты опаснѣе даже Константина, что и доказывается твоими же словами, что *Степанъ Михайловичъ*

---

*) Герои *Семейной Хроники. Н. Б.*

теперь бы не годился. Онъ бы отлично годился, да между нами онъ невозможенъ теперь“.

18 ноября 1854 года, И. С. Аксаковъ вернулся изъ Малороссіи въ Абрамцево, гдѣ предполагалъ окончить свой отчетъ объ Украинскихъ ярмаркахъ; но И. С. Аксаковъ „при своемъ пылкомъ характерѣ“, не долго могъ усидѣть на мѣстѣ. 25 января 1855 года, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, для переговоровъ о мѣстѣ въ Астрахани. Въ Погодинскомъ архивѣ сохранилось замѣчательное письмо графини А. Д. Блудовой, отъ 10 января 1855 года, въ которомъ она, между прочимъ, пишетъ Погодину: „И. С. Аксаковъ кажется съ ума сошелъ; возвратившись изъ Малороссіи, онъ писалъ сюда въ духѣ истиннаго патріотизма и благоразумнаго стремленія къ общей пользѣ и просилъ совѣта (не у меня) о вступленіи на службу. Къ счастію, что мы не успѣли и не хотѣли никакихъ мѣръ предпринять, не спросивши, куда именно ему хочется? Вы тоже писали о томъ, что нужно бы его употребить; но видно, побывавъ при *Дворѣ литературномъ* Московскомъ, ибо ихъ маленькій кружокъ есть ничто иное какъ *Дворъ*, со своими предразсудками, подобострастіемъ, *исключительностію* и самодовольствіемъ (съ тою разницею, что у нихъ *формы* и пріемы грубые). Побывавъ *при Дворѣ* онъ почувствовалъ, какъ видно, такія же угрызенія совѣсти, какія чувствуетъ какой-нибудь нашъ дипломатъ, осмѣлившійся быть нѣсколько часовъ *Русскимъ*, когда находится на конференціи въ Вѣнѣ или въ гостинной графа Нессельрода! И сталъ Иванъ Сергѣевичъ раскаяваться въ своей простой любви къ Россіи: писать по почтѣ самый оскорбительный вздоръ на счетъ всѣхъ тѣхъ, которые, по его желанію, хотѣли о немъ хлопотать. *Мнѣ*, между прочимъ, поручено сказать, что онъ не Сербія и не Далмація, что не совсѣмъ понятно; конечно, онъ бы не выдержалъ такъ отъ четырехсотъ лѣтнихъ искушеній и гоненій, не теряя своей народности и надежды! Иванъ Сергѣевичъ столько можетъ быть благоразуменъ и истинно преданъ пользѣ Отечества, безъ бли-

стательныхъ успѣховъ самолюбія,—что я увѣрена, что именно *Дворъ* его сбилъ съ толку. На словахъ и на бумагѣ любить Россію или *на дѣлѣ*,—большая разница! И жаль, что такое дурное и эгоистическое направленіе беретъ верхъ у людей добрыхъ и умныхъ, но самолюбивыхъ до послѣдней крайности! Все пропадай, лишь бы мы могли блистать своими фразами и храбриться своимъ фрондерствомъ! Тяжело и грустно, все что дѣлается, и въ Россіи, и внѣ Россіи, и густой мракъ распространяется по всей землѣ, и ложь сознающая себя и не сознающая вездѣ властвуетъ и владѣетъ всѣми и всѣмъ!" [187])

XLVII.

Въ это время, чрезъ посредство Хомякова, *Москвитянинъ* пріобрѣлъ новаго сотрудника въ лицѣ молодого ученаго Александра Ѳедоровича Гильфердинга.

Познакомимся теперь поближе съ этимъ человѣкомъ, который заявилъ себя на поприщѣ ученомъ, политическомъ и служебномъ.

Александръ Ѳедоровичъ Гильфердингъ родился 2-го іюля 1831 года. Отецъ его, Ѳедоръ Ивановичъ, многіе годы служилъ директоромъ Дипломатической Канцеляріи при намѣстникѣ въ Царствѣ Польскомъ князѣ Варшавскомъ. Такимъ образомъ, въ Варшавѣ провелъ Гильфердингъ годы отрочества и юности. Рано потерялъ онъ мать, но нашелъ въ отцѣ своемъ самый нѣжный, самый заботливый уходъ за своимъ воспитаніемъ и образованіемъ. Въ Варшавѣ онъ усвоилъ себѣ языки Французскій, Нѣмецкій, и Англійскій а также языки Греческій, Латинскій, и впослѣдствіи ознакомился съ языкомъ Санскритскимъ [188]).

Въ 1848 году, семнадцатилѣтній юноша, „во всеоружіи знаній", поступилъ на Историко-Филологическій Факультетъ Московскаго Университета. По свидѣтельству К. Н. Бестужева-Рюмина, „Московская жизнь имѣла рѣшительное вліяніе

на развитіе Гильфердинга. Онъ попалъ въ кругъ А. С. Хомякова... Многихъ ненужныхъ колебаній избавился онъ этимъ счастливымъ путемъ".

Отецъ Гильфердинга, Ѳедоръ Ивановичъ, былъ товарищемъ, по службѣ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, съ старшимъ братомъ Хомякова, Ѳедоромъ Степановичемъ. Съ этого начались дружескія отношенія А. С. Хомякова съ Ѳ. И. Гильфердингомъ; дружбу эту Хомяковъ перенесъ и на его сына, который умѣлъ ее поддержать и усилить своими занятіями по Славянской Исторіи и Языкознанію [189]).

Между тѣмъ, въ Московскомъ Университетѣ, Гильфердингъ не пользовался расположеніемъ своего профессора О. М. Бодянскаго. Это нерасположеніе было взаимное, и Гильфердингъ признавалъ себя ученикомъ В. И. Григоровича, хотя слушалъ его лекціи въ Московскомъ Университетѣ только одно полугодіе (1850 г.). Еще будучи студентомъ, Гильфердингъ (1-го октября 1851 г.). писалъ Григоровичу въ Казань: „Благосклонное вниманіе, которое вы мнѣ всегда оказывали, и любовь ваша ко всякому занятію языкомъ Славянскимъ, внушаютъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою. И послѣ отъѣзда вашего изъ Москвы продолжалъ я свои филологическія изысканія, о которыхъ имѣлъ счастіе говорить съ вами... Теперь нахожусь въ состояніи привести въ порядокъ матеріалы мною собранные и представить изъ нихъ нѣкоторые выводы въ довольно обширномъ трудѣ: *Объ отношеніи языка Славянскаго къ прочимъ языкамъ Индо-Европейскимъ*. Зная чрезвычайное богатство ваше памятниками Глаголитской Письменности и произведеніями народной поэзіи Болгарской, я рѣшился обезпокоить васъ просьбою о томъ, чтобы вы благоволили сообщить мнѣ нѣсколько словъ и грамматическихъ формъ, которыя принадлежатъ имъ исключительно. Просьба моя чрезвычайно смѣла, и я никакъ не рѣшился бы вамъ ее высказать, еслибы не имѣлъ увѣренность, что вы и теперь бросите милостивый взглядъ на труды того, кто имѣетъ право назваться *ученикомъ* вашимъ". [190]).

Въ 1852 году, Гильфердингъ окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, со степенью кандидата, и Академія наукъ, на страницахъ своихъ *Извѣстій*, напечатала его студенческій трудъ: *О сродствѣ языка Славянскаго съ Санскритскимъ*. Свою же магистерскую диссертацію, подъ заглавіемъ: *Объ отношеніи языка Славянскаго къ языкамъ родственнымъ*, Гильфердингъ торжественно защитилъ въ Московскомъ Университетѣ, 31 октября 1853 года.

Въ предисловіи къ своей диссертаціи, Гильфердингъ писалъ: „Императорская Академія Наукъ удостоила издать при *Извѣстіяхъ* своихъ изслѣдованіе, въ которомъ я сравниваю Славянскій языкъ съ Санскритскимъ и стараюсь опредѣлить взаимныя ихъ отношенія . . . Обращая вниманіе единственно на общія, характеристическія явленія и оставляя въ сторонѣ всѣ подробности и мелочи, я буду имѣть возможность распространить свое обозрѣніе и на другіе, родственные Санскритскому и Славянскому, языки, и указать на главныя ихъ соотношенія . . . . Такимъ образомъ, это разсужденіе, я надѣюсь, представитъ, конечно, не глубокое и полное, но, по крайней мѣрѣ, общее очертаніе сравнительной науки объ языкахъ нашего, Индо-Европейскаго, племени и, можетъ быть, послужитъ къ тому, чтобы ознакомить съ нею людей, благосклонныхъ къ Филологіи, но не имѣющихъ, ни времени, ни терпѣнія прочитать ученыя и полновѣсныя книги по этой части. Предлагая свои мысли на судъ читателей, я не могу не выразить своей искренней признательности Алексѣю Степановичу Хомякову, за участіе, которое онъ постоянно оказывалъ къ моимъ филологическимъ занятіямъ, и которымъ побудилъ меня взяться за составленіе настоящаго труда“.

О диспутѣ Гильфердинга, Бодянскій, подъ 31 октября 1853 года, записалъ слѣдующее въ своемъ *Дневникѣ*: „Было преніе въ Университетѣ на степень магистра Славянской Словесности А. Ѳ. Гильфердинга. Какъ обѣщалъ, такъ и сдѣлалъ: пропустилъ его на испытаніи и состязаніи, хотя и то и другое были очень слабы, и только въ память прекрас-

ныхъ студенческихъ занятій его, сжалился надъ нимъ, послѣ долгаго колебанія, давши, однако, слово,—никогда не дѣлать подобнаго послабленія никому. Конечно, черезъ годъ нельзя было ему приготовиться къ испытанію достойнымъ образомъ: но въ такомъ случаѣ кто же торопилъ его? Не пропустить же, значило бы, статься можетъ, навсегда убить въ немъ охоту заниматься Славянщиной, къ которой такъ мало еще у насъ охотниковъ, даже между учащими. Впрочемъ, слабость его въ испытаніи, выставлена была ему на видъ послѣ окончанія, въ присутствіи декана и одного профессора (Ѳ. И. Буслаева), присутствовавшаго на экзаменѣ, при чемъ я сказалъ ему, почему рѣшаюсь его пропустить. Защищалъ же онъ изслѣдованіе свое точно такъ, какъ я его научилъ за два дня передъ тѣмъ, сказавъ, чтобы онъ, для избѣжанія посрамленія, рубилъ бы направо и налѣво, и такимъ образомъ, новостью и нечаянностью оборотовъ, озадачилъ бы, не щадя, въ случаяхъ нужды, и самого меня; одно лишь не забывать при томъ: не допускать до того, чтобы я разгорячился. Все это исполнено было имъ въ точности. Защищеніе было блистательное, такъ что многіе изъ профессоровъ остались и мною недовольными; но за то дѣло выиграно, и публика разъѣхалась совершенно увѣренною въ превосходствѣ защищавшагося передъ всѣми его возражателями, что и составляло главную цѣль мою, послѣ того, какъ я рѣшился уже его пропустить. Хуже было бы, еслибы я его смялъ на диспутѣ, какъ того требовали мои недовольные товарищи. Тогда, кто же бы могъ назвать меня благороднымъ? Пропустить до диссертаціи и потомъ совсѣмъ уничтожить: развѣ можетъ быть сомнѣніе въ превосходствѣ учителя надъ только что вышедшимъ ученикомъ? Развѣ не могъ учитель достичь своего, не безчестя его предъ всѣми? Но, пропустивъ, обязанъ поддержать и совершить все“ [191]).

Хомяковъ же, по поводу этой диссертаціи, писалъ Гильфердингу: „Благодарю васъ, за вашъ добрый и крайне замѣчательный трудъ; благодарю васъ, за ваше дружеское и милое

посвященіе. Отмѣтки мои уже показали вамъ, что я серьезно перечиталъ вашу диссертацію, и я надѣюсь, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ вамъ пригодиться. Весь же трудъ имѣетъ, по моему, ту великую важность, что это первый опытъ сравнительной Филологіи, въ которомъ основа не матеріальная, а принято въ соображеніе органическое развитіе мысли, облекающейся въ словесныя формы. Именно этого-то я и жду отъ Филологіи Русской, и этимъ то она должна отличаться отъ Нѣмецкой. Безъ этого отличія никогда не будетъ самостоятельности, а только составится отдѣльная конторка землекоповъ, принадлежащая вполнѣ великому Нѣмецкому ученому банку. Дай вамъ Богъ подвизаться! Еще этотъ путь покуда не запертъ“ [192]).

Защитивъ свою диссертацію, Гильфердингъ переселился въ Петербургъ и вступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Въ Петербургѣ Гельфердингъ не оставлялъ своихъ занятій Славянщиной и сталъ помѣщать въ *Москвитянинѣ* 1854 года свои изслѣдованія о Балтійскихъ Славянахъ и поэтому у него завязались сношенія съ Погодинымъ.

4 апрѣля 1854 года, Гильфердингъ писалъ Погодину: „Получивъ отъ Александра Ивановича Кошелева извѣстіе о благосклонномъ согласіи вашего превосходительства на помѣщеніе въ *Москвитянинѣ* моихъ статей о Балтійскихъ Славянахъ, спѣшу принести вамъ, милостивый государь, свою искреннѣйшую благодарность за столь лестное для меня вниманіе ваше къ моему труду, и представить вамъ начало его . . . . . Ваше превосходительство меня бы крайне обязали, если бы благоволили приказать немедленно приступить къ набору; что же касается до выпуска моихъ статей въ каждой книжкѣ *Москвитянина*, или одинъ разъ въ мѣсяцъ, то предоставляю это на благоусмотрѣніе Редакціи, позволяя себѣ лишь просить ее о томъ, чтобы печатаніе производилось съ возможною скоростью: другія занятія заставляютъ меня этого теперь особенно желать“.

Получивъ отъ Погодина благопріятный отвѣтъ, Гильфердингъ (20 апрѣля 1854 г.) писалъ ему: „Чрезвычайно благодаренъ я вашему превосходительству за вниманіе къ моему труду и за благопріятный отзывъ о томъ, что вы изволили прочесть; тѣмъ драгоцѣннѣе для меня этотъ отзывъ, что онъ произнесенъ многоуважаемымъ судьею Исторической Науки. Желаю искренно, чтобы моя работа и далѣе встрѣчала ваше одобреніе".

Въ томъ же отвѣтѣ своемъ Погодинъ упрекалъ Гильфердинга за то, что онъ въ послѣднее время своего университетскаго курса не посѣщалъ его. На это Гильфердингъ писалъ: „Я дѣйствительно виноватъ, и каюсь, и прошу прощенія, что не посѣщалъ васъ въ послѣднее время университетскаго курса, и не пришелъ проститься; но что не былъ у васъ въ продолженіе магистерскихъ экзаменовъ и приготовленій къ диспуту, и не привезъ диссертаціи, въ этомъ не чувствую себя виновнымъ, ибо, видѣвъ васъ лѣтомъ ѣдущимъ за границу, я былъ въ твердой увѣренности, что вы еще въ Москву не возвращались. Относительно того, что вы изволите писать о моемъ диспутѣ, говорю чистосердечно, что ничего не понимаю, и могу только крайне дивиться словамъ вашимъ. Совѣта никакого на этотъ счетъ я ни отъ кого не принималъ, хотя, естественно, у многихъ лицъ разспрашивалъ о дѣлѣ, совершенно для меня новомъ и довольно конфузномъ. Кто меня сколько-нибудь знаетъ, засвидѣтельствуетъ, что, питая всегда должное уваженіе къ наставникамъ и старшимъ, я не люблю однако же отдавать свой умъ въ чужую власть. Можетъ быть, это съ моей стороны тщеславіе, но я не сознаю, чтобы мой диспутъ былъ дуренъ. Я счелъ бы его дурнымъ, еслибы или ударилъ лицомъ въ грязь, или велъ себя непристойно. Ни того, ни другого не было, по моему сознанію и по отзывамъ людей, сужденіе которыхъ я наиболѣе цѣню и которые такъ ко мнѣ близки, что не скрыли бы отъ меня правды".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ подарилъ Гильфердингу экзем-

пляръ *Москвитянина*, и онъ, благодаря за подарокъ, писалъ: „*Москвитянинъ* принимаю съ истиннымъ удовольствіемъ и благодарностью, какъ знакъ, что вы на меня не сердитесь, и попрежнему ко мнѣ благоволите; принимаю же я его и съ своей стороны въ знакъ того, что не сержусь нимало, хотя имѣлъ бы право сердиться за сказанное о диспутѣ на основаніи неблагонамѣренныхъ сужденій людей, которыхъ я впрочемъ подозрѣваю не въ дурномъ ко мнѣ расположеніи, а въ непомѣрномъ и мелочномъ самолюбіи“ [193]).

XLVIII.

Въ 1853 году, М. Н. Катковъ издалъ отдѣльною книгою, напечатанный имъ въ *Пропилеяхъ*,—*Очеркъ древнѣйшаго періода Греческой Философіи*. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* отнеслись къ этой книгѣ съ подобающимъ къ ея достоинствамъ уваженіемъ, и замѣтили что на книгу Каткова должно быть обращено вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей, какого бы рода спеціально-учеными предметами они ни занимались“. [194]).

Этотъ справедливый отзывъ почему-то не понравился профессору Философіи Московской Духовной Академіи В. И. Лебедеву, и онъ въ *Москвитянинѣ* 1854 года, посвятилъ сочиненію Каткова обширную критическую статью [195]). Въ свою очередь и Катковъ написалъ обширныя замѣчанія на рецензію профессора Лебедева, и также напечаталъ ихъ въ *Москвитянинѣ*. Еще до напечатанія своихъ замѣчаній Катковъ писалъ Погодину: „Благодарю васъ за мѣстечко, которое вы дали въ *Москвитянинѣ*. Статья моя готова, но вышла гораздо обширнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Для людей, интересующихся предметомъ, можетъ быть, она будетъ имѣть нѣкоторую занимательность независимо отъ полемики“ [196]). Свои замѣчанія Катковъ заключаетъ такими словами: „Послѣ всего, читатели могутъ теперь судить, какой вѣры заслуживаютъ приговоры г-на N. Радуюсь за него, что онъ

скрылъ свое имя, и смѣю питать убѣжденіе, что какова бы ни была статья, онъ самъ гораздо лучше ея, и потому въ душѣ своей отречется отъ нея и осудитъ ее самъ. Что касается до его похвальныхъ словъ о моихъ талантахъ и моемъ трудѣ, то я не могу принять ихъ отъ такого цѣнителя. Есть ли какія нибудь достоинства въ моемъ трудѣ, или нѣтъ, мой рецензентъ также мало могъ усмотрѣть и оцѣнить ихъ, какъ и недостатки этого труда. Эти недостатки я вижу и знаю, и если мнѣ придется когда нибудь писать о томъ же предметѣ, то трудъ мой во многомъ можетъ быть улучшенъ и исправленъ, а въ чемъ именно, то осталось тайною для моего критика“ [197]).

Но В. И. Лебедевъ „не отрекся отъ своей статьи и не осудилъ ее“ [198]), и напечаталъ въ *Москвитянинѣ Нѣсколько словъ объ антикритикѣ г. Каткова* [199]). Этимъ кажется полемика и кончилась.

Въ тоже время и у самого Погодина завязалась непріятная полемика съ молодымъ и много ему обязаннымъ сотрудникомъ *Москвитянина* Н. С. Тихонравовымъ.

Яблокомъ раздора послужила статья Тихонравова, напечатанная имъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*, подъ заглавіемъ: *Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и Литература въ 1812 году* [200]).

Когда статья эта появилась въ печати, то Погодинъ, подъ 16 іюля 1854 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Досада отъ п...... Тихонравова, который укралъ Ростопчина“.

Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ самого Тихонравова: „Я наконецъ узналъ отъ Бартенева причину вашего неудовольствія, которой вы не хотѣли объяснить мнѣ. Вы хотите передать это дѣло на общій судъ, печатно. Я не боюсь подобной аппеляціи. У меня было согласіе графа А. Ѳ. Ростопчина на напечатаніе писемъ его отца и я не имѣлъ основанія обращаться съ какою либо просьбою къ вамъ съ тѣхъ поръ, какъ вы прямо отказались показать мнѣ эти письма, даже не сказали, къ кому они писаны, узнавши, что я имѣлъ намѣреніе внести ихъ въ статью для *Отечественныхъ Запи-*

сокъ назначенную. *Это значило бы пересылать военные запасы изъ Одессы въ Турцію*, -вотъ ваши слова. Если вамъ нужны еще доказательства, что имѣлъ я это право, то могу представить вамъ собственноручное письмо графа А. Ѳ. Ростопчина ко мнѣ. Прибавлю наконецъ что, онъ самъ привезъ ко мнѣ бумаги графа Ѳ. В. Ростопчина, которыхъ не могъ я у него взять въ первое свиданіе съ нимъ . . . . . Рѣшите, правъ ли я, или нѣтъ! Во всякомъ случаѣ, я не ожидалъ, что за разныя (хотя и весьма мелкія) статьи для вашего журнала, за полтора мѣсяца, употребленныя для разбора и описи книгъ печатныхъ со временъ Петра (поступившихъ въ Библіотеку), за разборъ бумагъ Штелискихъ (неконченный по обстоятельствамъ, о которыхъ я имѣлъ основаніе умалчивать), за разборъ бумагъ Муравьева (прерванный вашимъ требованіемъ), не ожидалъ я за всѣ эти работы получить съ вашей стороны только осужденіе моего характера и составленіе печатнаго обвиненія, какъ говорилъ мнѣ Бартеневъ“ [201]).

П. И. Бартеневъ сообщилъ Тихонравову точное свѣдѣніе. Погодинъ дѣйствительно написалъ и напечаталъ въ *Москвитянинѣ* статью, подъ заглавіемъ: *Два слова о письмахъ графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, помѣщенныхъ въ статьѣ г. Тихонравова*, въ которой читаемъ: „Эти письма къ князю Павлу Дмитріевичу Цицiанову имѣлъ я честь получить отъ графа Андрея Ѳедоровича года три тому назадъ, перечелъ, разобралъ ихъ, и приготовилъ къ печати съ слѣдующимъ предисловіемъ, которое было съ ними набрано:

„Надѣемся, что читателямъ пріятнѣе всякой повѣсти будетъ прочесть эти письма знаменитаго графа Ростопчина, гдѣ острый, живой умъ его, бьетъ ключемъ почти во всякой строкѣ. Князь Цицiановъ былъ первымъ его другомъ. Письмамъ прошло уже почти полвѣка: это дѣла давно минувшихъ дней; тѣхъ лицъ, о коихъ идетъ рѣчь, въ живыхъ нѣтъ; однако мы исключили почти всѣ собственныя имена, кромѣ тѣхъ, отъ кого и родовъ не осталось. Не считаемъ нужнымъ

прибавлять, что здѣсь всего виднѣе самъ графъ, а не люди, коихъ онъ показываетъ, что многое написано имъ подъ вліяніемъ минуты, измѣнялось въ продолженіе времени, принадлежитъ къ его личнымъ взглядамъ, и должно быть принимаемо въ этомъ смыслѣ: когда ему кто не нравился, тому пощады онъ не давалъ; впрочемъ, невинныя шутки, острыя слова, въ дружескихъ письмахъ, не то, что серьезныя обвиненія. На письмахъ большею частію годовъ нѣтъ, а только мѣсяцы. Большого труда стоило мнѣ отыскать послѣдовательность по разнымъ примѣтамъ содержанія. Нѣкоторыя не разобранныя слова означены точками. Кромѣ характеристическихъ подробностей читатели найдутъ въ этихъ письмахъ много матеріаловъ для исторіи нашего Коннозаводства и Сельскаго Хозяйства. За сообщеніе этихъ драгоцѣнныхъ документовъ публика обязана графу Андрею Ѳедоровичу".

„Писемъ я не могъ издать, и они остались въ моихъ бумагахъ. Г. Тихонравовъ, которому я сообщилъ о нихъ свѣдѣніе, среди разговоровъ о старой нашей Литературѣ, обратился ко мнѣ съ просьбою, назадъ тому мѣсяца два, о позволеніе помѣстить нѣсколько извѣстій изъ нихъ о Сельскомъ Хозяйствѣ, для обновленія его, статьи о графѣ Ростопчинѣ. Я объяснилъ ему причины, по которымъ эти письма не могутъ быть теперь никакъ употреблены. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ эти письма, кои не могъ я напечатать въ Москвѣ, напечатанными въ Петербургѣ! Маневръ ловкій, смѣлый. Англійскій флагъ покрываетъ грузъ! C'est de bonne prise! Надо отдать честь г. Тихонравову, который умѣлъ, получивъ отъ меня свѣдѣніе о письмахъ, о коихъ прежде не имѣлъ никакого понятія, найти дорогу къ оригиналамъ и напечатать ихъ въ Петербургѣ! Но вотъ въ чемъ дѣло: письма имъ искажены и изуродованы, и читая ихъ, не получаешь понятія о подлинникѣ. Г. Тихонравовъ, напечатавъ письма въ такомъ видѣ, съ пересыпкою пошлыхъ и пустыхъ разсужденій, посягнулъ въ своемъ библіографическомъ азартѣ, на честь одного изъ самыхъ замѣча-

тельныхъ лицъ новой Русской Исторіи, и подалъ о немъ самое превратное понятіе. Это есть литературно-историческое преступленіе. Вставки г. Тихонравова ниже всякой посредственности, обнаруживая совершенное невѣдѣніе о новой Русской Исторіи и ея дѣятеляхъ. Такъ, изъявляетъ онъ сожалѣніе, что Циціанова лишился Ростопчинъ именно въ то время, когда тотъ былъ ему нуженъ, ибо онъ (Ростопчинъ) *началъ холоднѣе смотрѣть на вещи!!!* Далѣе, г. Тихонравовъ произноситъ приговоръ отношеніямъ Ростопчина и Суворова между собою!! Г. Тихонравовъ собираетъ и находитъ любопытныя библіографическія свѣдѣнія о старыхъ изданіяхъ. Мы за это очень благодарны ему; пусть онъ продолжаетъ свои полезныя разысканія, — но судить о Новой Русской Исторіи, которая гораздо помудренѣе Древней, *слишкомъ рано*, равно какъ и сравнивать Ростопчина съ Фонъ-Визинымъ и Карамзинымъ. Въ заключеніе скажемъ, что г. Тихонравовъ вздумалъ надпись Пушкина къ бюсту Шишкова приложить къ Ростопчину:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Развѣ можно передавать стихи отъ одного лица къ другому, между современниками? Что сказано о Шишковѣ, то и принадлежитъ Шишкову. Что можно сказать о Шишковѣ, что прилично Шишкову, то не прилично Ростопчину. А къ тому же Ростопчинъ никогда не былъ старцемъ, и стихи Пушкина относились къ живому человѣку“ [202]).

XLIX.

За Н. С. Тихонравова вступился негласный Комитетъ 2 апрѣля, и 12 августа 1854 года статсъ-секретарь баронъ М. А. Корфъ собственноручно, карандашемъ, написалъ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову слѣдующее: „Въ іюльской книжкѣ *Москвитянина* напечатаны *Два слова*

о письмахъ графа Ѳ. В. Ростопчина, помѣщенныхъ въ статьѣ (въ Отечественныхъ Запискахъ) Г. Тихонравова. Въ сихъ *Двухъ словахъ*, подписанныхъ М. П., т.-е. Михаиломъ Погодинымъ, издателемъ *Москвитянина*, разсказывается, что онъ, т.-е., г. Погодинъ, эти самыя письма получилъ года три тому назадъ отъ сына графа Ростопчина и приготовилъ ихъ къ печати съ своимъ предисловіемъ, но не могъ ихъ издать, и они остались въ его бумагахъ. За симъ, г. Погодинъ продолжаетъ: г. Тихонравовъ, которому я сообщилъ и прочее...... (См. выше). Я не вхожу и не считаю себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе ни справедливости дѣлаемыхъ здѣсь г. Тихонравову упрековъ, ни степени основанія, какое имѣлъ г. Погодинъ назвать его поступокъ *Англійскимъ* маневромъ (при принятомъ нынѣ понятіи этого выраженія), хорошимъ *призомъ* и пр. Но по кругу дѣйствія, возложенному высочайшимъ довѣріемъ на Комитетъ 2-го апрѣля, я нахожу прямою своею обязанностію замѣтить, что эти упреки, выходящіе изъ предѣловъ того, что принадлежитъ собственно къ дозволенной литературной критикѣ и полемикѣ, бывъ сдѣланы гласно, черезъ печать и передъ всею публикою, не могутъ и по сущности ихъ, и по формѣ не быть почтены за оскорбленіе г. Тихонравова, а въ семъ отношеніи законы наши совершенно положительны: цензурный уставъ запрещаетъ пропускать въ печать такія сочиненія, въ которыхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями, а узаконеніе 1845-го года (Ст. 1308 и 2020) подвергаетъ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ степени виновности наказаніямъ, какъ цензора, нарушившаго сіе правило, такъ и того, кто составилъ и распространилъ, хотя и не заключающее въ себѣ прямой клеветы, но ругательное или явно оскорбительное для чести частнаго лица сочиненіе. Въ слѣдствіе того, я полагалъ бы, обративъ на помѣщенную въ *Москвитянинѣ* статью г. Погодина вниманіе министра Народнаго Просвѣщенія, предоставить дѣло сіе, въ дальнѣйшемъ онаго ходѣ, его дѣйствію и распоряженію".

Въ отвѣтъ на это А. С. Норовъ, въ тотъ же день, писалъ барону М. А. Корфу: „Въ слѣдствіе предварительнаго объясненія моего съ вами, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что я предложилъ г. управляющему Московскимъ Учебнымъ Округомъ сдѣлать замѣчаніе цензору Ржевскому, за одобреніе къ напечатанію въ *Москвитянинѣ* статьи г. Погодина: *Два слова о письмахъ графа Ростопчина*, содержащей въ себѣ выраженія оскорбительныя для г. Тихонравова“.

Не довольствуясь этимъ заступничествомъ негласнаго Комитета 2 апрѣля, Тихонравовъ и самъ выступилъ противъ Погодина, и въ *Отечественныхъ Запискахъ* напечаталъ письмо къ издателю, въ которомъ заключается гораздо болѣе оскорбленій, адресованныхъ па имя Погодина, чѣмъ послѣдній сдѣлалъ Тихонравову. „Вамъ кажется страннымъ,—писалъ онъ,—что я до сихъ поръ не рѣшался отвѣчать на *Два слова* г. Погодина... Скажу вамъ, я вступалъ въ полемику только съ людьми, добросовѣстно изучившими предметъ своихъ занятій, только въ такихъ случаяхъ, гдѣ полемическія замѣчанія касались какого-либо ученаго вопроса; но ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ вмѣшиваться въ меркантильные толки и споры. Прочтите статью г. Погодина: развѣ она написана спокойнымъ тономъ критика? Всѣ обвиненія такъ заносчивы, горячи, что своею послѣдоватальностью и основательностью напоминаютъ превосходный монологъ Мольерова *Скупаго*, который самъ хватаетъ себя за руку, думая поймать вора“ [203]) и проч.

Этимъ письмомъ Тихонравова возмутился даже профессоръ Ордынскій, находившійся, сколько намъ извѣстно, не во враждебныхъ съ нимъ отношеніяхъ. 12 декабря 1854 года, онъ писалъ Погодину: „Возмутилъ меня дерзкій отвѣтъ мальчишки Тихонравова вамъ. Я знаю всѣ ваши благодѣянія относительно его, знаю прежнія отношенія, знаю цѣну самого Тихонравова (да и всѣхъ то этихъ гробокопателей за поясъ заткнетъ извѣстный конечно вамъ Иванъ Григорьевичъ Кольчугинъ),—и потому не могу понять, какъ Тихонравовъ позво-

лилъ себѣ такую дерзость. На что онъ надѣется? Чѣмъ гордится?.. Впрочемъ, не столько его вины, сколько великолѣпныхъ его наставниковъ: не одного молодого человѣка испортили эти господа. Много нанесли они вреда Московскому Университету... Готовящійся юбилей мнѣ такъ и кажется, какъ подумаю обо всемъ этомъ,—похоронами старѣйшаго изъ Русскихъ университетовъ... Все таки и на этихъ похоронахъ хочется побывать" [204]).

Въ своемъ *Письмѣ* Тихонравовъ, между прочимъ, писалъ и слѣдующее: „Прошли уже три мѣсяца со времени напечатанія моей статьи и болѣе двухъ съ появленія *Двухъ словъ* Погодина, а наслѣдникъ Ѳ. В. Ростопчина (sic), *единственный законный* владѣлецъ упомянутыхъ писемъ, не протестовалъ противъ напечатанія ихъ въ нашей статьѣ. По какому же праву объявляетъ на нихъ свои притязанія г. Погодинъ? Во всякомъ случаѣ, его понятія о собственности должны быть очень оригинальны" [205]).

Эти строки заставили графа А. Ѳ. Ростопчина напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее *объясненіе*: „Вызванный противъ воли на объясненіе полемическими статьями и ссылками на меня господъ Тихонравова и Погодина, по поводу переписки отца моего, почитаю нужнымъ объявить, что ни тому, ни другомъ, то есть, ни г. Погодину, ни г. Тихонравову, не предоставлялъ я права печатать семейныя бумаги моего рода, сообщенныя имъ мною, по ихъ просьбѣ, только для справокъ. И потому мнѣ равно непонятны, какъ объявленіе г. Погодина, что онъ *напечатаетъ въ Москвитянинѣ полныя неискаженныя письма графа Ѳ. В. Ростопчина*, такъ и появленіе въ ноябрьской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ* второй статьи объ отцѣ моемъ г. Тихонравова, между тѣмъ какъ я, по прочтеніи первой статьи, формально заявилъ ея составителю свое несогласіе на продолженіе его труда, вышедшаго изъ предѣловъ литературной статьи, и превратившагося въ изданіе документовъ, принадлежащихъ исторіи. Въ заключеніе прошу господъ Тихонравова и Погодина пре-

кратить неумѣстное и неприличное употребленіе моего имени, какъ равно и достопочтеннаго имени отца моего" [206]).

По поводу этого *объясненія*, Шевыревъ писалъ Погодину: „Не могъ я безъ негодованія прочесть мерзкой выходки графа Ростопчина противъ тебя, напечатанной сегодня въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Но чего же смотритъ редакторъ *Вѣдомостей* и какъ онъ позволяетъ газетѣ Университета быть органомъ такихъ неприличныхъ выходокъ, гдѣ не соблюдены даже тѣ формы приличія обыкновеннаго, которыхъ требуетъ всякая общественная публикація? Недавно меня попечитель въ своемъ письмѣ укорилъ въ томъ, что я не соблюлъ чинопочитанія въ отношеніи къ г. Шпейеру, я бывшій статскимъ совѣтникомъ. когда Шпейеръ *) еще пребывалъ коллежскимъ. Какое же чинопочитаніе соблюдается здѣсь, когда академикъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Погодинъ трактуется ниже кандидата и молодого человѣка, недавно выступившаго на поприще Литературы? И какъ это пьяному и сумасшедшему Ростопчину, который самъ не помнитъ того, что обѣщалъ и чего не обѣщалъ, позволить такія выходки во всенародной газетѣ? Если сказать это нашему попечителю, отвѣтомъ его будетъ, вѣроятно, что онъ этой статьи не замѣтилъ и не прочелъ, какъ онъ не читалъ тѣхъ статей, въ которыхъ Катковъ ругалъ меня на всю Россію".

Въ другомъ письмѣ Шевыревъ писалъ Погодину: „Вчера встрѣтилъ я Ростопчина на раутѣ у Сушкова и нарочно далъ ему знать, что не хочу ему кланяться за его скверный поступокъ" [207]).

L.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1854 года, П. И. Бартеневъ началъ печатать рядъ своихъ превосходныхъ статей, подъ заглавіемъ: *Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи* [208]).

*) Инспекторъ студентовъ Московскаго Университета. *Н. Б.*

Противъ появленія этого труда въ печати, возсталъ издатель сочиненій Пушкина П. В. Анненковъ и выразилъ свое неудовольствіе по поводу этого редактору *Московскихъ Вѣдомостей* М. Н. Каткову, который въ оправдтельномъ письмѣ своемъ (отъ 3 ноября 1854), между прочимъ, писалъ Анненкову: „Я никакъ не предвидѣлъ, какое неудовольствіе должна была причинить вамъ статья Бартенева. Ничего не зналъ я объ отношеніяхъ его къ вамъ. Зная о вашемъ предпріятіи, подумалъ даже, что статьи Бартенева, какъ матеріалы для біографіи Пушкина, могли быть нѣкоторыми частностями не безполезны для васъ. Теперь, послѣ вашего письма, я вижу дѣло въ иномъ свѣтѣ. Зачѣмъ только вы не написали мнѣ ничего послѣ появленія первой статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*? Будьте увѣрены, что я буду теперь осторожнѣе; *Московскія Вѣдомости* не подадутъ вамъ ни малѣйшаго повода къ неудольствію въ этомъ отношеніи. Бартенева я еще не видалъ, но успѣлъ, однако, дать ему кое-что почувствовать чрезъ посредство одного общаго знакомаго: онъ въ оправданіе свое замѣчаетъ, что ему дано право на обнародованіе фактовъ біографіи Пушкина и нѣкоторыхъ ненапечатанныхъ его отрывковъ какимъ-то Соболевскимъ, опекуномъ дѣтей поэта: вѣроятно, вы знаете сего индивидуума“ [209]).

Между тѣмъ, статьи Бартенева о Пушкинѣ были достойнымъ образомъ оцѣнены самимъ княземъ П. А. Вяземскимъ, который въ своей *Старой Записной Книжкѣ*, подъ 5 ноября 1854 года, записалъ слѣдующее: „Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ присланные мнѣ Булгаковымъ листы *Московскихъ Вѣдомостей* съ біографическими свѣдѣніями о дѣтствѣ Пушкина, Бартенева“ [210]).

Сотрудничество Бартенева въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не мѣшало ему быть въ добрыхъ отношеніяхъ и съ Погодинымъ.

23 ноября 1854 года, Бартеневъ писалъ ему: „Посылаю написанную мною біографію Булгакова. Она назначалась для Словаря питомцевъ Московскаго Университета и вѣроятно войдетъ

въ него въ сокращеніи. Я желаю напечатать ее вполнѣ въ *Москвитянинѣ*, и при томъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) получить вознагражденіе по двадцати пяти р. с. съ листа, немедленно по отпечатаніи, 2) печатать подъ моимъ надзоромъ, ибо у меня будутъ еще нѣкоторыя добавленія".

Получивъ откуда-то стихи Жуковскаго, пѣтые на праздникѣ Англійскаго посла лорда Каткарта, въ присутствіи императора Александра I, Погодинъ посылаетъ ихъ на предварительное разсмотрѣніе Бартенева, и получаетъ отъ послѣдняго слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Присланные вами стихи Жуковскаго, *дѣйствительно* пропущенные во всѣхъ Собраніяхъ его сочиненій, конечно украсятъ *Москвитянинъ*. Посылаю ихъ въ томъ видѣ и съ тѣми примѣчаніями, какъ они первоначально появились въ XIV номерѣ *Сына Отечества* 1816 года. Жуковскій забылъ о нихъ, что́ съ нимъ нерѣдко случалось. Такъ точно онъ забылъ свое прекрасное письмо о Бородинской Годовщинѣ и послѣ съ удивленіемъ нашелъ его въ одной Нѣмецкой Хрестоматіи, о чемъ разсказываетъ въ одномъ изъ писемъ къ Плетневу, напечатанныхъ въ книжкѣ послѣдняго. Графъ Д. Н. Блудовъ расказывалъ, что пѣніе стиховъ этихъ произвело на праздникѣ сильное впечатлѣніе; самъ же онъ до сихъ поръ помнитъ ихъ наизусть.—И такъ, хорошо бы ихъ перепечатать" [211]).

Стихи эти были напечатаны въ *Москвитянинѣ* съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Этотъ великолѣпный праздникъ данъ былъ 28 марта 1816 года, въ годовщину паденія и отреченія Бонапартова, за два года предъ тѣмъ. Всѣ генералы, участвовавшіе въ той знаменитой кампаніи, были приглашены къ оному".

Въ *Москвитянинѣ* 1854 года привѣтствовали появленіе въ Воронежѣ новаго писателя. Н. И. Второвъ писалъ графу Д. Н. Толстому: „У насъ въ Воронежѣ, недавно обнаружилось еще одно весьма замѣчательное дарованіе, и въ томъ же сословіи, къ которому принадлежалъ незабвенный Кольцовъ... это Иванъ Савичъ Никитинъ,—молодой человѣкъ лѣтъ 27-ми—

съ физіономіею весьма похожею на Шиллера, блѣдный, худощавый, скромный, застѣнчивый, робкій. Онъ сынъ бѣднаго мѣщанина, снискивающаго себѣ пропитаніе единственно содержаніемъ небольшого постоялаго двора; учился въ здѣшней Семинаріи". При этомъ письмѣ Второвъ прилагаетъ нѣсколько стихотвореній молодого писателя, изъ которыхъ особенно хорошо слѣдующее, носящее заглавіе *Новый Завѣтъ*:

Измученный жизнью суровой,
Не разъ я себѣ находилъ
Въ глаголахъ Предвѣчнаго Слова
Источникъ покоя и силъ.

Какъ дышатъ святые ихъ звуки
Божественнымъ чувствомъ любви,
И сердца тревожнаго муки
Какъ скоро смиряютъ они!..

Здѣсь все въ многосложной картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ,
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,

И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина и цѣль и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ и терновый вѣнецъ!..

Какъ сладко читать эти строки,
Читая, молиться въ тиши,
И плакать и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души [212]).

Познакомившись съ начальными произведеніями Никитина, И. И. Введенскій преподалъ ему благій совѣтъ: остаться вѣрнымъ самому себѣ. „Но если",—говоритъ онъ, — „тотъ же Никитинъ промѣняетъ свой постоялый дворъ на искусственный кабинетъ Петербургскаго или Московскаго литератора, геній его станетъ увядать постепенно, и онъ займетъ мѣсто въ разрядѣ жалкихъ посредственностей, которыми, къ несчастію, такъ богата Русская Поэзія". Также привѣтливо и почти въ томъ же смыслѣ о необходимости самобытности и народности въ Поэзіи писалъ къ Никитину и А. Н. Майковъ [213]).

Замѣчательно, что талантъ Никитина встрѣтилъ въ области нашей Цензуры полное сочувствіе. Цензоръ Волковъ въ своей докладной запискѣ министру Народнаго Просвѣщенія, между прочимъ, писалъ: „въ *Москвитянинѣ* помѣщены стихотворенія Воронежскаго поэта И. Никитина. Стихотворенія эти, какъ по мысли и теплотѣ чувства, такъ и по обработкѣ стиха, необыкновенно звучнаго, гладкаго и изящнаго, невольно обращаютъ на себя вниманіе.—Судя по нѣсколькимъ образцамъ, помѣщеннымъ въ *Москвитянинѣ*, Никитина смѣло можно поставить на ряду съ нашими лучшими современными поэтами, не исключая и самого Майкова, который найдетъ въ Никитинѣ достойнаго себѣ соперника. Но при поэтическомъ дарѣ своемъ, Никитинъ поставленъ судьбою въ самое жалкое и ничтожное положеніе! Изъ письма самого Никитина къ редактору *Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, напечатанномъ въ помянутой книгѣ *Москвитянина*, видно еще болѣе его несчастное положеніе, изъ коего выдти Никитинъ не имѣетъ никакой возможности!—Прочитавъ съ особеннымъ вниманіемъ его стихотворенія, и убѣдившись въ необыкновенномъ творческомъ его дарованіи, я не долго думалъ о средствахъ, чтобъ вывести Никитина изъ его жалкаго, несчастнаго положенія... Но къ кому же мнѣ ближе и лучше обратиться съ ходатайствомъ о Никитинѣ, какъ не къ вашему высокопревосходительству, — покровителю и распространителю нашего Просвѣщенія, такъ искренно любящему наше родное слово, и такъ искренно сочувствующему всѣмъ успѣхамъ въ нашемъ Отечествѣ! — Простите мнѣ, ваше высокопревосходительство! но я не могъ скрыть отъ васъ случая сдѣлать доброе дѣло и обогатить нашу Литературу, подаривъ ей превосходнаго, а можетъ быть и геніальнаго поэта! Беру смѣлость поручить мое ходатайство о Никитинѣ благосклонному и великодушному вниманію вашего высокопревосходительства“.

LI.

11 ноября 1853 года, въ засѣданіи Третьяго Отдѣленія Академіи Наукъ, А. А. Куникъ разрѣшалъ вопросъ: *Почему Византія до нынѣ остается загадкой во Всемірной Исторіи?*

Заявивъ, что „долговѣчность Византіи, очевидно, надобно возвести къ какому-то общему, высшему, внутреннему началу“, и что „это живоносное начало есть—*Христіанство*“, Куникъ далѣе замѣчаетъ: „Трудно было западнымъ ученымъ войти въ исторію Византіи еще и потому, что здѣсь представлялась ихъ взорамъ Церковь съ особеннымъ историческимъ значеніемъ и судьбою. Понять и безпристрастно оцѣнить это значеніе и судьбу мѣшали имъ старинные предразсудки и наслѣдственныя убѣжденія. Довольно замѣтить, что Церковь въ Византіи занимала въ отношеніи къ государству совсѣмъ иное мѣсто, чѣмъ Церковь средне-вѣкового Запада, имѣвшаго во главѣ независимаго владыку всей Западной Европы, и что первая, уже по одному этому различію, должна имѣть иное значеніе въ Исторіи Христіанства. Ея частное назначеніе — быть соединительнымъ органомъ для разнородныхъ составныхъ частей народонаселенія Византійской Имперіи, естественно, осталось незамѣченнымъ, потому что самая разнородность этихъ элементовъ не была раскрыта. Кромѣ того, долго упускалось изъ виду, что сохраненіе древне-эллинской Литературы было дѣломъ, по преимуществу, Византійскаго духовенства.

„Кто можетъ сомнѣваться“,—сказалъ Куникъ въ заключеніе своей рѣчи, — „что самое многостороннее и сильное покровительство Россіи Византійскимъ занятіямъ ни какой странѣ не доставитъ столько пріобрѣтеній, какъ самой Россіи? Не Византіи ли обязанъ Русскій народъ просвѣщеніемъ христіанскою вѣрою и не она ли, эта вѣра, дала силу Русскимъ князьямъ и народу выдержать въ продолженіе вѣковъ дѣятельное и страдательное противоборство магометанству, и

наконецъ освободиться отъ его ига, когда Византія, послѣ 800-лѣтней борьбы, пала? Большая половина Русской Исторіи, не есть ли, говоря вообще, отраженіе Исторіи Византійской? Въ подтвержденіе того, не упоминая о Кіевѣ XI вѣка, — этомъ, по отзыву Адама архіепископа Бременскаго, *соревнователь Царьграда*, — не говоритъ ли уже одна Древняя Славяно-Русская Письменность, произведенія которой состоятъ или изъ переводовъ съ Византійскаго, или изъ подражаній Византійскимъ образцамъ, и которая до Петра Великаго была почти единственною умственною пищею для Русскаго народа?"

Для успѣха науки о Византинизмѣ въ нашемъ Отечествѣ, по мнѣнію Куника, необходимы слѣдующіе труды: 1) Критическая Исторія Византійскихъ занятій съ XVI вѣка, съ особеннымъ вниманіемъ къ трудамъ XIX столѣтія. 2) Изданіе хранящихся въ рукописяхъ Византійскихъ историковъ и другихъ произведеній Византійской Литературы, имѣющихъ историческое содержаніе. 3) Собраніе и изданіе иностранныхъ источниковъ и извѣстій, встрѣчающихся въ Европейскихъ и Азіятскихъ литературахъ относительно Византійской Исторіи. 4) Библіографія Византійскихъ рукописей, гдѣ было бы исчислено все наличное богатство манускриптовъ, хранящихся въ разныхъ библіотекахъ. 5) Библіографическій обзоръ источниковъ Византійской Исторіи. 6) Критико-хронологическая обработка Византійской Исторіи по частямъ, на основаніи Византійскихъ и иностранныхъ источниковъ. 7) Изданіе Церковно-Славянскихъ Византійскихъ лѣтописей и хронографовъ, и 8) Лингвистическое Введеніе къ изученію памятниковъ Византійской Литературы.

Въ то же время Куникъ знакомитъ насъ съ трудами знаменитаго византиниста Тафеля. Къ изученію „загадочной Византіи", Тафель приведенъ былъ Пиндаромъ. „Ученые",— повѣствуетъ Куникъ,—„давно искали введеніе въ творенія Пиндара, написанное ученымъ комментаторомъ Гомера, Солунскимъ архіепископомъ Евстафіемъ († около 1193). Тафель нашелъ это введеніе въ одной Базельской рукописи и

вмѣстѣ съ нимъ такое множество другихъ поучительныхъ сочиненій и извѣстій о состояніи Греческой Церкви и многихъ ея монастырей, равно и о концѣ царствованія Комненовъ и пр., что рѣшился издать, въ 1832 году, все найденное, съ прибавленіемъ двухъ неизданныхъ источниковъ для Трапезунтской Исторіи. Съ тѣхъ поръ продолжалъ Тафель обрабатывать Византійскую Исторію [214]).

Къ своему славному предпріятію водворить изученіе Византіи въ Россіи, Куникъ старался привлечь и Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ рядъ его писемъ къ нему:

14 января 1854 года: „Вчера на мое предложеніе, конференція рѣшила поручить Тафелю изданіе Георгія Амартола. Теперь дѣло только за назначеніемъ гонорара. Мы должны стараться пользоваться человѣкомъ, пока онъ еще можетъ работать. Вы, надѣюсь, прочли мою статью. Византійскія занятія есть мостъ, который ведетъ къ занятіямъ древнегреческой и вмѣстѣ съ этимъ съ классической стариной. Объ этомъ у насъ еще совсѣмъ не думали (въ школахъ). Я не хочу, конечно, этимъ говорить въ пользу филологическаго педантизма, но именно въ области Византійской временно педантизмъ еще очень современенъ, потому что еще столько предварительныхъ работъ надо кончить".

23 февраля 1854 года: „Георгій Амартолъ, о изданіи котораго мы съ Тафелемъ окончательно пришли къ соглашенію, вѣроятно въ этомъ году (по крайней мѣрѣ большая часть) увидитъ свѣтъ, такимъ образомъ, какъ разъ черезъ сто лѣтъ послѣ рожденія канцлера графа Н. П. Румянцова, который такъ сильно желалъ появленія Георгія Амартола. Тафель также намѣревается обнародовать еще второе неизданное Byzantines. Мы должны пользоваться такимъ *опытнымъ* и восторженнымъ византинистомъ, какъ Тафель, пока еще онъ можетъ работать. Онъ хочетъ вскорѣ безъ всякаго шума ѣхать въ Парижъ".

26 марта 1854 года: „Только что мнѣ прислали изъ Мюнхена: Греческое подлинное *Свѣдѣніе къ Исторіи Анато-*

лійской церкви. Письмо Греческаго патріарха Максима изъ Константинополя дожу Джіовани Моренiго въ Венеціи, января 1480 г. Издано Георгомъ Мартиномъ Томасомъ (членомъ Мюнхенской Академіи). Мюнхенъ 1853 г. у Франца. *Интересные* мемуары. Максимъ есть одинъ изъ достойнѣйшихъ патріарховъ. Томасъ есть сотрудникъ Тафеля въ Fontes verum Veneto—Orientalium. Послѣдніе мѣсяцы я имѣлъ большую переписку съ византинистами. Для нихъ будетъ большая радость, какъ скоро это и то созрѣетъ. Тафель работаетъ съ Нуссеромъ уже надъ Амартоломъ и хочетъ крошечный гонораръ, который мы ему предлагаемъ, употребить на поѣздку въ Парижъ“.

16 мая 1854 года: „Мнѣ хотѣлось серьезно поговорить съ вами о Византійской наукѣ. Но, къ сожалѣнію, я узнаю что вы уже уѣхали въ Порѣчье, или оттуда вернулись. Съ нашимъ вице-президентомъ ничего не начнешь, если графъ С. С. Уваровъ не будетъ посредникомъ. Тафель работаетъ надъ Амартоломъ, но во всякомъ случаѣ долженъ пользоваться лучшимъ кодексомъ. Его намѣреніе было кромѣ того ѣхать на короткое время въ Парижъ, чтобы исправить дополненное изданіе актовъ Св. Димитрія Θессалоникійскаго, о важности которыхъ для Южно-Славянской Исторіи вы знаете изъ сочиненія Филарета. Вы знаете, какъ хорошо приготовленъ Тафель именно по этой части. Такимъ образомъ, не будемъ же откладывать дальше это дѣло, но примемся за него. Въ деньгахъ нѣтъ недостатка; я же имѣю возможность сдѣлать, чтобы онѣ не истекали. Я дѣлаю вамъ слѣдующее предложеніе: мѣсто для Греческой Филологіи со смерти Грефа не занято и останется еще нѣсколько времени незанятымъ. Отъ нашего господина президента зависитъ только сдѣлать распоряженіе, чтобы пять тысячъ ассиг., которыя мы получаемъ отъ казны на это вакантное мѣсто, были употреблены на пособіе Греческимъ занятіямъ, пока это мѣсто не будетъ занято. Такимъ образомъ опять пробудился бы духъ къ занятіямъ Греческимъ, и въ то же время Византійско-Славян-

ская Исторія получила бы новые источники. Я не знаю прочелъ ли графъ С. С. Уваровъ мое сочиненіе о Византіи; вы же согласитесь со мной, что для Россіи это болѣе, чѣмъ долгъ начать въ этой области предпріятія и окончить ихъ. Тафелю вскорѣ понадобятся только нѣсколько сотъ рублей для поѣздки въ Парижъ и въ августѣ онъ отправится. Дѣлайте же такимъ образомъ ваше дѣло, но скорѣй. Человѣкомъ, какъ Тафель, надо пользоваться, пока онъ еще можетъ".

Въ то время, когда Куникъ пропоѣдывалъ объ изученіи Византіи, 22 мая 1854 года, изъ Кіева, М. В. Юзефовичъ писалъ Погодину: „Есть у меня мысль, о которой, не помню, говорилъ ли я вамъ: образовать особую каѳедру Византійской Исторіи при нашемъ Университетѣ, которому она принадлежитъ по преимуществу. Какъ было бы это кстати теперь. Мысль эту я сообщалъ А. С. Норову" [215]).

LII.

Въ *Ученыхъ Запискахъ* 1854 года, А. А. Куникъ напечаталъ Сказаніе о перенесеніи иконы Святителя и Чудотворца Николая изъ Корсуня въ Новгородъ, какъ матеріалъ, служащій къ возстановленію первобытной Новгородской Лѣтописи съ 1208 по 1224 годъ. При этомъ Кунику встрѣтилась необходимость въ іюльской книгѣ Великой Четь-Минеи митрополита Макарія, гдѣ, подъ 29 числомъ, помѣщено это Сказаніе. „Не могу при этомъ случаѣ не выразить,—писалъ Куникъ,—своего удивленія, что у насъ никто не думаетъ издать, хотя бы по частямъ, подробнаго описанія этой *Четь-Минеи*, съ выписками для исторической цѣли. Это равнодушіе къ такому гигантскому Сборнику я могу объяснить себѣ только тѣмъ, что у насъ еще недовольно умѣютъ пользоваться житіями Святыхъ для Исторіи, или, можетъ быть, въ нашемъ историческомъ взглядѣ продолжаютъ еще дѣйствовать прежнія пошлыя понятія объ Исторіи, ограничивавшія ея содержаніе дикими военными тревогами и вообще внѣшнимъ шумомъ и бле-

скомъ прошедшаго. Кто же понимаетъ, что дѣло Исторіи, кромѣ того, — изслѣдовать и изобразить, какъ думали, чему вѣровали и что испытали въ своей душѣ люди прежнихъ столѣтій, тотъ оцѣнитъ историческую важность сказаній о жизни Святыхъ, не говоря уже объ ихъ осязательномъ значеніи въ литературномъ и другихъ отношеніяхъ. Что касается именно Византійской и Русской Исторіи, то полное уразумѣніе ихъ, конечно, невозможно безъ тщательнаго сравненія ихъ между собою и съ исторіею Западной Европы и Востока; а для этой паралелли необходимо, между прочимъ, отчетливое изученіе жизнеописаній Святыхъ въ Византійской и Славяно-Русской литературахъ" [216]).

Какъ бы въ исполненіе предначертаній Куника объ изученіи Византинизма въ нашемъ Отечествѣ, священникъ соборной церкви города Калязина, Іоаннъ Беллюстинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ учителемъ Уѣзднаго Училища открываютъ въ уединенномъ Бѣжецкѣ пергаментный списокъ Славянскаго перевода Зонары.

„Кромѣ Малалы, Георгія Амартола съ продолжателемъ о Манасіи",—пишетъ профессоръ Терновскій,—„въ составъ Русскихъ хронографовъ вошелъ — хотя сравнительно въ самомъ маломъ извлеченіи—Іоаннъ Зонара. Этотъ писатель, въ правленіе Алексѣя Комнина (1080 — 1118 г.), занималъ важныя должности дворцовой стражи и перваго секретаря при императорскомъ кабинетѣ. Но потомъ удалился отъ свѣта и на Аѳонѣ поступилъ въ монашество. Здѣсь, онъ написалъ свои сочиненія, доставившія ему славу: *Историческую Хронику* въ восьмнадцати книгахъ (отъ сотворенія міра до смерти императора Алексѣя Комнина † 1118 г.) и толкованіе Церковныхъ правилъ. Хроника Зонары, во многихъ отдѣлахъ, особенно въ Древней Исторіи—значительно полнѣе другихъ Византійскихъ лѣтописей, и составлена на основаніи такихъ источниковъ, которые для насъ потеряны—быть можетъ навсегда. На Славянскій — именно Сербскій — языкъ, Хроника Зонары была переведена въ 1344 году. Впослѣдствіи дес-

потъ Сербскій Стефанъ (1389 — 1427), нашедши списокъ Сербскаго перевода *мудрѣйшаго Зонары*, отправилъ его для переписки на Аѳонъ, въ Хиландарскую лавру. Списокъ Зонары оказался сильно испорченъ писцами, и Аѳонскому писцу Григорію стоило большого труда возстановить правильный текстъ Зонары по источникамъ, на основаніи которыхъ Зонара составилъ свою Хронику. Должно полагать, что Григорій не могъ добыть Греческаго текста Зонары, равно не могъ добыть и всѣхъ источниковъ, какіе имѣлъ подъ руками Зонара; поэтому возстановленіе Славянскаго перевода Зонары не вполнѣ удалось. Что могъ, Григорій сдѣлалъ, и закончилъ свой трудъ въ 1408 году“ [217]).

Прошли вѣка, какъ Григорій завершилъ свой трудъ, и 25 февраля 1854 года, священникъ Калязинскій Іоаннъ Беллюстинъ писалъ Русскому историку Погодину: „Перерывъ всѣ уголки Калязина и Кашина съ уѣздами, я нашелъ кое-что и не мало; но мнѣ хотѣлось сдѣлать ту-же операцію и въ Бѣжецкомъ. Къ счастію, тамъ братъ мой учителемъ въ Уѣздномъ Училищѣ, то же всей душой любящій науку и полюбившій старину. Вмѣстѣ съ нимъ, въ прошедшемъ году, открыли мы Зонару, какого еще никто не видалъ—полнаго, на пергаментѣ; братъ списалъ и, по моему приказанію, отослалъ къ О. М. Бодянскому. Теперь онъ, братъ мой, пишетъ, что нашелъ книгу на пергаментѣ объ „Іудѣ предателѣ и Святополкѣ и о прочемъ“; я приказалъ ему немедленно списывать и, безъ сомнѣнія, онъ теперь работаетъ. Вы изволите писать, что за подобныя вещи готовы заплатить деньги; не деньги нужны намъ, а,—простите ради всей старины за то, что рѣшаюсь сказать вамъ: мнѣ нужно (т.-е. хотѣлось бы) изучить все, что говорили вы о прошедшихъ судьбахъ Россіи (получивъ вашъ журналъ, я надѣюсь удовлетворить своему желанію); а брату нужно трудиться ради своей будущности; быть можетъ, трудъ и принесетъ ему что-либо полезное для службы, а нѣтъ, такъ по крайней мѣрѣ спасетъ отъ поползновеній молодости“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 4 апрѣля 1854 года, о. Беллю-

стинъ писалъ Погодину: „Теперь о Зонарѣ. Пріобрѣсть пергаментъ нѣтъ никакой возможности. Онъ принадлежитъ злому и богатому раскольнику. Мы пользовались этимъ экземпляромъ безъ вѣдома хозяина, — не совсѣмъ прямыми путями. Узнай онъ объ этомъ, — и конецъ дѣлу. Имѣя въ виду попользоваться и еще чѣмъ-нибудь и чтобы не доставить непріятностей тому, кто служитъ намъ въ этомъ дѣлѣ, мы обязаны хранить глубочайшее молчаніе, и—сохранимъ. Списать еще разъ—дѣло возможное, и я, если только изволите приказать, беру этотъ трудъ на себя. Впрочемъ, если вы дорожите хорошимъ и полнымъ экземпляромъ Зонары, а не пергаментомъ, то я имѣю надежду исполнить ваше желаніе. Три года назадъ я видѣлъ во Ржевѣ, у одного изъ своихъ знакомыхъ, прекраснѣйшій экземпляръ, писанный уставомъ по всѣмъ признакамъ въ XVII вѣкѣ; на сколько онъ отличается отъ пергаментнаго, не знаю, потому что не свѣрялъ ихъ. Тогда же предлагалъ мнѣ владѣлецъ пріобрѣсть его и—не за деньги, а за мои собственные труды (за сто проповѣдей—худыхъ и добрыхъ, какія напишутся). Не имѣя въ немъ нужды, я отказался; притомъ изъ проповѣдей своихъ думалось сдѣлать другое употребленіе. По полученіи отъ васъ письма, я написалъ къ владѣльцу и получилъ уже отвѣтъ. Онъ согласенъ уступить на прежнемъ условіи. Теперь дѣло въ томъ, угодно или нѣтъ имѣть вамъ не пергаментный; если угодно, то я немедленно начинаю работать за Зонару. Времени потребуется не больше двухъ-трехъ мѣсяцевъ; потому что больше, чѣмъ на половину проповѣди совершенно готовы, и написать вновь придется не очень много. Если вы изволите изъявить свое согласіе, то можете считать его своимъ, и я постараюсь въ іюнѣ представить вамъ его лично“.

Въ благодарность за Зонару, Погодинъ послалъ брату о. Беллюстина книги. Благодаря за это, о. Беллюстинъ писалъ Погодину: „Вы изволили приказать—доставить оказію для присылки книгъ брату моему. Усерднѣйше благодарю васъ за это. Но не книгами я возбуждаю его къ труду,—для своего пред-

мета онъ имѣетъ ихъ достаточно; притомъ все, что есть у меня, равно принадлежитъ и ему,—а возможностью посредствомъ труда улучшить свое будущее. Это *мнѣ* пришла въ голову мысль собрать небольшую библіотеку и преимущественно изъ книгъ, касающихся Русской Исторіи съ тѣмъ, чтобы, по возможности, изучить этотъ предметъ, страстно мною любимый. Мысль, на первый разъ, и мнѣ показалась нелѣпою; потому что у меня никогда не было, нѣтъ и не будетъ средствъ привести ее въ исполненіе. Но видно въ добрый часъ пришла она. Благословляю Бога, внушившаго мнѣ эту мысль, и васъ; я съ восторгомъ вижу, что основаніе моей библіотеки уже положено. Быть можетъ, Господь поможетъ и увеличить ее. Что до оказіи, то, если только вамъ когда-либо будетъ угодно доставить мнѣ что-нибудь, то благоволите лишь увѣдомить, *гдѣ* и *когда* можно получить; а я уже найду, *кому* получить и мнѣ доставить".

Въ томъ же письмѣ о. Беллюстинъ повторяетъ просьбу не выставлять его имени подъ статьями. „Много уже претерпѣлъ",—писалъ онъ,—„за свои печатные труды, и всего долженъ ожидать за нихъ отъ своего начальства. Работаю для него за двоихъ если не больше, и никакъ не могу добиться, чтобы оно позволило мнѣ, какъ говорится, поработать на себя".

LIII.

Въ началѣ 1854 года, Погодинъ задумалъ издать свою Древнюю Русскую Исторію. Въ *Дневникѣ* его по этому предмету находимъ слѣдующія записи:

Подъ *23 апрѣля 1854* года: „Дописывалъ Аскольда и Дира. Исторіи никому не пошлю. Подлецы,—хоть бы кто ласковый вопросъ предложилъ, не только чтобъ кто подумалъ о содѣйствіи и т. п. Возьму приступомъ, что мнѣ принадлежитъ".

— *24* — — : „Писалъ Олега. Кубаревъ прослушалъ предисловіе къ Исторіи очень равнодушно. Онъ находится

ко мнѣ въ родѣ Дидеротовой няньки, не смотря на свое образованіе. Исторія можетъ имѣть большой успѣхъ".

— *26* — — : „Писалъ Игоря".

— *2 мая* — : „Перечитывалъ Исторію для Типографіи. А можетъ быть, кончится ничѣмъ. Затѣи величавы! Будь, что будетъ. Надобно въ Петербургъ поѣхать, чтобы прочесть".

— *4* — — : „Переписывалъ Исторію".

— *7* — — : „Исторія и сомнѣніе объ успѣхѣ".

— *17 іюня* — : „Мысль посвятить Исторію государю".

Примѣняясь къ тогдашнимъ событіямъ, Погодинъ написалъ къ своей Древней Русской Исторіи слѣдующее предисловіе: „Современныя обстоятельства требуютъ, кажется, напоминовенія о первоначальной Русской Исторіи: всѣ мысли, всѣ чувства, желанія, молитвы наши, устремлены теперь на Дунай, къ Черному морю, въ Константинополь. А развѣ не туда жъ, какой-то непреоборимой, чуткою силой, тянуло молодую Русь, въ продолженіи первыхъ двухъ сотъ лѣтъ ея существованія? Не Царь ли градъ былъ любимою цѣлью древнѣйшихъ князей Русскихъ съ ихъ вѣрными дружинами? Аскольдъ и Диръ, Олегъ, Игорь, Святославъ, Владиміръ, Ярославъ, не тамъ ли добыли славы незабвеннымъ именамъ своимъ и озарили ею Отечество?

„На вратахъ Константинополя повѣсилъ свой щитъ, какъ будто ставя намъ цѣль, нашъ вѣщій *Олегъ, иже нача первѣе въ Кіевѣ княжити.*

„Къ *Игорю*, на устье Дунайское, присылалъ Константинополь просить мира и обѣщалъ увеличить дань.

„*Тамъ есть середина земли моей, тамъ вся благая сходятся*, восклицалъ въ царственномъ вдохновеніи нашъ мужественный *Святославъ*, рѣшаясь утвердить свою столицу на Дунаѣ. Не раздаются ли до сихъ поръ подъ Балканами его собственныя слова: *Намъ некуда дѣться! Волею и не волею мы должны сразиться. Не посрамимъ земли Русской, и ляжемъ здѣсь костьми. Мертвымъ срама нѣтъ. Станемъ же крѣпко.* А что отвѣчалъ онъ на угрозу о всемъ войскѣ, ко-

торое собралось на него въ Болгарію изъ Константинополя: Мы сами придемъ къ вамъ, прежде вашего раскинемъ свои шатры предъ вратами вашей столицы, обнесемъ городъ крѣпкимъ валомъ, и тогда выходите на битву. Мы покажемъ, что *мы не малыя дѣти, которыхъ можно испугать угрозами,* и увидимъ кому достанется побѣда!

„*Возьму градъ вашъ,*—посылалъ сказать Константинопольскимъ императорамъ *Владиміръ,*—если вы не дадите сестры вашей мнѣ въ замужество.

„Ту же угрозу повторилъ пылкій *сынъ Ярославовъ,* которому только ужасная буря воспрепятствовала исполнить свое намѣреніе.

„А Черное море? *Черному морю,* которое теперь грозятся отнять у насъ завистливые враги, не было въ древности другого имени, кромѣ *Русскаго.* Русскія суда не пароходы, а лодки душегубки, однодеревки, покрывали сплошь его бурныя воды, служа войнѣ и торговлѣ. Черное море было любимымъ поприщемъ неустрашимыхъ Варяжскихъ витязей, ихъ удивительныхъ трудовъ и подвиговъ.

„А Дунай? *Ахъ, Дунай ли мой Дунай, тихій Дунай, свѣтъ Йвановичъ Дунай,* слышится до сихъ поръ по всему пространству Русской земли, въ любомъ городѣ и любой деревнѣ.

„Не однѣ ли бранныя воспоминанія сопряжены, въ Древней Русской Исторіи, съ Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Константинополемъ. Тамъ, на Востокѣ, начало нашей *вѣры,* которую, послѣ перваго похода подъ Царь-градъ, принесла въ Кіевъ дружина *Аскольда и Дира.*

„Туда ходила *Ольга* принять святое крещеніе и знаменательное имя Елены равноапостольной матери Константиновой.

„Оттуда *Владиміръ* получилъ себѣ христіанскую супругу царевну, первое священство и всю церковную утварь. Оттуда преподобный *Антоній,* прародитель Русскихъ монастырей, ископавшій Кіевскія пещеры, принесъ благословеніе Святой Горы и образцы *монашеской жизни,* столько благотворной въ Древности.

„Наконецъ, для той несчастной Болгаріи, въ коей послѣ четырехъ-сотъ-лѣтняго тяжкаго ига только теперь, по новѣйшимъ извѣстіямъ изъ дѣйствующей арміи, раздался первый благовѣстъ и вознесся первый крестъ, — для той несчастной Болгаріи переведено было сначала *Священное Писаніе* и всѣ богослужебныя книги безсмертными Кирилломъ и Меѳодіемъ. Присланные изъ Константинополя, они воздвигли этотъ вѣковѣчный памятникъ *Славянскаго языка*, основаніе нашей грамотности и нашего просвѣщенія, нами тогда же полученный.

„Однимъ словомъ, Константинополь былъ средоточіемъ, *столицею Русской Исторіи* въ продолженіе первыхъ двухъ сотъ ея лѣтъ, — и вотъ эти двѣсти лѣтъ, которыя такъ знаменательно соединяются и сходствуютъ съ нашимъ временемъ, составляя одно цѣлое, одинъ замыкающійся кругъ, рѣшаюсь я предложить теперь любезнѣйшимъ соотечественникамъ, въ отрывкѣ изъ моего труда, какъ начало Русской Исторіи, которой посвящена была вся моя жизнь“.

Прочитавъ это Предисловіе, Ю. Н. Бартеневъ писалъ Погодину: „Не забывайте Святыхъ легендъ. Онѣ окрашиваютъ Русь, это шикъ одного лишь Погодина, когда въ самомъ даже предисловіи упоминается о важномъ значеніи святого Антонія, котораго теплота православная не забываетъ, но публицизмъ отмѣтаетъ; хорошо быть историкомъ для народа, а лучше и того, имѣть сообщеніе со святыми въ свѣтѣ! Вѣшайте и красуйтесь этимъ двойнымъ ожерельемъ заранѣе и будьте увѣрены, что родина будетъ умѣть сравнивать и отдѣлитъ задушевность и науку“.

Когда же Московская Цензура не пропустила этого предисловія, то Погодинъ обратился къ министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову съ слѣдующимъ письмомъ: „Вмѣсто поздравленія вашему превосходительству, имѣю честь принесть вамъ, какъ министру - литератору, предисловіе, мною только что написанное, къ Русской Исторіи, которую я начинаю печатать. Вмѣстѣ съ симъ, смѣю просить вашихъ совѣтовъ и мнѣнія по отношеніи его къ настоящимъ обстоятель-

ствамъ. Много буду обязанъ вашему превосходительству, если вамъ угодно будетъ приказать о напечатаніи его въ газетахъ, для извѣщанія о началѣ изданія". На это А. С. Норовъ отвѣчалъ: „Считаю необходимымъ, по случаю доставленнаго мнѣ вами предисловія къ вашей Исторіи Россіи, откровенно сказать вамъ, что я нахожу оное, въ настоящее время, совершенно неудобнымъ допустить къ печатанію. Ваше предисловіе не есть ученое изъясненіе, а родъ манифестаціи, содержащей въ себѣ политическія идеи, прямо непосредственно указывающія на современныя событія. Вамъ хорошо извѣстно, что обнародованіе подобныхъ, хотя бы то патріотическихъ видовъ и соображеній, отъ лица частнаго, не можетъ быть допущено у насъ, гдѣ, благодаря Бога, Правительство одно можетъ взвѣшивать государственные интересы и рѣшать, что̀ для Отечества полезно въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Частнымъ лицамъ, которымъ не могутъ быть извѣстны всѣ его виды, остается только одно—съ безпредѣльною, истинно-Русскою любовью и довѣренностью—содѣйствовать ему вездѣ въ томъ, къ чему оно за благо признаетъ призвать каждаго изъ нихъ, или всѣхъ насъ. Факты, выражающіе отношенія наши къ Константинополю существуютъ въ Исторіи; выставленные тамъ, гдѣ слѣдуетъ, они само собою краснорѣчиво говорятъ о многомъ и нѣтъ никакой надобности группировать ихъ и приводить къ одной политической задачѣ, рѣшеніе коей принадлежитъ Богу и Его помазаннику, доказавшему уже рядомъ блистательныхъ дѣлъ, какъ дороги ему благоденствіе и величіе Россіи".

Само собою разумѣется, что этотъ отвѣтъ произвелъ на Погодина непріятное впечатлѣніе, и онъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 28 мая 1854 года, записалъ слѣдующее: „Отказъ Норова о предисловіи къ Исторіи непріятный: пожалуй велятъ и замолчать".

Съ своей стороны и баронъ М. А. Корфъ писалъ Погодину: „Я съ любопытствомъ и наслажденіемъ читалъ ваше *предисловіе*,—живое, пламенное, дышащее вдохновеніемъ; но

вопросъ: пропуститъ ли и имѣетъ ли право пропустить все это Цензура? Недавно послѣдовало запрещеніе печатать, съ одной стороны, намеки на такія политическія предположенія и на надежды, о которыхъ Правительство само не признало еще за благо раскрывать своихъ видовъ, а съ другой, предсказанія и прореченія о паденіи Турціи, о покореніи Царьграда и проч. Государь изволилъ найти, что пользы отъ этого быть не можетъ, а могутъ западать неосновательныя надежды и раздаться нелѣпые толки".

Между тѣмъ, 12 августа 1854 года, Ѳ. И. Прянишниковъ конфиденціально сообщалъ Погодину: „На словахъ передалъ мнѣ графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ, что *Предисловіе*, у сего прилагаемое, по мнѣнію государя цесаревича, неудобно печатать. Слова, которыя передаю вамъ конфиденціально".

Иначе отнесся къ этому *Предисловію* великій князь Константинъ Николаевичъ. По его порученію, А. В. Головнинъ писалъ Погодину: „Великій князь генералъ-адмиралъ изволилъ читать 9 мая 1854 года ваше предисловіе съ большимъ удовольствіемъ и приказалъ выразить искреннюю благодарность его превосходительству Михаилу Петровичу за сообщеніе".

„Душевно благодарю",—писалъ М. В. Юзефовичъ, изъ Кіева, 22 мая 1854 года,—„за присланное *Предисловіе*. Оно очень кстати. Константинополь, какъ бывшая *столица Русской Исторіи*,—очень мѣтко и высказывается все однимъ словомъ. Вы мастеръ на выраженія, высказывающія въ одномъ словѣ цѣлыя изслѣдованія. Я помню, что *Россія у Татаръ на оброкѣ*,—пояснило мнѣ смыслъ Татарскаго ига лучше всѣхъ книгъ, какія я читалъ о томъ. Обѣщанное къ *предисловію* изданіе какъ разъ въ пору. Издавайте, только не мѣшкая. Меня прошу включить въ число *подписавшихся*; сверхъ того возьмемъ для всѣхъ нашихъ гимназій. Въ вашемъ трудѣ, безъ сомнѣнія, много будетъ вразумительнаго и ободряющаго, т.-е. того, что теперь намъ нужно. По этому изданіе будетъ имѣть двойную важность".

LIV.

Въ это время въ области Древней Письменности, извѣстный Новгородскій ученый И. К. Купріяновъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ открытій.

10 февраля 1854 года, онъ писалъ Погодину: „Въ послѣднемъ письмѣ писалъ я вамъ, что есть у меня нѣсколько произведеній нашей Древней Словесности, кажется, неизвѣстныхъ. Чтобъ доказать вамъ справедливость моихъ словъ, препровождаю къ вамъ одну проповѣдь, найденную мною въ рукописномъ Сборникѣ XVI вѣка, мнѣ принадлежащемъ. Проповѣдь эта приписана, какъ водится, Іоанну Златоусту; но она едвали принадлежитъ ему: она написана, по всей вѣроятности, Русскимъ витіею въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка, во время Монгольскаго ига, что тотчасъ замѣтно изъ текста. Объявите, сдѣлайте одолженіе, объ этой новой находкѣ древняго памятника въ своемъ журналѣ и напечатайте его: онъ стоитъ всѣхъ современныхъ повѣстей и разсказовъ, печатаемыхъ въ нашихъ журналахъ. Сочинителемъ этого слова должно полагать: либо *Кирилла*, митрополита Кіевскаго (сего имени второй), родомъ Русскаго, жившаго въ концѣ XIII вѣка; либо *Максима*, митрополита Кіевскаго, кажется преемника предъидущаго, умершаго въ началѣ XIV вѣка; либо *Симеона*, перваго епископа Тверскаго, бывшаго князя Полоцкаго, о коемъ наши лѣтописи отзываются съ такою похвалою; либо монаха Нижегородскаго *Павла Высокаго*, по свидѣтельству лѣтописи ученѣйшаго въ свое время проповѣдника. Можетъ быть, однакожъ, что сочинитель слова неизвѣстенъ. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ обнародовать это открытіе, надо навести справку, чтобъ не сказали потомъ, что я, не посмотрѣвши въ Святцы, да бухъ въ колоколъ. Горе мое, что святцевъ-то у меня нѣтъ для наведенія справки. Поручите кому-нибудь изъ извѣстныхъ вашему превосходительству библіографовъ, напримѣръ, Ундоль-

скому, взглянуть на этотъ памятникъ: онъ, безъ сомнѣнія, съ одного взгляда узнаетъ, дѣйствительно ли эта находка для науки, или уже извѣстное произведеніе Златоуста. Впрочемъ, настоящая моя посылка есть только начало, важнѣйшее будетъ впереди".

Но вскорѣ послѣ того, Купріяновъ (18 мая 1854 года), писалъ Погодину: „Я удрученъ, ваше превосходительство, наведеніемъ справки объ одной древней проповѣди, мною вамъ присланной въ копіи;—мнѣ теперь извѣстно, что оно принадлежитъ Серапіону, епископу Владимірскому".

Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 17 августа, Купріяновъ пишетъ Погодину: „Теперь о своихъ лѣтнихъ занятіяхъ нѣсколько словъ. Вѣрно у меня на роду написано, чтобъ дѣлать открытія. Вотъ важнѣйшее, которому вы и всѣ ученые порадуются: на дняхъ мнѣ удалось открыть имя переводчика *Псалтири* на Славенскій языкъ: *переводчикъ былъ Русскій монахъ Савва*—какого монастыря, какъ его мірское имя – это пока неизвѣстно. Извѣстіе это я нашелъ въ харатейной *Псалтири* XIII-го вѣка, принадлежавшей прежде Нередицкому монастырю, а нынѣ хранящейся въ Софійской библіотекѣ. Болѣе подробныя извѣстія о моей счастливой находкѣ я сообщу на дняхъ въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Бѣда только въ томъ, что мнѣ нельзя будетъ, кажется, объявить, что рукопись находится въ Софійской библіотекѣ, потому что нашъ митрополитъ запретилъ всѣмъ посѣщать библіотеку, впредь до составленія каталоговъ (т.-е. на неопредѣленное безконечное время, ибо къ составленію каталоговъ еще и не думаютъ приступать), а я частнымъ образомъ, по благосклонности соборнаго протоіерея, нѣсколько разъ посѣтилъ ее нынѣшнимъ лѣтомъ, и потому боюсь своей публикаціей навлечь на него неудовольствіе начальства".

Въ письмѣ, отъ 1 сентября 1854 года, Купріяновъ писалъ: „Извѣщеніе объ моей находкѣ я послалъ въ *Вѣдомости*, потому что надѣялся чрезъ нихъ скорѣе сдѣлать его извѣстнымъ для ученыхъ; но, не видя до сихъ поръ моей

повѣстки въ печати, я нахожусь въ большомъ недоумѣніи на этотъ счетъ и посылаю ее вамъ, нѣсколько измѣненную; если даже угодно вашему превосходительству, я и все предисловіе Псалтири напечатаю въ вашемъ журналѣ, но напередъ желалъ бы знать ваши кондиціи" [218]).

Вслѣдъ за симъ письмомъ, въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* появилось извѣщеніе Купріянова о счастливой находкѣ, которую ему удалось сдѣлать въ Новгородской Софійской библіотекѣ: „Въ предисловіи къ харатейной Псалтири XIII-го вѣка",—писалъ онъ,—„я нашелъ имя переводчика полной Псалтыри съ Греческаго языка на Славянскій. Извѣстіе это несомнѣнно, — оно можетъ быть подтверждено другими, болѣе древними свидѣтельствами, что я и надѣюсь вскорѣ сдѣлать. Что Русскій монахъ Савва былъ дѣйствительно переводчикомъ Псалтыри, а не простымъ ея переписчикомъ, видно изъ слѣдующихъ словъ предисловія: „Азъ же недостойный худый мнихъ и лѣнивый, слышавъ и видѣвъ Псалтырь сицевый Греческимъ языкомъ написанъ, съжалихъ си помысливъ свое неразумье, понеже неразумѣхъ добрѣ Гречески, но пакы убояхъся бѣды раба онаго лѣниваго, скрывшаго талантъ и прибытка имъ не сотворивша, и муку данную ему за то помяну: и потъщавъся Божіею благодатью, по силѣ елико мощно постигши изложихъ и предахъ вамъ истиньнымъ торжьникомъ, да вы сотворите имь прикупъ". За симъ, Купріяновъ задаетъ вопросы: о времени перевода и о мѣстожительствѣ Саввы? „Настоящая рукопись", — пишетъ онъ,—„не представляетъ нужныхъ данныхъ къ окончательному рѣшенію этихъ вопросовъ. Изъ позднѣйшей же приписки видно, что настоящая Псалтырь принадлежала Новгородскому Нередицкому монастырю, основанному въ концѣ XII-го вѣка" [219]).

Въ другихъ своихъ письмахъ къ Погодину, Купріяновъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи Новгородскихъ книгохранилищъ. „Какъ берегли у насъ рукописи",—пишетъ онъ,—„даже лѣтъ пятнадцать назадъ, можетъ служить слѣдующій фактъ, недавно сообщенный мнѣ нашимъ Молотков-

скимъ священникомъ: когда онъ учился еще въ духовномъ училищѣ, то съ товарищами бѣгивалъ за городъ за Псковскую старую дорогу къ Мостищамъ,—мѣсто теперь пустое, поросшее мелкимъ кустарникомъ и жидкимъ лѣсомъ, а въ старину населенное (упомяну бывшіе тутъ древнѣйшіе монастыри Аркажъ, Мостищенской и др.). Однажды, толпа этихъ школяровъ, въ числѣ коихъ былъ и нашъ попъ, набрели на груду рукописей, сваленныхъ здѣсь въ лѣсу. Разумѣется, молодежь распорядилась ими по-своему: подѣлали себѣ змѣекъ, хлопушекъ и пр. Рукописи эти и книги такъ тамъ и сгнили. Предполагать надо, что священники бывшихъ монастырей, обращенныхъ потомъ въ приходскія, свозили сюда всѣ свои рукописи изъ опасенія, чтобъ не отыскалось въ числѣ ихъ еретическихъ и не подпасть за то отвѣтственности, такъ какъ въ то время властвовалъ у насъ извѣстный Фотій, страшный фанатикъ; по его приказанію, уничтожены были рукописи многихъ монастырей и церквей, потому что Фотій дѣйствовалъ какъ Омаръ. Впрочемъ, это одно народное преданіе, которому даже вѣрить не хочется. Однакожъ, говоря о рукописяхъ, я, пожалуй, растяну письмо свое на такую длину, что у васъ и терпѣнія не хватитъ дочитать его; при всемъ томъ, по пословицѣ: у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, не могу оставить этого предмета, благо зашла объ немъ рѣчь“.

Пользуясь симъ случаемъ, скажемъ нѣсколько оправдательныхъ словъ о знаменитомъ Юрьевскомъ архимандритѣ, который подвергся столь тяжкому обвиненію. Во время археографическихъ поисковъ въ Новгородскихъ монастыряхъ, П. М. Строевъ неминуемо долженъ былъ имѣть личныя сношенія съ архимандритомъ Фотіемъ, но, къ сожалѣнію, въ бумагахъ его не сохранилось по этому предмету никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ. 27 іюля 1875 года, бывъ въ Москвѣ, проѣздомъ, я по обычаю явился къ знаменитому археографу, котораго засталъ за чтеніемъ *Русской Старины* Семевскаго. На вопросъ мой: какую статью читаете?—онъ

отвѣтилъ: „объ архимандритѣ Фотіѣ“.—Вы знали его лично? „И очень. Его теперь клеймятъ; но я сохраняю о немъ благодарное воспоминаніе. Будучи, въ 1832 году, въ Новгородѣ, я бывалъ у него часто и по долгу бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ не только внѣшнимъ образомъ содѣйствовалъ Археографической Экспедиціи, но и вполнѣ сознавалъ ту пользу, которую она можетъ принести Русскому Просвѣщенію“.

Далѣе, И. К. Купріяновъ проситъ содѣйствія Погодина, проникнуть ему въ Софійскую Библіотеку: „Прошедшимъ лѣтомъ я лично просилъ митрополита Никанора, дозволить мнѣ свободный доступъ въ Библіотеку,—отказалъ: пока, говоритъ, не будутъ составлены обстоятельные каталоги, не могу допустить; я, говоритъ, нарядилъ новую Коммиссію для составленія каталоговъ, которая года въ два окончитъ ихъ. Я просился въ члены Коммиссіи, просили за меня, чтобъ принять меня въ свои сотрудники, потому что никто изъ нихъ въ Археологіи ни аза не смыслитъ. Митрополитъ и тутъ отказалъ: поручено, говоритъ, составить описи духовнымъ, пускай они и составляютъ, какъ умѣютъ. Собралась новосоставленная Коммиссія, посмотрѣла на книги раза два, да съ отъѣздомъ митрополита и разошлись во-свояси, и съ тѣхъ поръ ни разу не собирались. Съ такими дѣятелями немудрено, что и внуки наши не доживутъ до того времени, какъ составятся каталоги нашей Библіотеки. Нельзя ли, ваше превосходительство, содѣйствовать мнѣ какъ-нибудь черезъ оберъ-прокурора или по особому рекомендательному письму отъ кого-нибудь изъ важныхъ лицъ склонить высокопреосвященнаго Никанора къ милости, дозволить мнѣ заниматься въ Библіотекѣ. На свою благонамѣренность и трудолюбіе я надѣюсь; здоровья не жалѣю; но что жъ дѣлать, когда руки связаны? Тогда-то, можетъ быть, сыщется что-нибудь и о Сильвестрѣ: больше искать объ немъ негдѣ. Есть еще средство попасть въ Библіотеку: это платить библіотекарю за каждое посѣщеніе; но не могу же я изъ своихъ жалованныхъ 28 руб. удѣлить библіотекарю ни рубля, потому что, хоть и

живу скромно, но все-таки не достаетъ мнѣ жалованья на самое необходимое. Главная же причина, почему меня безпокоитъ такъ наша Библіотека, вотъ какая: у меня давно имѣется въ виду планъ — составить Древнюю Славянскую Хрестоматію, расположивъ статьи по вѣкамъ; назначеніе Хрестоматіи должно быть и учебное, и ученое: помѣстить образцы языка не только изданные, но и неизвѣстные еще памятники нашей Древней Словесности. Что такіе неизвѣстные памятники во множествѣ существуютъ, я въ томъ увѣренъ, какъ въ томъ, что 2 × 2 = 4" [220]).

LV.

Хронологія и донынѣ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ ученыхъ изслѣдованій А. А. Куника.

Еще 18 февраля 1853 года, нашъ хронологъ представилъ въ Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ сочиненіе Боннеля, тогда уѣзднаго учителя въ Эстляндіи, какъ трудъ, достойный занять мѣсто въ *Бюллетень*, гдѣ онъ и былъ напечатанъ на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Die Chronologie Henrich d. Letten verglichen mit den Zeitangaben einiger Russischen Chroniken.* Изъ этого сочиненія былъ сдѣланъ переводъ хронологической таблицы, составленной на основаніи Генриха Латышскаго и нѣкоторыхъ Русскихъ Лѣтописей, который и напечатанъ въ *Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ.* „Кто знаетъ трудности хронологическихъ изысканій этого рода", —пишетъ Куникъ,— „тотъ не можетъ неблагосклонно судить о сочиненіи Боннеля. И оно заслуживаетъ этой благосклонности тѣмъ болѣе, что авторъ донынѣ занимался только Лифляндскими источниками и, не имѣя, въ своемъ мѣстопребываніи, удобствъ для сношеній съ ученымъ міромъ, принужденъ былъ ограничиваться весьма немногими источниками и пособіями. И ради пользы Русской Исторіи, равно и Лифляндской, такъ тѣсно связанныхъ между собою, такому неутомимому дѣятелю, какъ Боннель, нельзя

не пожелать благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ для продолженія труда, исполненіе котораго, даже при самой лучшей обстановкѣ, не мало требуетъ самоотверженія“ [221]).

Само собою разумѣется, что Погодинъ, по роду своихъ занятій, былъ очень заинтересованъ этимъ трудомъ Боннеля. Къ тому же и Куникъ просилъ Погодина прислать Боннелю не только четыре тома *Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій*, но и отпечатанные листы тома пятаго. „Сдѣлайте это“,—писалъ Куникъ,— „я прошу васъ объ этомъ въ интересахъ дѣла, чѣмъ *скорѣе, тѣмъ лучше*, чтобы избавить Боннеля отъ многихъ безполезныхъ окольныхъ путей. Если 1-я тетрадь его Хронографіи появится раньше вашихъ *Изслѣдованій*, то я пришлю ее вамъ *прежде* ея раздѣленія, чтобы вы могли убѣдиться, что Боннель открыто благодаритъ васъ за ваше дружелюбіе и вообще цитируетъ васъ тамъ, гдѣ онъ отъ васъ учится. И такъ, я жду экземпляръ вашихъ *Изслѣдованій*, томъ V и т. д., сколько у васъ напечатано, и пошлю ихъ вскорѣ Боннелю, который находится въ очень стѣсненномъ положеніи“ [222]).

Вслѣдъ за таблицею Боннеля и самъ Куникъ напечаталъ *Выписки изъ Генриха Латышскаго о Русскихъ событіяхъ 1221—1223 годовъ* [223]).

Этими *Выписками* очень заинтересовался П. М. Строевъ. „При свиданіи“,—писалъ онъ М. А. Коркунову,— „съ Куникомъ потрудитесь сказать ему, что статья его о Генрихѣ Латышѣ прочтена мною съ большимъ удовольствіемъ. Съ нѣкотораго времени, я самъ пустился въ хронологическій лабиринтъ Русскихъ Лѣтописей и успѣлъ уже уловить кое-что примѣчательное“ [224]).

Въ то же время Куникъ занимался собираніемъ свѣдѣній о первыхъ вторженіяхъ Монголовъ въ Европу. „Важность этого вопроса“,—писалъ онъ,— „не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: это довольно подтверждаетъ судьба Россіи въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Потому я испросилъ у Третьяго Отдѣленія Академіи Наукъ дозволеніе принять мѣры къ тому, чтобъ многочисленные иностранные источники касательно пер-

ваго нашествія Монголовъ, мало-по-мало были собраны и изданы въ возможно-точныхъ переводахъ съ подлинниковъ, при содѣйствіи разныхъ ученыхъ".

Вслѣдъ за симъ, въ *Ученыхъ Запискахъ* была напечатана *Выписка изъ Ибн-Эль-Атира о первомъ нашествіи Татаръ на Кавказскія и Черноморскія страны съ 1220 по 1224 годъ.*

Куникъ засвидѣтельствовалъ, что переводомъ этого разсказа съ Арабскаго оригинала мы обязаны бакалавру Казанской Духовной Академіи Николаю Ивановичу Ильминскому, совершившему путешествіе по Востоку. „Онъ",—пишетъ Куникъ,—„старался какъ можно близко держаться простого изложенія подлинника, писаннаго, повидимому, безъ всякихъ литературныхъ притязаній" [225]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Куникъ счелъ нужнымъ отрекомендовать переводчика Погодину, которому писалъ: „Рекомендую вамъ молодого оріенталиста Н. И. Ильминскаго, которому мы обязаны переводомъ разсказа Ибн-Эль-Атира о первомъ нашествіи Татаръ".

Такимъ образомъ, мы обязаны А. А. Куннику, впервые обратившему, въ 1854 году, поощрительное вниманіе на человѣка, о которомъ въ 1896 году, К. П. Побѣдоносцевъ писалъ: „Не многіе знали его въ верхнихъ слояхъ общества, тамъ, гдѣ передаются изъ устъ въ уста громкія имена политическихъ дѣятелей, прославленныхъ писателей, полководцевъ и министровъ, а Ильминскій значится въ спискахъ только директоромъ Казанской Учительской Семинаріи. Но имя этого человѣка родное и знакомое повсюду въ восточной половинѣ Россіи и въ далекой Сибири—тамъ тысячи простыхъ Русскихъ людей и инородцевъ оплакиваютъ его кончину, тысячи богобоязненныхъ сердецъ умиленно поминаютъ его въ молитвахъ, какъ великаго просвѣтителя и человѣколюбца... Въ древней столицѣ царства Казанскаго... образуется мало-по-малу ученый центръ для распространенія Христіанской и Русской культуры между инородцами и для изученія инородческихъ языковъ. Здѣсь-то Провидѣніемъ указано было мѣсто плодотворной дѣятельности Николая Ивановича Ильминскаго" [226]).

Самъ Куникъ въ это время написалъ замѣчательное изслѣдованіе *О признаніи 1223 года—временемъ битвы при Калкѣ* [227]), о которомъ П. М. Строевъ, 9 апрѣля 1855 года, писалъ М. А. Коркунову: „При свиданіи съ А. А. Куникомъ, покорнѣйше прошу сообщить ему, что его изслѣдованіе о Калкской битвѣ я прочиталъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Историческая (т.-е. наша) Литература не представляетъ ничего подобнаго. У меня есть лѣтопись, подтверждающая многіе выводы Куника, между прочимъ, что Калкская битва происходила мая 30 (чит. 31-го) на память св. Ермія, а Владиміръ Рюриковичъ прибѣжалъ въ Кіевъ іюня 16-го и сѣлъ въ немъ; также и замѣчаніе его относительно перемѣщенія годовъ въ Новгородской Лѣтописи, чтобы исправить лѣтосчисленіе, запутанное позднѣйшими компиляторами и писцами“ [228]).

Послѣ двухлѣтняго (1851 — 1853) затишья ученой дѣятельности М. А. Максимовича, въ 1854 году, съ Михайловой Горы снова раздался его голосъ. Въ формѣ письма къ Погодину онъ написалъ *О десяти городахъ и нѣкоторыхъ селахъ древней Украйны*. „На полѣ, сжатомъ на-скоро историками Малороссіи“,—писалъ онъ,—„я собираю пропущенные и оброненные ими колосья, — понемногу передаю ихъ въ общую извѣстность. Теперь занимаюсь обозрѣніемъ полковъ и сотенъ, на которые въ старину дѣлилась Малороссія во время ея присоединенія къ Русской державѣ. Списокъ тогдашнихъ полковъ и сотенъ, съ ихъ полковниками и сотниками, черезъ два вѣка послѣ нихъ, былъ бы: историческою имъ поминкою; а составить этотъ списокъ—кому же, какъ не князю М. А. Оболенскому... Попроси же его объ этомъ отъ себя и отъ меня, и напечатай въ *Москвитянинѣ*“ [229]).

Въ это время совершилось важное событіе въ жизни М. А. Максимовича. 30 апрѣля 1853 года, онъ женился на дочери Малороссійскаго помѣщика Маріи Васильевнѣ Товбычевой [230]).

1 февраля 1854 года, Погодинъ съ укоромъ писалъ своему другу: „Помилуй,—скажи, что съ тобой сдѣлалось? Какъ

могъ ты не написать мнѣ о такомъ важномъ дѣлѣ, о которомъ я узналъ чуть ли не черезъ годъ! Объясни ты мнѣ это молчапіе. Зиму я пробылъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ закупоренный. Лѣто на водахъ. Вторую зиму теперь въ Москвѣ, печатаю свои *Изслѣдованія,* и погружаюсь въ политику. Да что ты не думаешь о вторыхъ частяхъ къ своимъ первымъ! Не возобновить ли о путешествіи? Я очень сблизился съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и могу говорить съ нимъ прямо" [231]). На это письмо Максимовичъ, 17-го марта 1854 года, отвѣчалъ: „По сердцу помазалъ ты мнѣ своимъ отзывомъ обо мнѣ — спасибо! Я увѣренъ былъ, что съ участіемъ примешь вѣсточку о моей женитьбѣ; не писалъ же я объ ней своевременно, потому, что ты былъ въ Нѣметчинѣ; о моемъ замышленіи я уже написалъ тебѣ: въ Москву, въ Москву!..

Но какъ туда перебраться: вотъ задача трудная! Я женился на безприданной. Путешествіе теперь уже не увлекаетъ меня: обманула меня надежда на него. Уходился; пора усѣсться на мѣстѣ. Тамъ бы въ Москвѣ принялся и за вторыя и за третьи къ своимъ *первымъ,* о которыхъ ты упоминаешь... Среди такихъ размышленій и трудно исполнимаго стремленія въ Москву не окрыляются перья мои на писаніе чего-либо важнаго, *погуще.* Самая переписка съ друзьями не шевелитъ руки, ибо ни чѣмъ такимъ не переполнится мысль и сердце, чѣмъ бы подѣлиться съ ними".

Въ другомъ своемъ письмѣ, отъ 5 апрѣля, Максимовичъ писалъ: „Привѣтъ тебѣ драголюбе Погодине, съ наступающимъ Свѣтлымъ Праздникомъ! Богъ помочь тебѣ, въ твоихъ трудахъ! — Ты вѣрно уже получилъ мое письмо къ тебѣ мартовское... Въ дополненіе къ нему, вспоминаючи прошлогодній апрѣль, скажу, что по старой ботанической памяти, я не предъувѣдомилъ тебя о моей *брачной системѣ,* не желая нарушать тогдашнюю неприкосновенность тебя, на тотъ часъ бывшаго историческаго *Mimosa pudica* и по Русски

не тронь меня... *), а послѣ того, ты былъ въ Нѣметчинѣ... Вѣнчался же *30 апрѣля*, въ селѣ *Драбовѣ*, на рѣкѣ Золотоношѣ, — въ которомъ нѣкогда было любимое пребываніе П. В. Завадовскаго. На пирамидѣ князей для тебя уже конечно вѣдомы всѣ гіероглифы, и потому тебѣ, вмѣсто крашенки, поднесу вопросикъ о *Васильковичахъ* изъ пѣсни Игорю. Лѣтописи называютъ *Брячислава*, *Владиміра* и *Всеслава;* а пѣснь называютъ *Брячислава*, Всеволода и *Изяслава*... Положимъ, что лѣтописный *Володша* и пѣсенный *Всеволодъ* одно и то же. Но нельзя, кажется, *Всеслава* обратить въ *Изяслава*: не четвертый ли это Васильковичъ, погибшій въ битвѣ съ Литовцами, и не былъ ли онъ княземъ Городенскимъ, зане — „трубы трубятъ Городенскіе“ и кто такой, *Ярославъ* внукъ Всеслава Полоцкаго, какъ онъ по изотчеству? Эти лица остались отъ стараго времени подъ вопросительными крюками: кому же какъ не тебѣ теперь выпрямить ихъ въ утвердительные“!.. [232])

Самъ же Погодинъ на мартовское и апрѣльское письма своего друга отвѣтилъ только 24 августа 1854 года. „Постараюсь непременно“,—писалъ онъ,— „устроить твое дѣло, и перетащить тебя въ Москву. Но потерпи! Потерпи до января. Теперь же въ Москвѣ свирѣпствуетъ холера... Поручаю себя доброму расположенію твоей избранницы и готовъ ее заочно любить такъ, какъ ты любилъ мою незабвенную. Я былъ занятъ страшно политикою, нахожусь въ перепискѣ высшей и не вижу еще конецъ работамъ. А обстоятельства плохи, грустны, тяжелы. Надо молиться Богу больше, а мы не молимся“ [233]).

LVI.

Съ 1852 по 1855 годы, во Львовѣ печаталась Исторія Древняго Галичско-Русскаго Княжества. Авторъ ея Денисъ Зубрицкій, въ февралѣ 1854 года, писалъ Погодину: „По-

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина.* Спб. 1898. Кн. XII, стр. 378—380.

лученное мною намедни ваше письмо принесло мнѣ чрезвычайную радость и отраду въ моемъ прискорбіи. Несчастную *Исторію* получилъ я. Какое-то проклятіе тяготитъ на ней. Если бы зналъ, что она съ 27 января 1853 г. находилась (какъ догадываюсь) въ Петербургѣ въ Цензурѣ, только 23 октября получена Императорскимъ Обществомъ, и имъ опредѣлено было печатать ее въ *Временникѣ* (какъ мнѣ возвѣстилъ г. Бѣляевъ), то я бы совсѣмъ не требовалъ бы возврата ея; но я думалъ, что негодную дрянь положили *ad acta* или что она пропала на почтѣ и потому не имѣя чрезъ девять мѣсяцевъ никакого отвѣта, никакой вѣсти заботился объ ея судьбѣ. Стало быть, она, можетъ быть, будетъ здѣсь напечатана, но безъ всякой для меня пользы, ибо не нашлось средствъ, ниже на бумагу. Обѣщавшій пособствовать деньгами претерпѣлъ потерю отъ пожара — словомъ, неудачи — противности, и я чтобъ непремѣнно подать Галичанамъ случай познакомиться съ народной Исторіей, рѣшился, самъ убогій, подарить убогой Ставропигіи рукопись безъ всякаго вознагражденія, пусть бы только напечатали ее".

Вѣсть о продажѣ Древлехранилища Погодина дошла до Зубрицкаго, и онъ только въ февралѣ 1854 г., поздравлялъ съ этимъ Погодина. „Въ Польскихъ и Нѣмецкихъ вѣдомостяхъ",—писалъ онъ,—„читалъ я, что вы библіотеку, собраніе рукописей и древнихъ сборниковъ, выгодно продали и душевно радовался; правда, у васъ были драгоцѣнныя рѣдкости, однакожъ только Русскій монархъ могъ ихъ столь щедро заплатить и трудъ вашъ наградить".

Въ томъ же письмѣ, почтенный историкъ Галиціи сообщаетъ Погодину и о другихъ своихъ занятіяхъ: „Что касается меня лично, то я не взирая на старость, на горести, на недуги и истощенныя силы семидесяти пяти лѣтняго старца, занимаюсь еще по привычкѣ, науками и писаніемъ. Вмѣсто четвертаго тома Галичской Исторіи окончилъ я выписки изъ древнѣйшихъ Латинскихъ писателей: Анонима Гнезненскаго и Іоанна Длугоша, всѣхъ къ Русской Исторіи

относящихся статей за періодъ отъ 1340 по 1382 годы, и пріуготовилъ ихъ на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ съ критическими примѣчаніями къ изданію; но о печатаніи нельзя и думать—нѣтъ средствъ—у насъ едва найдется сто пятьдесятъ — двѣсти читателей; и такъ, мой манускриптъ пусть останется для будущаго поколѣнія. Мы надѣемся, что когда то и на нашей улицѣ будетъ праздникъ — ибо, не взирая на препятствія отъ своихъ невѣждъ, и отъ чуждыхъ, число молодыхъ любителей Русскаго слова и Русской словесности, хотя и мало по малу, но все таки умножается. Въ Университетѣ преподаетъ нашъ Яковъ Головацкій Русскій языкъ и Словесность, на довольно чистомъ нарѣчіи. Онъ въ состояніи преподавать совсѣмъ чисто, но опасается навлечь на себя негодованіе одного невѣжды начальника, которому грезится особый Галичско-Русскій, то есть мужицкій языкъ: ибо онъ никогда не занимался Русской Литературой. Въ другихъ училищахъ обучаютъ Закону Божію и грамотѣ по-Русски, какъ кто можетъ и умѣетъ. Многіе студенты превосходятъ уже своихъ учителей. На сей часъ довольно и того, а въ сравненіи съ прежнимъ очень много".

Выражая желаніе имѣть Погодинскій Словарь Древнихъ Русскихъ Князей, который въ 1854 году еще не выходилъ въ свѣтъ, для составленія *Полной Картины* для Галичскихъ читателей, Зубрицкій писалъ, что онъ успѣлъ однакожъ въ своемъ намѣреніи, то есть, показалъ невѣждамъ, что наши и другихъ Русскихъ земель князья, даже и Московскіе были одного и того же рода, что наша земля была частію общаго Русскаго міра, что мечтать о особыхъ Россіяхъ есть вздоръ, и что подраздѣлять Россію на Великую, Малую, Бѣлую, Червонную также безразсудство, ибо она искони была однимъ народомъ: *Quod demonstrandum erat*" [234]).

На почтенный трудъ Зубрицкаго о Галичской Руси обратило вниманіе Министерство Народнаго Просвѣщенія и пріобрѣло отъ автора патьдесятъ экземпляровъ его сочиненія. Поэтому поводу нашъ Вѣнскій протоіерей М. Ѳ. Раевскій,

въ февралѣ 1856 года, писалъ А. С. Норову: „Старецъ Зубрицкій, авторъ посланной вашему превосходительству Исторіи Галиціи, пишетъ опять ко мнѣ и проситъ, не можете ли ваше превосходительство послать ему денегъ за присланные экземпляры. Онъ болѣнъ и кажется, приближается къ предѣлу жизни. Нужда гнететъ его. Усладите остатокъ его дѣятельной на пользу Русскаго народа жизни; я увѣренъ что онъ умретъ, благословляя Россію, отъ которой видѣлъ вниманіе къ себѣ. Преосвященный Макарій, ректоръ Академіи, просилъ меня о присылкѣ этой книги; но ея больше нѣтъ".

Съ своей стороны и самъ Зубрицкій, 26 февраля 1856 г., изъ Львова, писалъ А. С. Норову: „По врожденной себѣ кротости, извините, ваше высокопревосходительство, дерзости человѣка, который въ нуждѣ, въ безпокойствіи, осмѣливается прибѣгнуть съ покорнѣйшимъ прошеніемъ къ вашему высокопревосходительству, къ герою-страдальцу покрывшемуся славою на полѣ брани, къ поклоннику у Гроба Спасителя міра, къ верховному правителю и блюстителю Просвѣщенія въ Святой Россіи. Дѣло мое слѣдующее: По востребованію отца М. Раевскаго, протоіерея при Императорской Россійской Миссіи въ Вѣнѣ, отправилъ я въ ноябрѣ и декабрѣ прошедшаго года чрезъ Варшаву въ Департаментъ вашего высокопревосходительства пятьдесятъ пачныхъ экземпляровъ изданной мною Исторіи Древняго Галичско-Русскаго Княжества, не получилъ до сихъ поръ никакого вознагражденія, и отецъ Раевскій увѣщаетъ меня къ терпѣнію, слѣдуя влеченію сердца своего; я бы охотно отказался отъ всякой награды въ пользу какого либо въ защитѣ Севастополя отличавшагося инвалида изъ народнаго ополченія; но совершенно разоренъ въ своемъ достояніи революціей 1848 года, ея послѣдствіями и бомбардированіемъ города Львова тогда же. Лежа въ болѣзни, семидесяти восьми-лѣтній старецъ, и находясь въ крайней нуждѣ, съ глубокою покорностію молю ваше высокопревосходительство, приказать удовлетворить меня. Львовское Ставропигіанское Заведеніе, вознаградившее меня двумя сотнями

экземпляровъ за весь трудъ мой, продаетъ въ лавкѣ полный экземпляръ по двѣнадцати гульденовъ банкнотами; но я полагаюсь совсѣмъ на благоусмотрѣніе высокаго Министерства и готовъ довольствоваться тѣмъ, что будетъ для меня опредѣлено. Простите наглость, и умилосердитесь надъ бѣднымъ, который съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имѣетъ честь быть вашего высокопревосходительства и нижайшимъ слугою Денисъ Зубрицкій, житель города Львова".

Просьба Зубрицкаго была исполнена.

Въ 1854 году, наступило осьмое столѣтіе Преображенскому собору въ городѣ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Къ сожалѣнію, онъ мало обращалъ на себя вниманіе тогдашнихъ ученыхъ, хотя и заслуживалъ быть описаннымъ въ подробности, подобно Дмитріевскому собору во Владимірѣ. Въ томъ же году, производилъ въ Переяславскомъ уѣздѣ свои археологическія изслѣдованія П. С. Савельевъ. Онъ окопалъ этотъ соборъ канавами съ цѣлію, открыть остатки находившагося близъ онаго Княжескаго дворца [235]). О своихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ, Савельевъ 24 августа 1854 года, писалъ Погодину: „Я поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить направленіе кургановъ отъ м. Нерли къ Ростову, чтобы такимъ образомъ связать Переяславскіе курганы съ Ростовскими. Подъ Ростовомъ также открыты курганы, повидимому Норманскіе съ Европейскими монетами X вѣка".

Въ то же время И. Д. Бѣляевъ обратилъ вниманіе Погодина на грамоту в. кн. Ярослава Ярославича Тверского и посадника Новгородскаго Павши. „Честь имѣю",—писалъ онъ— „довести до свѣдѣнія вашего, что грамота сія безъ всякаго сомнѣнія подлинная, реактивы, употребляемые мною для возстановленія чернилъ, показываютъ, что она писана не нынѣшними чернилами, а именно тѣми, которыми у насъ писали въ XIII и XIV столѣтіяхъ. При возстановленіи чернилъ, я употреблялъ реактивы только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чернила до того были затерты и блѣдны, что уже не было возможности читать написаннаго; мѣста же, гдѣ можно было еще читать,

я оставилъ неприкосновенными, и потому грамота хотя вышла по необходимости съ пятнами, но чрезъ это мѣста удобныя для чтенія остались совершенно въ прежнемъ видѣ, и могутъ дать понятіе о состояніи грамоты до возстановленія; мѣста же совершенно затертыя и полинялыя сдѣлались удобными для чтенія".

Еще въ 1851 году, князь М. А. Оболенскій издалъ въ Москвѣ Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. Д. В. Полѣновъ сдѣлалъ подробное обозрѣніе этого Лѣтописца и свой трудъ отправилъ Погодину при слѣдующемъ письмѣ (28 декабря 1854 года): „Представляю снисходительному вниманію вашего превосходительства написанное наконецъ обозрѣніе Переяславскаго Лѣтописца. Оно помѣщено въ *Ученыхъ Запискахъ* Русскаго Отдѣленія Академіи Наукъ. Если ваше превосходительство удостоите прочитать эту статью и сообщить мнѣ ваши на нее замѣчанія, то могу увѣрить васъ, что приму ихъ съ благодарностью. Теперь очередь за вами. Вы изволили мнѣ говорить, что и вы сдѣлали разборъ этого Лѣтописца. Для наученія насъ любителей Науки слѣдовало бы вашему превосходительству напечать вашъ разборъ. Письмо это съ книжкой будетъ имѣть честь вручить вамъ меньшой братъ мой, который просилъ меня доставить ему случай, возобновить знакомство свое съ вашимъ превосходительствомъ. Онъ теперь Московскій житель, былъ товарищъ по училищу покойному Николаю Константиновичу Калайдовичу и находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ этомъ качествѣ онъ ласкаетъ себя надеждою, что ваше превосходительство не откажете ему въ вашемъ благосклонномъ пріемѣ".

Еще въ 1852 году, Василій Пассекъ напечаталъ въ Петербургѣ книжку подъ заглавіемъ: *Историческія изысканія г. Соловьева въ сравненіи съ историческими данными. Критика Василія Пассека.* „Трудъ этотъ",—говоритъ критикъ въ своемъ предисловіи,—„предпринятъ былъ во имя истины, во имя общаго, живого стремленія къ своему родному, къ разсѣянію тѣхъ заносныхъ понятій, которыя стремились проник-

нуть и въ Науку, и въ наши общественныя отношенія, стремились смѣнить собою понятія, развившіяся въ убѣжденіи народномъ цѣлыми столѣтіями, цѣлою Исторіею". По поводу этой книги И. К. Купріяновъ, 13 января 1854 года, писалъ Погодину: „Въ прошломъ году была издана г. Пассекомъ книга въ опроверженіе исторической школы Соловьева; объ ней ни одинъ журналъ даже не упомянулъ и безъ сомнѣнія не упомянетъ. Желательно, чтобъ *Москвитянинъ* взялъ подъ свое покровительство эту книгу и познакомилъ съ нею публику: авторъ употребилъ трудъ, время и издержки, чтобъ вывести на чистую воду новую историческую школу, издалъ свое изслѣдованіе отдѣльной книгой, дабы быть безпристрастнымъ и не показаться въ глазахъ публики отголоскомъ какой-либо партіи,—а объ ней никто и не знаетъ. Со стороны Петербургскихъ журналовъ причина молчанія понятна, но отчего бы *Москвитянину* не замолвить объ ней словечко? Я пишу объ этой книгѣ по слухамъ и имя автора слышу впервые".

Въ 1854 году, Медовиковъ издалъ въ Москвѣ книгу подъ заглавіемъ: *Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича.* А. А. Григорьевъ, желая напечатать разборъ этой книги, писалъ Погодину: „Вчера я говорилъ вамъ о родовомъ бытѣ и о прочемъ съ точки зрѣнія общей и говорилъ по моему крайнему убѣжденію. Это убѣжденіе подкрѣплено еще моими личными отношеніями къ Соловьеву. Съ студентческой скамьи мы съ нимъ друзья; изъ-за границы онъ писалъ ко мнѣ, начиная письма: *Dimidium animae meae*; въ Петербургѣ онъ не отступился отъ меня не смотря на извѣстныя вамъ тогда мои экстравагантности, какъ и вы не отступитесь. Какъ объ васъ, такъ и объ немъ я не позволялъ себѣ никогда говорить безъ уваженія, точно такъ же, какъ, ни для васъ, ни для него не отступлюсь отъ того, что признаю правдою и не отступился отъ того, что признавалъ. Если вы находите, что мои статьи поэтому отдѣлу будутъ недурны, небезполезны и притомъ въ историческомъ смыслѣ *православны*,—то позвольте статьѣ о Медовиковѣ явиться въ томъ видѣ, въ какомъ я желаю (снабдивъ ее,

пожалуй, примѣчаніемъ), и я готовъ подписать подъ нею имя и фамилію. Въ противномъ случаѣ—просто уничтожьте ее. Богъ съ ней—статей впереди еще много. Смѣю надѣяться, что вы и поймете и уважете мои причины — и, или оговоритесь въ примѣчаніи, или исключите статью“ [236]).

Статья о Медовиковѣ дѣйствительно появилась въ *Москвитянинѣ*, но безъ всякаго примѣчанія Погодина и безъ подписи автора [237]).

Въ то время неизвѣстный авторъ написалъ драму, подъ заглавіемъ: *Ольга Милославская*, которая была представлена великому князю Константину Николаевичу, и великій князь 10 февраля 1854 года, писалъ Погодину: „Прошу васъ принять на себя трудъ, въ особенное мнѣ удовольствіе, разсмотрѣть препровождаемую при семъ драму *Ольга Милославская*, которой я еще не читалъ, и съ возвращеніемъ оной сказать подробно и откровенно ваше мнѣніе о ея достоинствѣ“ [238]).

LVII.

Бесѣдуя однажды съ П. И. Мельниковымъ о Русской Исторіи, Погодинъ извлекъ изъ этой бесѣды свѣдѣнія, которыя подъ заглавіемъ: *Замѣчаніе о родинѣ патріарха Никона и его противниковъ*, довелъ до всеобщаго свѣдѣнія.

„Патріархъ Никонъ“,—писалъ Погодинъ,—„родился въ селѣ Вельдемановѣ, Нижегородской губерніи, нынѣ Княгининскаго уѣзда, отъ Нижняго верстахъ въ девяноста. Принадлежало оно роду *Зюзиныхъ*, изъ которыхъ у одного сынъ былъ бояриномъ патріарха Никона, во время суда надъ нимъ. А одинъ изъ главнѣйшихъ его противниковъ и основателей раскола, бывшій справщикомъ книгъ при патріархѣ Іосифѣ, протопопъ *Аввакумъ* родился въ селѣ Григоровѣ, той же губерніи, и того же уѣзда, верстахъ въ 15 отъ Вельдеманова, родины патріарха Никона.

Григорово принадлежало боярину князю Юрью Алексѣевичу *Долгорукому*, укротителю Разинскаго бунта, котораго прото-

попъ Аввакумъ въ одномъ своемъ посланіи называетъ вѣрнымъ рабомъ Христовымъ. Онъ былъ, какъ извѣстно, противникомъ патріарха Никона. Связь его съ Аввакумомъ объясняется принадлежностью ему помѣстья, гдѣ родился Никонъ.

Вблизи Вельдеманова и Григорова есть село Лопатищи, нынѣ Макарьевскаго уѣзда, родина *Павла*, епископа Коломенскаго, другой подпоры раскола.

Недалеко отъ Лопатищъ, близъ Лыскова, есть село Кириково, гдѣ родился *Ананія*, отецъ митрополита Иларіона Суздальскаго, прежде священникъ Зачатейскаго монастыря, въ Нижнемъ Новѣгородѣ, потомъ монахъ тамошняго Печерскаго монастыря. У него были послушниками патріархъ Никонъ и Іосифъ, впослѣдствіи архимандритъ Печерскій, отобравшій у него клобукъ послѣ его низложенія на соборѣ, также Иларіонъ, митрополитъ Рязанскій,—оба враги Никоновы изъ прежнихъ его товарищей. Иларіонъ также родился гдѣ-то около Нижняго.

Никонъ былъ монахомъ вмѣстѣ съ Іосифомъ въ Печерскомъ монастырѣ, а съ Иларіономъ въ Казанскомъ-Лысковскомъ.

Ананіѣ, въ монашествѣ Антонію, іеромонаху Юнгенскаго Козмодеміанскаго Спасскаго монастыря (въ нынѣшней Казанской губерніи) выпалъ жребій въ патріархи изъ трехъ предназначенныхъ лицъ; но онъ отказался въ угожденіе царю Алексѣю Михайловичу, желавшему видѣть на патріаршемъ престолѣ митрополита Никона.

Сынъ Ананіи Иларіонъ, митрополитъ Суздальскій, въ міру Иванъ Ананьинъ, былъ женатъ на сестрѣ Павла, епископа Коломенскаго.

Павелъ, по близости къ Москвѣ и по родству съ Ананіею-Антоніемъ, могъ надѣяться на бо̀льшее значеніе при его патріаршествѣ, нежели при Никоновомъ“.

Въ заключеніи своихъ *Замѣчаній*, Погодинъ писалъ: „Въ послѣднее время появилось у насъ нѣсколько молодыхъ библіографовъ, которые собираютъ свѣдѣнія о нашихъ писате-

ляхъ. Это прекрасно, и нельзя не благодарить ихъ за такія статьи, какъ, напримѣръ, статья Бартенева о Пушкинѣ, или Гаевскаго,—о Дельвигѣ. А сколько важнаго и полезнаго для Науки можно еще сдѣлать, познакомясь съ письменною Литературою, и принявшись съ такимъ же тщаніемъ собирать свѣдѣнія объ историческихъ нашихъ личностяхъ. Что извѣстно у насъ въ общемъ оборотѣ о какомъ-нибудь Иларіонѣ Суздальскомъ, Иларіонѣ Рязанскомъ, Антоніѣ, бояринѣ князѣ Ю. Я. Долгорукомъ, епископѣ Павлѣ? А вѣкъ Петровъ, вѣкъ Екатерининъ? Сколько любопытнаго можно собрать еще о Румянцовѣ, Потемкинѣ, Суворовѣ, Каменскомъ... не говоря уже о дѣятеляхъ второстепенныхъ“ [239]).

Въ Москвѣ, въ 1854 году, явилась мысль свести съ лица земли памятникъ, хотя не древній, но старинный,—это Красные Ворота. Погодинъ, какъ попечитель Русскихъ Древностей и Старины, возсталъ противъ этого покушенія, и обратился съ предстательствомъ о Красныхъ Воротахъ къ В. Д. Олсуфьеву. Разумѣется, Олсуфьевъ принялъ къ сердцу это предстательство, и 29 декабря 1854 года, писалъ Погодину: „По приказанію государя-наслѣдника, я писалъ къ графу А. А. Закревскому, прося его объ отмѣнѣ сломки Красныхъ Воротъ, которыми дорожатъ Московскіе старожилы, не взирая на то, что они не совсѣмъ изящный и древній памятникъ. Не знаю, что послѣдуетъ, ибо отвѣта еще не получалъ. Теперь все будетъ зависѣть отъ графа Закревскаго, который, не стѣсняясь сдѣланными распоряженіями, будетъ имѣть поводъ войти съ докладомъ. Поразвѣдайте, что будетъ по сему дѣлаться, и сообщайте“.

И. К. Купріянову посчастливилось открыть одинъ старинный письменный памятникъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Инструкція дворецкому Ивану Нѣмчинову о управленіи дому и деревень* (1724 г.).

Отправляя къ Погодину эту *Инструкцію*, Купріяновъ писалъ: „На Петербургскіе журналы плохая надежда: они слишкомъ заботятся о современности, и только *Москвитя-*

нинъ, дорожитъ еще Стариною . . . До сихъ поръ я не увѣренъ еще, что авторъ *Инструкціи* князь Д. М. Голицынъ, потому что не знаю, кому принадлежали въ то время села: Петино, Батыево, Никольское, упоминаемыя въ ней“ . . .

Въ томъ же письмѣ Купріянова читаемъ: „Для перваго нумера *Москвитянина* (1854 г.) посылаю матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи (восемь указовъ относительно учрежденія въ Новгородѣ школъ); мнѣ кажутся они весьма любопытными, не смотря на варварскій приказный языкъ того времени“ [240]).

Погодинъ также, какъ и Купріяновъ, добивался узнать имя хозяина, давшаго Инструкцію Ивану Нѣмчинову. Счастливый случай помогъ Погодину открыть имя знаменитаго хозяина. „Получивъ“,—писалъ онъ,—„начало *Инструкціи* отъ Купріянова, я тотчасъ отнесся къ П. И. Иванову, нельзя ли отыскать, кому въ 1725 году принадлежали села Батыево, Васильевское и Архангельское. Отыскать ему казалось невозможнымъ, за неизвѣстностію уѣзда, гдѣ находились означенныя села. Я обратился потомъ къ И. Д. Бѣляеву. Онъ также ничего не могъ припомнить въ разрѣшеніе общаго недоумѣнія. Оставалось предоставить открытіе имени случаю, который, къ счастію, и представился . . . Случай сугубо счастливый, потому что онъ вмѣстѣ знакомитъ и съ важнымъ лицомъ Русской Исторіи, которое доселѣ скрывалось въ какомъ-то миѳическомъ мракѣ. Посѣтилъ меня А. А. Потѣхинъ, пріѣхавшій изъ Костромы.

„А я привезъ вамъ еще гостинецъ, но, извините, позабылъ захватить съ собой,—сказалъ онъ мнѣ, прощаясь со мною,—пришлю вамъ завтра“.

— Очень благодаренъ, отвѣчалъ я. Что же такое?

„Подлѣ насъ есть село Батыево“...

Я такъ и обмеръ. Батыево! Гдѣ подлѣ васъ?

„Близъ Кинешмы, въ Костромской губерніи“.

— Кому принадлежитъ оно?

„Генералу Павленкову, которому досталось отъ Воронцо-

выхъ, а Воронцовымъ—отъ Волынскаго... его-то автографъ—письмо я привезъ вамъ“...

И такъ, вотъ онъ, вотъ сочинитель *Инструкціи:* Артемій Петровичъ Волынскій, одинъ изъ сотрудниковъ императора Петра Великаго, кабинетъ-министръ императрицы Анны Ивановны, предводитель Русской партіи, погибшій вслѣдствіе происковъ Бирона. Получивъ вторую часть Инструкціи, я увидѣлъ въ ней Астрахань, Персію, гдѣ, какъ извѣстно, служилъ Волынскій, и удостовѣрился вполнѣ въ принадлежности ему Инструкціи. Волынскаго, какъ Посошкова, можно счесть представителемъ Петровскаго времени, безъ иностраннаго вліянія, но все таки изъ новой атмосферы; а Татищевъ, Василій Никитичъ, познакомился, кромѣ того съ иностраннымъ образованіемъ, но не подчинился ему вполнѣ, какъ то случалось и случается съ разными посредственностями“ [241]).

18 мая 1854 года, Купріяновъ уже писалъ Погодину: „Мнѣ крайне желательно знать, напечатается ли въ *Москвитянинѣ* вторая часть *Инструкціи* Волынскаго, или она признана вами неудобною для литературнаго журнала; въ такомъ случаѣ, прилично было бы напечатать ее въ *Журналѣ Коннозаводства*, а потому-то я и желалъ бы получить мой списокъ, буде возможно, для пересылки въ оный журналъ; впрочемъ, я, пожалуй, и снова его перепишу, только опасаюсь, не приберегаете ли вы этой *Инструкціи* на будущее время, для своего журнала, что̀ мнѣ собственно и нужно знать, дабы невольно не причинить послѣ неудовольствія вашему превосходительству. По моему мнѣнію, не для чего скрывать долго отъ публики произведеніе извѣстнаго лица, могущее принести пользу и для современниковъ“.

Въ тоже время И. К. Купріяновъ извѣщаетъ Погодина о другомъ своемъ открытіи. „Нашелъ я,—писалъ онъ,—также въ Софійской Библіотекѣ, рукопись, принадлежавшую Ѳеофану Прокоповичу, въ коей, подъ страннымъ заглавіемъ—Заповѣдей Господнихъ—помѣщены два любопытныхъ проекта: *о религіозно-нравственномъ образованіи народа и объ умноженіи на-*

роднаго богатства. Всю рукопись, разумѣется, я списалъ и намѣренъ послать въ вашъ журналъ, за обыкновенную плату (25 р.)".

О. Іоаннъ Белюстинъ, предлагая Погодину свои услуги по части переводовъ съ Французскаго и Англійскаго, сообщаетъ ему о шкапѣ съ бумагами Невѣдомскихъ,—дѣтей Зубова, отъ котораго,—писалъ о. Белюстинъ,—„болѣли зубы у Потемкина. Скандалезныхъ вещей не мало, но въ *Москвитянинъ* онѣ не годятся: время еще слишкомъ близко. Да и писать къ вамъ о нихъ не рѣшусь, а дастъ Богъ, передамъ словесно" [242]).

При занятіяхъ Исторіею Московскаго Университета, С. П. Шевыревъ доискался, что Карамзинъ, въ 1795 году, былъ сотрудникомъ *Московскихъ Вѣдомостей* и завѣдывалъ редакціею *Смѣси.* Тогдашніе содержатели Университетской Типографіи, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1794 года, печатая объявленіе о *Вѣдомостяхъ* на слѣдующій годъ, обѣщаютъ читателямъ отдѣленіе *Смѣси,* и говорятъ, что „почтенный и любезный издатель *Московскаго Журнала, Аглаи* и проч. принялъ на себя трудъ обработыванія сей, по содержанію своему новой въ *Вѣдомостяхъ* статьи".

По поводу этого сообщенія, Погодинъ, съ своей стороны, замѣтилъ: „Въ послѣднее время появилось у насъ много библіографовъ — гробокопателей, которымъ однакожь попадается подъ руки большею частію *прахъ* и *тлѣніе,* такъ что ихъ открытія читать скучно, при полномъ уваженіи къ ихъ все таки полезнымъ справочнымъ трудамъ. Шевыреву посчастливилось найдти *жизнь,* полную чувства, вкуса, ума, выраженную прекраснымъ Русскимъ языкомъ, и мы увѣрены, что наши читатели примутъ *Смѣсь* Карамзина, такъ называемый нынѣ по варварски фельетонъ, съ такимъ же удовольствіемъ, съ какимъ читали его ихъ дѣды за шестьдесятъ лѣтъ, и, обращаясь къ новымъ фельетонистамъ, дерзающимъ, среди своихъ *козлогласованій,* отзываться съ пренебреженіемъ о Карамзинѣ, заключимъ наше замѣчаніе словами Фамусова: *Да, вы, нынѣшніе, нутка!"* [243]).

Между тѣмъ, приближалось время вѣкового юбилея Московскаго Университета. „Надо было торжествовать его достойно великаго учрежденія“, и всѣ заботы возложены были попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа на Шевырева, и онъ, по свидѣтельству Погодина, одинъ вынесъ юбилей на своихъ плечахъ, работая какъ волъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ. Шевыревъ написалъ Исторію Московскаго Университета и нѣсколько біографій профессоровъ и издалъ Біографическій Словарь профессоровъ [244]).

Какъ бы въ подтвержденіе свидѣтельства Погодина, Шевыревъ, 8 іюля 1854 года, писалъ ему: „Бѣда да и только... Не знаю, когда успѣю кончить все дѣло (Біографическій Словарь). Помощниковъ изъ профессоровъ нѣтъ. Скорѣй помѣха, чѣмъ помощь. Дойдя въ *Словарь профессоровъ* до буквы *М*, 20 іюля 1854 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Буква *М* вся въ наборѣ. *Н* и *О*—небольшія, и даже *Оверъ* прислалъ прекрасную автобіографію. Жду твоей. Не задержи“.

Это заставило Погодина засѣсть за свою автобіографію, и въ *Дневникѣ* его находимъ слѣдующія записи:

Подъ 21 іюля 1854 года: „Писалъ свою біографію“.

— *19—20* — : „Писалъ свою біографію, которая оказывается очень обширна“.

— *27* — — „Писалъ и разбиралъ бумаги для біографіи.“

— *30* — — „Перебиралъ старый *Дневникъ* для біографіи“.

— *6 августа 1854 года:* „Читалъ *Дневникъ*, писалъ біографію“.

— *8* — — „Перечитывалъ *Дневникъ*“.

— *9* — — „Перечитывалъ Журналъ. Письма 1826, 1827, 1828 годовъ. Много воспоминаній объ Александрѣ Ивановнѣ *). Не кончается ли она теперь? Какъ жаль ее“.

— *12* — — „Писалъ біографію пристальнѣе. Множество всякой всячины набирается“.

---

*) Княжна Трубецкая, въ замужествѣ княгиня Мещерская. *Н. Б.*

— *11* — — „Писалъ біографію“.

— *10* — — „Поутру за біографіей“.

— *16* — — „Надо окончить біографію“.

— *14* — — „Занимался біографіей“.

— *19* — — „Писалъ біографію“.

— *17* — — „За біографіей“.

— *21* — — „За біографіей и разбиралъ свои бумаги“.

— *22* — — „За біографіей. Подходитъ къ концу“.

— *23* — — „За біографіей, которую наконецъ я кончилъ“.

— *24* — — „Перечитывалъ біографію и вставлялъ“.

Кончивъ свою автобіографію, Погодинъ, въ тотъ же день, писалъ Шевыреву: „Вотъ все, что́ сохранила мнѣ пока память,—и документы! Самолюбіе доставляетъ мнѣ удовольствіе, при видѣ, что набралось въ самомъ дѣлѣ въ разныхъ отношеніяхъ много моей работы. Мнѣ пріятно взглянуть теперь на этотъ длинный реэстръ, хоть и съ досадою почти я принялся за него. Да простится человѣческая слабость! Многое имѣетъ видъ похвальбы для нѣкоторыхъ: Honni soit qui mal y pense. Я старался представить только былины (facto), и если при этомъ представленіи примѣшивалось чувство нашего неизбѣжнаго *я*, то не въ моей волѣ было исключить оное совершенно, какъ я того ни желалъ, и какъ ни осуждаю оное. А иное, можетъ быть, было дѣйствительно хуже, чѣмъ по наружности кажется и мнѣ самому представляется. Въ заключеніе замѣчу: многое я терпѣлъ и страдалъ, много испыталъ неудачъ, часто жаловался и роопталъ, и по причинамъ основательнымъ, но итогъ вышелъ такой, за который не знаю, какъ и благодарить Бога; все дурное и злое миновалось, позабылось и уравнялось; я живъ, здоровъ, покоенъ, доволенъ, богатъ (семейныя горести не принадлежатъ къ этой біографіи) и служу очевиднымъ доказательствомъ: Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ, ни графъ Строгоновъ—прости меня за послѣднюю шутку—не могъ утерпѣть. Чувствую силу, сердце бьется съ прежней живостью, и слезы текутъ изъ

глазъ моихъ также легко и сладко, какъ и въ первой молодости. Я надѣюсь, съ Божіей помощію, кончить печатаніе своихъ *Изслѣдованій*, по крайней мѣрѣ, въ десять томовъ; написать *Исторію* по крайней мѣрѣ до Петра I; издать Собраніе своихъ прочихъ сочиненій, по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать томовъ, и поставить *Москвитянинъ* непремѣнно первымъ журналомъ! Такъ я мечтаю въ эту минуту, а завтра, можетъ быть, положатъ меня на столъ. Завѣщаю анатомировать меня черезъ три дня, и кость ноги collum femoris отдать въ Университетскій Музей (для чего, объяснитъ профессоръ Иноземцевъ), а отпѣть меня въ церкви Университета, которому я всегда былъ преданъ душою и тѣломъ и которому желаю искренно процвѣтать долго, долго, во славу и пользу Отечества, и въ наступающее столѣтіе исцѣлить послѣднія свои раны! Господи помилуй меня, тебя, всѣхъ и все! Повторяю—я писалъ для тебя, а не для печати, по мѣрѣ того, какъ воспоминанія развивались. Исключай все, что̀ хочешь, по своему плану—даже и кромѣ тѣхъ частностей и подробностей, которыя написались здѣсь только потому, что въ другой разъ могли не придти на память, а на что-нибудь впредъ пригодятся. Иначе можно говорить отъ перваго лица, иначе можно говорить отъ третьяго лица. Формы литературной: избѣгать повторенія, наблюсти перспективу, уровнять подробности, сохранить одинъ тонъ и проч., я не могъ въ этой почти импровизаціи, которая вообще должна представлять собою только сырой матеріалъ для дружеской обработки“ [245]).

Кромѣ того, эту автобіографію Погодинъ прочелъ своимъ дѣтямъ „и плакалъ много“ [246]).

Началось печатаніе. Подъ 3 — 14 сентября, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Корректура біографіи, которая взяла пять утръ“. Но печатаніе этой автобіографіи чуть не поссорило друзей. Усиленныя занятія сдѣлали то, что къ Шевыреву, какъ свидѣтельствуетъ Погодинъ, „иногда приступа не было“.

6 сентября 1854 года, Шевыревъ написалъ Погодину

бранное письмо за то, что тотъ не доставлялъ ему корректуръ въ назначенный часъ. „Ужъ не хотѣлъ, — писалъ Шевыревъ,—я тебя бранить, но самъ вызываешь.—Ты задержалъ дѣло ужасно.—Смирновъ отказался отъ возможности набирать прямо, безъ моего предварительнаго прочтенія. Я читалъ біографію нѣсколько дней сряду, разбирая ее и дѣлая ей редакцію для печати. Надъ нѣкоторыми страницами съ цифрами сидѣлъ по часамъ и приходилъ въ отчаяніе. — Вотъ почему рукопись позднѣе попала въ Типографію. Теперь наборщики плачутся, не могутъ разобрать многаго и потому наборъ идетъ медленно. Но, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ, назначенномъ мною, они не собьются. — Не знаю, будутъ ли въ состояніи корректуру читать. Потому тебѣ и послана первая коррекура въ гранкахъ, но ты и эту продержалъ. Рѣши же поскорѣе, и если хочешь читать вторую, то возврати съ оригиналомъ первую. Я тебя браню, а за біографію, а особенно за конецъ ея, я тебя бы разцѣловалъ“.

Въ другомъ письмѣ своемъ, 11 сентября 1854 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Отъ забвенія ли, или отъ чего бы то ни было, но ты ужасно какъ задерживаешь *Словарь* въ Типографіи. Вотъ два дня еще прошло — и корректура завалялась въ передней графа Блудова. Кажется, отъ тебя бы я долженъ ожидать наибольшаго содѣйствія дѣлу; никто не задерживалъ такъ доставленіемъ біографіи, *какъ ты*. Леонтьевъ доставилъ скорѣе... Не явиться тебѣ между профессорами Университета, что ни говори, было бы неблагородно. — Ты всѣмъ своимъ бытіемъ умственнымъ, нравственнымъ и политическимъ обязанъ Университету, и вотъ уже *десять лѣтъ какъ получаешь отъ него пенсію*. — *Словарь* — дѣло общее, а не мое. — *Исторія Университета* — вотъ мое дѣло. Да ужъ мнѣ и помогутъ такъ, что она не поспѣетъ ко времени. Моихъ трудовъ, впрочемъ, никто не понимаетъ. Но отъ тебя я ожидалъ сочувстія и уразумѣнія. Признаюсь, не вытерпѣлъ. Больно“.

Это письмо крайне раздосадовало Погодина, и онъ, подъ

11 сентября 1854 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Страшная досада отъ Шевырева, который попрекнулъ *пенсіею*“.

Но Шевыревъ продолжалъ писать досадныя для Погодина письма. „Я знаю очень вѣрно“,—писалъ онъ,—„что корректуры во второй разъ правлены по моей и получилъ ихъ потому исправленными, и знаю то, что за ними провелъ три вечера. Если ты эту правду принимаешь за ругательство, то какъ хочешь. Ужъ по всему Университету говорятъ, что ты задержалъ дѣло университетское. Ректоръ это повторяетъ мнѣ, какъ бы въ укоръ. Слышалъ и отъ другихъ. Не могу торопить другихъ, „если вашъ другъ и пріятель такъ помогаетъ вамъ въ дѣлѣ; чего жъ вамъ отъ него требовать?“ Мнѣ совѣстно передъ людьми. Почти мѣсяцъ ты отнялъ времени все потому, что не хотѣлъ исполнить просьбы университетской въ свое время. Наборщики жалуются, что у нихъ отнята задѣльная плата, по крайней мѣрѣ, за девять листовъ. И послѣ этого я въ болѣзненно-раздраженномъ состояніи! И правда тебѣ ругательство! Историкъ! Ну ужъ боюсь придти въ болѣзненно-раздраженное состояніе“. И это письмо вызвало у Погодина слѣдующую запись, подъ 22 сентября 1854 года: „Продолженіе досадъ отъ сумасшедшаго Шевырева“.

Въ концѣ-концовъ, друзья помирились и Шевыревъ писалъ: „Такія біографіи (какъ Погодина) должны быть плодотворны и для новаго поколѣнія, ибо возобновятъ прерванныя преданія“.

LVIII.

Наступившій вѣковой юбилей Московскаго Университета вызвалъ сочувствіе и вниманіе къ этому событію бывшихъ питомцевъ его, разбросанныхъ по лицу Русскаго Царства. Одинъ изъ таковыхъ, по фамиліи Рябовъ, 2 октября 1854 года, писалъ Погодину: „Императорскій Московскій Университетъ дѣлаетъ приготовленіе къ торжественному празднованію своего столѣтія. Я имѣлъ счастіе быть нѣкогда въ числѣ учащихся этого Университета, и, желая тоже чѣмъ-нибудь, при этомъ

случаѣ, быть полезнымъ, принялъ смѣлость препроводить къ вашему превосходительству: рукопись, три печатныя старинныя брошюры и собраніе (двадцати) списковъ — автографовъ, изданныхъ сочиненій гг. профессоровъ, адъюнктовъ, докторовъ, магистровъ, кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ Московскаго Университета до 1827 года. — Предполагая, что изъ препровождаемыхъ мною бумагъ что-нибудь можетъ послужить дополненіемъ къ матеріаламъ для исторической записки объ ученой дѣятельности членовъ Московскаго Университета, сочту себя счастливымъ, если это мое предположеніе оправдается. — Вотъ причины, почему я рѣшился покорнѣйше попросить ваше превосходительство, разсмотрѣть препровождаемыя мною бумаги, и если онѣ будутъ найдены вашимъ превосходительствомъ заслуживающими вниманія, сообщить ихъ лицу, которому начальство Московскаго Университета поручило составленіе исторической записки. Когда же не будутъ болѣе нужны препровождаемыя мною бумаги, то прикажите, ваше превосходительство, передать ихъ Московскому книгопродавцу Салаеву, отъ котораго я выписываю книги, чтобъ онъ переслалъ ихъ ко мнѣ, вмѣстѣ съ книгами. Я не осмѣлился бы этою послѣднею просьбою утруждать ваше превосходительство, если бъ не высоко цѣнилъ собраніе автографовъ, въ числѣ которыхъ находится и вашего превосходительства. Это собраніе автографовъ всегда занимало первое мѣсто въ моемъ палеографическомъ собраніи; по чувству признательности я сохранялъ его для того, чтобъ со временемъ передать двумъ моимъ сыновьямъ, какъ автографы лицъ, которыя были моими наставниками и къ которымъ я постоянно сохранялъ чувство глубочайшаго уваженія. Высоко оцѣняемое мною расположеніе вашего превосходительства ко мнѣ, убѣдило меня, что если препровождаемыя мною бумаги и не будутъ найдены вашимъ превосходительствомъ заслуживающими быть посланными, то вы, ваше превосходительство, меня великодушно извините и сочтете это только за желаніе мое быть чемъ-нибудь полезнымъ".

Я. К. Гротъ, тогда профессоръ Александровскаго Лицея, 2 декабря 1854 года, обратился къ Погодину съ слѣдующимъ заявленіемъ: „Лицейское начальство спрашивало меня, будетъ ли Московскій Университетъ приглашать на свой юбилей. На это я не могъ отвѣчать удовлетворительно; если приглашенія будутъ, желательно, чтобы Лицея не забыли: онъ принимаетъ истинное участіе въ предстоящемъ національномъ торжествѣ. Обратите на это вниманіе, Михайло Петровичъ, и напомните кому слѣдуетъ, при этомъ случаѣ, о заведеніи, которое дало Россіи Пушкина".

Это письмо Погодинъ отправилъ къ Шевыреву, при слѣдующей, съ своей стороны, припискѣ: „Посылаю тебѣ письмо Грота. Ты видишь, что всѣ ожидаютъ приглашеній: Лицей, Университетъ, Академія. Надо послать приглашенія и въ Кіевъ, Казань, Харьковъ, Одессу, хотя для соблюденія приличій. Дѣло многообразное и сложное, и ты одинъ не поспѣешь. Вамъ нужно устроить цѣлый совѣтъ. Я предвижу, что за всѣ твои труды всѣ обвиненія падутъ на тебя, ибо не NN или ZZ же обвинятъ! Надо бы послать извѣстія въ Берлинъ, Вѣну, Прагу, Парижъ, Оксфордъ. Если Правительство не позволитъ— дѣло другое. Да, Университетъ долженъ показать себя Европейскимъ мѣстомъ. Слышутся разныя глупости, будто бѣдныхъ студентовъ не будутъ пускать и проч. Надо все предупреждать и устроивать. Нельзя повѣрить такое дѣло какому-нибудь идіоту! Эх-ма!"

Съ своей стороны и Погодинъ сталъ заранѣе готовиться къ предстоящему торжеству, и въ *Дневникѣ* своемъ записалъ:

Подъ 29 ноября 1854 года: „Набросалъ о Ломоносовѣ".

— *14 декабря* — —: „Думалъ о Ломоносовской рѣчи".

— *17* — — —: „Вечеромъ не могъ ничего дѣлать, только читалъ Ломоносова".

— *23* — — —: „Думалъ о рѣчи, о юбилеѣ".

Въ это же время (28 ноября 1854 г.), А. Ѳ. Бычковъ убѣждалъ Погодина представить докладную записку объ университетахъ вообще. „Въ половинѣ декабря",—писалъ онъ,—

„Норовъ будетъ имѣть личный докладъ у государя. Какъ было бы хорошо, еслибы вы къ этому времени изготовили ему докладную записку объ университетахъ и развили бы подробнѣе мысль объ образованіи у насъ реальныхъ факультетовъ, изъ которыхъ бы выходили люди съ спеціальнымъ образованіемъ, въ которыхъ нуждается Россія. До сихъ поръ почти всѣ механики, машинисты у насъ иностранцы, которымъ мы платимъ огромное жалованье; своихъ нѣтъ, и при настоящемъ порядкѣ вещей и не будетъ. Надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и пока глава сознаетъ еще необходимость дать просторъ нашему образованію. Сколько мнѣ кажется изъ разговора съ Норовымъ, сей послѣдній также проникнутъ этою мыслію“ [247]).

Въ то же самое время, 17 декабря 1854 года, Московская Коммерческая Академія праздновала день своего основанія. На это торжество былъ приглашенъ Погодинъ, и онъ на обѣдѣ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Мм. Гг! Вамъ угодно было почтить меня приглашеніемъ къ участію въ вашемъ празднествѣ. Примите мою искреннюю благодарность. Я очень радъ случаю засвидѣтельствовать мое искреннее уваженіе имениитому Московскому купечеству. Купечество—важное сословіе въ государствѣ. Если духовенству предоставляется высокое право учить и руководить народъ по пути его спасенія, — если дворянство обязано въ особенности защищать Отечество, что оно теперь съ такимъ великодушіемъ и самоотверженіемъ исполняетъ,—если крестьянство трудами своими питаетъ всѣхъ насъ и удовлетворяетъ первымъ потребностямъ,—то купечество, служа посредникомъ между всѣми сословіями, разноситъ всюду довольство, обиліе, утверждаетъ общее благосостояніе. Занятіе его,—торговля, имѣетъ разныя степени. Начинаясь простою мѣною, она принимаетъ огромные размѣры, и приводитъ наконецъ въ сношенія между собою отдаленныя части свѣта. Русская торговля не дошла до этого состоянія, но Русскій человѣкъ одаренъ всѣми нужными для того способностями. Нашъ мелочной лавочникъ, овощный торговецъ, для приведенія своего сторубле-

ваго капитала въ движеніе, и собиранія съ него своихъ бѣдныхъ копеечныхъ процентовъ, имѣетъ нужду, я увѣренъ, въ бо̀льшихъ умственныхъ способностяхъ,—въ смѣтливости, проворствѣ, дѣятельности,—однимъ словомъ, въ торговомъ искусствѣ, чѣмъ Европейскій негоціантъ, который переводитъ свои милліоны изъ Ливерпуля въ Калькутту или Нью-Іоркъ. У Европейскаго негоціанта бываетъ по большей части одинъ товаръ—бумага, шелкъ, вино, табакъ; а чего нѣтъ въ нашей лавочкѣ? Сто девяносто девять самыхъ разнородныхъ товаровъ, которыхъ надо знать въ тонкости, всѣ достоинства и недостатки, надо знать время, когда запастись, и умѣть купить за настоящую цѣну, ибо передашь копейку,—ее мудрено уже возвратить! Какіе покупатели являются въ мелочной лавочкѣ? Такіе, которые сами знаютъ всю суть, и которые наровятъ алтынное за грошъ выторговать; такъ въ какой же степени надо ухитриться, чтобъ алтынное продать имъ за три копейки съ денежкой? Я часто и долго шатался по Европѣ, присматривался къ людямъ и мѣстамъ, и убѣжденъ, что Русскій лавочникъ есть примѣчательнѣйшее лицо въ торговомъ мірѣ. Но онъ торгуетъ только въ своемъ переулкѣ, въ своемъ приходѣ, и рѣдко кругъ его дѣйствія обнимаетъ сосѣднюю улицу, гдѣ пресѣкаетъ ему дорогу дѣятельный соперникъ. Чтобъ торговля его расширилась, ему надо имѣть особое образованіе...

Желая положить прочное основаніе такому образованію, отцы ваши, мм. гг., пожертвовали значительный капиталъ на учрежденіе Коммерческой Академіи въ Москвѣ, средоточіи Русской промышленности. Вы продолжаете ихъ благодѣтельное патріотическое дѣло. Да здравствуетъ почтенное Московское купечество! Да процвѣтаетъ Академія, имъ основанная, на пользу Русской торговли, къ славѣ Отечества и государя!“ [248]).

LIX.

Благоговѣя предъ Московскимъ Университетомъ вообще, Погодинъ, къ сожалѣнію, не съумѣлъ сохранить дружелюбныхъ отношеній съ тогдашнимъ личнымъ составомъ Университета. Это между прочимъ усматривается изъ слѣдующаго: вспоминая заслуги свои, оказанныя Университету, онъ считалъ справедливымъ, чтобы сынъ его былъ принятъ въ число студентовъ, безъ опредѣленной платы; но это считало не справедливымъ университетское начальство. Поэтому поводу (2 іюня 1854 г.) Погодинъ писалъ ректору Университета: „Честь имѣю представить вашему превосходительству моего сына, студента. У него не принялъ кто-то просьбы безъ денегъ. Признаюсь вамъ, что этотъ отказъ на первую минуту такъ взорвалъ меня, что я... (разумѣется я пишу къ вамъ теперь не оффиціально, а по старой нашей дружеской связи). Московскій Университетъ, которому я служилъ (и служу), вѣрою и правдою тридцать лѣтъ, гдѣ я читалъ лекціи нѣсколько лѣтъ даже безъ жалованья, говоритъ первое слово *моему сыну*: дай деньги, а иначе не пущу! Эти пустяки (если посмотрѣть на нихъ съ другой точки, прозаической) прошибли меня почти до слезъ. Гадко, скверно,—вы видите, что я на шестомъ десяткѣ все также горячъ! Прошу васъ покорнѣйше приказать, о принятіи просьбы. Деньги, если понадобятся, я пришлю, но мнѣ хочется, чтобъ уничтожено было впечатлѣніе въ сынѣ о деньгахъ, необходимыхъ ему для поступленія въ Московскій Университетъ“.

Шевыревъ, разумѣется, въ данномъ случаѣ былъ на сторонѣ ректора Университета, и съ укоромъ писалъ своему другу: „Но вотъ опять надобно еще бранить. Ну изъ чего ты срамишься передъ Басалаевымъ и передъ ректоромъ? — Басалаевъ мнѣ говоритъ и ректору: *Что мнѣ дѣлать съ Погодинымъ? Не присылаетъ денегъ за сына? Вѣдь я долженъ выключить.*—Я отвѣчаю: „Вы не знаете сколько дѣла у Михаила

Петровича. Онъ забылъ. Можете быть спокойны, я отвѣчаю своими". — А ректоръ: Нѣтъ, мы представимъ Владиміру Ивановичу Назимову, чтобы сына Михаила Петровича приняли безъ денегъ. Онъ напишетъ *даромъ*. Вѣдь Михаилъ Петровичъ человѣкъ бѣдный. И я все это долженъ выслушивать. Законъ касается профессоровъ служащихъ, а не отставныхъ на пенсіи. Надо представить свидѣтельство о бѣдности. И сыну твоему, оно должно быть непріятно".

Въ концѣ-концовъ Погодинъ вынужденъ былъ заплатить опредѣленную плату за сына, ибо (11 сентября 1854 г.) Шевыревъ писалъ ему: „Посылаю тебѣ квитанцію въ полученіи двадцатипяти рублей и возвращаю письмо ректора, изъ котораго не вижу, чтобы сказано было о неплатежѣ. Онъ молчитъ и ничего не отвѣчаетъ, считая вопросъ деликатнымъ".

Въ это же время въ университетской семьѣ приключилось непріятное происшествіе, въ которомъ принялъ сердечное участіе добрый Шевыревъ. „Въ понедѣльникъ, — писалъ онъ Погодину (20 іюля 1854 г.), — я былъ огорченъ извѣстіемъ грустнымъ. Попечитель приказалъ посадить на гауптвахту трехъ ординаторовъ Екатерининской Больницы. Они были на-веселѣ въ Останкинѣ и пошумѣли съ смотрителемъ дома. Дѣло бы все прошло такъ, да нажаловался Попечителю Муравьевъ, авторъ *Житій Святыхъ*, живущій во дворцѣ Останкинскомъ, подъ покровительствомъ смотрителя. Варвинскій говорилъ, что ординаторовъ содержали на Съѣзжей, вмѣстѣ съ преступниками, что у одного изъ нихъ сдѣлались пролежни и ходить не можетъ, что у другого жена бѣдная не имѣла чѣмъ кормить себя въ дни ареста мужнева, что эти люди лишатся теперь насущнаго хлѣба. И все это сочинилъ авторъ *Житій Святыхъ*, не знающій того, что начальники самые добрые бываютъ жестоки въ наказаніяхъ, когда со стороны узнаютъ о какомъ-нибудь безпорядкѣ между подчиненными".

Изъ Московскихъ профессоровъ одинъ только знаменитый профессоръ Римскаго Права Н. И. Крыловъ оставался неизмѣннымъ другомъ Погодина.

Въ Лазарево воскресенье 1854 года, по порученію Ѳ. И. Иноземцева, Крыловъ писалъ Погодину: „Мнѣ дано порученіе отъ Ѳ. И. Иноземцева просить васъ, сегодня на вечерокъ къ нему, для собесѣдованія въ пріятельскомъ кругѣ. Съ радостію исполняю это порученіе, не смотря на огромныя *издержки*, соединенныя съ исполненіемъ онаго“.

Лѣтомъ того же года, посѣтилъ Москву графъ Д. Н. Блудовъ и пожелалъ имѣть свиданіе съ Н. И. Крыловымъ. Когда объ этомъ узналъ самъ Крыловъ, то, 29 іюля 1854 года, писалъ Погодину: „Слышно, что графъ Д. Н. Блудовъ отыскиваетъ Крылова, пребывающаго въ неизвѣстности; и что вы посылали мнѣ двѣ вѣсточки, не дошедшія до меня. Это узналъ я только вчера отъ В. Н. Лешкова. Спасибо вамъ, добрый Михаилъ Петровичъ, *Русское* — пребольшое за ваше участіе ко мнѣ.—Русскій человѣкъ—по природѣ своей—*увалень*, а я по преимуществу. Остаемся въ какой-то непростительной неподвижности, имѣя всѣ условія къ движенію. Если выдвинутъ насъ, идемъ и дѣйствуетъ на славу. Во мнѣ это происходитъ и отъ моего религіознаго воззрѣнія, по которому я всякое назначеніе считаю опредѣленіемъ Божіимъ, и не предупреждаю его своимъ личнымъ выборомъ. Но вотъ уже философія. Къ дѣлу лучше. Не знаю, съ какой стороны моя личность возбудила интересъ ученаго сановника, и кто этому способствовалъ, но мнѣ очень сильно хочется представиться его сіятельству. Нѣкогда онъ, слушая мои лекціи, имѣлъ обо мнѣ отличное мнѣніе. Теперь, по ходу дѣлъ, касающихся до нашей братіи, можно уже предвидѣть нерадостный исходъ нашей службы; скоро скажутъ, убирайтесь къ чорту. Мнѣ приведется это услышать скоро—черезъ годъ: съ полною пенсіею отправляться вонъ изъ Москвы. А лѣта и силы еще не старческія; хотѣлось бы и дальше дѣйствовать. Быть можетъ, графъ имѣетъ на меня какіе-либо особые виды по редакціи законодательной, о чемъ онъ нѣкогда имѣлъ со мною разговоръ. Я готовъ содѣйствовать его планамъ и работамъ; и кажется, какъ понимаю, не безъ пользы. Впрочемъ, оставимъ предположенія,

надобно видѣться съ нимъ, и тогда узнаемъ, въ чемъ дѣло. Но какъ устроить наше свиданіе? Не возьмете ли вы на себя трудъ узнать предварительно, когда графъ можетъ принять меня у себя; и нельзя ли и вамъ самимъ быть моимъ проводникомъ и пѣстуномъ: съ вельможами говорить трудно. Вдвоемъ мы съ вами, можетъ быть, расшевелимъ старика и вызовемъ къ жизни нѣкоторые вопросы. Если вы это узнаете опредѣленно, то не медля напишите мнѣ писульку, по *адресу*: на имя Ѳ. И. Иноземцева, въ Сокольники, около заставы, на дачѣ *Губина*, съ передачею мнѣ въ *Богородское*. Я явлюсь по первому призыву къ вамъ—и тогда послѣдую за вашимъ указаніемъ. Искренно и премного благодаренъ вамъ за ваше теплое участіе къ моей судьбѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ долгаго испытанія, и мнѣ Богъ посылаетъ утѣшеніе. Недоумѣваю, какъ порѣшить службу черезъ годъ; быть можетъ, Провидѣніе уже назначаетъ мнѣ извѣстную дѣятельность. А все хочется сохранить ученую дѣятельность! И въ самомъ дѣлѣ — много, очень много созрѣло, выработано. Надобно дать окончательную отдѣлку, да и въ свѣтъ пустить. Извѣсти, батюшка Михаилъ Петровичъ, меня обо всемъ обстоятельно, дабы я не сбился въ чемъ-либо: ибо двадцать верстъ разстоянія теперь между нами".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Крыловъ робѣлъ ѣхать одному къ вельможѣ, и по этому поводу, 1 августа 1854 года, писалъ Погодину: „Много, премного вамъ благодаренъ за ваше участіе... Не знаю, одному ли ѣхать къ графу Блудову или съ вами. Рѣшилъ на первый разъ одинъ ѣхать; ибо in abstracto разсуждая, неприлично малому человѣку явиться къ вельможѣ на первый разъ гостемъ и вечеромъ. Вотъ ... жизнь — въ ученыхъ Русскихъ людяхъ! Будь жидъ, то мелкимъ бѣсомъ увивался бы давно около хоромовъ и дворовыхъ людей, гдѣ обитаетъ вельможа. Послѣ бесѣды съ графомъ, прямо направлю стопы свои къ вамъ, дабы сообщить все. Надѣюсь, что и хлѣба-соли достанетъ у васъ для меня, — а въ этой сторонѣ у меня нѣтъ тетки ... Увидимъ, о чемъ и какъ

рѣчь ведена была, а потомъ примемся за соображенія. Я послѣдую Евангельскому совѣту: „*Не пецытеся, что возглаголете, ни поучайтеся: но еже дастся вамъ въ той часъ се глаголите*", а потому отложимъ въ сторону всѣ мысли, какія приходятъ въ голову для сообщенія графу. Съ вами было бы поваднѣе и веселѣе говорить, особенно, когда вы въ духѣ. Ваши мысли и чувства, а мой анализъ, — и каша заварилась"...

Въ томъ же письмѣ Крыловъ трогаетъ чувствительную струну Погодина — его сына и — пишетъ: „Давай Дмитрія въ руки мнѣ. — Навострю важно, и прогрессу научу. Мало ли у насъ выпущено прогрессистовъ. Отъ всѣхъ университетскихъ вѣстей становится на душѣ кисло".

На это письмо Погодинъ отвѣчалъ: „По плану надо было ѣхать вчера, но занемогъ, и провалялся въ горчицѣ. Нынѣ боюсь простудиться, а потому ступайте съ Богомъ одни (а можетъ быть и я пріѣду). Графъ Блудовъ былъ тоже боленъ вчера, и потому нынѣ, можетъ быть, у него не принимаютъ. Нужды нѣтъ, поѣзжайте все-таки и скажитесь".

Благодарный за совѣтъ, Крыловъ писалъ Погодину: „Приказано Русскому человѣку – поплетусь сегодня одинъ къ графу Блудову. Слышу, что ты трусишь болѣзни. Не бойся, дѣло все плевка не стоитъ и находится совершенно въ нашихъ рукахъ. Надо бы мнѣ тебя навѣстить, да теперь хлопотъ разнаго рода очень много. Спасибо еще".

Въ концѣ-концовъ Погодинъ свезъ Крылова къ графу Блудову, и въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 3 августа 1854 года, записалъ: „Вечеромъ съ Крыловымъ къ Блудову. Представилъ его. Объ Университетѣ, который находится въ страшномъ положеніи. О дѣйствіяхъ Правительства".

Въ то время, когда Московскій Университетъ готовился къ празднованію своего годового юбилея, графъ С. С. Уваровъ доживалъ свои послѣдніе дни, пребывая то въ Москвѣ, то въ Порѣчье. Но и въ эти послѣдніе дни жизни своей не охладѣлъ къ Наукѣ.

А. А. Куникъ, замышляя ввести изученіе Византіи въ Россіи,

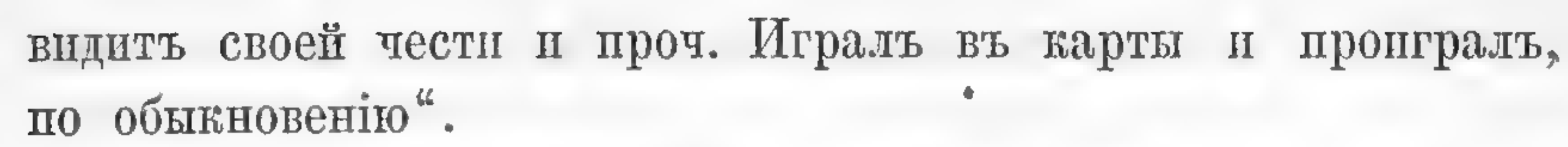
расчитывалъ на Уварова, какъ на каменную гору; но, сознавая, что дни Уварова уже сочтены, съ отчаяніемъ писалъ Погодину: „Въ прошломъ году у насъ истратили на стройку двадцать тысячъ руб. сер., въ этомъ году тратятъ на это сорокъ тысячъ, а въ слѣдующемъ году вѣроятно опять двадцать или тридцать тысячъ руб. сер. *Не позорное ли это для всей Россіи событіе, что я при такихъ средствахъ не могу имѣть ежегодно тысячи р. с. для поднятія и энергическаго ускоренія византинистическихъ занятій*! Бюрократизмъ“.

Въ 1853 году, М. А. Дмитріевъ издалъ въ Москвѣ свой многолѣтній трудъ изъ области классической Древности: *Наука поэзіи, или посланіе къ Пизонамъ, Квинта Горація Флакка.* Этотъ трудъ Дмитріевъ счелъ долгомъ представить Уварову чрезъ Погодина, которому, 22 февраля 1854 года, писалъ: „Посылаю вамъ мою книжку для графа Уварова, которую и прошу вручить по всей формѣ, и съ изъясненіемъ, что я всегда уважалъ въ немъ ученаго, неувлекавшагося грязнымъ потокомъ времени, но пребывавшаго вѣрнымъ своей классической образованности, и министра, сдѣлавшаго много разумнаго добра. Давно бы прислалъ; но не было въ переплетѣ“.

Сынъ графа Уварова, графъ Алексѣй Сергѣевичъ, жилъ въ это время въ С.-Петербургѣ, въ своемъ домѣ, на Большой Морской, который нынѣ принадлежитъ А. А. Половцову. Въ іюнѣ 1854 года, онъ написалъ Погодину слѣдующія непонятныя для насъ строки: „Не могли ли вы посредствомъ Филарета подѣйствовать на отца? Человѣкъ умный всегда убѣдитъ другого, а мнѣ признаться, нельзя и слова сказать: сыну какъ-то непристойно учить отца“ [249]).

Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ записи свидѣтельствующія объ его непрерывныхъ сношеніяхъ съ Уваровымъ:

Подъ *1 января 1854 года:* „Отъ Черткова къ Уварову, и представилъ портретъ, который доставилъ ему удовольствіе, а объ журналѣ споритъ, не желая повредить литографіямъ и т. п. Вотъ безтолковый человѣкъ или ослѣпленный. Не

видитъ своей чести и проч. Игралъ въ карты и проигралъ, по обыкновенію“.

— *21* — — —: „Обѣдалъ у Уварова, а вечеръ съ проигрышемъ досаднымъ“.

— *27* — — —: „Обѣдалъ у Уварова“.

— *29* — — —: „Обѣдалъ у Уварова. Досадовалъ. Игралъ и проигрался“.

— *2 февраля* — —: „У Уварова, который что-то сказалъ о преданіи. Длинная и умная рѣчь противъ усовершенствованій, человѣческихъ порокахъ, несоотвѣтственныхъ успѣхахъ ума и проч. А самъ-то вѣдь страшно таковъ! Скучный и досадный вечеръ“.

— *9* — — —: „Обѣдалъ у Уварова. Игралъ съ Уваровымъ“.

— *16* — — —: „Обѣдалъ у Уварова. Тамъ остался и на вечеръ... Очень плохъ старикъ“.

— *17* — — —: „Обѣдалъ у Уварова“.

— *23* — — —: „Вечеромъ у Уварова для Гудовича, а все-таки проигралъ“.

— *24* — — —: „Съ неудовольствіемъ къ Уварову для Гудовича, и къ тому же проигралъ“.

— *4 марта* — —: „Вечеромъ у Уварова и опять проигралъ“.

— *19* — — —: (Послѣ игры въ карты въ Англійскомъ клубѣ съ П. М. Строевымъ) „вечеромъ у Уварова и проигралъ опять“.

— *19 апрѣля* — —: „Обѣдалъ у Уварова. Къ вечеру усталъ, и только-что могъ читать газеты“.

— *9 мая* — —: „Обѣдалъ у Уварова, и пѣшкомъ домой“.

— *15* — — —: „Обѣдалъ у Уварова“.

— *22* — — —: „Обѣдалъ у Уварова“.

— *2 іюня* — —: „Обѣдалъ у Уварова. Вечеромъ у Уварова. Игралъ въ карты очень счастливо. Съ молодымъ Уваровымъ, съ которымъ пошлю письмо для Меньшикова (*политическое 7 декабря 1853 года*).

— *3* — — —: „Обѣдалъ у Уварова".

— *5* — — —: „Обѣдалъ въ клубѣ. Игралъ и проигралъ. Въ Историческомъ Обществѣ. Заѣхалъ къ Уварову, чтобы отыграться и проигралъ еще. Скучно и досадно".

11 — — —: „Обѣдалъ у Уварова. Остался у Уварова до вечера играть въ карты и все-таки проигралъ".

— *15* — — —: „Досада отъ Уварова, который затрудняется взять сына Митю въ Порѣчье. Не поѣду и самъ".

— *24 сентября* — —: „Отправился съ Грудевымъ въ Порѣчье".

— *25—27* — — —: „Въ Порѣчьѣ. Старикъ очень доволенъ. Игралъ въ карты. Думалъ о письмахъ (политическихъ)".

— *25 ноября* — —: „Обѣдъ скверный у Уварова, такъ что животъ заболѣлъ. Вечеромъ опять долженъ былъ заѣхать къ старику, играть въ карты".

— *30* — — —: „Вечеромъ у Уварова".

— *8 декабря* — —: „Послѣ обѣда къ Уварову. Игралъ".

— *30* — — —: „Обѣдалъ у Уварова".

LX.

Наступилъ 1855-й годъ...

Стоимъ мы слѣпы предъ судьбою:
Не намъ сорвать съ нея покровъ...
Я не свое тебѣ открою,
А бредъ пророческій духовъ.

Еще намъ далеко до цѣли:
Гроза реветъ, гроза растетъ,
И вотъ въ желѣзной колыбели,
Въ громахъ, родится новый годъ.

Черты его ужасно строги,
Кровь на рукахъ и на челѣ;
Но не однѣ войны тревоги
Несетъ онъ людямъ на землѣ.

Не просто будетъ онъ воитель,
Но исполнитель Божьихъ каръ,—
Онъ совершитъ, какъ поздній мститель,
Давно задуманный ударъ.

Для битвы онъ посланъ и расправы,
Съ собой несетъ онъ два меча:
Одинъ—сраженій мечъ кровавый,
Другой—сѣкира палача.

Но на кого?.. Одна ли выя,
Народъ ли цѣлый обреченъ?...
Слова не ясны роковыя
И смутенъ замогильный стонъ [250]).

Такъ пророчествовалъ Тютчевъ, и пророчество его исполнилось... Но начало сего года ознаменовалось свѣтлымъ событіемъ, и оно какъ лучъ солнца озарило на минуту покрытый мрачными тучами горизонтъ... Этотъ свѣтлый лучъ былъ столѣтній юбилей Московскаго Университета.

20 декабря 1854 года, министръ Народнаго Просвѣщенія обратился къ государю съ слѣдующимъ докладомъ: „Вашему императорскому величеству, по всеподданнѣйшему докладу предмѣстника моего, благоугодно было всемилостивѣйше осчастливить Московскій Университетъ изъявленіемъ высочайшаго соизволенія на предположеніе праздновать 12 января 1855 года столѣтній юбилей сего Университета, съ учрежденіемъ Комитета изъ профессоровъ для предварительныхъ распоряженій къ ознаменованію юбилея приличнымъ торжествомъ. По сближенію срока юбилея, попечитель Московскаго Учебнаго Округа представилъ составленную, по указаніямъ его, Комитетомъ программу празднованія университетскаго юбилея. Копію съ утвержденной мною программы имѣю счастіе представить вашему императорскому величеству“.

Въ виду наступающаго юбилея, Погодинъ и Шевыревъ были заняты рѣчами юбилейными. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія по этому предмету записи:

Подъ *5 января 1855 г.:* „Набросалъ о Ломоносовѣ. Шевыревъ предлагаетъ напечатать о Ломоносовѣ въ *Москвитянинѣ*. Видно, не хочетъ раздѣлить лавровъ. Жалко!“

Подъ *7 января 1855 г.:* „Думалъ о Ломоносовѣ со слезами и записывалъ. Предложеніе Шевырева прочесть о Ломоносовѣ на другой день“ (т.-е. юбилея).

Подъ *8 января 1855 г.:* „Писалъ и читалъ о Ломоносовѣ со слезами“.

Подъ *10 января 1855 г.:* „Писалъ о Ломоносовѣ. Двусмысленныя и досадныя записки отъ Шевырева. Плакалъ надъ разными мѣстами“.

Познакомившись же съ юбилейною рѣчью Шевырева, Погодинъ, подъ 2 января 1855 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Читалъ рѣчь Шевырева. Есть мѣста хорошія, но вообще скудно“. Самъ же Шевыревъ о своей рѣчи писалъ Погодину: „Наука не можетъ проповѣдывать брани: она за одно съ религіею должна возвращать миръ... Я вставилъ (въ рѣчь) еще мысль о будущей задачѣ Науки въ Россіи, по совѣту Кирѣевскаго“. Въ томъ же письмѣ Шевыревъ писалъ: „Назимовъ сказывалъ мнѣ, что графъ Уваровъ собирается на актъ. Правда ли это? Развѣ на носилкахъ. Мы для него, пожалуй, выпросимъ носилки Карла XII-го и сами понесемъ его“.

Между тѣмъ, предъ самымъ юбилеемъ, у Погодина съ Шевыревымъ завязалась оживленная переписка.

Въ день Богоявленія, Шевыревъ писалъ Погодину: „Твоя мысль о Ломоносовѣ меня разбудила сегодня утромъ. Правда, что это большой недостатокъ—не сказать въ честь его особаго слова на такомъ торжествѣ. Я намѣревался въ предположенномъ курсѣ посвятить ему лекцію—и тогда все было бы сдѣлано. На актѣ вставлять еще рѣчь—невозможно. Надоѣшь рѣчами. *Шувалова* *) надобно было предпочесть— долгъ благодарности требовалъ. — Но, мнѣ кажется, вотъ средство пособить этому. На другой день акта предполагается особое ученое собраніе для депутатовъ, которые привезутъ съ собою рѣчи и адресы. Это собраніе будетъ передъ обѣдомъ—и весьма хорошо защититъ насъ отъ упрека, что мы

*) Рѣчь С. М. Соловьева. *Н. Б.*

собираемся только для того, чтобъ ѣсть. Нѣтъ, мы соберемся для того, чтобъ выслушать ученыхъ гостей и потомъ предложить имъ трапезу. На этомъ-то ученомъ собраніи ты долженъ сказать слово о Ломоносовѣ. Не знаю, какъ Академія не догадалась прислать тебѣ порученія быть отъ нея депутатомъ. Впрочемъ, президентъ Академіи графъ Уваровъ можетъ сей часъ это сдѣлать. Къ тебѣ они могутъ пристегнуть какого нибудь нѣмца для изображенія Нѣмецкаго въ нихъ элемента. Но главный долженъ быть *ты*. И такъ, какъ академикъ, говори слово о первомъ Русскомъ академикѣ. Если ты согласенъ, я передамъ эту мысль Владиміру Ивановичу Назимову. Въ Похвальномъ Словѣ Елисаветѣ прочти предъ самымъ концемъ мѣсто: „Не всуе середи сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскіе дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верьховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища,—на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій, о наукахъ помышляли и къ нимъ бы любовію склонялись“. Какъ превосходно опредѣлено мѣсто Науки и Академіи середи государства и какъ правильно сознаны всѣ ихъ отношенія. До сихъ поръ еще не понята его великая мысль“.

На это письмо Погодинъ отвѣчалъ (7 января): „Хотя мнѣ было очень прискорбно, за три года, что я не былъ приглашенъ къ совѣщаніямъ объ юбилеѣ, но я не откажусь и за четыре содѣйствовать, чѣмъ могу къ его пополненію. Главное—я такъ встревожился извѣстіемъ о пятидесяти студентахъ (о коихъ написалъ, между нами, особую записку), а вчера еще новымъ извѣстіемъ о солдатскомъ ученьѣ, что едва ли могу приняться за рѣчь нынѣ или завтра. Я слышалъ, что о Шуваловѣ будетъ краткое воспоминаніе, въ нѣсколько страничекъ. Такъ говорилъ Грановскій. Слѣдовательно, и о Ломоносовѣ нужно столько же! Это я успѣю.

Ловко ли будетъ въ одинъ день о Шуваловѣ, а въ другой— о Ломоносовѣ. Ловко ли будетъ принимать депутаціи послѣ акта? Разсудите сами, а я, зная обстоятельства только поверхностно, могу только предложить эти замѣчанія. Если предъ обѣдомъ въ залѣ, то гдѣ же будетъ собраніе? Стоя или сидя? Съ каѳедры или нѣтъ? Отвѣчай мнѣ, чтобъ сдѣлать свои соображенія. Твою рѣчь я прочелъ и прочту Исторію, но надо бы видѣть и о Шуваловѣ, чтобъ не сдѣлать повтореній и т. п. Возьми изъ Типографіи хоть корректуру и пришли мнѣ, только отъ своего имени. В. И. Назимову можешь сказать о моемъ согласіи, а онъ долженъ написать ко мнѣ оффиціальное письмо, и вмѣстѣ съѣздить (какъ онъ и хотѣлъ), и объяснить графу Уварову, что Университетъ желалъ бы имѣть меня въ числѣ депутатовъ: пусть онъ, какъ президентъ, сообщитъ мнѣ, вмѣстѣ съ мыслію о Ломоносовѣ. Дѣятельности твоей буду радъ. Если бы ты слушался меня, то былъ бы здоровѣе, спокойнѣе и гораздо больше сдѣлалъ бы для Отечества, образованія. Работать—ты золото, а распоряжаться даже своимъ временемъ... ну да объ этомъ не въ письмѣ. Правда ли, что въ бумагѣ объ ученьѣ военномъ сказано: *Узнавъ о пламенномъ желаніи студентовъ* и проч. *Узнавъ*, слѣдовательно ему было донесено? Кѣмъ? Еще я слышалъ, что будутъ учиться всѣ студенты по $1^1/_4$ въ день. Правда ли? Даже и не желающіе? И неужели четыре года? Боже мой! И это къ торжеству столѣтія? А грамоты другой не будетъ? Злонамѣренные люди радуются и хохочутъ. Я слышалъ этотъ хохотъ. Благонамѣренные люди скорбятъ и вздыхаютъ! Ожидаю отвѣтовъ".

Отвѣты воспослѣдовали; но они раздосадовали Погодина. „Ты пошелъ,—писалъ ему Шевыревъ,—на Китайскія формы. Пиши къ тебѣ Попечитель официальное письмо — о чемъ? Сдѣлайте милость, Михаилъ Петровичъ, скажите рѣчь о Ломоносовѣ! Это надобно сдѣлать самимъ. Дѣло графа Уварова— прислать депутацію академиковъ въ Университетъ, а не дѣло Университета просить его о томъ. Дѣло академиковъ прosла-

вить по этому случаю Ломоносова — и связать тѣмъ Университетъ съ Академіею. Главное—чтобы рѣчь была готова. На актѣ три рѣчи—помилуй. Ты самъ говорилъ, что у публики достаетъ вниманія на часъ, но на другой не хватаетъ. Это невозможно. Изъ двухъ: Шувалова или Ломоносова? Намъ надобно было, по чувству личной благодарности, избрать Шувалова. Ломоносовъ въ Исторіи Науки Русской первое лицо, но въ учрежденіи Университета все-таки эпизодъ. Дать мѣсто рѣчамъ депутатовъ на актѣ также невозможно. Для того и назначается другой день. Къ тому же, говорятъ, отъ Педагогическаго Института будетъ рѣчь Латинская".

Въ другомъ письмѣ Шевырева читаемъ: „Напрасно ты такъ огорчаешься введеніемъ военныхъ наукъ въ Физико-Математическій Факультетъ.—Этому рады многіе студенты.— Это было и прежде, и введено было въ цвѣтущія времена Муравьевымъ. — Что̀ касается до строевого пѣхотнаго ученья, оно объясняется необходимостью времени и есть предвѣстникъ милиціи. — Кто знаетъ? — Время такое, что, можетъ быть, намъ съ тобой придется учиться стрѣлять изъ ружья—и приниматься за штуцеръ. — Какъ же на это не готовиться молодому поколѣнію? Вся Россія должна принять воинственный характеръ. Это и политически необходимо, да необходимо и на самомъ дѣлѣ.—Ты якшаешься много съ западниками и съ славянофилами—и потому у тебя иногда вырываются выраженія невѣрныя и взглядъ становится не всегда настоящій. Злонамѣренные люди хохочутъ—они всему хохочутъ. Благонамѣренные люди вздыхаютъ — да дѣла не понимаютъ.—Военное искусство должно войти непремѣнно въ воспитаніе Русскаго человѣка—и вся Россія да превратится въ охранительный военный станъ. Тогда только Европа сдастся — и положитъ оружіе. Наука и война должны облобызаться для того, чтобы водворить миръ во вселенной".

Въ томъ же духѣ писалъ Погодину и Ѳ. И. Прияшниковъ: „Въ ратническое ученіе не вмѣшиваюсь; и вамъ, мой почтеннѣйшій, не совѣтую. Да, признаюсь, что если исполни-

тели не пересолятъ и поймутъ настоящую соль, то не вижу вреда... Помню за сорокъ лѣтъ тому назадъ, бывшій директоръ Благороднаго Пансіона А. А. Прокоповичъ-Антонскій выводилъ каждое лѣто воспитанниковъ въ лагерь, гдѣ учили и ружью и всѣмъ построеніямъ. Это забавляло и освѣжало дѣтей—и не мѣшало выходить талантамъ во всѣхъ родахъ. Все зависитъ отъ исполненія".

Наконецъ, 8 января 1855 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „В. И. Назимовъ чрезвычайно какъ пріятно принялъ мысль твою, сказать слово о Ломоносовѣ на другой день акта. Онъ этого желаетъ и этому радуется заранѣе. Но писать о томъ письмо къ тебѣ считаетъ неумѣстнымъ. Дѣло Академіи и ея президента назначить тебя депутатомъ. Ты долженъ это устроить съ графомъ Уваровымъ. Не наше дѣло мѣшаться въ дѣла академическія. Ты будешь говорить отъ лица Академіи, о первомъ Русскомъ академикѣ. Ты свяжешь тѣмъ Университетъ съ Академіею — и возстановишь въ ней Русскую стихію—и предвозвѣстишь новую ей эпоху—и тѣмъ удовлетворишь неудовлетворенному до сихъ поръ желанію великой тѣни Ломоносова. А графъ С. С. Уваровъ, давъ тебѣ на то разрѣшеніе, покроетъ многіе Нѣмецкіе грѣшки или блохи (блоха Floh—Нѣмецкаго происхожденія отъ fliehen—убѣгающее животное—въ насъ блохи отъ Нѣмцевъ).—И такъ, все улажено. Я думаю, ты сердитъ на мою послѣднюю записку, что я тебя укорилъ въ нѣкоторомъ сближеніи съ западниками и ихъ противодѣйствіемъ—славянофилами. Не надобно сердиться на правду или по крайней мѣрѣ на мнѣніе, высказанное искренно. Намъ не надобно якшаться ни съ тѣми, ни съ другими. Мы всегда были *особью*. Истины нѣтъ ни тамъ, ни тутъ. Я люблю мнѣнія Ивана Васильевича Кирѣевскаго. Вотъ человѣкъ созрѣвшій и успокоившійся. Съ нимъ надобно совѣтоваться и его можно слушаться во многомъ. Послѣ Гоголя я не нахожу души свѣтлѣе. Онъ какъ-то успокоиваетъ душу и уясняетъ мысль. Хомяковъ только разрушаетъ".

Въ письмѣ своемъ къ Шевыреву Погодинъ писалъ, что

онъ очень встревоженъ извѣстіемъ объ ограниченіи числа студентовъ, и что онъ написалъ объ этомъ особую записку. По поводу этой записки, графиня А. Д. Блудова (10 января 1855) писала Погодину слѣдующее: „На счетъ студентовъ весьма справедливо все, что вы говорите, но батюшка поручилъ мнѣ сказать вамъ, что образъ мыслей *таки измѣнился. Наслѣдникъ просилъ* государя о возвращеніи прежнихъ правилъ на счетъ пріема и ему отвѣчалъ государь, что онъ уже совсѣмъ перемѣнилъ свое мнѣніе на счетъ университетовъ и особенно Московскаго, но что лучше *не вдругъ* возвратиться къ прежнему, и поэтому покуда прибавить по пятидесяти. Я не очень понимаю *почему?* Но вотъ какъ это было“ [251]).

LXI.

Въ день Рождества Христова 1854 года, В. И. Назимовъ писалъ А. С. Норову: „Согласно высочайшему его императорскаго величества соизволенію, Московскій Университетъ празднуетъ, 12 января наступающаго 1855 года, столѣтіе своего существованія. Считаю пріятнѣйшимъ для себя долгомъ, имѣть честь, отъ лица Московскаго Университета, покорнѣйше просить ваше превосходительство удостоить предстоящее торжество Университета вашимъ присутствіемъ“.

Съ высочайшаго соизволенія, 9 января 1855 года, А. С. Норовъ выѣхалъ въ Москву на юбилей Московскаго Университета. Проѣздъ его описалъ намъ, сопровождавшій министра, А. В. Никитенко. „Намъ дали,—писалъ онъ,—особый вагонъ, гдѣ помѣщался также и Я. И. Ростовцовъ. Поѣздъ былъ огромный: масса народу ѣхало на юбилей Московскаго Университета. Предстоящее торжество возбуждало замѣчательное сочувствіе во всѣхъ, кто когда-нибудь и чему-нибудь учился. Съ нами ѣхали депутаты отъ всѣхъ Петербургскихъ ученыхъ сословій и учебныхъ заведеній. Ростовцовъ большинство изъ нихъ созвалъ въ нашъ вагонъ. Тутъ были:

Остроградскій, Шульгинъ, Милютинъ и пр. Ростовцовъ устроилъ настоящій пиръ. Подали завтракъ. Не жалѣли вина. Общество сдѣлалось шумнымъ и веселымъ. Потомъ, играющіе въ карты сѣли за карточные столы, остальные раздѣлились на группы, гдѣ разговоръ затянулся далеко за полночь. И такъ, путешествіе, благодаря Ростовцову, было оживленное. Вагонъ былъ хорошо прибранъ и натопленъ. Въ Москву мы пріѣхали на слѣдующее утро, ровно въ 9 часовъ. На дебаркадерѣ министра встрѣтили: попечитель, ректоръ и деканы Университета. Помѣщеніе намъ отвели въ самомъ зданіи Университета" [252]).

Въ день пріѣзда депутатовъ отъ Академіи Наукъ въ Москву, Шевыревъ (10 января 1855 года) писалъ Погодину: „Завтра, въ 3 часз, академики: Остроградскій, Устряловъ и Коркуновъ, будутъ у графа С. С. Уварова. Еслибы ты къ этому времени побывалъ у него и присоединился бы къ Академіи, какъ ораторъ и изустный ея представитель,—какъ бы это было хорошо!—Какъ всѣ этого желаютъ! Какъ это нужно! Какъ это важно! Тѣнь Ломоносова вопіетъ къ тебѣ. *Я видѣть Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю.* Собраніе будетъ на другой день для выслушанья всѣхъ депутацій. — Завтра, въ 10 часовъ, принимаетъ насъ министръ, или правильнѣе, мы представляемся ему. Теперь ѣду я къ нему для чтенія рѣчи. В. И. Назимовъ отъ тебя ждалъ портрета Ломоносова, который ты же ему обѣщалъ черезъ Полуденскаго. Не знаю, послалъ ли ты его сегодня. Ты молчишь, ничего не отвѣчаешь. Издали говорить трудно. Ѣхать къ тебѣ невозможно. Нѣкогда. Говорятъ, есть грамота. Есть адресъ отъ Географическаго Общества, подписанный великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ".

Не будучи сопричесленъ къ *избранному стаду* академическому, Погодинъ былъ какъ бы обездоленъ или ограниченъ въ своей роли на торжествѣ Университета, которому онъ не мало-таки послужилъ. Само собою разумѣется, письмо Шевырева разверeдило его раны. Свое чувство скорби и негодо-

ванія онъ выразилъ не Шевыреву, а И. И. Давыдову, который только 1-го марта 1855 года собрался отвѣчать ему: „Какъ намъ, пережившимъ столько лѣтъ на одномъ поприщѣ,— писалъ И. И. Давыдовъ,—не знать другъ друга, а слушать коварныя и злобныя сплетни? *Odi profanum vulgus et arceo*— было всегда моимъ девизомъ. Я шелъ по прямой линіи, затыкалъ уши, чтобы не слышать хитросплетеній. Всего себя принесъ я службѣ и пользѣ другихъ; въ этомъ поставлялъ и честь свою, и утѣшеніе. Нагъ пріиде въ міръ сей — нагъ и отъиду.—Вотъ нѣсколько афоризмовъ для того, чтобъ опять настроить душу вашу на прежній ладъ — душу теплую, но только нуждающуюся въ энергіи, легко уступающую вліяніямъ. Вы пишете, что весьма оскорблены были тѣмъ, что васъ не назначали депутатомъ отъ Академіи для университетскаго юбилея... Да развѣ отъ меня зависѣло это назначеніе? Конференція предлагала въ депутацію старшихъ изъ наличныхъ членовъ; но какъ старшіе отказались, то и вызвался М. А. Коркуновъ, на избраніе котораго изъявилъ согласіе министръ и вице-президентъ. Коркунову хотѣлось побывать въ Москвѣ на академическій счетъ—и желаніе его исполнилось. Отдѣленіе же предназначало показать Университету патріарха своего — А. Х. Востокова, какъ другія отдѣленія избрали своихъ знаменитостей: Остроградскаго и Устрялова. Но Востоковъ, по болѣзни, не могъ принять этого предложенія... Гдѣ же тутъ вина съ моей стороны?.. Напротивъ, я надѣялся получить отъ всѣхъ спасибо. Востоковъ награжденъ по моему ходатайству, не смотря на препятствіе еще за Румянцовскій Музеумъ. При этомъ случаѣ и вы не были забыты, какъ достойный труженикъ Науки... Но, при нынѣшнихъ глубокогрустныхъ обстоятельствахъ, отложимъ всѣ мелочныя наши разсчеты... Вспомнимъ, что̀ мы видимъ, что̀ мы дѣлаемъ?.. Боже великій! Кого мы погребаемъ“!..

Въ другомъ своемъ письмѣ И. И. Давыдовъ писалъ: „Письмо ваше, отъ 31 марта, получилъ я лишь только 25-го апрѣля, и немедленно вамъ отвѣчаю. Такая переписка при

желѣзной дорогѣ невѣроятна. Хорошъ вашъ коммиссіонеръ! Этому Ивану Гавриловичу указалъ я на способъ, которымъ онъ можетъ быть полезнымъ дѣятелемъ для Академіи; но просилъ, чтобъ не былъ такимъ Фабіемъ, какимъ узналъ я его по вашему письму... Графъ С. С. Уваровъ зоветъ въ Порѣчье. Вы сѣтовали, что Отдѣленіе не назначило васъ депутатомъ на 12 января; а Отдѣленіе на васъ сѣтуетъ... Вы, будучи сами академикомъ, не принимаете никакого участія въ трудахъ Академіи, даже въ *Москвитянинѣ* не обращаете на нихъ вниманія вашихъ читателей. Вотъ нашъ недугъ: никогда не порадуемся добру отечественному. Такъ ли поступаютъ Нѣмцы? Посмотрите, какъ они крѣпко держатся рука за руку. Ратую всю жизнь за честь и пользу Русскую, но начинаю чувствовать, что одинъ въ полѣ не воинъ. Зависть, злоба, коварство на каждомъ шагу. Въ послѣдней книжкѣ *Современника*, въ статьѣ объ Исторіи Московскаго Университета и Біографій профессоровъ, нѣтъ даже имени моего между профессорами—тамъ, гдѣ выставлены: Надеждинъ, Кавелинъ, Соловьевъ, Швейцеръ и другіе! И грустно, и смѣшно".

Между тѣмъ, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ директора Императорской Публичной Библіотеки барона М. А. Корфа: „Спѣшу, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, принести вамъ усерднѣйшую благодарность за новые дары нашему Книгохранилищу. По истинѣ, вы не только почетный, но и самый дѣйствительный, самый щедрый членъ его! Семейныя, еще болѣе нежели служебныя обстоятельства, приковываютъ меня неотлучно къ дому, не позволили мнѣ явиться на Московскій или, правильнѣе, обще-Русскій праздникъ; о чемъ я скорблю сердечно. Вмѣсто себя я послалъ двухъ своихъ депутатовъ—Бычкова и Коссовича—которые, вѣрно, оба къ вамъ явятся съ усерднымъ моимъ поклономъ, если только вамъ и имъ будетъ досужная минута между празднествами. Въ ихъ рукахъ, впредь до присылки вамъ своего экземпляра, вы увидите и посильное наше приношеніе, которому, какъ всякій отецъ своимъ дѣтямъ, желаю радушнаго пріема. Библіотекѣ, какъ *только* пособницѣ

Науки, разумѣется, трудно было угоняться за учеными нашими сословіями и дары ихъ, конечно, будутъ важнѣе и изящнѣе; но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, лишь бы не накликаться намъ нашимъ приношеніемъ на извѣстную поговорку: *Куда конь съ копытомъ* и пр. Благоволите, впрочемъ, обратить вниманіе ваше и на нашъ адресъ. Я самъ не ожидалъ, чтобы у насъ могло выдти что-нибудь столь изящное въ художественномъ отношеніи; что же касается до стилистики, то не взыщите: мнѣ казалось, что этотъ лапидарный слогъ и эти Латинскія мысли, выраженныя Русскими словами, болѣе всего приличествуютъ настоящему дидакто-педагогическому торжеству. Спѣшу кончить не отъ недостатка матерій, а отъ недостатка у васъ теперь времени на что-нибудъ другое, кромѣ этого торжества. Вы не отвергнете, однако, смѣю надѣяться, и посреди всѣхъ его обаяній, выраженія чувствъ искренняго моего уваженія и всегдашней преданности. Письмо ваше, хотя оно отъ 5-го числа, я получилъ только вчера, 10-го, черезъ полчаса послѣ отъѣзда моихъ депутатовъ, и затѣмъ поневолѣ обращаюсь къ почтѣ“.

Письмо это то же не могло особенно обрадовать Погодина, какъ и послѣдующее (11 января 1855 года) отъ Шевырева: „Еще измѣненіе. Вчера, въ 12-ть часовъ, воротился я отъ министра и не успѣлъ къ тебѣ написать. Засѣданія на другой день не будетъ. Адреса выслушиваются всѣ на актѣ—и съ этого онъ начнется. Порядокъ еще не назначенъ. Рѣчью объ Ломоносовѣ ты бы долженъ заключить адресы—или сказать ее подъ конецъ. Повидайся съ министромъ. Всего лучше пріѣзжай ко всенощной, въ 7 часовъ, а послѣ всенощной заѣзжай къ нему. Пріѣхало шестьдесятъ депутатовъ. Собраніе будетъ великолѣпное и поздравленія торжественныя. Сегодня въ 10 пріемъ у министра. На счетъ билетовъ такая конкуренція, что я не знаю какъ быть“.

Наканунѣ торжества, т.-е. 11 января 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Всенощная. Вечеръ у Норова. Читалъ рѣчь, которая произвела дѣйствіе. По утру у Уварова съ депутатами. Писалъ и читалъ о Ломоносовѣ. Извѣстіе отъ

Шевырева, чтобы произносить завтра. Не успѣлъ сказать многаго“.

Но въ программѣ торжества, высочайше утвержденной, о рѣчи Погодина не было и помину.

Какъ бы то ни было, къ юбилейному дню Погодинъ принесъ въ храмъ святыя мученицы Татіаны многоцѣнный даръ, при слѣдующемъ письмѣ: „Имѣю счастіе принести Московскому Университету, къ торжеству его столѣтія, частицу отъ руки св. Кирилла, Славянскаго Апостола, изобрѣтателя нашей Грамоты, основателя Словесности. Какое мѣсто для нея достойнѣе Московскаго Университета, оказавшаго такія заслуги Отечественному Слову! Драгоцѣнная частица отдѣлена была для меня, въ 1835 году, въ Прагѣ, отъ кости, хранящейся въ тамошнемъ соборѣ, каноникомъ Пешиною, который въ свидѣтельство приложилъ къ ней свои подпись и печать“ [253]).

LXII.

Наступилъ самый день торжества, 12-е января 1855 года.

Въ 10 часовъ утра, сановники, депутаты, профессора и студенты прибыли въ университетскій храмъ во имя святыя мученицы Татіаны. Богослуженіе совершалъ высокопреосвященный Филаретъ и произнесъ слово, въ которомъ раскрылъ присущую человѣческому духу потребность истины, и указалъ возможность полнѣйшаго удовлетворенія сей великой потребности. „Обитель высшихъ ученій—началъ владыка свое слово—празднуетъ нынѣ день своего рожденія, и притомъ съ особенною торжественностію; потому что это сотый день ея рожденія... Мнѣ должно предъ нею быть въ томъ положеніи, въ которое меня поставили преемники учениковъ Учителя рыбарей и скинотворцевъ, *избравшаго буяя міра, да премудрыя посрамитъ* (1 *Кор*. I, 27). Отсюда смотрю, какъ начинаетъ свой праздникъ обитель высшихъ ученій: и что вижу? — Съ благоговѣніемъ приводитъ она и наставниковъ и наставляемыхъ предъ лице Учителя... Взирая на сіе съ утѣшеніемъ,

и призывая свыше умамъ и сердцамъ наставниковъ и наставляемыхъ внутренно озаряющій свѣтъ Христовъ"... Владыка продолжалъ: „Исторгните солнце изъ міра: что будетъ съ міромъ? Исторгните сердце изъ тѣла: что будетъ съ тѣломъ? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божію и Христову изъ человѣчества: съ нимъ будетъ тоже, что съ тѣломъ безъ сердца, что съ міромъ безъ солнца". Послѣ этихъ словъ Витія обратился къ каждому изъ факультетовъ Университета съ такими словами:

„Но я по призванію любомудръ и естествоиспытатель: какое же должно быть мое отношеніе къ истинѣ Откровенія?—Не мечтай, что ты можешь создать мудрость; но помышляй лучше, что мудрость можетъ прійдти и пересоздать тебя: и когда, съ Соломономъ, найдешь, что *во множествѣ мудрости множество досады* и только *крушеніе духа* (*Еккл.* I, 17—18), тогда не стыдись и не медли исповѣдать, и твоему естественному любомудрію призвать на помощь Того, въ *Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (*Кол.* II, 3), *Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе* (1 *Кор.* I, 30).

Я изъискатель истины бытописаній человѣческихъ: чѣмъ долженъ я Истинѣ Божіей? — Не попусти себѣ тупымъ взоромъ видѣть въ бытіяхъ человѣчества только нестройную игру случаевъ и борьбу страстей, или слѣпую судьбу; изощри твое око, и примѣчай слѣды Провидѣнія Божія, премудраго, благаго и праведнаго. Остерегись, чтобы не впасть въ языческое баснословіе, довѣрчиво слѣдуя тѣмъ, которые въ глубинѣ древности міра указываютъ, такъ названныя ими, *доисторическія времена*. У язычниковъ басня поглотила истину древнихъ событій: мы имѣемъ истинную книгу *Бытія*, въ которой нить бытія человѣческаго начинается отъ Бога и перваго человѣка, и не прерывается, доколѣ наконецъ входитъ въ широкую ткань разнородныхъ преданій и бытописаній.

Я изслѣдователь звѣздъ, планетъ и ихъ законовъ: чего требуетъ отъ меня Истина Божія? — Ты очень искусно воз-

высилъ проницательность своего зрѣнія, чтобы видѣть въ небесахъ невидимое простому оку: потщись возвысить также искусно проницательность твоего слуха, чтобы ты могъ ясно слышать, и возвѣстить другимъ, какъ *небеса повѣдаютъ славу Божію.* Указую тебѣ для примѣра на одного изъ подвижниковъ твоего поприща. Когда онъ усмотрѣлъ, что одна, долго наблюдаемая звѣзда, въ продолженіе наблюденій, перемѣнила свой среброцвидный свѣтъ въ видѣ раскаленнаго угля, и потомъ исчезла: онъ заключилъ, что съ нею совершилось подобное тому, что предречено о нашей землѣ: *земля, и яже на ней дѣла, сгорятъ* (2 *Петр.* III, 10); и потому сказалъ: слава Богу! Предъ нашими глазами новое свидѣтельство того, что міру предстоитъ конецъ; что слѣдственно онъ имѣлъ начало; что есть Богъ Творецъ міра и владыко судебъ его.

Я любитель и воздѣлыватель изящнаго слова: долженъ ли и я свободу и красоту слова поработить строгости высшей Истины?—Разсуди, велико ли будетъ достоинство твоего дѣла, если красивые цвѣты твоего слова окажутся безплоднымъ пустоцвѣтомъ? Не лучше ли, чтобы въ нихъ скрыто было плодотворное сѣмя назидательной истины, и чтобы они издавали благоуханіе нравственной чистоты?

Всѣ мы, — продолжалъ Владыко, — Христіане, и любомудрствующіе, и въ простотѣ смиренномудрствующіе, да не забываемъ никогда, что Христосъ есть не только *истина*, но и *жизнь*"...

Слово свое Владыко заключилъ: „Теки же царскимъ путемъ, царская обитель знаній, отъ твоего перваго вѣка въ твой вторый вѣкъ... Не прикрывай лестію неразлучныхъ съ дѣлами человѣческими несовершенствъ... Распространяй не поверхностное образованіе, но просвѣщеніе, проникающее отъ ума до сердца... Подвизайся образовать подвижниковъ истины и правды, вѣры и вѣрности Богу, Царю и Отечеству, которые бы жили истиною и правдою, и готовы были за нихъ пожертвовать жизнію. Ибо истина, когда за нее умираютъ, бываетъ особенно животворна. Аминь".

Въ семъ богослуженіи участвовалъ архимандритъ Можайскаго Лужецкаго монастыря Паисій, бывшій студентъ Московскаго Университета Медицинскаго Факультета 1824 года.

Въ 7 часовъ по полудни, открылось торжественное собраніе Университета... При всей многочисленности посѣтителей глубокая тишина мгновенно воцарилась въ залѣ, когда министръ Народнаго Просвѣщенія, поднявшись съ мѣста, открылъ торжество. Выступивъ впередъ, онъ поздравилъ Московскій Университетъ съ совершившимся столѣтіемъ и прочиталъ во всеуслышаніе слѣдующую высочайшую грамоту:

„Нашему Императорскому Московскому Университету.

Московскій Университетъ, основанный въ Бозѣ почивающею императрицею Елисаветою Петровною, въ 1755 году, нынѣ достигъ столѣтія своего существованія. Онъ ознаменовалъ себя многими важными услугами Отечественному Просвѣщенію. Имя Московскаго Университета тѣсно связано со всѣмъ, что составляетъ умственное достояніе Россіи. Вмѣстѣ съ учеными подвигами онъ не переставалъ неутомимо дѣйствовать въ кругу благого воспитанія юношества; онъ пріуготовилъ многихъ полезныхъ и достойныхъ дѣятелей по всѣмъ отраслямъ государственной службы и образовалъ отличныхъ писателей и ученыхъ, принесшихъ честь Россіи своими дарованіями и трудами. Обращая вниманіе на столь существенныя заслуги Московскаго Университета, мы въ торжественный день празднованія столѣтія его общеполезной жизни, въ особенное удовольствіе себѣ вмѣняемъ изъявить ученому сословію онаго наше монаршее благоволеніе и признательность, въ полномъ убѣжденіи, что напутствуемое памятью своего прошедшаго и постоянно проникнутое чувствомъ своихъ высокихъ обязанностей, оно найдетъ въ себѣ новыя силы совершать свое призваніе съ достоинствомъ и честію, равнымъ нашимъ ожиданіямъ и попеченіямъ о немъ. Мы увѣрены, что съ помощью Верховнаго Подателя всякой умственной силы и мудрости, Московскій Университетъ всегда и въ грядущія столѣтія будетъ

процвѣтать въ истинѣ благихъ поученій между первенствующими разсадниками Русскаго Православнаго Просвѣщенія, къ славѣ и пользѣ нашей возлюбленной Россіи".

На подлинной грамотѣ собственною его императорскаго величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ.

Въ Гатчинѣ, декабря 20 дня, 1854 года".

По свидѣтельству очевидцевъ, „слезы глубочайшаго умиленія, слезы радости и восторга, блистали во взорахъ присутствовавшихъ; тысячегласное ура! долго не умолкало подъ сводами залы и дружно сливалось съ громомъ нашего народнаго гимна".

По прочтеніи грамоты, министръ передалъ ее ректору Университета, на вѣчное храненіе. За тѣмъ министръ прочиталъ данный на имя его рескриптъ отъ государя-наслѣдника о принятіи имъ званія почетнаго члена Московскаго Университета.

Начальникъ Главнаго Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній І. И. Ростовцевъ принесъ Университету поздравленіе отъ имени государя-наслѣдника. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа В. И Назимовъ прочиталъ данные на его имя поздравительные рескрипты: великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Маріи Николаевны [254]).

„Грамота государя Университету,—свидѣтельствуетъ Никитенко, — произвела большой эффектъ. Всѣ утверждаютъ, что писалъ я. Разумѣется, я вездѣ стараюсь увѣрить въ противномъ; просилъ Каткова и Шевырева поддерживать мое отрицаніе. По крайней мѣрѣ, не говорили бы во всеуслышаніе, иначе это можетъ еще обострить мои отношенія съ Министерствомъ и быть непріятно А. С. Норову" [255]).

По прочтеніи высочайшей грамоты, стали выходить передъ собраніе съ поздравительными адресами депутаты въ слѣдующемъ порядкѣ: Отъ Московской Духовной Академіи: ректоръ Семинаріи архимандритъ Леонидъ *) и профессоръ

*) Впослѣдствіи епископъ Дмитровскій, викарій Московской митрополіи, умершій въ санѣ архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго. *Н. Б.*

А. В. Горскій. Отъ С.-Петербургской Духовной Академіи: архимандритъ Іоаннъ *) и профессоръ В. Н. Карповъ. Отъ Академіи Наукъ: М. В. Остроградскій, Н. Г. Устряловъ, М. А. Коркуновъ. Отъ Военной Академіи: Д. А. Милютинъ, А. П. Карцевъ и П. С Лебедевъ. Отъ Морского Кадетскаго Корпуса: А. Ил. Зеленой и Ив. И. Кузнецовъ. Отъ Медико-Хирургической Академіи: Ив. П. Заблоцкій-Десятовскій и Е. И. Пеликанъ. Отъ Казанскаго Университета: А. Ѳ. Поповъ и И. К. Бабстъ. Отъ Харьковскаго Университета: А. О. Валицкій и В. И Лапшинъ. Отъ Гельсингфорскаго Университета: профессора Сигніусъ и Гейтлинъ. Отъ Александровскаго Лицея: И. П. Шульгинъ и Я. К. Гротъ. Отъ Публичной Библіотеки: А. Ѳ. Бычковъ и К. А. Коссовичъ. Отъ С.-Петербургскаго Университета: А. В. Никитенко, Я. И. Баршевъ, П. Л. Чебышевъ. Отъ Педагогическаго Института: А. А. Воскресенскій и Н. М. Благовѣщенскій. Отъ Университета Св. Владиміра: В. А. Караваевъ. Отъ Училища Правовѣдѣнія: А. П. Языковъ и П. Д. Калмыковъ. Отъ Демидовскаго Лицея: А. Е. Львовъ и А. Ф. Головачевъ. Отъ Ришельевскаго Лицея: А. В. Лохвицкій и С. В. Ешевскій. Отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Н. О. Эминъ и А. З. Зиновьевъ. Отъ С.-Петербургскаго Коммерческаго Училища: М. П. Носковъ. Отъ Григорѣцкаго Земледѣльческаго Института: А. А. Войнакуринскій. Отъ Русскаго Географическаго Общества: А. И. Левшинъ. Отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ: А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Отъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства: С. А. Масловъ.

Непосредственно за поздравительными адресами депутацій, ректоръ Университета А. А. Альфонскій прочелъ записку о дѣйствіяхъ Университетскаго начальства и объ ученыхъ трудахъ членовъ Университета.

По прочтеніи этой записки, С. П. Шевыревъ произнесъ

*) Умершій въ санѣ архіепископа Смоленскаго. *Н. Б.*

рѣчь, въ которой съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ изложилъ *Обозрѣніе столѣтняго существованія Московскаго Университета*, яркими чертами характеризовалъ его великое значеніе, и заключилъ ее такими словами: „Голосомъ любви и щедрой милости къ намъ возлюбленнаго нашего монарха, услышаннымъ нами изъ устъ исполнителя его державной воли въ дѣлѣ народнаго Просвѣщенія, открылось наше столѣтнее торжество. Со слезами радостнаго умиленія, благоговѣйно — мы вложили въ сердца наши царское къ намъ слово. Единодушный взрывъ восторга былъ на него отвѣтомъ. Государь наслѣдникъ-цесаревичъ благоволилъ прислать намъ съ своимъ уполномоченнымъ милостивое свое поздравленіе и принятіемъ званія почетнаго члена самъ изволилъ вступить въ ученое сословіе наше. Генералъ-адмиралъ государь великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Марія Николаевна удостоили насъ своими радостными поздравленіями..... Просимъ благодушныхъ вѣстниковъ любви къ намъ монарха и августѣйшихъ дѣтей его повергнуть благоговѣйныя чувства неизмѣнной преданности Московскаго Университета къ стопамъ его императорскаго величества и его августѣйшаго дома, а самихъ вѣстниковъ—принять чувства нашего искренняго благодаренія“.

Затѣмъ, Шевыревъ обратился къ депутатамъ съ такими словами: „Господа депутаты! — Много прекрасныхъ вѣнцовъ возложили вы сегодня на маститое столѣтнее чело Московскаго Университета. Они сіяютъ на немъ именами славныхъ учрежденій, принесшихъ столько добра и пользы Отечеству. Просимъ васъ, господа депутаты, быть предъ лицомъ сословій, васъ избравшихъ, вѣстниками нашей къ нимъ единодушной благодарности, и каждаго изъ васъ лично принять признательное привѣтствіе наше во имя любви къ Наукѣ и Отечественному Просвѣщенію“.

Въ оффиціальномъ Описаніи Юбилея сказано: „Къ истинному сожалѣнію, по недостатку времени, не могла быть произнесена рѣчь С. М. Соловьева: *Благодарное Воспомина-*

ніе о И. И. Шуваловѣ, исполненная высокихъ достоинствъ и проникнутая глубокимъ нравственнымъ сознаніемъ. Но раздававшіеся посѣтителямъ отпечатанные оттиски рѣчи, назначенной для прочтенія въ торжественномъ собраніи, выполнили этотъ случайный пробѣлъ и дали посѣтителямъ возможность тутъ же отчасти познакомиться съ рѣчью профессора [256])".

Самъ же профессоръ Соловьевъ вотъ что писалъ объ этомъ: „Моя рѣчь о Шуваловѣ не была произнесена на актѣ. Шевыревъ истомилъ публику своею рѣчью, очень длинною; давка и духота были невыносимыя; профессора должны были стоять около каѳедры, сѣсть было негдѣ. А тутъ Норовъ безпрестанно вызываетъ меня къ себѣ, прося, чтобы я что-нибудь сократилъ въ своей рѣчи. Я исчеркалъ весь свой экземпляръ карандашемъ, отмѣчая, что выкинуть. Наконецъ Норовъ вызываетъ меня и объявляетъ, что рѣчь вовсе не можетъ быть произнесена по недостатку времени и истомленію публики" [257]).

Актъ заключился стихами, сочиненными для торжества С. П. Шевыревымъ. Торжественное собраніе окончилось въ 11-ть часовъ вечера. Зданіе Университета было великолѣпно иллюминовано.

Въ этотъ день Московскій Университетъ избралъ въ свои почетные члены слѣдующихъ особъ: архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго Филарета, ректора С.-Петербургской Духовной Академіи епископа Винницкаго Макарія *), князя Сергѣя Ивановича Гагарина, Ѳедора Петровича Лубяновскаго, графа Льва Алексѣевича Перовскаго, барона Модеста Андреевича Корфа, Василія Алексѣевича Перовскаго, Сергѣя Павловича Шипова, Павла Николаевича Игнатьева, Іакова Ивановича Ростовцева, Михаила Николаевича Муравьева, Петра Ѳедоровича Брокъ, Михаила Антоновича Маркуса, Николая Ѳедоровича Арендта, Мартына Мартыно-

---

*) Скончавшагося въ санѣ митрополита Московскаго. *Н. Б.*

вича Мандта, Венцеслава Венцеславича Пеликана, Александра Георгіевича Аверкіева, Александра Христофоровича Востокова, Петра Александровича Плетнева, Ивана Михайловича Симонова, Степана Алексѣевича Маслова, Николая Ивановича Лобачевскаго, Ивана Васильевича Енохина, Михаила Вильгельмовича Рихтера, Князя Михаила Андреевича Оболенскаго, Николая Ивановича Пирогова, Константина Алексѣевича Неволина, Петра Илларіоновича Страхова, Христофора Григорьевича Бунге и Николая Ивановича Елинскаго.

Въ тотъ же день Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдня въ Университетѣ. Думалъ о томъ и другомъ. Умиленіе. Богослуженіе. Острота. Перечелъ и исправилъ рѣчь. Актъ. Безпорядокъ. Грамота, адреса. Восторгъ. Не достало времени. Жаль.“

LXIII.

На другой день, 13 января, Московскій Университетъ открылъ свои залы для пиршества. Университетское начальство устроило великолѣпный обѣденный столъ на пятьсотъ особъ. Во главѣ хозяевъ пира былъ самъ министръ Народнаго Просвѣщенія. Гости съѣхались къ 4 часамъ. Главный начальникъ столицы графъ А. А. Закревскій, князь А. И. Горчаковъ, С. П. Шиповъ, І. И. Ростовцевъ, депутаты и многіе другіе присутствовали на этомъ пирѣ.

Погодинъ, также участвовавшій въ юбилейной трапезѣ, записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Обѣдъ въ Университетѣ великолѣпный. Увидѣлся со множествомъ студентовъ“.

На третій день столѣтняго праздника Московскаго Университета, 14 января, была въ старомъ его домѣ семейная университетская трапеза, по желанію самого министра, который хотѣлъ отобѣдать съ своими. Министръ, встрѣченный студентами, обошелъ всѣ столы ихъ и объявилъ имъ, что государь, въ случаѣ надобности, всегда найдетъ и въ мирныхъ питомцахъ наукъ храбрыхъ офицеровъ, готовыхъ стать

въ ряды его побѣдоноснаго воинства ..... Единогласный восторгъ прерывалъ рѣчь министра. Сѣли за столъ. Воинственная музыка, иногда съ барабаннымъ боемъ, оглашала пиръ. Когда всѣ подняли бокалы за здоровье посланника царской милости и съ громкимъ привѣтствіемъ окружили его профессора и студенты, С. П. Шевыревъ, обратившись къ министру, сказалъ: „Ваше высокопревосходительство! Добрый нашъ начальникъ! Когда, въ священную брань 12-го года, лежали вы съ оторванной ногой на полѣ Бородинскомъ,—думали ли вы, что Провидѣніе съ поля брани приведетъ васъ на мирное поле Науки и Просвѣщенія? Когда вы совершали ваши ученыя и духовныя странствія по Египту и Нубіи, по священнымъ мѣстамъ Палестины, къ семи церквамъ апокалипсическимъ, думали ли вы, что собираете духовныя силы на святое служеніе Просвѣщенію вашего Отечества? Богъ наградилъ васъ за Бородинскую рану, за ваше доброе сердце, за ваши искреннія набожныя странствія, и привелъ васъ стать во главѣ Русскаго Просвѣщенія, въ такую важную минуту Отечества, когда намъ угрожаетъ другая священная война, можетъ быть еще болѣе ужасная и истребительная, чѣмъ война 12-го года. Въ событіяхъ настоящихъ есть много знаменій дивныхъ: думаю, что не даромъ, въ такое время и въ день столѣтняго торжества Московскаго Университета, въ министрѣ Народнаго Просвѣщенія видится намъ инвалидъ Бородинской битвы“.

Здѣсь, говорившій прерванъ былъ словами министра: „Позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ: въ жизни моей были только двѣ полныя счастливыя минуты: первая — когда подъ Бородинымъ я пролилъ кровь за царя и Отечество, вторая,—эта.“

Профессоръ продолжалъ: „Вчера вы принесли намъ сюда грамоту любви и милости царской; на этомъ самомъ мѣстѣ громко возвѣстили вы ее всѣмъ, благоговѣйно внимавшимъ; каждое слово ея коснулось нашего слуха, каждое слово ударило въ сердце“.

Новый взрывъ восторга подтвердилъ истину этихъ словъ.

Профессоръ продолжалъ: „Увѣрьте государя,—мы стоимъ передъ его священнымъ ликомъ, — (всѣ обратились къ портрету), что, когда ему будетъ угодно, не только это юношество, цвѣтущее и прекрасное, котораго чистый, искренній восторгъ вы слышите и видите теперь, будетъ готово идти по его зову, мы бросимъ перья и пойдемъ съ ними.“

Послѣ этихъ словъ произошла трогательная сцена, и какъ повѣствуютъ очевидцы, „министръ принималъ въ свои сердечныя объятія нашихъ пламенныхъ юношей, которые съ радостными слезами и рыданіями бросались къ нему и почтительно преклонялись на его любящую грудь. Онъ плакалъ, крестился; всѣ плакали и крестились вмѣстѣ съ нимъ“.

Когда успокоилось всеобщее волненіе чувства и всѣ студенты, по голосу ректора и профессоровъ, сѣли на мѣста, профессоръ Шевыревъ докончилъ слово свое министру: „Да, увѣрьте государя, что, кромѣ этой будущей молодой арміи, въ насъ ему готова армія духовная, снаряженная его же монаршими заботами объ Университетѣ, воинство мыслящее, которое съумѣетъ постоять противъ Запада за святыя начала нашего Отечества.“

Начальники Университета и профессоры весьма благоразумно отказались отъ своихъ тостовъ, чтобы успокоить порывы восторженнаго чувства юношескаго. Но студенты сами послѣ обѣда привѣтствовали каждаго изъ нихъ. Любимый сердцами ихъ начальникъ-попечитель былъ предметомъ ихъ живого къ нему стремленія и громкихъ восклицаній любви и восторга [258]).

Передъ отбытіемъ министра, Погодинъ сказалъ: „Настоящія минуты драгоцѣнны. Много въ нихъ поэзіи — но онѣ принадлежатъ Исторіи: въ чувствахъ и выраженіяхъ этихъ минутъ — залоги и сѣмена тѣхъ дѣлъ, коими наши братья защищаютъ четыре мѣсяца Севастополь отъ грозныхъ силъ и адскихъ изобрѣтеній всей Европы. Достойный министръ засвидѣтельствуетъ государю нашу неограниченную пре-

данность своему священному долгу. Краснорѣчивый профессоръ сказалъ правду, что не только вы, молодые люди, — мы, старики, готовы идти вслѣдъ за вами, когди царь скажетъ свое послѣднее слово, когда потребуетъ нужда. Пока она еще не наступила, позвольте мнѣ обратить къ вамъ мирное слово. Старый студентъ, вашъ товарищъ, хотѣлъ я прежде всего пожелать вамъ, молодые, любезные, хоть и незнакомые мнѣ друзья, встрѣтить новое столѣтіе Университета въ полномъ удовольствіи и радости. Теперь — желать мнѣ этого не нужно. Больше радости и удовольствія не бываетъ, сколько вы испытали въ эти минуты. Я долженъ пожелать вамъ только на слѣдующее время ученія и труда — *подвигомъ добрымъ подвизатися*, и поддержать чистую славу нашего святилища, которому, вы слышали, какую честь воздалъ самъ царь и его дѣти, которому все Отечество сочло священнымъ долгомъ выразить, посредствомъ достойныхъ представителей своихъ, чувства глубочайшаго уваженія. Московскій Университетъ пользуется въ Россіи особенною любовію.... Всѣ почитаютъ его своимъ роднымъ. Воспитанники искони питаютъ къ нему совершенную преданность. Я видѣлъ стариковъ, которые, почти на одрѣ смерти, оживлялись воспоминаніемъ о годахъ, проведенныхъ ими въ Университетѣ. Нынѣ собрались старые студенты со всѣхъ концовъ Россіи, чтобъ только провести юбилейный день въ стѣнахъ Университета. Во многихъ городахъ, слышно, учреждены особыя празднества: въ Кіевѣ и Одессѣ, Казани и Петербургѣ. Во Владимірѣ оказалось двадцать девять воспитанниковъ Московскаго Университета, которые соорудили крестъ и прислали его въ даръ, на память, въ нашу церковь. Желаю вамъ, друзья мои, воспитать въ своихъ сердцахъ тѣ же благодарныя чувствованія, желаю вамъ обогатиться, въ продолженіе вашего курса, благими впечатлѣніями на всю жизнь, и совершить ее достойно, поминая начальниковъ и наставниковъ вашихъ, въ духѣ преданности царю, престолу и Отечеству. Да здравствуютъ студенты Московскаго Университета“ [259])!

Министръ, оставляя семейный пиръ, сказалъ: „Отъ души благодарю начальниковъ и профессоровъ Университета за воспитаніе такихъ благородныхъ юношей. Третьею счастливою минутою въ моей жизни будетъ та, когда я всеподданѣйше донесу государю о томъ, что я здѣсь видѣлъ и слышалъ".

14-го же числа, послѣ семейнаго пиршества, описаннаго выше, Попечитель Московскаго Учебнаго Округа В. И. Назимовъ далъ въ своемъ домѣ вечеръ для гостей, прибывшихъ въ Москву къ университетскому торжеству и для членовъ Университета, между которыми находились и студенты. Вечеръ этотъ отличался общимъ одушевленіемъ и совершенною непринужденностію, всѣмъ было весело, всѣ передавали другъ другу свѣжія впечатлѣнія прекраснаго торжества. Радушный хозяинъ и хозяйка успѣвали привѣтствовать каждаго гостя. По желанію министра, студентъ Чернышевъ произнесъ еще разъ съ одушевленіемъ и силою стихотвореніе С. П. Шевырева, читанное во время акта.

Этимъ днемъ Погодинъ остался очень доволенъ и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Университетскій студенческій обѣдъ. Написалъ, сказать нѣсколько словъ студентамъ. Въ Оружейную Палату для справокъ Норову. Назимовъ пригласилъ обѣдать къ студентамъ. Съ Шульгинымъ. Обѣдъ прекрасный. Шевыревъ отличился. Восторгъ... Минуты одушевленія. Говорить было некогда. Вечеръ у Назимова пріятный".

На другой день, 15 января, всѣ депутаты и члены Университета были приглашены графомъ А. А. Закревскимъ на обѣдъ. Съ привѣтливою улыбкою встрѣчалъ хозиинъ своихъ гостей. „Вы можете радоваться полною радостью,—сказалъ онъ, между прочимъ, принимая членовъ Университета. За обѣдомъ, когда министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ тостъ за здоровье графа Арсенія Андреевича, С. П. Шевыревъ произнесъ, отъ лица Университета, слѣдующее привѣтствіе достойному хозяину: „Маститый и доблестный градоначальникъ нашей древней Москвы! Много славныхъ событій вы зрѣли на своемъ вѣку. Вы носите ихъ на груди

своей, украшенной звѣздами государственныхъ заслугъ вашихъ. Вы особенно любите одно изъ нихъ, громкое для имени Русскаго: давно ли Москва праздновала у васъ сороколѣтіе взятія Парижа? Вы повторяете ежегодно этотъ праздникъ съ любезными вамъ инвалидами. Въ нашей Москвѣ вы вполнѣ возчувствовали всю радость нашего ученаго празднества и пригласили насъ на этотъ прекрасный пиръ, устроенный вашимъ гостепріимствомъ. Примите отъ нашихъ Русскихъ сердцъ наше Русское спасибо и засвидѣтельствуйте государю, что мы, не увлекаясь успѣхами нашего торжества, за его царскія къ намъ милости, еще строже возчувствуемъ всю силу обязанностей, на насъ лежащихъ, для исполненія его священной воли".

Единодушныя восклицанія присутствовавшихъ доказали, что слова эти были выраженіемъ общихъ чувствованій.

Прощаясь съ депутатомъ Гельсингфорскаго Университета, докторомъ Богословія Гейтманомъ, графъ Арсеній Андреевичъ сказалъ, что съ особеннымъ удовольствіемъ воспоминаетъ о времени, проведенномъ въ Финляндіи и любитъ Финляндцевъ за ихъ благородныя свойства [260]).

Въ числѣ почетныхъ гостей на обѣдѣ у генералъ-губернатора былъ и митрополитъ Московскій Филаретъ, который писалъ А. Н. Муравьеву: „При полученіи письма вашего я былъ на пути къ генералъ-губернатору, на ученый обѣдъ, отъ котораго усталъ на сутки, подобно, какъ и прежде отъ университетскаго акта" [261]).

Погодинъ же въ своемъ *Дневникѣ* записалъ: „Обѣдъ у Закревскаго. Съ Казначеевымъ, Верестовскимъ. Смѣялся. Съ Милютинымъ Закревскій ласковъ".

LXIV.

Юбилей Университета необыкновенно оживилъ Москву. Она наполнилась пріѣхавшими съ разныхъ сторонъ гостями, большею частію воспитанниками Университета. Всѣ гостин-

ницы были заняты пріѣзжими, и множество отдѣльныхъ дружескихъ и семейныхъ пированій происходило въ честь Университета [262]).

Еще наканунѣ юбилея, Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ Погодину: „Завтра утромъ у меня собирается малое стадо,—старые воспитанники Университета, для семейнаго празднованія юбилея. Отъ себя и отъ лица всѣхъ убѣдительно прошу васъ пріѣхать. Какъ бы поздно ни кончился актъ, вы все-таки не опоздаете“ [263]).

Но актъ кончился только въ 11 часовъ вечера, и Погодинъ оттуда, т.-е. около полуночи, отправился на вечеръ къ Самарину, и не раскаивался. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ записалъ: „Вечеръ у Самарина. Воспоминанія студентовъ. Отзывъ обо мнѣ. Прочелъ имъ рѣчь. Пріятныя минуты“.

Многіе профессора Университета спѣшили пользоваться кратковременнымъ пребываніемъ въ Москвѣ своихъ собратій по Наукѣ, и давали для нихъ вечера и обѣды. Такъ, у профессора П. М. Леонтьева былъ вечеръ 13-го числа, на которомъ дружески встрѣтились представители почти всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Радушный хозяинъ раздалъ своимъ гостямъ по экземпляру четвертаго тома *Пропилеевъ.*

У профессора Т. Н. Грановскаго также и не разъ, собирались многіе изъ дорогихъ гостей Университета [264]), и одинъ изъ нихъ, а именно А. В. Никитенко, записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Мнѣ всѣхъ больше по душѣ пришелся Грановскій. Это человѣкъ высокаго таланта и благородныхъ чувствъ. Онъ вполнѣ очеловѣченъ Наукою. Въ немъ какая-то классическая правота и благородство. Не менѣе уменъ, талантливъ Катковъ, но Грановскій ближе моему сердцу“ [265]).

Въ воскресенье, у М. П. Погодина былъ бальный вечеръ для студентовъ и дружескій пиръ для профессоровъ. Молодость танцовала, а профессоры и депутаты бесѣдовали. Передъ ужиномъ, по всеобщей просьбѣ, академикъ-хозяинъ прочелъ гостямъ своимъ рѣчь свою о Ломоносовѣ, которая была приготовлена имъ для акта и не прочтена по недостатку вре-

мени [266]). Рѣчь свою Погодинъ началъ такъ: „Есть имя, которому Университетъ Московскій, празднуя свое столѣтіе, обязанъ въ особенности воздать торжественно подобающую честь. Это первоначальникъ Отечественной Науки, славный сѣятель Просвѣщенія, естествоиспытатель, химикъ, физикъ, географъ, металлургъ, историкъ, филологъ, прозаикъ, поэтъ,—тотъ, кто въ умственной области поднялъ одинъ на могучія плечи свои преобразовательное дѣло Петра Великаго, кто посвятилъ всю жизнь свою наукамъ, боролся до послѣдняго истощенія силъ съ ихъ противниками, защищалъ ихъ святое дѣло предъ кѣмъ было нужно, употреблялъ всѣ усилія для распространенія ихъ въ Отечествѣ, воздѣлывалъ одинаково всѣ отрасли знанія, вездѣ оказалъ блисталельные успѣхи и сдѣлалъ славныя открытія, вездѣ представилъ образцы и указалъ путь на долго своимъ преемникамъ, далъ почувствовать впервые прелесть родного языка, извлекъ изъ него неслыханные дотолѣ звуки, открылъ новый міръ наслажденій высокихъ и прекрасныхъ, привелъ въ восторгъ нѣсколько поколѣній, и повелъ этотъ славный хоръ дѣятелей мысли и слова, которыми гордится по праву Отечество, которые составляютъ чистѣйшую его славу,—тотъ, наконецъ, кому принадлежитъ начальный чертежъ Московскаго Университета, кто обрадовался прежде всѣхъ высокою радостію его благодѣтельному для Отечества учрежденію, кто доставилъ ему первыхъ наставниковъ Русскихъ, своихъ воспитанниковъ, нашихъ прародителей, кто предсказалъ его будущую—теперь, настоящую славу“.

„Милостивые государи! — восклицаетъ Погодинъ, — это имя перелетаетъ уже вѣрно по вашимъ устамъ; и сердце ваше благоговѣйно бьется въ нетерпѣливомъ ожиданіи, чтобъ я прекратилъ скорѣе исчисленіе достоинствъ, дѣйствительно безчисленныхъ, и произнесъ скорѣе, во всеуслышаніе, это славное, это драгоцѣнное, это священное въ отечественныхъ лѣтописяхъ имя, которымъ лучше, яснѣе и сильнѣе выразится все мною сказанное и несказанное, — несказа̀нное: *Ломоносову, Ломоносову*, должны мы нынѣ воздать подобающую ему честь!“

Представивъ затѣмъ краткій, но краснорѣчивый очеркъ жизни Ломоносова, и вспоминая послѣднія слова его, сказанныя Штелину: *Къ сожалѣнію, вижу, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною*, Погодинъ заключаетъ: „Утѣшься тѣнь священная! Твои намѣренія, твои мысли, твои сѣмена не исчезли, онѣ живутъ и даютъ жизнь. Русская Словесность, тобою насажденная, красуется плодами блистательными; Московскій Университетъ, тобою предначертанный, празднуетъ нынѣ уже свое столѣтіе и произноситъ тебѣ, въ сію священную минуту, на радостномъ своемъ праздникѣ,—осчастливленный словами царскаго благоволенія, вмѣстѣ съ Петербургскою Академіею Наукъ, вмѣстѣ со всѣми друзьями Отечественнаго Просвѣщенія, здѣсь присутствующими и отсутствующими,—изъ глубины сердца, свою усерднѣйшую благодарственную *вѣчную память*“ [267]).

Самъ же Т. Н. Грановскій писалъ К. Д. Кавелину: „Въ воскресенье, вечеромъ, я былъ у Погодина и съѣздилъ не даромъ. Я видѣлъ у него недавно купленный имъ портретъ Петра Великаго. Портретъ этотъ писанъ съ мертваго, вѣроятно тотчасъ послѣ кончины, и хранился въ родѣ Макаровыхъ, которыхъ предокъ былъ кабинетъ-секретаремъ при Петрѣ, въ послѣдніе годы его жизни. Художникъ неизвѣстенъ. Я не знатокъ и даже не любитель живописи; но мнѣ кажется, что я былъ бы въ состояніи стоять по цѣлымъ часамъ передъ этой картиной. Я охотно отдалъ бы за нее любимыя книги мои, часть моей библіотеки. Представь себѣ голову покойника на красной, усиливающей блѣдность лица подушкѣ. Верхняя часть божественно прекраснаго лица носитъ печать величаваго спокойствія,—такого спокойствія, которое можетъ быть результатомъ святой, чистой, безконечно благородной мысли. Мысли нѣтъ болѣе, но выраженіе ея осталось. Такой красоты я не видалъ никогда. Но жизнь еще какъ будто не застыла въ нижней части лица. Уста сжаты гнѣвомъ и скорбію. Они какъ будто дрожатъ. Цѣлый вечеръ смотрѣлъ я на это изображеніе человѣка, который далъ намъ право на Исторію и едва ли

не одинъ заявилъ наше историческое призваніе. Цѣлый вечеръ голова была полна имъ. О немъ только и говорили мы съ Погодинымъ и Самаринымъ. Грѣхъ и стыдъ тебѣ будетъ, Кавелинъ, если ты не сдѣлаешь чего-нибудь для Исторіи Петровскихъ учрежденій. Мнѣ кажется, ты одинъ у насъ можешь совершить съ честью такой трудъ. Сто тридцать лѣтъ ждетъ Петръ себѣ цѣнителя. Неужели ты не выполнишь когда-то задуманнаго плана? Что можетъ сдѣлать Устряловъ? Собрать матеріалы: но живого пониманія отъ него нечего ждать. Прощай, другъ; жму тебѣ крѣпко руку".

Т. Н. Грановскій, еще въ 1854 году, писалъ А. И. Герцену: „Зачѣмъ ты бросилъ камень въ Петра, вовсе не заслужившаго твоихъ обвиненій, потому что ты привелъ невѣрные факты. Чѣмъ болѣе живемъ мы, тѣмъ колоссальнѣе ростетъ передъ нами образъ Петра. Тебѣ, оторванному отъ Россіи, отвыкшему отъ нея, онъ не можетъ быть такъ близокъ и такъ понятенъ; глядя на пороки Запада, ты клонишься къ Славянамъ и готовъ имъ подать руку. Пожилъ бы ты здѣсь и ты сказалъ бы другое. Надобно носить въ себѣ много вѣры и любви, чтобы сохранить какую-нибудь надежду на будущность самаго сильнаго и крѣпкаго изъ Славянскихъ племенъ. Наши матросы и солдаты славно умираютъ въ Крыму; но жить здѣсь никто не умѣетъ" [268]).

Приведенная рѣчь Погодина возбудила общее сочувствіе его гостей; особенно же понравились тѣ мѣста, гдѣ ораторъ живо передалъ страданія Ломоносова за Науку, въ семьѣ, въ школѣ, за границею, въ жизни свѣтской, въ своей Академіи.

За ужиномъ С. П. Шевыревъ читалъ отрывки изъ похвальнаго слова Ломоносова Елисаветѣ, изъ его одъ торжественныхъ и анакреонтическихъ. Всѣ собесѣдники глубоко сочувствовали этому первому сильному потоку Русскаго слова, который творчески вылился изъ вдохновенныхъ устъ сѣвернаго генія и понесся такою дивною рѣкою. Профессора и студенты обмѣнивались взаимно тостами — и послѣдній тостъ,

предложенный самими студентами, былъ за храброе и побѣдоносное Русское воинство".

Въ *Дневникѣ* Погодина, читаемъ: „Приготовленія къ балу и распоряженія. Было до ста человѣкъ. Смотрѣлъ съ удовольствіемъ на дѣтей. Съ Грановскимъ, о нынѣшнихъ обстоятельствахъ."

Въ тотъ самый день, когда у Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ, такъ свѣтло пировали, въ Петербургѣ скончался оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сѵнода графъ Николай Александровичъ Протасовъ.

Кончина сія была утратою государственною, а въ частности весьма горестною для Погодина, а особенно для Шевырева. „Я не опомнюсь,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—о кончинѣ графа Протасова. Что же долженъ чувствовать ты и Софья Борисовна .... Напиши ко мнѣ, если узнаешь какія подробности". Въ высшей администраціи, писалъ Погодину Ѳ. И. Прянишниковъ, „великая потеря: графъ Протасовъ умеръ. Былъ умный и любимый государемъ человѣкъ" [269]).

Когда митрополитъ Филаретъ узналъ о кончинѣ графа Протасова, то писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Графъ Николай Александровичъ скончался, по болѣзни, продолжавшейся, какъ говорятъ, только нѣсколько часовъ. Помолитесь въ Лаврѣ и въ Скитѣ о мирѣ души его".

Мысль о преемникѣ почившаго весьма естественно озабочивала Филарета, и онъ писалъ Антонію: „Андрей Николаевичъ Муравьевъ, по своимъ познаніямъ и по расположенію духа, могъ бы намъ быть полезнымъ, если бы для насъ былъ употребленъ; но едвали найдутъ сіе удобнымъ. Покойный графъ пришелъ къ намъ полковникомъ, и нашелъ подчиненныхъ не выше коллежскаго или много статскаго совѣтника. Теперь тутъ есть тайные совѣтники, а Андрей Николаевичъ только статскій совѣтникъ. Александръ Ивановичъ Карасевскій человѣкъ благорасположенный и знающій дѣло; можетъ быть, и имъ воспользуются. *Утвержденіе на тя надѣю-*

щихся утверди, Господи, Церковь внутренно, да будетъ удобна приближающаяся помощь".

Бренные останки графа Протасова были опущены въ могилу митрополитомъ Филаретомъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Совершивъ церковный обрядъ, Святитель писалъ Антонію: „Благодарю Бога, что немощь предшествовавшихъ дней не воспрепятствовала мнѣ отдать послѣдній христіанскій долгъ покойному графу. Странно случилось, что я озябъ въ большой церви Донского монастыря отъ сквозного вѣтра, а потомъ на пути къ могилѣ: и меня одного не позвали согрѣться чашкою чаю, тогда какъ всѣхъ прочихъ угостили обѣдомъ. Однако, слава Богу, я могъ нынѣ быть въ служеніи" [270]).

„Объ усопшемъ,—писалъ Филаретъ А. Н. Муравьеву,—и объ обстоятельствахъ кончины говорить уже поздно. Полезнѣе молиться о душѣ его, что вы и дѣлаете добрѣ. Пожалѣешь тѣхъ, которые толпами бывали на увеселительныхъ вечерахъ въ домѣ покойнаго, толпами наполняли его домъ во время церемоніальнаго его выноса, и не пошли въ церковь помолиться о немъ: нынѣ изуродованные суетою обычаи, не исправляемые и грознымъ временемъ, угрожаютъ болѣе, нежели внѣшніе враги" [271]).

LXV.

17 января 1855 г., министръ Народнаго Просвѣщенія выѣхалъ изъ Москвы. На желѣзную дорогу явились всѣ члены Университета съ попечителемъ и ректоромъ. Министръ оставилъ по себѣ въ Москвѣ очень пріятное впечатлѣніе своимъ простымъ искреннимъ обращеніемъ.

Но вотъ раздался свистокъ, поѣздъ двинулся, и послѣднимъ движеніемъ министра было крестное знаменіе, которымъ благословилъ онъ своихъ подчиненныхъ [272]).

„Возвращались мы, — писалъ Никитенко,—тѣмъ же порядкомъ, какъ ѣхали въ Москву. Я. И. Ростовцевъ опять всѣми завладѣлъ, опять устроилъ сытный завтракъ съ винами.

Яковъ Ивановичъ, между прочимъ, предложилъ тостъ: *За здоровье урода 12-го года!* т. е. за А. С. Норова. Много было толковъ о юбилеѣ. Всѣ въ восторгѣ отъ него. Министръ и Ростовцевъ играли въ карты. Ночью поднялась вьюга" [273]).

Когда юбилейные праздники миновались, Грановскій писалъ Фролову: „Юбилей Университета отпразднованъ великолѣпно, хотя распоряженія университетскаго начальства были не совсѣмъ удовлетворительны. Множество съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Россіи, бывшихъ студентовъ Университета, не нашли мѣста и праздновали день юбилея по трактирамъ. Изъ одного Петербурга было человѣкъ триста и даже болѣе,— восемнадцать депутацій отъ высшихъ учебныхъ заведеній Русскихъ. Вся ученая и учебная Россія принимала участіе въ праздникѣ, и тепло выразила свое сочувствіе къ намъ. Кавелинъ провелъ у меня цѣлую недѣлю. Онъ все тотъ же. Дни наши были заняты торжествами, ночью мы бесѣдовали, а всего не переговорили. Министръ Народнаго Просвѣщенія произвелъ на всѣхъ прекрасное, отрадное впечатлѣніе. Никитенко кланяется тебѣ, также и Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, пріѣзжавшій депутатомъ отъ Военной Академіи. Чѣмъ болѣе знаю этого человѣка, тѣмъ болѣе питаю къ нему уваженія и любви. Благороднѣйшій типъ воина-гражданина.— Министръ ко мнѣ очень благоволитъ. Мнѣ дали Анну на шею. Много и много накопилось мыслей и фактовъ, которые хотѣлъ бы передатъ тебѣ, братъ мой" [274]).

Товарищъ Грановскаго П. С. Савельевъ писалъ Погодину изъ С.-Петербурга: „Не попалъ я къ вамъ па торжества, но принималъ въ нихъ душевное участіе и издали. Общее сочувствіе къ юбилею не останется безплодно: поданъ добрый примѣръ — государственное уваженіе къ Просвѣщенію и его разсаднику. Жаль, что не успѣли, вѣрно, выкончить, какъ думали, похвальнаго слова Ломоносову. Біографіи его и Шувалова должны бы стоять во главѣ Исторіи Университета" [275]).

Но, какъ уже мы знаемъ, похвальное слово Ломоносову

было у Погодина давно готово, и онъ, между прочими, прочиталъ его и другу Савельева, ректору Семинаріи архимандриту Леониду *), что мы узнаемъ изъ слѣдующей записи *Дневника* Погодина: „Читалъ о Ломоносовѣ. Архимандритъ Леонидъ очень доволенъ, и сказывалъ, что Савельевъ прозвалъ меня Мининымъ“ [276]).

Привитавшій въ то время въ Костромской губерніи, А. А. Потѣхинъ, прочитавъ описаніе юбилея, писалъ Погодину: „Сейчасъ получилъ *Московскія Вѣдомости* и я, въ своей семьѣ, во всеуслышаніе прочелъ описаніе университетскаго праздника и вашу прекрасную, задушевную проникнутую восторгами рѣчь о Ломоносовѣ. Мы плакали отъ удовольствія — и не мудрено: четыре сына моихъ родителей, четыре моихъ брата получили воспитаніе въ стѣнахъ столѣтняго старца. И завидно мнѣ тѣмъ, которые были очевидцами великаго торжества, и радостно, что мой братъ былъ однимъ изъ лично-сопразднующихъ и, можетъ быть, въ числѣ прочихъ плакалъ на груди министра-христіанина и получилъ отъ него благословеніе. А какъ велико и многознаменательно это соединеніе празднества Науки съ теплой вѣрой, мысли со знаменіемъ креста ... Только въ Русскомъ царствѣ и можетъ быть такое явленіе, только въ Русскомъ царствѣ и можно увидѣть руку министра, представителя Науки и мысли, крестнымъ знаменіемъ благословляющую ея дѣятелей, только въ Православномъ Русскомъ царствѣ и возможно это примиреніе свободнаго разума съ религіозными вѣрованіями! Тепло, радостно, весело на душѣ!“

Въ то же время Шевыревъ писалъ Погодину: „Отъ нынѣшняго юбилея необходимо сдѣлать поворотъ въ Наукѣ и достигнуть мысли, завѣщанной Великимъ: *я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю*. Надобно тѣснѣе связать союзъ Академіи со всѣми универ-

---

*) Съ 1859 г. епископъ Дмитровскій, викарій Московской митрополіи, скончавшійся въ санѣ архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго. *Н. Б.*

ситетами, такъ чтобы изъ нихъ пошли Русскіе въ академики и повыгнали бы оттуда дармоѣдовъ Нѣмцевъ. Пора за умъ взяться! Я радъ-радехонекъ, что начинаю чувствовать свободу отъ юбилейныхъ дѣлъ. Теперь будятъ меня мысли другія. Современные вопросы забираютъ, и я чувствую, что польются статьи, какъ прежде. Съ 1848 года я больше отмалчивался, хотя болѣе всѣхъ имѣлъ право говорить. Но теперь чувствую, что пришла пора опять говорить и говорить побѣдоносно" [277]).

„Юбилей, — писалъ Погодинъ, — отпразднованъ блистательно, Шевырева носили всѣ, кажется, на рукахъ, а голова у него, можетъ быть, нѣсколько закружилась при напряженіи нервовъ. Шевыревъ ѣздилъ въ Петербургъ въ депутаціи Университета для принесенія благодарности государю императору. Успѣхи его возбуждали зависть ...." [278]).

Дѣйствительно, 19 января 1855 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Завтра, въ четвергъ, я ѣду въ Петербургъ, не по своему рѣшенію: ибо рѣшилъ я было дожидаться пріѣзда тѣла (графа Протасова) сюда; но вслѣдствіе телеграфической депеши, полученной вчера попечителемъ, государю угодно, чтобы представились ему попечитель, ректоръ и одинъ изъ декановъ. Этимъ однимъ назначили меня. Разумѣется, обходится не безъ зависти, которая проникла даже и въ чертоги князя С. М. Голицына. И ему успѣли нашептать и настроить его. — Богъ съ ними"!

Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 20 января 1855 года, Погодинъ записалъ: „Проводилъ Шевырева въ Петербургъ. Онъ получилъ вызовъ вмѣстѣ съ ректоромъ и попечителемъ".

Въ самый день пріѣзда депутаціи въ Петербургъ, т.-е. 21 января, министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ государю: „Съ высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія, прибыли сюда попечитель Московскаго Учебнаго Округа, ректоръ Университета и одинъ деканъ, для принесенія вѣрноподданнической вашему величеству благодарности за дарованную Московскому Университету всеми-

лостивѣйшую грамоту и для поднесенія медали, выбитой по случаю столѣтняго юбилея сего Университета. Всеподданнѣйше донося о томъ, осмѣливаюсь испрашивать повелѣніе, когда вашему величеству благоугодно будетъ осчастливить ихъ всемилостивѣйшимъ принятіемъ".

На ономъ письмѣ государь, 22 января 1855 года, начерталъ: *Завтра, послѣ обѣдни.*

„Описаніе царскаго пріема,—писалъ Шевыревъ Погодину, изъ Петербурга,—я не думалъ пускать въ ходъ. Оно отдано попечителю и министру. Продиктовано въ самый день пріема сыну Борису и вылилось сразу. Признаюсь тебѣ, о qu'en dira-t-on, я нисколько не забочусь. Мнѣ кажется, теперь не такое время; теперь время *всѣмъ помышленіямъ выйти наружу* и всякому показаться какимъ кто есть".

Въ дургомъ письмѣ своемъ изъ Петербурга, Шевыревъ писалъ Погодину: „Жена прочтетъ тебѣ письмо мое къ ней. Ты увидишь, въ какой мы славѣ и почестяхъ ...... Пора къ великому князю Константину Николаевичу".

LXVI.

Когда депутація отъ Московскаго Университета возвратилась въ Москву, О. М. Бодянскій, въ это время напечатавшій свою книгу *О происхожденіи Словенскихъ письменъ*, отправился къ Попечителю Московскому В. И. Назимову. Это посѣщеніе свое онъ описалъ въ *Дневникѣ* своемъ, подъ февралемъ мѣсяцемъ 1855 года.

„Утромъ, въ 11 часовъ,—писалъ онъ,—отправился къ Попечителю въ первый разъ послѣ 12-го генваря 1855 г. На вопросъ: дома ли?—получилъ отвѣтъ утвердительный. Ну, думаю, эко счастье! Но не тутъ-то было. При входѣ въ прихожую (а домъ, въ которомъ онъ живетъ, принадлежитъ теперь Аксакову, родственнику С. Т. Аксакова, купившему его у наслѣдника И. И. Дмитріева), изъ двухъ, дожидавшихся уже, одинъ, стоявшій поближе къ дверямъ,

тотчасъ ускользнулъ, а другой остался на своемъ стулѣ, подлѣ окна, у самаго порога. Слишкомъ часъ ходилъ я по комнатѣ. Наконецъ явился на выручку М. Н. Похвисневъ, который сталъ извиняться тотчасъ въ томъ, что по сю пору не побывалъ у меня и не поблагодарилъ за экземпляръ цензурованнаго имъ сочиненія моего, посланнаго недѣли съ полторы къ нему въ переплетѣ. Вошедши въ кабинетъ, онъ черезъ 15 минутъ вышелъ и позвалъ меня, а со мной и товарища моего Рулье, только что ввалившагося съ 3-мъ нумеромъ *Вѣстника Естественныхъ Наукъ*, издаваемаго имъ другой годъ. Съ нимъ было я завелъ разговоръ о послѣднемъ, который такъ какъ былъ довольно громокъ, то, кажется, это самое и ускорило наше приглашеніе. По входѣ въ кабинетъ, правитель канцеляріи Должиковъ, пріостановилъ чтеніе докладныхъ бумагъ, и Попечитель принялъ отъ меня экземпляръ моего сочиненія въ сафьянномъ переплетѣ и пустился въ изъявленія благодарности.

— *Попечитель*: Безъ васъ мы бы рѣшительно не могли выполнить программы торжества. Государь чрезвычайно остался доволенъ вашимъ трудомъ, который объяснялъ Шевыревъ (ну, хорошъ же объяснитель! подумалъ я себѣ), особенно долго останавливался на разсматриваньи снимковъ, кои тоже и тотъ же объяснялъ—изъ какой рукописи, какого вѣка и т. п.

Потомъ Попечитель круто поворотивъ снова къ юбилею, сказалъ: Я радъ, что мнѣ удалось министра склонить представить государю списокъ лицъ и тѣхъ, кои имъ были вычеркнуты изъ боязни, чтобы не показаться слишкомъ докучливымъ (или что-то въ этомъ родѣ) и, къ совершенному удовольствію моему, государь и этихъ наградилъ. Вы не знаете, какое впечатлѣніе такія милости государя произвели въ Петербургѣ; ко мнѣ со всѣхъ сторонъ начальники учебныхъ заведеній то и дѣло пріѣзжали съ поздравленіями и благодарностью за такой успѣшный ходъ всего дѣла. И намъ отнынѣ будетъ теплѣе, говорили они мнѣ; особливо много и горячо толковалъ объ этомъ ректоръ Петербургскаго Университета (Плетневъ).

— *Рулье*: Право, награды истинно царскія. Въ двадцать пять лѣтъ прежде Университетъ нашъ не получалъ того, что теперь за одинъ разъ.

— *Попечитель:* Да, да! не получалъ, не получалъ! Совершенная правда.

— *Бодянскій*: Что въ этомъ особенно утѣшительнаго, это всеобщее сочувствіе выражаемое самимъ дѣломъ, даже и тѣми, кто не могъ присутствовать у насъ, напримѣръ, Кіевскій Университетъ...

— *Попечитель:* Ваша правда. Я недавно получилъ письмо отъ одного лица, участвовавшаго на обѣдѣ, данномъ тамъ Университетомъ въ самый тотъ день, что и у насъ, и изъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ на немъ, прислана ко мнѣ одна.

— *Бодянскій*: Помощника Попечителя М. В. Юзефовича, воспитанника нашего Благороднаго Пансіона.

— *Попечитель*: Такъ точно, вотъ она!

— *Похвисневъ*: Но вотъ, къ сожалѣнію, стихи Майкова я никакъ не рѣшаюсь пропустить.

— *Бодянскій*: Какіе?

— *Попечитель*: Стихи, читанные имъ на обѣдѣ у министра нашего, и написанные имъ же по случаю нашего торжества: они были переданы Абрамомъ Сергѣевичемъ ректору для дальнѣйшаго распоряженія. Что-жъ тамъ у нихъ такого, что вы затрудняетесь? Прочтемъ.

— *Бодянскій*: Затрудненіе это, можетъ быть, въ другую пору и возбудило бы какіе толки, но теперь всякое, даже излишнее, предпочтеніе Москвы передъ Петербургомъ не только пройдетъ даромъ, но еще будетъ и одобрено.

— *Попечитель*: Право, и я такъ думаю".

Тутъ—читаемъ далѣе въ *Дневникѣ* Бодянскаго — „человѣкъ доложилъ о профессорахъ, прибывшихъ и желавшихъ предстать. Я тотчасъ же за шляпу и въ передней встрѣтилъ точно изъ новопожалованныхъ трехъ: Глѣбова, Лешкова и Менщикова, которые, безъ сомнѣнія, явились по повѣсткѣ за своими украшеніями. Возвратившись въ Университетъ, въ

сѣняхъ столкнулся съ Шевыревымъ, который встрѣтилъ меня сухимъ извѣщеніемъ, сказаннымъ сквозь зубы и какъ бы нехотя, что мое сочиненіе было вмѣстѣ съ другими тоже представлено (еще бы!) государю и всей царской фамиліи" [279]).

LXVII.

6 февраля 1855 года, въ Москвѣ, праздновали отданіе дня святыя мученицы Татіаны.

Во время обѣда, при возглашеніи здоровья профессорамъ, Погодинъ произнесъ: „Мм. Гг.! Мы провожаемъ нынѣ одно столѣтіе и встрѣчаемъ другое,—и въ какихъ мудреныхъ, тяжкихъ обстоятельствахъ! Сердце замираетъ не только за Науку, но и за судьбу! Позволите ли вы, вашему гостю, старинному профессору, сказать вамъ, при желаніи всякаго добра, нѣсколько словъ о томъ, какъ представляется мнѣ ваше, или лучше, наше прошедшее, настоящее и будущее — въ эту минуту, гдѣ всѣ они соприкасаются, кажется, явственно между собою? Прекрасный, блистательный плодъ дало намъ прошедшее, которымъ мы имѣли счастіе насладиться 12 января: убѣжденіе общее въ пользѣ ученія, въ необходимости образованія, въ достоинствѣ Науки, въ святости Просвѣщенія. Это драгоцѣнное убѣжденіе, залогъ всякихъ успѣховъ, выразилось и въ словѣ царскаго благоволенія къ заслугамъ Московскаго Университета,—и въ задушевныхъ привѣтствіяхъ ему всѣхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній Русскихъ, духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ, высшихъ и низшихъ,—и въ горячемъ сочувствіи всѣхъ присутствовавшихъ представителей Отечества. Мы, профессоры, имѣли при этомъ случаѣ еще другое наслажденіе—слышать общее, торжественное признаніе, что главное участіе въ дѣлѣ Русскаго Просвѣщенія всегда принималъ и принимаетъ Московскій Университетъ. Мы имѣли наслажденіе видѣть воспитанниковъ всѣхъ живыхъ поколѣній, которые стеклись въ Москву отовсюду, на почтовыхъ и долгихъ, въ лентахъ, подъ сѣдинами, изъ Петербурга и Одессы.

Кіева и Казани, Владиміра и Харькова, чтобъ провести приснопамятный день вмѣстѣ съ нами, въ нашихъ священныхъ стѣнахъ, и засвидѣтельствовать намъ искреннюю свою неизмѣнную преданность! Такими минутами вознаграждаются съ лихвою всѣ душевныя скорби, сопряженныя съ ученою жизнію вездѣ, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена. Поэтъ сказалъ вѣдь правду:

Намъ Музы дорого таланты продаютъ!

Перечтите Университетскій Біографическій Словарь. Двѣсти пятьдесятъ человѣкъ трудилось на нашемъ полѣ. Укажите мнѣ—кто прошелъ свой путь по цвѣтамъ? Кто не плакалъ и не страдалъ? Бѣдность—вотъ наша общая, наша милая мать; нужда—вотъ наша вѣрная, любезная кормилица; препятствія, огорченія, оскорбленія, болѣзни, удары—вотъ наши неотлучные, дорогіе спутники, которые воспитываютъ душу, трезвятъ умъ, напрягаютъ способности, и ведутъ per angusta ad augusta, хоть иногда и за гробомъ. Но вся эта горечь, повсемѣстный удѣлъ ученаго сословія, не значитъ, повторяю, ничего въ сравненіи съ тѣми минутами, коими 12 января насладились мы,— и всѣ отцы наши, если, по выраженію одного изъ нихъ,

...Съ смертными безсмертныхъ
Есть горнія любви небесный разговоръ!

Отъ прошедшаго обращаюсь къ настоящему времени. Настоящее пасмурно, грозно! Небо обложилось тучами; на самомъ дальнемъ горизонтѣ не свѣтитъ никакого луча, всѣ звѣзды скрылись... Нѣтъ, нѣтъ, блистаетъ одна звѣзда, въ нашемъ сердцѣ: это—горячее Русское чувство, чувство неограниченной преданности вѣрѣ, престолу и Отечеству. Оно, готовое на всякіе труды, пожертвованія и раны, спасетъ насъ, какъ спасало всегда нашихъ отцовъ и нашихъ предковъ. Царь произнесъ твердое слово о великомъ и святомъ дѣлѣ, возложенномъ Провидѣніемъ на Россію. Россія устами своего передового сословія, отвѣчала ему единодушно и единогласно. Сердце

сердцу вѣсть подаетъ,—и намъ, съ Божіей помощію, опасаться, бояться нечего! Все къ лучшему, любимое замѣчаніе Исторіи: Востокъ посылается теперь можетъ быть туда же, куда, посланъ былъ Западъ во время Крестовыхъ походовъ. Такъ угодно Богу, восклицалъ нѣкогда Западъ.—Такъ угодно Богу, приходится, вѣрно, воскликнуть и Востоку. А что въ самомъ дѣлѣ Ему угодно, не намъ знать, покажутъ событія. Можетъ быть, Россія посылается къ Святымъ Мѣстамъ для тѣхъ же цѣлей, для какихъ посылались во время оно западныя государства,—для пробужденія сокровенныхъ своихъ силъ. Духъ возвысится, способности разовьются, дѣятельность получитъ пищу и направленіе; а между тѣмъ, испытанія прекратятся, и вожделѣнный, благословенный миръ снизойдетъ на землю; Наука воспріиметъ тогда вполнѣ священныя права свои. И вотъ, говорю я уже о будущемъ. Русской Наукѣ, Мм. Гг., представится много дѣла: присвоивъ себѣ, въ продолженіе истекшаго столѣтія, плоды Европейской Науки, она должна непремѣнно повести ее дальше и дальше, пересмотрѣть всѣ предметы знанія своими, а не чужими, какъ доселѣ, глазами; должна непремѣнно принесть на алтарь человѣческаго Просвѣщенія свой долгъ съ процентами, которыхъ наросло очень много. Будемъ же молиться и надѣяться; будемъ всѣми силами стараться объ исполненіи высшихъ обязанностей, на насъ нынѣ возлагаемыхъ, вспоминая слова Спасителя: *будьте мудри, яко зміи, и цѣли, яко голуби*. Запечатлѣемъ ихъ въ своемъ умѣ и сердцѣ: въ умѣ, потому что требуется мудрость, въ сердцѣ, потому что безъ чувства всякая мудрость есть только мѣдь звѣнящая и кимвалъ звяцаяй. Заключу свою рѣчь однимъ словомъ, въ которомъ содержится все и вся: и царь, и весь его свѣтлый домъ, весь народъ, всѣ сословія, всѣ мы и наши дѣти, Московскій Университетъ и его меньшіе братья; словомъ, въ которомъ содержится и настоящее и прошедшее и будущее, это *Святая Русь!* Честь ей и слава, благо земное и небесное, *многая лѣта!*“

Въ тотъ же день, въ *Дневникъ* свой Погодинъ записалъ

слѣдующее: „Написалъ рѣчь. Прекрасный обѣдъ. Произнесъ съ великимъ дѣйствіемъ, такъ что и правые и лѣвые выразили свое удовольствіе и благодарность очень живо. Разсказы Шевырева, который не знаетъ мѣры. Игралъ въ карты съ Назимовымъ, Альфонскимъ и Иноземцевымъ. Вечеръ у Елагиной. Прочелъ“.

Въ тотъ же день и О. М. Бодянскій записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Обѣдъ былъ довольно хорошъ. Изъ профессоровъ нашего Факультета не подписались четыре: Соловьевъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ и Петровъ; послѣдніе, какъ обойденные, могли имѣть нѣкоторый поводъ къ тому, но первый—непонятно почему. За обѣдомъ читалъ свои стихи Шевыревъ, конечно, съ холопскимъ направленіемъ, но, говоря искренно, они были далеко лучше стиховъ его на юбилей. Послѣ него произнесъ рѣчь Погодинъ; сверхъ всякаго чаянія, она удалась ему; особенно хорошо выразился онъ о бѣдномъ состояніи ученаго сословія въ Университетѣ нашемъ, на основаніи данныхъ *Біографическаго Словаря*, изготовленнаго ко дню столѣтія“.

16 февраля 1855 г., прибылъ въ Москву изъ Петербурга графъ С. Г. Строгановъ. Бодянскій, подъ 18 февраля, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ 2 часа отправился къ графу С. Г. Строганову. Я ему вручилъ книгу свою, съ приложеніями, разсказалъ о пріемѣ меня попечителемъ 5-го февраля и узналъ отъ него о разговорѣ его съ наслѣдницей, спросившей, почему онъ не захотѣлъ остаться на юбилеѣ нашего Университета. „Потому, что я вообще не охотникъ до комедій, — отвѣчалъ онъ,—а тѣмъ болѣе комедій торжественныхъ; безъ нихъ же это торжество не могло обойтись, судя по приготовленіямъ къ нему“; и тутъ же разсказалъ ей все, что только зналъ объ этомъ, съ чѣмъ она и согласилась вполнѣ [280]).

Вскорѣ послѣ юбилея Московскаго Университета, въ Московской Губернской Гимназіи происходило торжество освященія новаго ея зданія. На это торжество былъ приглашенъ и Погодинъ, какъ старѣйшій воспитанникъ этой Гимназіи.

За обѣдомъ, въ отвѣтъ на обращеніе къ нему В. И. Назимова, Погодинъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Мм. Гг.! Сорокъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, вступилъ я ученикомъ въ вашу Гимназію, вскорѣ послѣ нашествія Французовъ и Московскаго пожара. Вотъ въ какомъ положеніи она находилась: голыя, чуть-чуть замазанныя стѣны въ наемномъ домѣ, досчатые полы, которыхъ часто не видать было изъ-подъ грязи, кое-какъ сколоченныя лавки, животрепещущіе столы. Одежда — мы ходили въ желтыхъ сюртукахъ изъ такого сукна, которое безъ обиды можно было назвать войлокомъ; мы носили рубашки изъ такого холста, которое въ толстотѣ спорило съ сукномъ, а въ мягкости ему уступало; жилеты у насъ были затрапезные. Пища: жидкія щи съ кускомъ говядины, которая съ трудомъ уступала ножу, и гречневая каша съ масломъ, ближайшимъ къ салу. Самое вкусное кушанье — это былъ ржаной хлѣбъ, раздававшійся по куску для завтрака и полдника. Надзора никакого, ни одного надзирателя не было у насъ, и должность ихъ исправляли ученики изъ старшихъ двухъ классовъ, къ числу которыхъ, въ послѣдніе два года, принадлежалъ и я. Вотъ вамъ, Мм. Гг., вѣрное изображеніе старой Гимназіи со внѣшней ея стороны. Что же мы видимъ теперь? Не только удобство и довольство, но еще богатство, великолѣпіе, роскошь. На что ни взглянешь, глазъ не хочетъ оторваться: заглядѣнье, — красота, изящество. Возблагодаримъ Правительство за доставленіе такихъ обильныхъ пособій для ученія, возблагодаримъ начальство за приведеніе въ исполненіе его предначертаній! Старшій ученикъ Гимназіи, я желаю отъ души, чтобъ этому внѣшнему блеску соотвѣтствовало внутреннее достоинство ученія въ духѣ преданности Церкви, Престолу и Отечеству, желаю ученикамъ какъ можно болѣе послушанія, смиренія, трудолюбія, — это залогъ всѣхъ успѣховъ; желаю, чтобъ въ сердцахъ ихъ сильнѣе и сильнѣе пылалъ тотъ священный огнь любознательности, стремленія къ совершенствованію, предъ которымъ всякое богатство, всякое великолѣпіе всякая роскошь, есть прахъ и

тлѣнъ... Выразивъ мое желаніе ученикамъ, обращусь къ учителямъ, также какъ товарищъ, перешедшій всѣ ихъ степени. Учитель Гимназіи—скромное мѣсто въ лѣствицѣ гражданскихъ степеней; но кто занимаетъ это мѣсто съ любовью, не какъ поденщикъ, не какъ наемникъ, влагая душу въ каждое свое слово, тотъ можетъ находить на этомъ скромномъ мѣстѣ много удовольствій сладкихъ и прекрасныхъ. Быть свидѣтелемъ успѣховъ, предъ глазами возрастающихъ, въ цѣлыхъ поколѣніяхъ, чувствовать, что въ этихъ сотахъ и твоего хоть капля меду есть, — о, это такое ощущеніе, которому не много найдется подобныхъ. А если между твоими воспитанниками приготовляется еще будущій писатель, полководецъ, законодатель, поэтъ! Вспомните, что сказалъ нашъ славный Карамзинъ о должности учителя въ своемъ похвальномъ словѣ императрицѣ Екатеринѣ. Прибавлю, что въ наше время всякому достойному учителю открытъ путь и къ другимъ высшимъ должностямъ. Въ заключеніе краткой моей рѣчи, я обращаюсь къ начальникамъ. Какъ академикъ и членъ высшаго ученаго сословія въ государствѣ, я желаю имъ блюсти равновѣсіе внутренняго достоинства, о которомъ сейчасъ говорили, со внѣшнимъ, которому теперь мы удивлялись; я желаю вамъ содержать ихъ въ благомъ согласіи, совершенной гармоніи, такъ чтобъ внѣшнее никогда не брало верхъ надъ внутреннимъ, а развѣ наоборотъ: мы учились въ нуждѣ, но не безъ пользы, подъ патріархальнымъ управленіемъ стараго времени, которое своимъ добродушіемъ восполняло всѣ недостатки. Начальники, учителя и ученики—это тѣло, душа и духъ всякаго учебнаго заведенія. Кончу свое слово общимъ желаніемъ: да здравствуетъ Первая Московская Гимназія, на пользу Русской Науки и Русскаго Просвѣщенія, во славу Отечества и государя“!

LXVIII.

Встрѣтивъ новый, 1855-й, годъ съ своими родителями и родными, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи снова отправились въ многострадальный Севастополь.

По пути въ Крымъ, великіе князья посѣтили Чудовъ монастырь, гдѣ слушали молебствіе и прикладывались къ мощамъ Святителя Алексія. При вступленіи великихъ князей въ монастырь, митрополитъ Московскій Филаретъ привѣтствовалъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Благовѣрные государи! Въ первомъ путешествіи вашемъ на подвигъ за Отечество мы сопровождали васъ общею молитвою, да *ополчится Ангелъ Господенъ* окрестъ васъ на спасеніе, побѣду и славу. Нынѣ съ молитвою соединяемъ благодареніе о васъ Богу. Вы раздѣлили съ неутомимы защитниками Отечества трудности и опасности; явили опыты неустрашимаго мужества; заслужили почесть избранныхъ подвижниковъ брани; а стрѣлы враговъ пролетѣли мимо васъ. Когда заботы о здравіи августѣйшей родительницы внезапно вызвали васъ къ ней, и отторгли отъ подвига за Отечество, мы готовы были сказать: довольно и сего подвига; да не умножаются еще безчисленныя заботы августѣйшаго родителя вашего новою заботою о васъ. Но видимъ, что ревность къ подвигамъ за Отечество движетъ души ваши не менѣе сильно, какъ и любовь къ родителямъ. И паки благословитъ Отечество сію ревность. Еще поощрится мужество защитниковъ Отечества вашимъ съ ними сподвижничествомъ. Еще молится и будетъ молиться Церковь, да *падетъ* предъ вами *тысяща* и *тьма* сопротивныхъ, и да сокрушится нога неправды, дерзнувшая наступить на предѣлъ Россіи“ [281]).

Въ письмѣ своемъ (8 января 1855 г.) къ архимандриту Антонію, митрополитъ Филаретъ писалъ: „Въ прошедшій понедѣльникъ съ трудомъ вышелъ я встрѣтить великихъ князей: но случалось, что два часа въ облаченіи ожидалъ ихъ, стоя на чугунномъ полу церкви, дающемъ изъ нижней холодной

части зданія сильный холодъ; и я возвратился больной, долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи врача, и на праздникъ остаться въ келліи. Только освященіе воды въ домовой церкви могъ совершить“ [282]).

15 января 1855 года, въ 4 часа по полуночи, великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи прибыли въ Севастополь. По поводу ихъ прибытія, протоіерей Арсеній Лебединцевъ выражаетъ надежду: „Не опять ли съ ихъ пріѣздомъ начнутся наступательныя дѣйствія? Дай Господи, чтобы только были счастливѣе прежнихъ“.

На вопросъ, въ какомъ состояніи великіе князья застали Севастополь? протоіерей Арсеній Лебединцевъ отвѣчаетъ: „Вопросъ: что новаго? Въ Севастополѣ самомъ, о которомъ теперь весь міръ любопытствуетъ, на устахъ всѣхъ и каждаго, и, къ сожалѣнію, отвѣтъ на него почти всегда одинъ: ничего, ничего особеннаго. Вотъ была, отвѣчаютъ, вылазка; вотъ перебѣжало столько то непріятелей; вотъ, говорятъ, пришли наши подкрѣпленія; но что-жъ тутъ особеннаго? Это дѣлается и говорится съ самаго начала, а толку доселѣ никакого. Да и не будетъ никакого (это слышалъ своими ушами), пока будетъ главнокомандующимъ этотъ князь Меншиковъ, который до того секретенъ, что и дѣйствующіе, по его повелѣніямъ, какъ во тьмѣ ходятъ. . . . . Говорятъ, будто главнокомандующій находится въ полной увѣренности, что скоро послѣдуетъ миръ, и тѣмъ объясняютъ его бездѣйствіе“.

Свѣтлымъ явленіемъ въ мрачномъ Севастополѣ въ то время была Крестовоздвиженская Община Сестеръ Милосердія. „Не безъ сестеръ было у насъ,—писалъ протоіерей Арсеній Лебединцевъ къ преосвященному Иннокентію,—пока прибыли и настоящія сестры. Три чисто свѣтскія дамы, у которыхъ достало геройства не бѣжать изъ Севастополя, являлись по временамъ для услугъ раненымъ въ перевязочномъ пунктѣ. Но вотъ какая исторія случилась съ ихъ патріотизмомъ. За недостаткомъ рукъ, раненые ожидали для перевязки очереди. Одинъ матросъ уже былъ близокъ къ этой счастливой минутѣ; какъ

вдругъ, вносятъ раненаго Француза. Наши сестры, всѣ три разомъ, съ Французскимъ блеяньемъ къ французу, оставивъ своего. Матросъ разразился гнѣвомъ и посыпалъ въ слухъ всѣхъ самою красною Русскою бранью; наши незванныя сестры бросили тогда и француза, съ которымъ, вѣроятно, хотѣлось поболтать, и больше не являлись въ Госпиталь, оставивъ и Севастополь". Иное представили собою Крестовоздвиженскія сестры. Онѣ, свидѣтельствуетъ протоіерей Арсеній Лебединцевъ предъ высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, „несутъ добровольно поднятый крестъ съ безграничнымъ усердіемъ и христіанскимъ самопожертвованіемъ. Нельзя не пожалѣть, что нѣкоторымъ изъ нихъ начинаютъ измѣнять силы ихъ, чему причиною самая тяжесть креста, въ иной день и чрезъ мѣру тяжелаго. Одна изъ нихъ вчера слегла, другая—сегодня. Сама начальница, Екатерина Михайловна Бакунина (генеральская дочь, внучка Кутузова, пожилая дѣвица), кромѣ надзора за другими, принимаетъ на себя обязанность дежурной сестры по два дня сряду, и только въ третій день остается при однѣхъ общихъ обязанностяхъ своихъ. Вся Община доселѣ состоитъ изъ трехъ отдѣленій, естественно образовавшихся отъ троекратнаго отправленія ихъ изъ столицы; ибо при каждомъ отправленіи для экспедиціи назначалась начальница надъ сестрами, медики при нихъ, помощница начальницы и проч., что все осталось отдѣльной корпораціей и на мѣстѣ. Въ Севастополѣ сестры 2 и 3 отдѣленія. При семъ послѣднемъ и я служу оффиціально, по милостивому вашему назначенію, съ тѣхъ собственно поръ, какъ Бакунина получила отъ великой княгини Елены Павловны увѣдомленіе о моемъ и о. Иннокентія назначеніи, который и теперь труждается, какъ и прежде сего, на сѣверной сторонѣ. О столѣ и прочемъ довольствіи каждаго отдѣленія сестеръ печется старшій медикъ отдѣленія. Всю Общину возглавляетъ докторъ Пироговъ, уважаемый и любимый сестрами и медиками своими. Послѣднее слово я употребилъ потому, что медиковъ для Общины Пироговъ самъ выбиралъ и всѣ они преимущественно

воспитанники Московскаго Университета. Потому имъ однимъ ввѣрилъ главный перевязочный пунктъ и па нихъ теперь исключительно лежитъ весь трудъ операцій,—трудъ до того тяжелый, что медики, сколько ни усердны къ своему долгу и богаты чувствами христіанскими (это послѣднее дѣлаетъ большую честь выбору Пирогова), но замѣтно упадаютъ въ физическихъ силахъ, хотя всѣ люди молодые. Одинъ уже трудно боленъ, а другіе начинаютъ жаловаться на слабость здоровья. Каждый день (иногда два и три раза) бывая на перевязочномъ пунктѣ, я очевидецъ трудовъ медиковъ и сестеръ Общины. Страданія и вопли раненыхъ, когда только вносятъ ихъ въ Операціонную, краснорѣчивѣе всякаго слова говорятъ сердцу христіанскому, и всѣ дѣлаютъ свое дѣланіе многосуетливое въ молчаніи. Если приходится иногда обмѣняться какимъ-либо словомъ и притомъ словомъ христіанскаго утѣшенія, то это въ весьма немногихъ промежуткахъ. Но на это нуженъ даръ слова и особое умѣнье, а я не могу похвалиться ни тѣмъ, ни другимъ. Что же я дѣлаю, спросите, въ качествѣ духовника Крестовоздвиженской Общины? Снабдилъ палаты больныхъ иконами, бо́льшія изъ нихъ снабдилъ и лампадками, для которыхъ масло съ охотою покупаютъ сами больные, у кого только есть какая копѣйка. Исповѣдываю и пріобщаю больныхъ,—случалось и по 15 человѣкъ въ одинъ разъ. Ежедневно посѣщаю больныхъ, стараясь поговорить съ каждымъ изъ нихъ, при чемъ съ большою пользою для себя и для нихъ, знакомлюсь съ ихъ мыслями и чувствами, а между тѣмъ незамѣтно располагаю къ себѣ самихъ больныхъ, что нахожу въ служеніи моемъ всего важнѣе. Иногда они не объявляютъ желанія приступить къ Св. Таинствамъ по самой наивной причинѣ, о которой еще болѣе странно слышать отъ человѣка, котораго всѣ окружаютъ живымъ и безмезднымъ участіемъ. Что жъ, батюшка, говоритъ больной тихо и какъ бы по секрету, денегъ нѣтъ. Другой хочетъ еще пожить и боится Св. Причащенія, какъ напутствія къ смерти. Удивительно перемѣшано невѣжество съ

немощами человѣческими! Съ наступленіемъ же великаго поста была надобность многихъ открыто, въ присутствіи сестеръ и медиковъ, убѣждать чтобы не брезгали скоромной пищею, необходимою для больного столько же, какъ и самое лѣкарство, и которая одна для нѣкоторыхъ составляетъ лѣкарство. Въ одномъ необходимо дико выраженное чувство патріотизма исправить. Напримѣръ, сегодня спрашиваетъ меня раненый, лежащій подлѣ раненаго француза: „Батюшка! французъ — яка то вира? Отвѣчаю: Французы христіане, католики.—Яки жъ воны христіаны? Я бъ его повисывъ“.—Какъ можно такъ говорить, когда у него нѣтъ оружія въ рукахъ, и онъ, какъ и ты безъ ноги. „Ей Богу, повисывъ бы“. Въ другомъ нужно дивиться, какъ оно выражается прекрасно. Кіевской губерніи однодворецъ, и притомъ католикъ, которому только-что сдѣлана операція, говоритъ ко мнѣ: „Вотъ руки нѣтъ, но пойду, непремѣнно пойду съ одной рукой. Я старый солдатъ долженъ показывать примѣръ молодымъ“. И залился бѣдный слезами не столько отъ боли, сколько отъ досады, что нескоро уже будетъ въ траншеяхъ. Потомъ продолжаетъ: „Въ Венгріи заслужилъ медаль, на Дунаѣ заслужилъ, и здѣсь отъ императрицы получилъ“, и указываетъ при этомъ на икону у себя не шеѣ. При этомъ я узналъ, что отъ имени императрицы были розданы солдатамъ иконки для ношенія на шеѣ, какихъ много продается въ Кіевѣ, въ родѣ крестиковъ шейныхъ. Между тѣмъ, солдаты, какъ вижу изъ этого примѣра, цѣнятъ это, какъ знакъ отличія. Какъ легко поощрить простую душу нашего солдата. Можно ли подобнымъ образомъ поощрить француза или англичанина? Вообще, служеніемъ на этомъ поприщѣ я очень доволенъ: чувствую, что оно наполняетъ пустоту собственной моей души. Чтобы скорѣе войти въ духовный союзъ съ сестрами, я попросилъ списокъ ихъ именъ и поминаю, гдѣ слѣдуетъ. Сестра Травина съ умиленіемъ вспоминаетъ о милостивомъ къ ней вниманіи вашемъ и бесѣдахъ, кои имѣла счастіе слышать въ Харьковѣ.

Она помощница Бакуниной. Каждая сестра имѣетъ у себя клятвенное обѣщаніе и обязанности печатныя".

Въ томъ же письмѣ протоіерей Лебединцевъ сообщаетъ высокопреосвященному: „Сейчасъ слышалъ, что Пироговъ занемогъ. Впрочемъ, кто теперь не изнемогаетъ? Слышимъ и вѣруемъ, что вы непрестанно возносите теплыя молитвы ваши о градѣ нашемъ, которыми да укрѣпитъ милосердый Господь всякаго изнемогающаго".

LXIX.

Въ Севастополѣ великіе князья несли тяготу дѣйствительной службы. Великій князь Николай Николаевичъ начальствовалъ сѣверными укрѣпленіями по инженерной части, а великій князь Михаилъ Николаевичъ—по артиллерійской части.

Пребываніе ихъ высочествъ въ Севастополѣ одушевляло страждущихъ защитниковъ нашего Отечества. „Гробокопатели (солдаты) сѣвернаго кладбища,—свидѣтельствуетъ протоіерей Арсеній Лебединцевъ, — хвалились мнѣ, что великіе князья, бывъ однажды на могилахъ, приказали копать ихъ какъ можно ближе одна къ другой и не расширять кладбища, потому что эти могилы послѣ всѣ сравняются и надъ ними будетъ насыпанъ общій курганъ, на которемъ поставится общій памятникъ".

Благочестіе и состраданіе къ раненымъ привлекали сердца къ великимъ князьямъ. „На первой седмицѣ, — писалъ протоіерей Арсеній Лебединцевъ къ высокопреосвященному Иннокентію, — великіе князья говѣли въ своей квартирѣ, для чего, по собственному ихъ выбору, вытребованъ былъ іеромонахъ Никандръ, который въ первые дни прибытія въ Севастополь ихъ высочествъ, обратилъ на себя вниманіе на перевязочномъ пунктѣ Синопскимъ знакомъ отличія. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ его товарищъ, іеромонахъ Веніаминъ *), который также стоялъ, но безъ

*) Скончался настоятелемъ ставропигіальнаго монастыря Новый Іерусалимъ. *Н. Б.*

этого знака, ибо поспѣшилъ вмѣстѣ съ вещами отправить его въ монастырь. Объ этомъ Святогорскомъ іеромонахѣ писала Татьяна Борисовна Потемкина, которой онъ есть кліентъ. Впрочемъ, и безъ всего этого о. Никандръ — іеромонахъ прекрасный. Въ сѣверномъ укрѣпленіи для ихъ высочествъ устроена церковь, гдѣ, въ пятницу, они слушали преждеосвященную, а въ субботу пріобщались. Въ оба эти дня я отпускалъ туда своего діакона Подольскаго, которымъ, какъ и о. Никандромъ, великіе князья остались довольны. Не могу умолчать при этомъ, что ихъ высочества, слушавъ въ среду литургію преждеосвященныхъ въ Михайловской церкви, остались недовольны бывшимъ тамъ служеніемъ, чего не скрыли отъ о. Никандра, отъ котораго я слышалъ объ этомъ. Генералъ же Философовъ, тутъ же, въ церкви, послѣ служенія, замѣтилъ протоіерею, какъ много они отступаютъ отъ устава Церкви. Служилъ полковой священникъ, такъ какъ солдаты говѣли, а извѣстно, что изъ армейскихъ священниковъ весьма немногіе знакомы съ этою литургіей. Все же виноватъ хозяинъ церкви. — Всѣ церкви наши (а ихъ всего три) наполнены говѣющими солдатами. Кромѣ того, совершаются богослуженія для этой цѣли на корабляхъ, въ казармахъ и въ Красильникова домѣ, гдѣ вездѣ пріобщаютъ дарами преждеосвященными. Изъ своей церкви я выдалъ іеромонахамъ шесть чашъ“.

Между тѣмъ, 8 февраля 1855 года, во вторникъ этой первой седмицы, свидѣтельствуетъ протоіерей Лебединцевъ, „ожидали отъ непріятелей давно ожидаемой новой бомбардировки. Если они дѣйствительно къ тому были готовы, то Господь занялъ ихъ. Утро насъ встрѣтило не бамбардировкой, а сильнымъ холодомъ и снѣгомъ, съ сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дулъ и во всю ночь, между тѣмъ какъ предъ этимъ были дни настоящіе лѣтніе. Видимо бдитъ надъ нами Промыслъ Божій, напримѣръ и въ этомъ: 10 февраля бомба пала предъ самыми воротами церковными и вырыла большую яму; между тѣмъ, какъ церковь была полна говѣю-

щихъ солдатъ, которые стали выходить отъ обѣдни уже по минованіи этой смерти напрасной".

Гдѣ только могли, великіе князья спѣшили на помощь нуждающимся. „Узнавъ только,—пишетъ протоіерей Лебединцевъ,—отъ іеромонаха Никандра о возникшей съ монастыремъ перепискѣ и въ чемъ именно тамъ нуждаются, великіе князья изъявили желаніе послать еще пять фунтовъ чаю". Вообще, замѣчаетъ протоіерей Лебединцевъ, „попеченія Двора о раненыхъ безпримѣрны. Великая княгиня Елена Павловна, узнавъ, что солдаты любятъ сбитень, заказала Харьковскому купцу доставить для этого все нужное въ Севастополь ..... Великая княгиня Марія Николаевна пожертвовала весь большой запасъ сигаръ покойнаго ея супруга"....

Провожая одну умершую отъ тифа Крестовоздвиженскую сестру на Сѣверную, протоіерей Лебединцевъ узналъ тамъ, что для князя Меншикова приготовлены лошади и что онъ уѣзжаетъ въ Симферополь. Тамъ же онъ слышалъ, что ракеты непріятельскія, 15 февраля, достигали квартиры, какъ главнокомандующаго, такъ,—что еще дальше,—и великокняжеской, и что будто бы квартира для ихъ высочествъ будетъ въ Бельбекѣ. Мѣсто же главнокомандующаго временно занялъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, а въ помощники себѣ онъ избралъ почтеннаго адмирала Нахимова. „Достойна примѣчанія,—писалъ протоіерей Лебединцевъ высокопреосвященному Иннокентію,—благочестивая тактика Сакена... Отдавъ, напримѣръ, приказаніе на такомъ-то пунктѣ поставить батареи, тотчасъ служитъ молебенъ и проситъ Божія благословенія. По успѣшномъ окончаніи, не медля, посылаетъ за священникомъ и Бога благодаритъ. Это я знаю отъ полкового священника, который, квартируя черезъ дорогу отъ Сакена, постоянно занимается у него служеніемъ".

Между тѣмъ, въ январѣ 1855 года, къ союзу Западныхъ державъ приступила и Сардинія. Она послала пятнадцать тысячъ человѣкъ лучшаго своего войска, подъ начальствомъ генерала Ла-Марморы, въ Крымъ, куда изъ Франціи и Англіи

прибыли значительныя подкрѣпленія; такъ что тамошнее Французское войско возрасло до ста тысячъ и Англійское— до тридцати двухъ тысячъ, съ двадцатью-восьмью тысячами Турокъ.

По поводу присоединенія Сардиніи къ нашимъ врагамъ, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Какъ-то, думая объ этой войнѣ, и остановясь на Сардинцахъ, которые забыли о благодѣяніяхъ императора Александра и предались за деньги Наполеону, я вспомнилъ, что у Римлянъ была пословица, которая чрезвычайно идетъ къ этому! Когда Семпроній Гракхъ завоевалъ Сардинію, почти всѣ жители были привезены въ Римъ и проданы въ рабство; а такъ какъ этого товару было много, и товаръ былъ плохой, то и произошла пословица: Sardi venales, alius alio nequior! И теперь они доказали тоже“ [283]).

Все это подвигло императора Николая I обратиться къ своимъ вѣрнымъ подданнымъ съ слѣдующимъ манифестомъ:

„Божіею Милостію,
Мы, Николай Первый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій,
и прочая и прочая, и прочая.

Желаніе наше мирнаго, безъ употребленія силы оружія, безъ продолженія кровопролитія, достиженія постоянной нашей цѣли, защиты правъ единовѣрцевъ нашихъ и вообще всего Христіанства на Востокѣ, извѣстно любезнымъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Оно извѣстно и всѣмъ, тщательно и безпристрастно наблюдавшимъ за ходомъ событій и неуклоннымъ направленіемъ нашихъ дѣйствій. Мы были и остаемся навсегда чужды всякимъ инымъ побужденіямъ и видамъ въ дѣлѣ Вѣры и совѣсти. Слѣдуя и нынѣ симъ, принятымъ нами правиламъ, мы изъявили согласіе на открытіе переговоровъ съ Западными Державами, вступившими въ непріязненный противъ насъ съ Портою Оттоманскою союзъ. Считаемъ справедливымъ ожидать отъ нихъ такой же искренности, такого-жъ безкорыстія

въ намѣреніяхъ, и не теряемъ недежды возстановить желаемый, драгоцѣнный для всего Христіанства миръ. Но между тѣмъ, однако-жъ, при видѣ собираемыхъ ими силъ и другихъ къ борьбѣ съ нами приготовленій, кои, не смотря на начинающіеся переговоры, не прекращаются, и еще безпрестанно, съ каждымъ почти днемъ, достигаютъ обширнѣйшаго развитія, мы обязаны и съ своей стороны помышлять, не медля, объ усиленіи данныхъ намъ отъ Бога средствъ, для обороны Отечества, для того, чтобы поставить твердый, могущественный оплотъ противъ всѣхъ враждебныхъ на Россію покушеній, противъ всѣхъ замысловъ на ея безопасность и величіе. Исполняемъ сей первѣйшій нашъ долгъ, и, призвавъ въ помощь Всевышняго, съ полнымъ упованіемъ на милость Его, съ полнымъ довѣріемъ къ любви нашихъ подданныхъ, единодушныхъ съ нами въ чувствѣ преданности къ Вѣрѣ, Церкви Православной и къ любезному Отечеству нашему, обращаемся съ симъ новымъ воззваніемъ ко всѣмъ сословіямъ Государства, повелѣвая:

Приступить къ всеобщему Государственному Ополченію.

Правило о составѣ и устройствѣ сего Ополченія разсмотрѣны, утверждены нами и подробно означаются въ особомъ Положеніи. Они будутъ въ точности и съ рвеніемъ повсюду приведены въ исполненіе.

Не разъ уже предстояли Россіи и постигали ее тягостныя, иногда жестокія испытанія. Но ее спасали всегда смиренная вѣра въ Провидѣніе и тѣсная, ни чѣмъ незыблемая связь царя съ подданными, усердными дѣтьми его. Да будетъ такъ и нынѣ: да поможетъ намъ читающій въ сердцахъ, благословляющій чистыя намѣренія Богъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 29 день января, въ лѣто отъ Рождества Христова 1855-е. Царствованія же нашего въ тридцатое“.

На подлинномъ собственною его императорскаго величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ“ [284]).

„Раздалось — писалъ Погодинъ — царское слово — и изъ среды мирныхъ гражданъ возстаетъ многочисленная рать, мощная любовію къ родинѣ, грозная не силою длани, а силою воли побѣдить или лечь костьми за землю Русскую. Новая, живая строка въ лѣтописи народной преданности царю и Отечеству. Искони Русскіе государи, въ тяжкія годины трудной борьбы съ врагами Россіи, обращались къ своимъ подданнымъ, какъ чадолюбивые отцы къ дѣтямъ, призывая ихъ къ общему дѣлу чести, пользы и славы Отечества, и на зовъ монарха радостно текли Русскіе отстаивать грудью родную землю и родовую честь свою. Такъ, собравшаяся на призывъ Дмитрія Донского ополченная Россія, на Куликовомъ полѣ, дала первый отпоръ дотолѣ грознымъ Монголамъ. Во времена Іоанна III-го, по царскому слову, вся земля Русская возстала, какъ одинъ человѣкъ, для окончательнаго освобожденія себя отъ Татарскаго ига; такъ, при внукѣ его Іоаннѣ IV-мъ, Русскія дружины водрузили знамя царское на стѣнахъ непокорной Казани; по гласу Бориса Годунова, четырехъ-сотъ-тысячное ополченіе навело трепетъ на безстрашный Крымъ; въ незабвенный 1612 годъ, всеобщее вооруженіе Россіи исхитило Москву изъ рукъ вражескихъ, и наконецъ, въ царствованіе Благословеннаго Александра, Россія, призванная два раза ко всеобщему вооруженію, радостно шла подъ знаменемъ царя своего. Въ 12-мъ году, грозныя полчища великой арміи вторглись въ предѣлы наши. Въ это незабвенное время, когда, по словамъ писателя — современника Отечественной войны, штыкъ былъ по дуло, а ножи по локоть въ крови, Русскіе ратники изумляли опытныхъ воиновъ Французскаго императора своею храбростью и стойкостью, побѣждая грозныхъ сыновъ побѣды. Блистательнѣйшимъ подвигомъ Ополченія въ 1812 году была битва подъ Полоцкомъ Петербургскихъ дружинъ, предводимыхъ покойнымъ Александромъ Александровичемъ Бибиковымъ. Ратники привели въ восторгъ своею храбростію защитника Петрова града незабвеннаго графа (впослѣдствіи князя) Витгенштейна, который, по собственному признанію, обязанъ

былъ Ополченію побѣдою подъ Полоцкомъ. Мы твердо убѣждены, что дѣти будутъ достойны отцовъ своихъ. Идите на подвигъ чести и славы, избранники Россіи; она ввѣрила вамъ защиту свою, уповая на Всемогущаго и сердцемъ вѣря, что вы не посрамите земли Русской и враги не посмѣются вамъ" [285]).

Въ Москвѣ закипѣла дѣятельность. При первомъ извѣстіи объ Ополченіи, Погодинъ, подъ 2 февраля 1855 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Хоть бы послать меня на помощь къ Титову и Бутеневу въ Вѣну". Всѣ взоры обратились на Ермолова. Погодинъ почти не выходилъ изъ Россійскаго Благороднаго Собранія. О своихъ впечатлѣніяхъ, онъ, по обычаю, лаконически записывалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

Подъ *12 февраля 1855 г.*: „Въ Дворянское Собраніе. Мертво и холодно, — какъ будто о чужомъ дѣлѣ и холодно. Козни даже противъ Ермолова и все очень глупо".

— *13* — — : „Погибе утро въ Собраніи. Какъ глупо ведется дѣло! Низкія козни. Неумѣстное письмо Ермолова. Много въ немъ мелочного: унижается и вмѣстѣ колетъ"!

Въ то же время, самъ Погодинъ обращается къ Ермолову съ слѣдующимъ письмомъ: „Генералъ! Московское дворянство, призываемое священнымъ гласомъ царя, ополчается на защиту Православной вѣры, на помощь угнетеннымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ Отечества. Оно проситъ васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами, и смѣетъ надѣяться, что вы уважите его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной годины общаго испытанія. Идите-жъ, генералъ, съ силами Москвы, въ которой издревле Отечество искало и всегда находило себѣ спасеніе, идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ нашихъ армій. Тамъ ваши ученики и младшіе товарищи, всѣ наши храбрые солдаты. Пусть развернется предъ ними наше старое, наше славное знамя 1812 года. Всѣ Русскіе воины будутъ рады увидѣть въ своихъ рядахъ вашу бѣлую голову и услышать ваше слав-

ное имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго вы получили первый Георгіевскій крестъ и именемъ Кутузова, которому служили правою рукою на Бородинскомъ полѣ. Непріятели вспомнятъ скоро Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а магометанскіе ихъ союзники—Кавказъ, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнулъ въ ущеліяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Идите, принявъ благословеніе въ Успенскомъ соборѣ предъ гробами нашихъ древнихъ Святителей. Братья наша, которая пойдетъ съ вами, будетъ беречь васъ, какъ старое драгоцѣнное Русское знамя 1812 года, а тѣ, которые останутся дома, будутъ молиться, чтобы вы возвратились скорѣе, съ честію и славою, доказавъ ослѣпленной Европѣ, что Святая Русь остается неизмѣнно Святою Русью, и не смотря ни на какія опасности и ни чьи угрозы, не позволитъ никогда никому прикасаться безъ наказанія къ ея завѣтнымъ Святынямъ: Церкви, Престолу и Отечеству!“

Написавъ это письмо, Погодинъ занесъ въ свой *Дневникъ:*

Подъ *14 февраля 1855 года:* „Утро въ Собраніи. Написалъ, плача, письмо къ Ермолову“.

— *15* — — —: „Ермоловъ выбранъ 200 изъ 209, не смотря на козни. Все-таки торжество Русскаго духа. Восторгъ. Прочелъ письмо. Понравилось и полетѣло изъ рукъ въ руки. Слезы и объятія. Заѣхалъ къ Ермолову. Помолодѣетъ старикъ. Весь вечеръ просидѣлъ, чтобы поправить двѣ фразы. Въ Рядахъ, говорятъ, было торжество“.

— *16* — — —: „Въ Собраніи. Вечеръ у Кошелева. Ермоловъ выбранъ въ Петербургѣ. Вотъ опозорилась бы Москва, еслибы не выбрала его“.

Въ *Дневникѣ* же О. М. Бодянскаго, подъ 16 февраля 1855 г., читаемъ: „Вечеромъ, въ среду, бывши у С. П. Шипова, узналъ о выборѣ А. П. Ермолова вчера въ начальники Московскаго Ополченія: изъ 280 шаровъ только 6 черныхъ; а сегодня, говорятъ, получено уже утвержденіе по телеграфу, или же извѣстіе о томъ. Генералъ-губернаторъ будто бы считалъ своею обязанностью, по однимъ,—письменно, по другимъ,—

словесно, черезъ одного сына Ермолова, служащаго у него адъютантомъ, предувѣдомить старика, что де, вѣроятно, онъ откажется отъ выбора въ начальники Ополченія, на случай, еслибы его выбрало Московское Дворянство, какъ ходятъ о томъ слухи и т. п. На это Ермоловъ отвѣчалъ письмомъ, которое тутъ же Анна Евграфовна *) показала мнѣ и дала списать. Вотъ оно: Милостивый государь, графъ Арсеній Андреевичъ! Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего по предмету предстоящихъ выборовъ, и со всею откровенностью отвѣчаю вамъ. Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званію; но если я буду удостоенъ избранія Московскаго Дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя предъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ, и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, и еслибы даже не утвержденъ былъ въ званіи начальника Губернскаго Ополченія, въ каковое я, вѣроятно, могу быть избираемъ. Легче всего, могутъ найтись люди способнѣйшіе и не въ праздности дождавшіеся престарѣлыхъ моихъ лѣтъ. Двадцать четыре года, вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, и въ теперешнемъ случаѣ нимало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признанъ буду за годнаго. Впрочемъ, благодаря Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю и, конечно, искать не стану. Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому я не скажу иначе. Душевно преданный“ и пр.. Говорятъ, что письмо это было объявлено сыномъ его въ Собраніи Дворянства, когда стали-было нѣкоторые дѣлать замѣчанія въ родѣ того, которое вызвало самое письмо; оно было тутъ же списано и разошлось молніей по городу. Послѣ выбора, *ура* продолжалось безъ умолку слишкомъ четверть часа. Вторымъ по Ермоловѣ выбранъ графъ С. Г. Строгановъ, тоже значительнымъ числомъ. Онъ въ это

*) Рожденная графиня Комаровская. *Н. Б.*

время, съ святокъ, находился въ Петербургѣ и лишь сегодня вернулся изъ него".

18 февраля того же 1855 года, И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Ермоловъ получилъ оффиціальное увѣдомленіе отъ Петербургскаго губернскаго предводителя Дворянства, что онъ выбранъ единогласно и что депутація уже готова ѣхать къ нему.... Ермоловъ благодарилъ и отвѣчалъ, что онъ уже выбранъ Москвою. Въ четвергъ разнесся слухъ въ Собраніи, что Ермоловъ, которому дали знать частнымъ образомъ, что государь согласенъ на его избраніе, пріѣдетъ благодарить дворянъ. Мигомъ съѣхалась вся Москва на это зрѣлище, но узнавъ, что все это вздоръ, тотчасъ же разъѣхалась. Нынче послѣдній день Собранія, если онъ не будетъ нынче, такъ Москва и не увидитъ его въ Собраніи: Дворянство разъѣзжается".

Въ другомъ письмѣ, И. С. Аксаковъ писалъ: „Казначеевъ хочетъ меня везти завтра къ Ермолову, милый отесенька и милая маменька. Хотя я этому и не совсѣмъ радъ, въ томъ отношеніи, что Казначеевъ смотритъ на меня вовсе не какъ на лицо самостоятельное, имѣющее нѣкоторую литературную извѣстность, а какъ на молодого чиновника, нуждающагося въ протекціи; но, съ другой стороны, признаю это полезнымъ и даже необходимымъ для успѣха. Я рѣшился также твердо держаться одного, именно теперь: намѣренія моего служить въ Ополченіи" [286]).

Въ это самое время, 5 февраля 1855 года, генералъ Врангель сдѣлалъ нападеніе на Турокъ, стоявшихъ въ Евпаторіи, подъ начальствомъ Омеръ-паши, которое однако не имѣло успѣха. Но протоіерей Арсеній Лебединцевъ, изъ Севастополя, писалъ высокопреосвященному Иннокентію: „О Евпаторійскомъ дѣлѣ у насъ разсказываютъ вещи довольно пріятныя; между тѣмъ, протоіерей Михаилъ Родіоновъ пишетъ объ ужасахъ. Странно" [287]).

Извѣстіе объ Евпаторійскомъ сраженіи было послѣднимъ, которое императоръ Николай I получилъ съ театра войны. Его

здоровье уже съ давняго времени было сомнительное; теперь же, отъ заботъ и усилій, причиненныхъ затруднительнымъ положеніемъ Государства, оно, разрушалось болѣе. Но здоровья своего государь нисколько не щадилъ, неуклонно исполняя свои обязанности.

LXX.

Съ 17 февраля 1855 года, стали появляться въ газетахъ зловѣщіе бюллетени, за подписью докторовъ: Мандта, Енохина и Карелля, въ которыхъ съ смущеніемъ читали: „Болѣзнь его императорскаго величества началась легкимъ гриппомъ; съ 10-го же февраля, при слабыхъ подагрическихъ припадкахъ, обнаружилась лихорадка. Вчера, съ появленіемъ страданія въ правомъ легкомъ, лихорадка была довольно сильна. Ночь его величество провелъ безъ сна. Сегодня лихорадка нѣсколько слабѣе, и изверженіе легочной мокроты свободнѣе".

Въ тотъ же день, въ 11 часовъ вечера: „Лихорадка его величества къ вечеру усилилась. Отдѣленіе мокроты отъ нижней доли пораженнаго праваго легкаго сдѣлалось труднѣе".

18 февраля, въ 4 часа по полуночи: „Затруднительное отдѣленіе мокротъ, коимъ страдалъ вчера государь императоръ, усилилось, что доказываетъ ослабѣвающую дѣятельность легкихъ и дѣлаетъ состояніе его величества весьма опаснымъ.

„Государь императоръ сего числа, въ $3^1/_2$ часа по полуночи, *изволилъ* (сподобился) исповѣдаться и причаститься Святыхъ Таинъ, въ полномъ присутствіи духа".

Того же числа, въ 9 часовъ утра: „Угрожающее его величеству параличное состояніе легкихъ продолжается, и вмѣстѣ съ тѣмъ происходящая отъ того опасность" [288]).

Прочитавъ послѣднюю депешу, Ѳ. И. Прянишниковъ писалъ Погодину: „Прочь политика.—Сію минуту подали мнѣ убійственный бюллетень... Спѣшу во дворецъ узнать... Кончено... Въ 20 минутъ 1-го не стало" [289]).

Войдемъ теперь въ преддверіе царской келліи и послушаемъ Мандта.

Но прежде чѣмъ мы будемъ внимать Мандту, мы познакомимся съ наружностью этого замѣчательнаго человѣка, которую такъ живописала баронесса М. П. Фредериксъ: „Наружность Мандтъ имѣлъ совершенно мефистофельскую; голова его была маленькая, продолговатая, зміевидная, орлиный носъ и проницательный взглядъ изъ подлобья, смѣхъ его былъ непріятный — при всемъ этомъ онъ хромалъ, ну, ни дать, ни взять—Мефистофель, да и только... Онъ былъ одинъ изъ такихъ людей, которыхъ или ненавидѣли или обожали... Припоминая внушительный взглядъ Мандта и своеобразное удареніе пальцемъ по столу, когда онъ хотѣлъ что нибудь доказать, смотря нѣсколько секундъ упорно вамъ въ глаза, то невольно приходишь къ мысли, что дѣйствительно Мандтъ обладалъ громадною силою внушенія, притомъ онъ былъ и магнетизеръ. Мандтъ былъ иностранецъ, вывезенный изъ за границы въ сороковыхъ годахъ, если не ошибаюсь, великою княгиней Еленой Павловной, врачемъ для себя“.

Съ сокрушеніемъ сердечнымъ Мандтъ повѣдалъ: „Между 11 — 12 часами, государь отложилъ пріобщеніе Св. Таинъ, до того времени, когда будетъ въ состояніи встать съ постели... Сдѣлавъ всѣ нужныя медицинскія предписанія, я, не раздѣваясь, легъ отдохнуть въ постель. Докторъ Карелль долженъ былъ оставаться въ комнатѣ больного. Въ $2^1/_2$, я всталъ и мнѣ подали слѣдующую записку графини А. Д. Блудовой: „Умоляю васъ, не теряйте времени, въ виду усиливающейся опасности. Настаивайте непремѣнно на пріобщеніи Св. Таинъ. Вы не знаете, какую придаютъ у насъ этому важность и какое ужасное впечатлѣніе произвело бы на всѣхъ неисполненіе этого долга. Вы иностранецъ,—и вся отвѣтственность падетъ на васъ. Вотъ доказательство моей признательности за ваши прошлогоднія заботы. Вамъ говоритъ дружески преданная вамъ“. Войдя въ прихожую, Мандтъ повстрѣчался съ великой княгиней Маріей Николаевной. Она сказала: „У васъ должно

быть все идетъ къ лучшему, такъ какъ я давно не слыхала никакого шума“. Мандтъ нашелъ доктора Кареля на своемъ посту... Было около 10-ти минутъ 4-го, когда я — пишетъ Мандтъ—остался на-единѣ съ больнымъ государемъ въ его маленькой непріютной спальнѣ, дурно освѣщенной и прохладной. Со всѣхъ сторонъ слышалось завываніе холоднаго сѣвернаго вѣтра... Я началъ съ тщательнаго изслѣдованія всей груди... Императоръ охотно этому подчинился... Въ нижней части праваго легкаго я услышалъ шумъ, который сдѣлался для меня... зловѣщимъ... Этотъ шумъ уничтожилъ всѣ мои сомнѣнія и далъ мнѣ смѣлость приступить къ рѣшительному объясненію... Я вступилъ въ слѣдующій разговоръ съ его величествомъ:

Мандтъ: Идучи сюда, я встрѣтился съ однимъ почтеннымъ человѣкомъ, который просилъ меня положить къ стопамъ вашего величества изъявленія его преданности и пожеланія выздоровѣть.

Государь: Кто такой?

Мандтъ: Это протопресвитеръ Бажановъ, съ которымъ я очень близокъ и почти-что друженъ.

Государь: Я не зналъ, что вы знакомы съ Бажановымъ... Это честный и вмѣстѣ съ тѣмъ добрый человѣкъ.

Мандтъ: Я познакомился съ Бажановымъ въ очень тяжелое для всѣхъ насъ время, у смертнаго одра въ Бозѣ почившей великой княгини Александры Николаевны. Вчера мы вспоминали объ этомъ времени у государыни императрицы, и изъ оборота, который былъ данъ разговору, мнѣ было нетрудно понять, что ея величеству было бы очень пріятно, еслибы она могла вмѣстѣ съ Бажановымъ помолиться подлѣ вашей постели объ умершей дочери и вознести къ небу мольбы о вашемъ скоромъ выздоровленіи...

Государь: Скажите же мнѣ, развѣ я долженъ умереть?..

Мандтъ: Да, ваше величество!

Государь: Что̀ нашли вы вашимъ инструментомъ? Каверны?

Мандтъ: Нѣтъ, начало паралича...

Государь: Какъ достало у васъ духу высказать мнѣ это такъ рѣшительно?

Мандтъ: Меня побудили къ этому, ваше величество, слѣдующія причины. Прежде всего и главнымъ образомъ я исполняю данное мною обѣщаніе. Года полтора тому назадъ, вы мнѣ однажды сказали: *Я требую, чтобъ вы мнѣ сказали правду, еслибъ настала та минута въ данномъ случаѣ.* Къ сожалѣнію, ваше величество, такая минута настала. Во вторыхъ, я исполняю горестный долгъ по отношенію къ монарху. Вы еще можете располагать нѣсколькими часами жизни, вы находитесь въ полномъ сознаніи и знаете, что нѣтъ никакой надежды. Эти часы, ваше величество, конечно, употребите иначе, чѣмъ какъ употребили бы ихъ, еслибы не знали положительно, что васъ ожидаетъ; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ кажется. Наконецъ, я высказалъ вашему величеству правду, потому что люблю васъ и знаю, что вы въ состояніи выслушать ее.

Государь: Благодарю васъ... Позовите ко мнѣ моего старшаго сына... Не забудьте извѣстить остальныхъ моихъ дѣтей и моего сына Константина. Только пощадите императрицу.

Мандтъ: Ваша дочь, великая княгиня Марія Николаевна, провела ночь на кожаномъ диванѣ въ передней комнатѣ и находится здѣсь въ настоящую минуту...“ [290]).

За симъ, по свидѣтельству графа Д. Н. Блудова, государь самъ объявилъ о близкой своей кончинѣ наслѣднику и, боясь испугать императрицу, прибавилъ: „Надѣюсь, что ты ничего не сказалъ и не скажешь матушкѣ“.—Но императрица была уже ко всему готова, и государь не удивился, увидѣвъ императрицу возлѣ себя. Духовникъ протопресвитеръ В. Б. Бажановъ былъ также готовъ и близко со Святыми Дарами. По прочтеніи пріуготовительныхъ молитвъ къ св. Исповѣди, государыня и цесаревичъ вышли изъ комнаты; они вошли обратно по совершеніи сего Таинства. Всѣ прочіе члены августѣйшаго семейства ожидали, колѣнопреклоненные, въ сосѣдственной комнатѣ, великую минуту послѣдняго на землѣ общенія его

съ Господомъ... Государь, перекрестясь, сказалъ: *Молю Бога, чтобы Онъ принялъ меня въ Свои объятія.*

Умирающій приступилъ къ великому Таинству съ глубокимъ умиленіемъ, но и съ совершеннымъ спокойствіемъ, и своимъ обыкновеннымъ, выразительнымъ и твердымъ голосомъ произносилъ читаемое предъ св. Причащеніемъ Исповѣданіе вѣры"... [291]).

По свидѣтельству П. А. Плетнева, императоръ Николай, бесѣдуя предъ смертью со своимъ духовникомъ В. Б. Бажановымъ о Вѣрѣ, сказалъ: *Я не богословъ; вѣрую по мужицки* [292]).

Когда же императрица Александра Ѳеодоровна спросила своего умирающаго супруга, „не осталось ли въ душѣ его озлобленія противъ кого-нибудь?" Онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, прощаю и Австрійскому императору, который такъ жестоко переворачивалъ ножъ въ ранѣ, имъ нанесенной мнѣ,—готовъ молиться за него и за *султана*". Послѣднее слово проговорилъ онъ улыбаясь" [293]).

Воздавъ *Божіе Богови*, нашъ кесарь обратился на нѣсколько мгновеній къ дѣламъ земнаго своего царства: приказалъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву, Кіевъ, что *императоръ умираетъ*, какъ будто говоря уже не отъ своего имени, и прибавилъ: *прощается съ Москвою*. Онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій о своемъ погребеніи: велѣлъ положить возлѣ гроба маленькій образъ Богородицы Одигитріи, который получилъ при крещеніи отъ Екатерины Великой; самъ назначилъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго дворца залу, въ которой должно было поставить гробницу съ его смертными останками, и мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ соборѣ. Онъ требовалъ, чтобы погребеніе его было совершено съ наименьшею, по возможности, роскошью... Тогда началось трогательное прощаніе умирающаго съ семействомъ. Къ смертному одру его стеклись всѣ члены царскаго дома, даже младенцы, дѣти дѣтей его.

...Будущему наслѣднику престола онъ говорилъ: *Служи Россіи*. Великаго князя Александра Александровича принесли

позднѣе другихъ; онъ былъ блѣденъ отъ испуга; но его скоро успокоилъ умирающій своими отеческими ласками... Когда вошла великая княгиня Елена Павловна, онъ сказалъ ей: *Благодарю. Теперь и мнѣ пришло время. Скажите мой сердечный поклонъ Катѣ* (великой княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ), *ей* и *ему. Имъ обоимъ.* На слова императрицы: *Зачѣмъ я не могу умереть съ тобою,* онъ, указывая на дѣтей, сказалъ: *Ты должна жить для нихъ;* а дѣтямъ, указывая на императрицу, сказалъ: *Живите всегда, какъ нынѣ, въ тѣсномъ союзѣ любви семейной...*

Народъ толпился вокругъ дворца; иные врывались въ сѣни; другіе на площади и бульварѣ становились на колѣни...

Государь продолжалъ жить еще нѣсколько часовъ, но сохраняя въ изнеможенномъ тѣлѣ все присутствіе ума, всю твердость духа.

...Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи съ извѣстіями и письмами отъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. *Здоровы ли они?* спросилъ императоръ; *все прочее теперь не касается меня. Я весь въ Богѣ.*

Благословивъ супругу, дѣтей и внуковъ, онъ призвалъ бывшихъ во дворцѣ: генералъ-адъютанта графа Орлова и министровъ Двора и Военнаго; благодарилъ ихъ за службу и поручилъ наслѣднику своему благодарить отъ его имени всѣхъ другихъ министровъ, гвардію, армію, флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя. Онъ не забылъ и ближнюю прислугу свою и дворцовыхъ гренадеровъ; всѣхъ благословилъ, всякому сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Потомъ съ улыбкою спросилъ доктора: *Скоро ли вы дадите мнѣ отставку? Скоро ли все будетъ кончено?*—Не такъ еще скоро, отвѣчалъ медикъ.—*Не лишусь ли я памяти?*—Надѣюсь, ваше величество, что все будетъ тихо и спокойно...

При послѣднемъ лобзаніи, онъ сказалъ преемнику своего престола: *Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ Царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за*

Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего въ свѣтѣ.

Когда по желанію императора Николая, духовникъ читалъ молитвы *на исходъ души*, онъ слушалъ ихъ съ неуклоннымъ вниманіемъ, нѣсколько разъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и по окончаніи, простившись съ нимъ, крѣпко прижалъ къ устамъ наперстный его крестъ... Не будучи въ состояніи сказать что-либо, онъ потухающимъ взоромъ указывалъ духовнику на императрицу и наслѣдника, какъ бы прося его утѣшать ихъ и за нихъ молиться...

Въ 1-мъ часу дня, 18-го февраля, государь скончался...

„Смерть императора Николая — писала А. О. Смирнова — меня несказанно поразила христіанскою простотою всѣхъ его послѣднихъ словъ, всей его обстановки. Подробности вамъ извѣстны; я узнала ихъ отъ Мандта, отъ Гримма, его стараго камердинера, и наконецъ отъ государыни и великой княгини Маріи... Я пошла посмотрѣть эту комнату, скорѣе келью, куда, въ отдаленный уголъ своего огромнаго дворца, онъ удалился, чтобы выстрадать всѣ мученія... чтобы умереть на жесткой и узкой походной кровати, стоящей между печкой и единственнымъ окномъ... Я видѣла потертый коверчикъ, на которомъ онъ клалъ земные поклоны утромъ и вечеромъ передъ образомъ въ очень простой серебряной ризѣ... Въ гробъ ему положили икону Божіей Матери Одигитріи,—благословеніе Екатерины, при его рожденіи. Сильно подержанное Французское Евангеліе,—подарокъ Александра Павловича (его онъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, читалъ каждый день)... Экземпляръ Ѳомы Кампійскаго, котораго онъ сталъ читать послѣ смерти дочери, великой княгини Александры Николаевны, нѣсколько семейныхъ портретовъ, нѣсколько батальныхъ картинъ по стѣнамъ, онъ ихъ собственноручно повѣсилъ, туалетный столъ безъ всякаго серебра, письменный столъ, на немъ прессъ-папье, деревянный разрѣзательный ножъ и Одесская бомба; вотъ его комната.

Онъ покинулъ свои прекрасные апартаменты для этого неудобнаго угла... какъ бы съ тѣмъ, чтобы приготовить себя для еще болѣе тѣснаго жилища... Гриммъ, служившій при немъ съ ранней молодости, заливаясь слезами, говорилъ мнѣ, что онъ послѣ Альмы долго не спалъ, а только два часа подърядъ проводилъ въ сонномъ забытьи. Онъ ходилъ, вздыхалъ и молился даже громко среди молчанія ночи. Мнѣ кажется, что онъ въ это время именно раскрылся какъ человѣкъ вполнѣ Русскій" [294]).

LXXI.

Въ Погодинскомъ Архивѣ сохранилась копія съ письма, сдѣланная рукой князя В. А. Черкасскаго, Анны Николаевны Семявской, жившей у А. О. Смирновой, къ А. И. Васильчиковой, въ которомъ читаемъ: „Болѣзнь царя была такъ мало всѣмъ извѣстна, что вчера, обѣдая, у пріѣзжаго изъ Вильны С. П. Сумарокова, онъ намъ сказалъ: L'héritier m'a dit qu'il est inquiet pour l'empereur et qu'enfin il a obtenu un bulletin qu'on a publié ce matin; l'empereur a une affection de poumons; à 8 heures Сергѣй Павловичъ est allé de nouveau chez L'héritier qui lui a ordonné de venir lui raconter l'état des troupes. Я пріѣхала домой и сіе разсказала Александрѣ Осиповнѣ; она послала нынѣ, рано утромъ, человѣка узнать во дворецъ о здоровьѣ царя... Возвращается человѣкъ и приноситъ писанное объявленіе, что все идетъ хуже; на всѣхъ подъѣздахъ много народа и большое волненіе вездѣ. Не медля, я ѣду къ Велгурскимъ узнать. Саша Соллогубъ меня встрѣчаетъ и говоритъ: нашъ царь умираетъ. Мама всю ночь была во дворцѣ, также тетя Анна Михайловна и Михаилъ Михайловичъ; дѣдушка болѣнъ и вверху плачетъ; я нашла Михаилу Юрьевича въ горькихъ слезахъ... Государь скончался въ 12½. Ночью, въ 12 часовъ, ему стало хуже, c'est une goutte remontée au coeur. A 1 heure de la nuit Mandt lui a dit: Sire, votre état est grave, ne désirez-vous pas voir

votre confesseur? il a répondu: je suis prêt.. Явился Бажановъ; царь имѣлъ присутствіе духа чудное, простился со всею семьею; разбудили всѣхъ возможныхъ дѣтей, всѣхъ благословилъ, просилъ у всѣхъ прощенія, начиная отъ своихъ людей, далѣе позвалъ дворцовыхъ гренадеръ—у всѣхъ просилъ прощенія; наслѣднику давалъ разныя приказанія, какъ и гдѣ его хоронить, и говорилъ ему: dans quel état je laisse le trône! Я надѣюсь, что Господь меня пріиметъ въ свои объятія"... Поручилъ царицу Бажанову; вся его мысль и послѣдній взглядъ былъ на царицу; и никто изъ семейства не забудетъ того взгляда, который онъ обратилъ на цесаревну, показывая ей на государыню; не имѣя болѣе языка, онъ взглядомъ ей показывалъ и просилъ не оставлять государыни. Когда государыня, сидя возлѣ него, ему говорила: „je veux mourir avec toi", онъ ей отвѣчалъ: „tu dois vivre, tu dois être le centre de la famille et de tout; je meurs étant sûr de la grâce Divine"; простился съ Орловымъ, Адлербергомъ и Долгоруковымъ. Это все мнѣ разсказывала Софья Михайловна *), которая только-что возвратилась отъ тѣла, бывъ въ той комнатѣ, гдѣ онъ скончался. Предъ концемъ царь сказалъ: пошлите въ Москву дать знать, что я опасно боленъ, а гвардіи, чтобъ послѣ моей кончины присягали тотчасъ наслѣднику. Все это Константинъ Николаевичъ расказывалъ Віельгорскимъ, и Марія Николаевна также. Они всѣ въ самомъ жалкомъ состояніи. Кончина была твердая и истинно христіанская. Послѣ мы были у Анны Тютчевой **); и она все подробно расказывала. Наслѣдникъ реветъ, какъ дитя, а цесаревна не можетъ плакать, но ее все рветъ; царица неожиданно сохраняетъ присутствіе духа и говоритъ Маріи Николаевнѣ: какъ ты можешь объ немъ плакать, Господь его взялъ, чтобы его избавить отъ ужасныхъ вещей. Во дворцѣ присягаютъ. Поѣхали за великими князьями. Будутъ

---

*) Графиня Соллогубъ, рожденная Віельгорская. *Н. Б.*

**) Потомъ въ замужествѣ за И. С. Аксаковымъ. *Н. Б.*

ждать Ольгу Николаевну. Народъ толпится около дворца и не вѣритъ своимъ ушамъ, что царя уже нѣтъ. Я, выходя изъ подъѣзда, встрѣтила двухъ мужиковъ, которые спрашивали у городового — правда ли, что царь нашъ умираетъ? Онъ отвѣчалъ: умеръ въ 12$^1/_2$ часовъ; оба мужика поклонились въ землю предъ манежемъ и за него начали молиться, и послѣ говорятъ: Батюшка! Давно-ль ты былъ здѣсь и какъ ясный соколъ поскакалъ по липовымъ аллеямъ, а теперь ты уже у Бога! А. О. Смирнова проситъ, чтобъ вы подтвердили Ю. Ѳ. Самарину, какой христіанскій конецъ имѣлъ царь нашъ. Никто не вѣритъ своимъ ушамъ и глазамъ. 26 января онъ былъ на свадьбѣ у Клейнмихеля и уже не хорошо чувствовалъ себя; на масленицѣ былъ уже не совсѣмъ здоровъ, но ѣздилъ въ манежъ, и Мандтъ былъ противъ сего; на 1-й недѣлѣ ѣлъ грибы, была рвота; на 10-е лихорадка; но 9-го онъ видѣлъ Оболенскаго (флигель-адъютанта) и два часа съ нимъ говорилъ но извѣстіе 13-го объ Евпаторіѣ его разстроило; а потомъ смерть нашла причину. Что такое на улицахъ, что во дворцѣ, что у дворца и у подъѣздовъ, этого описать нельзя. У Віельгорскихъ такъ и рыдаютъ; на Михайла Юрьевича нельзя и смотрѣть".

Князь В. А. Черкасскій сообщалъ Погодину, что „бальзамировка тѣла, къ несчастію, вовсе не удалась и *гробъ закрытъ*. Народъ пускаютъ къ закрытому гробу. Это достойно всякаго сожалѣнія" [295]).

Въ Севастополѣ узнали о кончинѣ государя только 1-го марта, и протоіерей Арсеній Лебединцевъ писалъ преосвященному Иннокентію: „Въ ночь на 22 февраля, ихъ высочества изволили опять отправиться въ С.-Петербургъ, по случаю болѣзни государя императора. Вѣстникъ о семъ прибылъ вечеромъ 21 февраля, а черезъ нѣсколько часовъ великіе князья уже оставили Севастополь. Князь Меншиковъ выѣхалъ въ Симферополь собственно для поправленія своего разстроеннаго здоровья. Должность главнокомандующаго занимаетъ генералъ Сакенъ, котораго квартиру, 20

февраля, нашла непріятельская ракета, упавшая въ залу, гдѣ и была потушена“ [296]). Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи прибыли въ Петербургъ тогда, „когда останки ихъ отца были уже перенесены въ Петропавловскую крѣпость“ [297]).

„Вѣсть о кончинѣ государя императора, — писалъ протоіерей Арсеній Лебединцевъ высокопреосвященному Иннокентію—привезена въ Севастополь сыномъ фельдмаршала князя Паскевича. Приводъ къ присягѣ войскъ и жителей совершался на площади Михайловской церкви и при другихъ церквахъ, и вездѣ, гдѣ удобнѣе было собирать войска. На Михайловской площади присутствовалъ и преосвященный митрополитъ Агаѳангелъ, который на другой день участвовалъ и въ совершеніи соборной панихиды по усопшемъ императорѣ. Замѣчательно, что за три дня до полученія изъ С.-Петербурга печальной вѣсти, въ лагерѣ непріятельскомъ уже знали о смерти императора, и чрезъ парламентера дали знать объ этомъ въ городѣ; но Сакенъ хранилъ это въ тайнѣ. Довольно удивилъ меня полицейскій чиновникъ.... Объ умершемъ онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ замѣтилъ, что такъ надлежало быть по пророчествамъ, и теперь должно ожидать торжества праваго дѣла. На вопросъ: по какимъ? Онъ отвѣчалъ: Греческимъ. Онъ изъ Грековъ... Теперь, безъ сомнѣнія, когда все будетъ обложено мракомъ печальнымъ, должно ожидать въ мірѣ настоящемъ Перста Божія. Буди воля Господня!“ [298]).

2 марта 1855 года, митрополитъ Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „По истинѣ сильный громъ возгремѣлъ надъ Россіею. Падемъ въ смиреніи предъ тѣмъ, котораго *гласъ грома* надъ *земнымъ кругомъ*, и котораго *молніи освѣщаютъ вселенную*“ [299]). Въ письмѣ же Филарета къ Антонію читаемъ: „Немного дней не писалъ я вамъ, и какъ будто вѣкъ прошелъ въ сіе время. Вотъ уже другое царствованіе. Гласомъ силы возгремѣ Господь надъ Россіею. Но мы, какъ спутники Павла къ Дамаску, поражены слышаніемъ гласа, и не разумѣемъ, что онъ глаголетъ. Не соединитъ ли Господь съ

пораженіемъ и нѣкоторое исцѣленіе? Много раздражали Европу, взводя вину раздоровъ лично на покойнаго государя: нынѣшній приходитъ невинною душею, и противъ него нечего сказать. Не опомнятся ли народы, и не подумаютъ ли, что напрасно разоряютъ сами себя? Но сомнительно. Давно видны примѣты, что готовится общій заговоръ Европы противъ Россіи; онъ успѣваетъ медленно, но не останавливается; новая примѣта въ томъ, что Англія и Франція не хотятъ ясно сказать, какъ разумѣютъ предварительные пункты мира. Не признакъ ли это, что готовятся дать имъ, какъ можно, злое толкованіе? Обрати ны, Господи, и обратимся, и помолимся и спасемся...“ [300]).

Гласомъ грома для Погодина была слѣдующая записочка Ю. Ѳ. Самарина: „Hesterna nocte Imperator defunctus est“.

Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ *19 февраля 1855 года*, Погодинъ записалъ: „Вдругъ записка Самарина о смерти государя! Ударило, какъ громомъ. Положилъ поклонъ за умершаго. Странное впечатлѣніе; но никакого злопамятства. Думалъ заѣхать къ Ермолову и Назимову. Нѣтъ дома. Въ клубъ. Всѣ узнали. Вчера въ часъ, въ полной памяти. Въ 4 часа простился съ семействомъ. Въ клубѣ холодное удивленіе. Послѣ обѣда всѣ принялись играть въ карты. Какое странное невѣжество! Заѣхалъ къ Шевыреву. Проснувшись, принялся за *Изслѣдованія*. Какъ будто потянуло! Видно меня оторвутъ отъ нихъ и надо спѣшить“.

Вслѣдъ за симъ, Погодинъ получаетъ письмо отъ князя Д. А. Оболенскаго, въ которомъ читаемъ: „Ужасная вѣсть, конечно, уже дошла до васъ. Сегодня началось новое царствованіе. Богъ послалъ Россіи еще новое испытаніе! Какая ужасная минута. Хотя я самъ сегодня прикасался къ останкамъ покойнаго государя, но, признаюсь, до сихъ поръ не вѣрится, что его уже нѣтъ. Воображаю, какъ изумлена будетъ Москва, вся Россія. Здѣсь только вчера, весьма немногіе, узнали, что государь серьезно болѣлъ, большинство не вѣдало ни о чемъ. Повѣритъ

ли народъ тому, чему мы, очевидцы, не можемъ привыкнуть вѣрить? Письмо ваше передано въ прошедшую среду нынѣшнему императору. Онъ читалъ его, вѣроятно не думая, что найдетъ въ ономъ полезный совѣтъ, пригодный для себя и такъ скоро! Не знаю, какое впечатлѣніе произвело оно на него. Манифестъ о восшествіи на престолъ писанъ Блудовымъ второпяхъ, и для перваго случая хорошъ. Мнѣ кажется, что при настоящихъ обстоятельствахъ представится необходимость обратиться къ народу съ ободрительнымъ словомъ. Ваше вѣрное чутье можетъ дать истинную форму этому слову. Напишите мысли ваши объ этомъ,—что по вашему мнѣнію нужно было бы сказать теперь народу. Это порученіе я даю вамъ *отъ себя*, не имѣя на то никакого права. Ежели мысль моя придется вамъ по сердцу,—то пришлите съ *оказіею* просимое и я постараюсь передать его кому слѣдуетъ. Всего же лучше бы было вамъ пріѣхать самимъ. Время тяжелое... Помилуй Богъ Россію и ея новаго царя"

„Вы знаете,—писала Погодину графиня А. Д. Блудова,—какъ я любила государя—можете себѣ вообразить, какова была эта ночь на 18 февраля и каково мнѣ на сердцѣ! Что за христіанская и патріархальная кончина была у него! Истинно смерть праведника! Міръ Западный возрадуется и возвеселится нашей скорби, но Богъ милостивъ, печаль наша въ радость будетъ. Я записывала всѣ подробности и, когда кончу, вамъ пришлю. Батюшка, можете вообразить, въ какомъ душевномъ положеніи, но покуда, слава Богу, здоровъ."

„Каковы громовые удары — читаемъ въ письмѣ С. Т. Аксакова къ Погодину,—задаетъ намъ ходъ Исторіи! Государя Николая Павловича нѣтъ на свѣтѣ! Английская конституція трещитъ и ломается! Страшно жить въ такое время, страшно чувствовать явное присутствіе высшей силы!.. Какъ легко бы теперь, при общемъ сочувствіи, пріобрѣсть любовь прочную" [301]).

Христіанская кончина императора Николая произвела

примиряющее дѣйствіе. „Смерть царя — писалъ Хомяковъ къ Гельфердингу — меня оправдала въ моемъ о немъ сужденіи: я не ошибался. Его ошибки были ошибки въ понятіяхъ и въ ложной системѣ; но онъ былъ честный труженикъ, который дѣйствовалъ подъ ложно приложеннымъ нравственнымъ закономъ, и слѣдовательно онъ правъ былъ предъ судомъ совѣсти. Человѣкъ отвѣчаетъ только за свою волю". Въ письмѣ же Хомякова къ А. Н. Попову читаемъ: „Важная миновалась эпоха. Что бы ни было, а будетъ уже не то. Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ вы сами знаете; я винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ" [302]).

Въ то же время И. С. Аксаковъ писалъ къ князю Д. А. Оболенскому: „Я давно собирался писать къ тебѣ, хотѣлъ разсказать тебѣ о собраніяхъ Московскаго Дворянства по случаю манифеста объ Ополченіи, о выборѣ Ермолова; но всѣ эти необыкновенныя для нашей будничной жизни событія померкли, обрушились въ прошлое, забылись въ настоящую великую строгую минуту. Торжественно было это молчаніе внезапно и невольно прервавшихся рѣчей! Вся душа отхлынула внутрь и, пораженный громадностью явленія, молча, съ напряженнымъ вниманіемъ, присутствуешь при величавой смѣнѣ эпохъ. Въ Россіи каждое царствованіе есть эпоха, запечатлѣваемая личностью самодержца. Но проживая эпоху ежедневно, почти не слышишь хода дней, не ощутительны послѣднія измѣненія, развитіе и ростъ брошеннаго въ историческую почву сѣмени. Теперь же, когда обѣ эпохи вмѣстились въ одну минуту, когда видимо, одна смѣщаетъ другую,—живешь и самъ исторически, живешь всенародною жизнію" [303]).

LXXII.

Въ Москвѣ, а также и въ Петербургѣ, любопытствовали: поѣдетъ ли митрополитъ Филаретъ на похороны государя? Любопытство же наше по сему вопросу находитъ удовлетвореніе въ письмахъ митрополита. Въ письмѣ его къ А. Н. Муравьеву читаемъ: „Печаль на печаль наводятъ мнѣ нѣкоторые, говоря: зачѣмъ я не прошусь къ погребенію въ Петербургъ. Но сего не просилъ и митрополитъ Платонъ, который въ нѣсколько кратъ болѣе меня могъ имѣть дерзновенія. Успокоиваю себя тѣмъ, что есть въ семъ воля Божія, потому что ветхость моя не представляетъ для меня возможнымъ дальній путь. Нынѣшнею зимою имѣлъ я нужду быть въ Перервинскомъ монастырѣ: и не рѣшился, чувствуя, что пріѣду туда совершенно больной. Послѣ каждаго выѣзда на служеніе мнѣ нужно нѣсколько, а иногда и сутки, чтобы себя возстановить" [304]). Въ письмахъ же къ Антонію, владыка писалъ: „И въ Петербургѣ и въ Москвѣ говорятъ, зачѣмъ я не просился въ Петербургъ къ погребенію и, вѣроятно, обвинятъ меня въ семъ. Но и владыка Платонъ не поступалъ такъ. А что вѣрнѣе, и что меня успокоиваетъ, я не чувствую себя въ силахъ доѣхать до Петербурга". На предположеніе же Антонія, что прибытіе митрополита Московскаго въ С.-Петербургъ *могло бы подать вину къ безмирію другихъ*, Филаретъ отвѣчалъ: „Что я не просился въ Петербургъ, о томъ я спокоенъ въ совѣсти, и потому, что не имѣлъ примѣра въ предшественникахъ, и еще болѣе потому, что не въ силахъ предпринять путь. Но оттуда вѣсти различныя. Изъ хорошаго источника вѣсть, что государь императоръ изволилъ спрашивать, собираюсь ли я въ Петербургъ; изъ хорошаго источника и другая вѣсть, что сего не было. Воля Господня да будетъ во всемъ... А что вы разумѣли, сказавъ, что мое прибытіе въ Петербургъ *могло бы подать вину къ безмирію другихъ?* Неужели вы думаете, что

я потребовалъ бы первенство, или принялъ бы оное, если бы и предложили! Да не будетъ“ [305]).

Но вмѣсто личнаго участія въ погребеніи императора Николая I, Филаретъ задумалъ написать письмо къ вдовствующей императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. „Послѣ колебанія между желаніемъ и недоумѣніемъ, — писалъ онъ своему другу князю С. М. Голицыну, — я рѣшился изобразить мои въ настоящихъ обстоятельствахъ чувствованія государынѣ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Покорнѣйше прошу вашего посредства, для представленія ея императорскому величеству прилагаемаго при семъ письма. Ваше предстательство будетъ споспѣшествовать тому, чтобы мое усердіе не было отвергнуто, и чтобы мое дерзновеніе было мнѣ прощено“.

26 февраля 1855 г., предъ отправленіемъ князя С. М. Голицына въ Петербургъ, на похороны императора Николая I, митрополитъ Филаретъ ему писалъ: „Возьмите меня съ собою мысленно, и повергните къ стопамъ въ Бозѣ почившаго государя императора, который толико выше моего достоинства милостями своими меня ущедрялъ, и на недостатки мои снисходительно взиралъ. Господь да благословитъ путь вамъ, и да сохранитъ васъ въ мирѣ и здоровіи“ [306]).

Князь С. М. Голицынъ представилъ вдовствующей императрицѣ слѣдующее письмо митрополита Филарета, отъ 25 февраля 1855 года:

„Благочестивѣйшая государыня! Не знаю, позволительно ли дерзновеніе, которое пріемлю, и потому медленно рѣшаюсь, однакожъ наконецъ рѣшаюсь предстать предъ ваше императорское величество смиреннымъ словомъ:—но что скажу о великомъ лишеніи, которымъ, Неисповѣдимый въ судьбахъ своихъ, Богъ такъ внезапно посѣтилъ Россію? Всѣми и каждымъ оно чувствуется, но удобнѣе и свойственнѣе оно выражается не словами, а воздыханіями, слезами и глубокимъ безмолвіемъ пронзенныхъ печалью и съ тѣмъ вмѣстѣ покорныхъ судьбамъ Божіимъ сердецъ,

Твою душу первѣе всѣхъ пройде сіе оружіе, разумѣемъ, что величности твоей печали ничто не можетъ быть равно, какъ только величность любви, соединявшей твою душу съ душою твоего державнаго супруга. И съ молитвою печали о царѣ въ Бозѣ почившемъ, съ молитвою утѣшенія и надежды о царѣ Богомъ дарованномъ и о супругѣ его и о наслѣдникѣ его соединяемъ особенную молитву о тебѣ, благочестивѣйшая государыня: *Да услышитъ тя Господь въ день печали*, осѣнивъ твою душу своимъ благодатнымъ миромъ, да даруетъ тебѣ возможность *рещи къ Нему: по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою.* По истинѣ матерь благословенно воцарившагося царя, праматерь наслѣдника царева—въ сихъ наименованіяхъ не заключается ли для тебя утѣшеніе, такъ же праведное и сильное, какъ твоя печаль?

Да утѣшаетъ тебя воспоминаніе, что твой державный супругъ, во все продолженіе царствованія, среди неутомимыхъ трудовъ и въ часы скорбей или огорченій всегда своимъ любящимъ сердцемъ находилъ вѣрное успокоеніе близъ твоего любящаго сердца. — Храня его спокойствіе, ты хранила сокровище Россіи. Да утѣшаетъ тебя воспоминаніе, какъ знаменательно Господь благословилъ его жизнь въ его послѣднихъ дняхъ и часахъ, въ которыхъ свѣтлыя черты царя и отца семейства христіанина, не смотря на изнеможеніе внѣшняго человѣка, сіяли такъ сильно, такъ назидательно и благотворно. — Твоя молитва соединилась съ его послѣднею молитвою; надъ этимъ союзомъ не имѣетъ власти смерть: онъ простирается отъ времени въ вѣчность. — Молитва приближаетъ къ Богу и близъ сего сосредоточія существованія міровъ, неразлучно то, что является разлучнымъ въ мірѣ перемѣнъ. Молитвою Вѣры и упованія *возверзи на Господа печаль твою.* — Съ утѣшеніемъ помышляемъ, что и твоя любовь къ твоему державному сыну побуждаетъ тебя умѣрять твою печаль, чтобы ею не увеличивать тяготу души его, тогда какъ онъ взялъ на свои рамена великое бремя —

Россію. Если позволительно мнѣ сказать нѣчто и о себѣ: лишаюсь послѣдняго утѣшенія въ близости принести послѣдній долгъ въ Бозѣ почившему государю, который малое мое служеніе удостоивалъ вниманія и милостями своими, далеко выше моего достоинства меня ущедрялъ и на мои недостатки снисходительно взиралъ, но я долженъ покориться двоякой моей необходимости: мой служебный долгъ привязываетъ меня къ мѣсту и моя ветхость не оставляетъ мнѣ надежды перенести дальній путь".

На это письмо, императрица Александра Ѳедоровна отвѣчала слѣдующее: „Письмо вашего высокопреосвященства, отъ 25 февраля, дошло до меня на сихъ дняхъ. Спѣшу благодарить васъ отъ всего сердца, проникнутаго горестью невыразимою, но и глубоко тронутаго вашими словами утѣшенія. Такъ можетъ утѣшать, такъ можетъ говорить только религія чрезъ своихъ проповѣдниковъ. Она одна, показывая намъ свѣтъ во тьмѣ бѣдствій, коихъ цѣль для насъ непостижима, увѣряя насъ въ необходимости и спасительности самыхъ болѣзненныхъ испытаній, — имѣетъ власть повелѣвать намъ и давать силу жить для исполненія долга. Но то же завѣщалъ мнѣ и супругъ, мною оплакиваемый.

На одрѣ смертномъ, почти въ часы кончины, равно ознаменованной умилительными чувствами христіанина и спокойною твердостью царя, онъ еще просилъ меня беречь жизнь мою для семейства, для тѣхъ, которыхъ онъ, конечно, не перестаетъ любить и нынѣ. Семействомъ своимъ онъ называлъ всю Россію; при послѣднемъ прощаніи съ наслѣдникомъ своего престола, сказалъ, что идетъ молиться за нее и за насъ. Смѣемъ думать, что сей обѣтъ его уже совершается, что Богъ правды и милости принялъ въ свои отеческія объятія исполненную благихъ и чистыхъ намѣреній душу его.

Оканчиваю отвѣтъ мой вашему высокопреосвященству такъ-же, какъ вы заключили письмо свое, изъявленіемъ сердечнаго желанія васъ видѣть и испросить вашего архи-

пастырскаго благословенія, и съ тѣмъ вмѣстѣ и сожалѣнія, столь же искренняго, что сему препятствуютъ обстоятельства и состояніе вашего здоровья“ [307]).

Въ Москвѣ также ожидали, что и Погодинъ отправится въ Петербургъ, на погребеніе императора Николая I-го... По этому поводу у него возникла переписка съ друзьями...

25 февраля 1855 года, И. С. Аксаковъ писалъ къ своимъ родителямъ: „Погодинъ еще не уѣхалъ. Не знаю, чтò именно говорилъ ему Константинъ, но Погодинъ поразилъ меня тономъ нѣжности и *задушевнаго уваженія*, съ которымъ онъ отзывался о Константинѣ и о послѣднемъ своемъ съ нимъ свиданіи,—уваженія, какъ къ человѣку благоразумному“ [308]).

Изъ послѣдующаго письма К. С. Аксакова мы узнаемъ, что онъ настаивалъ на поѣздкѣ Погодина въ Петербургъ. „Я просто диву дался,—писалъ онъ Погодину,—узнавъ, что вы въ Москвѣ! Чтó съ вами сдѣлалось? Когда ѣхать былъ долгъ вашъ, вы остались! Мнѣ досадно, и за все доброе, и за васъ! Не умѣю себѣ объяснить; просто неизвинительно вы поступили, если не имѣли на то причинъ. Не шутите съ Исторіею. Вспомните хоть басню о фортунѣ. А здѣсь рѣчь идетъ не о фортунѣ, а о томъ, чтò гораздо выше: о Русскомъ благѣ, о Русской пользѣ. Впрочемъ, быть можетъ, есть и причины мнѣ неизвѣстныя. Совѣтую вамъ, если нѣтъ ихъ, и теперь ѣхать“.

Самъ С. Т. Аксаковъ написалъ Погодину укорительное письмо, въ которомъ читаемъ: „Чтò съ вами сдѣлалось, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ? Отчего вы не въ Петербургѣ? Послѣ извѣстій, полученныхъ мною отъ Константина, я думалъ, что вы на другой день уѣхали въ Петербургъ. Я объясняю себѣ вашъ поступокъ тѣмъ, что вы получили какое-нибудь *предупрежденіе*, какой нибудь *совѣтъ* не ѣздить до времени, и боюсь, что это совѣтъ былъ недобрый. Вамъ слѣдовало ѣхать безъ всякаго вызова, по соб-

ственному влеченію благодарности къ почившему. Вамъ не надобно было навязываться (это разумѣется само собою); но васъ могли позвать къ себѣ или поговорить съ вами черезъ кого-нибудь. Можетъ быть, вы пропустили единственный случай! Минута переходнаго состоянія не повторяется; чувства зрѣнія, слуха и пониманія скоро утрачиваются въ начинающемъ царствовать, и утрачиваются навсегда. Смотрите, чтобъ послѣ не стала васъ упрекать совѣсть. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, надобно немедленно ѣхать, хотя причина пріѣзда потеряна. Все это я говорю въ томъ предположеніи, что вы не имѣете прямого указанія *не ѣздить*. Я постоянно хвораю и боюсь расхвораться еще болѣе; старуха моя нездорова ... Прощайте! Въ какое время мы живемъ! Не переноситъ душа важности событій, и я подавленъ ими. Обнимаю васъ".

На все это Погодинъ отвѣчалъ С. Т. Аксакову: „*Зачѣмъ не поѣхалъ въ Петербургъ*? Не нашелъ внутренняго побужденія, котораго обыкновенно слушаюсь, а возраженія представлялись. Напрашиваться, выставляться, вы знаете, я никогда не любилъ. Можетъ быть, я и преодолѣлъ бы такое отвращеніе, но не имѣлъ времени даже и обдумать это ... Меня влекло къ Изслѣдованію; я съ 20 февраля до сихъ поръ сижу надъ лѣтописями. Послѣ праздника, можетъ быть, надумаюсь, а на праздникъ, если дорога поправится, побываю и у васъ—потолковать, помаракать ..... Какъ бы вы думали?— Чуть ли не три недѣли я не видалъ никого изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Можете судить — каково участіе къ общему дѣлу! Отъ словъ до дѣлъ велико разстояніе"...

Въ концѣ концовъ, 2 апрѣля 1855 г., И. С. Аксаковъ писалъ къ своимъ родителямъ: „Князь Д. А. Оболенскій такого мнѣнія, что Погодинъ хорошо сдѣлалъ, что не поѣхалъ" [309]).

Когда тѣло императора Николая I, предъ погребеніемъ, возлежало въ Петропавловскомъ соборѣ, на поклоненіе ему, между многимъ множествомъ, пришелъ и почтенный архео-

графъ Коркуновъ. „Вчера,—писалъ онъ Погодину,—водилъ въ крѣпость жену проститься съ покойнымъ государемъ; дежурными въ это время были: А. П. Ермоловъ и А. С. Норовъ. Лицо государя, хотя и закрыто флеромъ, было очень хорошо видно“.

Въ пятницу, 5 марта 1855 года, въ Петропавловскомъ соборѣ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій Никаноръ совершилъ погребеніе императора Николая I-го [310]).

Въ день погребенія, А. Н. Майковъ писалъ Погодину: „Позвольте представить вамъ экземпляръ моихъ новыхъ стиховъ и тѣмъ выразить вамъ мою благодарность за ваши неутомимыя изслѣдованія о Русской Исторіи, которыя много прояснили мнѣ въ нашей темной старинѣ. Въ этой книжкѣ, все, что я думаю о Россіи. Въ ней Россія—въ ея прошедшемъ, настоящемъ и идеалъ ея въ будущемъ. Я отнюдь не врагъ того направленія патріотизма нашего, который указываетъ черныя стороны нашего общества; напротивъ, оно необходимо, и полезно, и высоко. Но, указывая черное, необходимо представлять и идеалъ, къ которому должно стремиться, идеалъ, который бы согрѣвалъ насъ и водительствовалъ бы въ борьбѣ со ломъ. Вмѣстѣ съ этимъ хочу вамъ сдѣлать слѣдующее предложеніе. Написанъ мною былъ въ прошломъ году портретъ мною высоко любимаго и увы! нынѣ горячо оплакиваемаго государя. При жизни его я не хотѣлъ его печатать, дабы не сочли за лесть; по смерти его — искать мнѣ у него нечего, и теперь время его напечатать пришло. И гдѣ же, какъ не въ *Москвитянинѣ*?...

Вотъ это стихотвореніе:

Когда по улицѣ, въ откинутой коляскѣ,
Передъ безпечною толпою ѣдетъ онъ,
Въ походный плащъ одѣтъ, въ солдатской мѣдной каскѣ,
Спокойно-грустенъ, строгъ и въ думу погруженъ,—
Въ немъ виденъ каждый мигъ державный повелитель,
И вождь, и судія, Россіи промыслитель,
И первый труженикъ народа своего.
Съ благоговѣніемъ гляжу я на него,

И грустно думать мнѣ, что мрачное величье
Въ его есть жребіи: ни чувствъ, ни думъ его
Не пощадилъ нашъ вѣкъ клеветъ и злоязычья!
И рвется вся душа во мнѣ ему сказать
Предъ сонмищемъ его хулителей смущеннымъ:
Великій человѣкъ! Прости слѣпорожденнымъ!
Тебя потомство лишь съумѣетъ разгадать,
Когда Исторія предъ міромъ изумленнымъ
Плодъ слезныхъ думъ твоихъ о Руси обнажитъ,
И сдернувъ съ истины завѣсу лжи печальной
Въ ряду земныхъ царей твой образъ колоссальный
На поклоненіе народамъ водрузитъ.

Замѣчательно, что это стихотвореніе было написано А. Н. Майковымъ *5 марта* 1854 года [311]).

Духовное завѣщаніе покойнаго государя было написано имъ собственноручно, въ день Вознесенія, 4 мая 1844 года.

Завѣщаніе это заключается такими трогательными словами:

„Благодарю всѣхъ меня любившихъ, всѣхъ мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ меня ненавидѣвшихъ.

Прошу всѣхъ, кого могъ неумышленно огорчить, меня простить. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены; старался исправиться въ томъ, что за собой худого зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ; прошу искренно меня простить.

Я умираю съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было на семъ преходящемъ мірѣ меня наградить, *съ пламенною любовію къ нашей славной Россіи*, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой; жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ его утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить внутреннее ея устройство, и отдаля всякую опасность извнѣ. *На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки!*

Прошу всѣхъ меня любившихъ молиться объ упокоеніи души моей, которую отдаю милосердому Богу съ твердой надеждой на Его благость и предаваясь съ покорностью Его волѣ.

Аминь" [312]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ТРИНАДЦАТОЙ.

16 Октября 1898 года.
Павлоградъ,
Екатеринославской губерніи.

1) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*, Спб. 1885. III, 409.

2) *Русская Старина*, 1896. Янв., стр. 93—94. *Письма*, XXII.

3) *Письма м. Московскаго Филарета къ архим. Антонію*, М. 1883. III, 244—245.

4) *Письма*, XXII. *Русскій Архивъ*, 1891. № 6, стр. 168.

5) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, М. 1894, стр. 79.

6) *Письма*, XXII.

7) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4, стр. 534—535.

8) *Письма*, XXII.

9) *Письма м. Московскаго Филарета къ архим. Антонію*, III, 228.

10) *Письма м. Московскаго Филарета къ архіеп. Тверскому Алексѣю*, М. 1883, стр. 65.

11) *Письма Филарета, м. Моск., къ А. Н. М.* Кіевъ. 1869, стр. 329. *Гражданинъ*, 1896. № 4.

12) *Письма*, XXII. *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, Спб. 1887. XI, 98—99. X, 95, 114; *Письма*, XXII.

13) *Русскій Архивъ*, 1884. № 4, стр. 321.

14) *Письма*, XXII. XXIII. *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*, III, 241. *Москвитянинъ*, 1854. II. Смѣсь, стр. 47.

15) *Письма м. М. Филарета къ архим. Антонію*, III, 241, 244—245.

16) *Русскій Архивъ*, 1889, № 4, стр. 542—543, 1884, № 4, стр. 320—321.

17) *Письма*, XXII.

18) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4, стр. 543—545. 1879, № 11, стр. 267. *Русскій Вѣстникъ*, 1896, май, стр. 126—127.

19) *Москвитянинъ*, 1853. VI. Крит. и Библіогр., стр. 45.

20) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Московскаго*, Спб. 1887. Томъ дополн., стр. 370.

21) *Письма*, XXIII.

22) *Собраніе мнѣній и отзывовъ*, томъ дополнит., стр. 371—372.

23) *Письма*, XXIII.

24) *Собраніе мнѣній и отзывовъ*, М. 1886. IV, 327.

25) *Письма*, XXIII.

26) *Дневникъ*, 1854, подъ 1—2 апрѣля, 12 мая; 9, 26 іюня.

27) *Письма*, XXIII.

28) *Русскій*, 1868. № 57.

29) *Записки и Дневникъ*, I, 573—574.

30) *Письма*, XXIII; Мои *Письма, Замѣтки и Выписки*. III.

31) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 278.

32) *Письма*, XXIII.

33) *Дневникъ*, 1854, подъ 3—4, 7 апрѣля.

34) *Письма*, XXIII.

35) *Собраніе мнѣній и отзывовъ*, М. 1866. IV, 298, томъ дополнит., стр. 372—375. *Письма*, XXIV.

36) *Русскій Архивъ*, 1890. № 4, стр. 467—468.
37) *Письма*, XXIII.
38) *Русскій Архивъ*, 1891. № 6, стр. 169—170.
39) *Письма*, XXIII.
40) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*, III, 263, 256.
41) *Русскій Архивъ*, 1889, № 4, стр. 547—548.
42) *Письма*, XXIII.
43) *Русскій Архивъ*, 1884. № 4, стр. 323.
44) *Письма Филарета м. М. къ князю С. М. Голицыну*, М. 1884, стр. 95—96.
45) *Письма*, XXIII.
46) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4, стр. 547—584.
47) *Московскія Вѣдомости*, 1854. № 20.
48) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4.
49) *Московскія Вѣдомости*, 1854. № 19.
50) *Письма м. Филарета къ Антонію*, III, 269.
51) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4.
52) *Московскія Вѣдомости*. 1854. № 22.
53) *Письма*, XXIII.
54) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4, стр. 559.
55) *Ирмосъ*, Гл. 1, ст. 6.
56) *Стихотворенія А. С. Хомякова*, М. 1868, стр. 123—124.
57) *Русскій Архивъ*, 1884. № 5, стр. 215. 1878. № 7, стр. 375.
58) *Письма*, XXIII.
59) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, Спб. 1883. VIII, 486.
60) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г.* М. 1891, стр. 123—124. *Русскій Архивъ*, 1884. № 5, стр. 316.
61) *Стихотворенія А. С. Хомякова*, стр. 125—126.
62) *Письма*, XXIII.
63) *Русскій Архивъ*, 1884. № 5, стр. 216—217. 1878. № 7, стр. 377—378.
64) *Русскій Архивъ*, 1891. № 11, стр. 413. *Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія*. М. 1867, стр. 280—283. *Одесскій Вѣстникъ*, 1854, № 40.
65) Буткевичъ. *Иннокентій*, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Спб. 1887, стр. 355—358.
66) *Русскій Архивъ*, 1891, № 11, стр. 418.
67) *Письма*, XXIII.
68) *И. С. Аксаковъ*, М. 1892. III, 3—5, 18—19.
69) *Письма*, XXIII.
70) *Москвитянинъ*, 1854. IV. Смѣсь, стр. 212—213.
71) *Письма*, XXIII.
72) *Одесскій Вѣстникъ*, 1854. № 84.
73) *Вѣстникъ Европы*, 1897, апрѣль, стр. 609—610.
74) *Письма*, XXIII.
75) *Москвитянинъ*, 1854. IV, 230. Смѣсь, стр. 210—218.
76) *Письма*, XXIII.
77) *И. С. Аксаковъ*, III, 82—83.
78) *Т. Н. Грановскій и его переписка*, М. 1897. II, 469—470.
79) *Письма*, XXIII.
80) *Русскій Архивъ*, 1889, № 4.
81) *Вѣстникъ Европы*, 1894, февраль, стр. 486; 1897, апрѣль, стр. 606.
82) *Русскій Архивъ*, 1887. № 4. 1891. № 6, стр. 170.
83) *Письма*, XXIII.
84) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*. М. 1879, стр. 385—387.
85) *Письма*, XXIII.
86) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III. 277.
87) *Письма*, XXIII.
88) *Гражданинъ*, 1896. № 4.
89) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1887. XI, 122—123.
90) *Русскій Архивъ*, 1889. № 4.
91) *Гражданинъ*, 1896. № 5.
92) *Письма*, XXIII.
93) *И. С. Аксаковъ*, III, 25.

94) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб., 1886, X, 136, 138.

95) *Письма*, XXIII.

96) *Русскій Архивъ*, 1891, № 6, стр. 172—175.

97) *Письма*, XXIII.

98) *Дневникъ*, 1854, подъ 10 февр.

99) *Историко-Политическія письма, 1853—1856.* М. 1874, стр. 269—270.

100) *Письма*, XXIII, XXIV.

101) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*, стр. 368—369.

102) *Историко-Политическія письма*, 81—105.

103) *Письма*, XXIII.

104) *Историко-Политическія письма*, стр. 106—110.

105) *Письма*, XXIII.

106) *Историко-Политическія письма*, стр. 110—140.

107) *Письма*, XXIII.

108) *Историко-Политическія письма*, стр. 133, 141—197.

109) *Письма*, XXIII.

110) *Историко-Политическія письма*, стр. 198—219. *Письма*, XXIII; *Историко-Политическія письма*, стр. 219—221.

111) *Русскій Архивъ*, 1884. № 4, стр. 325. *Письма*, XXIII.

112) *Историко-Политическія письма*, стр. 219—221.

113) *Московскія Вѣдомости.* 1854 № 77.

114) *Письма*, XXIII.

115) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

116) *И. С. Аксаковъ*, III.

117) *Письма*, XXIII. *Письма м. М. Филарета къ архимандриту Антонію*, III. 316—317. *Письма*, XXIII.

118) *И. С. Аксаковъ*, III, 10—13, 46.

119) *Письма*, XXIII.

120) *Русскій Архивъ*, 1891. № 6, стр. 171.

121) *Письма*, XXIII.

122) *Москвитянинъ*, 1854. V *Смѣсь*, стр. 120.

123) *Русскій Архивъ*, 1891, № 6, стр. 176—177, 181.

124) *Кіевская Старина*, 1896, стр. 156—157.

125) *Русскій Архивъ*, 1871. № 6. стр. 188—189, 182—184.

126) *И. С.* Аксаковъ, III, 76, 86—88.

127) *Русскій Архивъ*, 1891, № 6. стр. 189—197,

128) *И. С. Аксаковъ*, III, 84—86.

129) *Кіевская Старина*, 1896. февр. 153—156, 161.

130) *Московскія Вѣдомости*, 1854, № 28. *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, Спб., 1886, X, 127.

131) *И. С. Аксаковъ*, III, 92, 89, 91, *Кіевская Старина*, 1896, февр., ст. 159.

132) *Русскій Архивъ*, 1891, № 6, стр. 197—198.

133) *Кіевская Старина*, 1896, февр., стр. 158, 159.

134) *И. С.* Аксаковъ, III, 93—94; 96—97.

135) *Кіевская Старина*, 1896, февр., стр. 160.

136) *Историко-Политическія письма*, стр. 245—271. *Письма*, XXIII.

137) *Письма*, XXIII.

138) *Кіевская Старина*, 1896, февр., стр. 162.

139) *Русскій Архивъ*, 1891. № 6, стр. 197.

140) *Кіевская Старина*, 1896. февр., стр. 167, 165—166, 169.

141) *Одесскій Вѣстникъ*, 1854, № 127.

142) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 302. *Записки П. К. Менькова.* Спб., 1898. I, 205 — 206

143) *И. С.* Аксаковъ, III, 100.

144) *Кіевская Старина*, 1896, февр., стр. 167—168, 174.

145) *Русскій Архивъ*, 1891, № 6.

146) *Письма*, XXIII.

147) *Русскій Архивъ*, 1896, № 1, стр. 157. 1891, № 6, стр. 208—211.

148) *Кіевская Старина*, 1896, мартъ, стр. 269, 273, 276, 283, 275—276.

149) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 307—308.
150) *Русскій Архивъ*, 1891, № 6, стр. 211.
151) *Кіевская Старина*, 1896, мартъ, стр. 270—271.
152) *Русскій Архивъ*, 1891. № 6, стр. 208.
153) *Кіевская Старина*, 1896. мартъ, стр. 286, 280.
154) *Письма*, XXIII.
155) *Историко-Политическія письма*, стр. 272—289. *Письма*, XXIII.
156) *Московскія Вѣдомости*, 1854. № 151.
157) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 308.
158) *Письма*, XXIII.
159) *Отечественныя Записки*, 1854. Сент. *Современникъ*, 1854, августъ.
160) *Письма*, XXIII.
161) *Москвитянинъ*, 1854. II. Смѣсь, стр. 20.
162) *Письма*, XXIII.
163) *Москвитянинъ*, 1854. № 3—4. Кн. 1—2. VI. Русск. Сл., стр. 112—188.
164) *Письма*, XXIII.
165) *Москвитянинъ*, 1854. III—IV. Русск. Словесность, стр. 185, 21. V, стр. 141—186.
166) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенко*, I, 574, 576.
167) *Письма*, XXIII.
168) *Воспоминанія о С. П. Шевыревѣ*, Спб. 1869, стр. 28.
169) *Москвитянинъ*, 1854. I. Наука, стр. 1—90.
170) *Письма*, XXII.
171) *Отечественныя Записки*, 1854. XCIII. Библ. Хрон., стр. 105.
172) *Письма*, XX.
173) *Русскій Архивъ*, 1880. III, 407, 406.
174) *Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни* и *въ особенности сельскихъ учрежденій Россіи*, М. 1870. I, 48.
175) *Исторія Московской Духовной Академіи*, М. 1879, стр. 186—187.
176) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 288.
177) *Русскій Архивъ*, 1893. № 6, стр. 162—163.
178) *Письма*, XXIII, XX.
179) *И. С. Аксаковъ*, III, 82, 84.
180) *Письма*, XXIII.
181) *Москвитянинъ*, 1854. I, V. Смѣсь, стр. 10—30, 159—176.
182) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*, стр. 102.
183) *Вѣстникъ Европы*, 1894. Февр., стр. 481.
184) *И. С. Аксаковъ*, III, 97—99, 101.
185) *Москвитянинъ*, 1854. II. Р. Слов., стр. 17—48.
186) *Письма*. XXIII.
187) *И. С. Аксаковъ*, III, 58 — 59, 102. *Письма*, XXIV.
188) *Русская Старина*, 1872. Окт., стр. 453—454.
189) *Русскій Архивъ*, 1878, № 7, стр. 366.
190) *Русская Старина*, 1880. Окт., стр. 431—432.
191) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности*, М. 1891, стр. 116.
192) *Русскій Архивъ*, 1878, № 7, стр. 366.
193) *Письма*, XXIII.
194) *Отечественныя Записки*, 1854. XCIII, Библіогр. Хрон., стр. 35—39.
195) *Москвитянинъ*, 1854. III. Критика и Библіогрф., стр. 45—76.
196) *Письма*, XXIII.
197) *Москвитянинъ*. 1854. V. Крит. и Библіогр., стр. 57—122.
198) *Письма*, XXIII.
199) *Москвитянинъ*, 1854. VI. Критика, стр. 169—172.
200) *Отечественныя Записки*. 1854. XCV. Наукъ и Художествъ, стр. 1—70.
201) *Письма*, XXIII.
202) *Москвитянинъ*, 1854. IV. Критика, стр. 91—92.
203) *Отечественныя Записки*, 1854. XCVII. Библ. Хроник., стр. 49—52.

204) *Письма*, XXIII.
205) *Отечественныя Записки*, 1854. XCVII. Библ. Хрон., стр. 50—51.
206) *Московскія Вѣдомости*, 1854. № 141.
207) *Письма*, XXIII.
208) *Московскія Вѣдомости*, 1854. № 71.
209) *П. В. Анненковъ и его Друзья*. Спб. 1892, стр. 491—492.
210) *Полное Собраніэ Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, Спб. 1886. X, 140.
211) *Письма*, XXIII.
212) *Москвитянинъ*, 1854. VI. Русск. Словесность, стр. 189—190. II. Совр. Изв., стр. 141—146.
213) Де-Пуле. *Сочиненія И. С. Никитина*. Воронежъ. 1869. I, 40.
214) *Ученыя Записки Импер. Академіи Наукъ*, т. II, вып. 3, стр. 429—454.
215) *Письма*, XXIII.
216) *Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ*, Спб. 1854, т. II, вып. 5, стр. 747—759.
217) *Изученіе Византійской Исторіи*, Кіевъ, 1875. I, 136—137.
218) *Письма*, XXIII.
219) *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1854. № 201.
220) *Письма*, XXIII. *Жизнь и Труды П. М. Строева*, Спб. 1878, стр. 344—345. *Письма*. XXIII.
221) *Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ*, Спб. 1853, т. II, вып. 2, стр. 297.
222) *Письма*, XXIII.
223) *Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ*, Спб. 1853. т. II, вып. 2, стр. 317.
224) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, Спб. 1878, стр. 490.
225) *Ученыя Записки Имп. Академіи Наукъ*, Спб. 1853, т. II, вып. 2, стр. 317. 1854 г. т. II, вып. 5, стр. 765—787.
226) *Письма*, XXIII. *Вѣчная Память*. М. 1896, стр. 74—94.
227) *Ученыя Записки*, 1854, т. II, вып. 5, стр. 765—789.
228) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 488.
229) *Москвитянинъ*, 1854, I. Смѣсь, стр. 1—5.
230) *М. А. Максимовичъ*, Спб. 1872, стр. 61.
231) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, Спб. 1882, стр. 65—66.
232) *Письма*, XXIII.
233) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*, стр. 66—67.
234) *Письма*, XXIII.
235) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1854. LXXXIV. Разн. изв., стр. 26—27.
236) *Письма*, XXIII.
237) *Москвитянинъ*, 1854. IV. Критика и Библіографія, стр. 85—99.
238) *Письма*, XXIII.
239) *Москвитянинъ*, 1854. V. Смѣсь, стр. 137—138.
240) *Письма*, XXIII.
241) *Москвитянинъ*, 1854. I. Ист. матер., стр. 43—44.
242) *Письма*, XXIII.
243) *Москвитянинъ*, 1854. I. Ист. матер., стр. 45—64.
244) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*. Спб. 1869, стр. 28.
245) *Письма*, XXIII.
246) *Дневникъ*, 1854, подъ 26 августа.
247) *Письма*, XXIII.
248) *Рѣчи*. М. 1872, стр. 173—174.
249) *Письма*, XXIII.
250) *Стихотворенія Ѳ. Тютчева*, М. 1868, стр. 166—167.
251) *Полное Собраніе Сочиненій М. В. Ломоносова*. Спб. 1803. I, 226. *Письма*, XXIII.
252) *Записки и Дневникъ*, I, 584.
253) *Письма*, XXIII.
254) *Московскія Вѣдомости*, 1855, № 7, прил., стр. 52—53. № 6.
255) *Записки и Дневникъ*, I, 586.
256) *Московскія Вѣдомости*, 1855. № 7—8 приложен.

257) *Русскій Вѣстникъ*, 1896, май, стр. 128.

258) *Московскія Вѣдомости*, 1855, №№ 7—8, прил.

259) *Рѣчи*. М. 1872. стр. 178—179.

260) *Московскія Вѣдомости*, 1855. № 8, прил.

261) *Письма м. М. Филарета къ А. Н. М.* Кіевъ, 1869, ст. 462.

262) *Московскія Вѣдомости*, 1855. № 8, прил.

263) *Письма*, XXIII.

264) *Московскія Вѣдомости*, 1855, № 8, прил.

265) *Записки и Дневникъ*, I, 586—587.

266) *Московскія Вѣдомости*, 1855. № 8, прил.

267) *Москвитянинъ*, 1855. № 2. янв. кн. 2-ая, стр. 1—16.

268) *Московскія Вѣдомости*, 1855. № 8, прил. *Т. Н. Грановскій*, II, 453, 448,

269) *Письма*, XXIII.

270) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III. 312—314.

271) *Письма м. М. Филарета къ А. Н. М.*, стр. 464.

272) *Московскія Вѣдомости*, 1855, № 8.

273) *Записки и Дневникъ*, I, 587.

274) *Т. Н. Грановскій*. М. 1897. II, 436—437,

275) *Письма*, XXIII.

276) *Дневникъ*, 1855, подъ 18 января.

277) *Письма*, XXIII.

278) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*. Спб. 1869, стр. 28.

279) *Письма*, XXIII. *Сборникъ Общества Россійской Словесности на 1891*, стр. 125—128.

280) *Рѣчи*. М. 1872. стр. 180—183. *Сборникъ Общества Л. Р. Сл. на 1891*, стр. 128—129.

281) *Рѣчи*. М. 1872, стр. 175—177. *Московскія Вѣдомости*, 1855. № 4.

282) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 310.

283) *Кіевская Старина*, 1896, апр., стр. 6, 2, 8, 12, 17—20, 21, 23, 16—17, 22, 13. *Письма XXIII*.

284) *Московскія Вѣдомости* 1855, № 15.

285) *Москвитянинъ*, 1855, I. Вн. Изв., стр. 147—148.

286) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. М. 1891, стр. 128—129. *И. С. Аксаковъ*, III, 103—104.

287) *Кіевская Старина*, 1896, апр., стр. 17—21.

288) *Московскія Вѣдомости*, 1855, № 23.

289) *Письма*, XXIII.

290) *Историческій Вѣстникъ*, 1898, февраль, стр. 481. *Русскій Архивъ*, 1884, № 1, стр. 192—198.

291) *Послѣдніе часы жизни Императора Николая I*. Спб. 1855, стр. 3—16.

292) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. Спб. 1885, III, 424.

293) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1884. IX, 229.

294) *Послѣдніе часы жизни Императора Николая I*, стр. 16—23; *Русскій Архивъ*, 1897, № 8, стр. 615—616.

295) *Письма*, XXIII.

296) *Кіевская Старина*, 1896, апр., стр. 23—24.

297) *Историческій Вѣстникъ*, 1898, февр., стр. 484.

298) *Кіевская Старина*, 1896, апр., стр. 27.

299) *Письма м. М. Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 465.

300) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 320.

301) *Письма*, XXIII.

302) *Русскій Архивъ*, 1878, № 7, стр. 380—381; 1884, № 4, стр. 326.

303) *И. С. Аксаковъ*, III, 105.

304) *Письма м. М. Филарета къ А. Н. Муравьеву*, стр. 465—466.

305) *Письма м. М. Филарета къ Антонію*, III, 321, 324.

306) *Письма м. М. Филарета къ князю С. М. Голицыну.* М. 1884, стр. 98—99.

307) *Чтенія въ Московскомъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія*, 1871. Сентябрь, стр. 33—34. *Русская Старина*, 1896, авг., стр. 256.

308) *И. С. Аксаковъ*, III, 105.

309) *Письма*, XXIII; *И. С. Аксаковъ*, III, 107.

310) *Письма*, XXIII; *Описаніе погребенія блаженной памяти Императора Николая I.* Спб. 1856, стр. 121—129.

311) *Письма*, XXIII.

312) *Послѣдніе часы жизни Императора Николая перваго*, стр. 23—39.